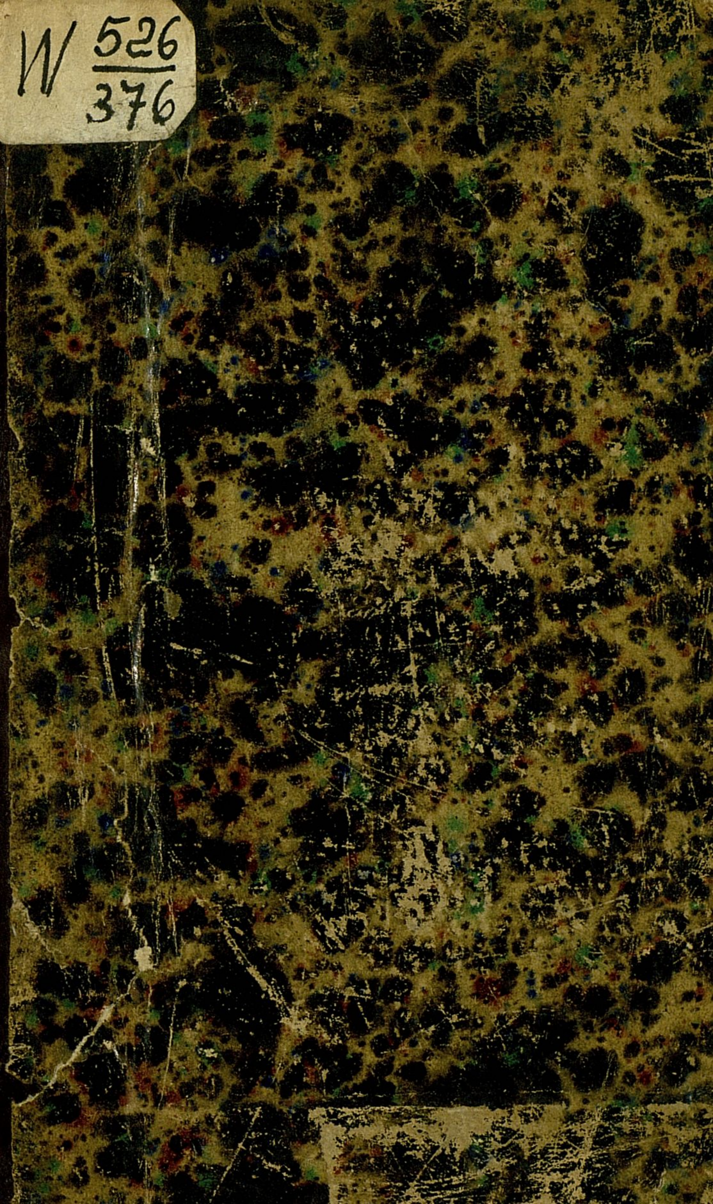
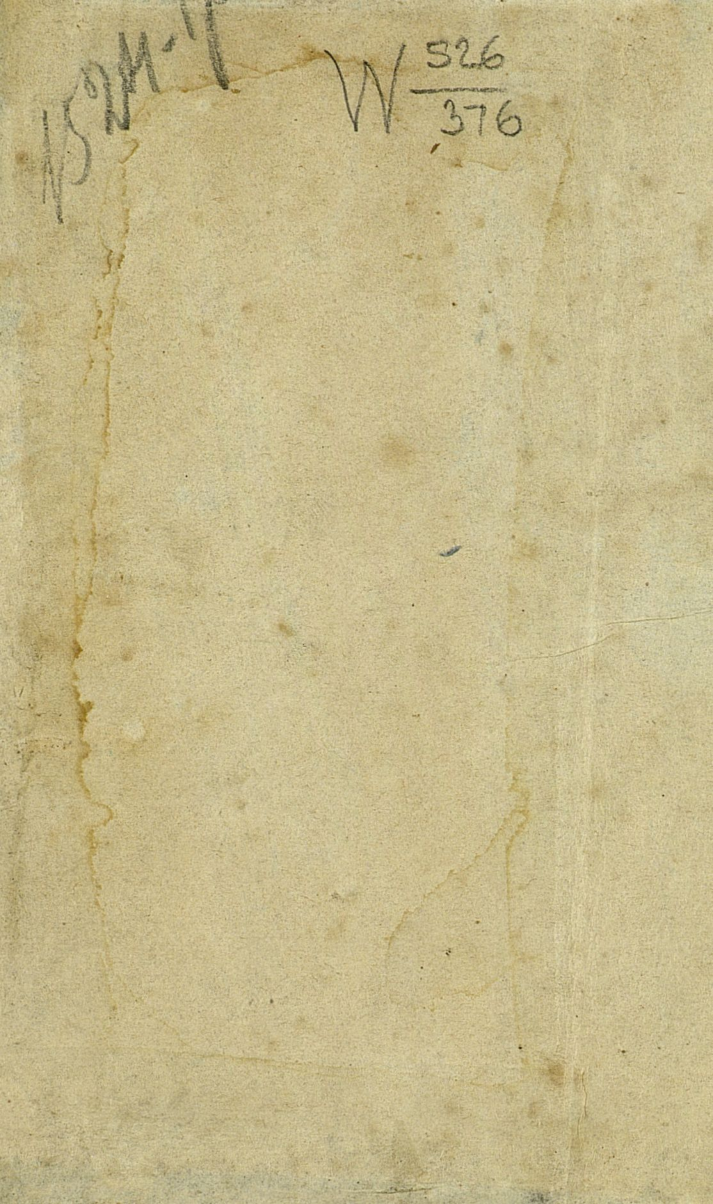

W 526
376

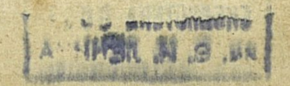

W 526/376

МОСКОВСКІЯ

НОРЫ И ТРУЩОБЫ

А. ЛЕВИТОВА

Изданіе второе, дополненное



С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ИЗДАНІЕ В. Е. ГЕНКЕЛЯ

1869.

Въ типографіи М. А. Ефимьева, Возн. пр. №31.

СОДЕРЖАНІЕ

МОСКОВСКІЯ «КОМНАТЫ СНЕБИЛЬЮ».

I.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Растрепанно и сумрачно какъ-то высматриваютъ на Божій свѣтъ дома, въ которыхъ есть эти, такъ называемыя, *комнаты снебилью.* Лучшіе дни молодыхъ годовъ моихъ безвозвратно прожиты мною въ этихъ тайныхъ вертепахъ, гдѣ пріючается, какъ можетъ, пугливая бѣдность.

Безконечно длинною вереницей возникаютъ въ головѣ моей воспоминанія о разныхъ рѣшительно неестественныхъ столкновеніяхъ съ совершенно невѣроятными характерами, когда я случайно увижу на воротахъ какого-нибудь высокаго дома билетъ съ уродливой надписью: *сдьсъ одаюца комнаты снебилью.*

Какимъ-то странно-болѣзненнымъ чувствомъ прохватывается все существо мое, когда я увижу, какъ бьется и трепещетъ на вѣтрѣ лоскутъ сѣрой, грязной бумаги, нелѣпо примазанный къ воротному столбу мякишемъ

чернаго хлѣба, потому что передъ глазами моими вытягивается тогда несчастная шеренга бездомовныхъ людей, которые самою судьбою, кажется, осуждены на вѣчное скитанье по этимъ *комнатамъ снебилью*, рекомендуемымъ сѣрымъ лоскутомъ.

И при видѣ бѣдныхъ людей этихъ—сотоварищей печальнаго пути моего по бурному, если не смѣшно такъ выразиться, морю житейскому, живѣе чувствуется мнѣ мое прошлое горе, глубже западаютъ въ душу настоящія невзгоды и нужды, потому что грустно размышляю я въ это время о безконечномъ рядѣ справедливыхъ, жизненныхъ драмъ, обыкновенно разыгрывающихся въ этихъ комнатахъ на страшную тэму о погибели молодой, энергичной жизни, разбитой нуждою желѣзною.

«Братъ мой!» слышится мнѣ мягкій голосъ юноши, съ которымъ, въ пылу молодыхъ мечтаній о великомъ и добромъ трудѣ жизненномъ, побратались мы на жизнь и на смерть: «и въ этой радости, чтобы былъ ты при смерти моей, мнѣ отказалъ Богъ!»

Страшной, томительной мукой наполняютъ душу мою слова эти, потому что на великое несчастье мое, такъ ясно, такъ осязательно представляется мнѣ въ это время, прекрасная жизнь въ тяжкой борьбѣ съ мучительной смертью,—и не могу я тогда дать себѣ отчета въ томъ, для чего существовала эта жизнь, зачѣмъ она, жаждавшая счастья и дѣятельности, такъ долго и такъ тяжко страдала, и наконецъ зачѣмъ она, не выдержавши этихъ страданій, такъ видимо-незаконно умираетъ теперь въ глазахъ моихъ, непримиренная съ грубостью жизни ни

одним словомъ утѣшенія, ни малѣйшимъ признакомъ участія людскаго?..

И другой образъ, граціозный и свѣтлый, возстаетъ предо мной. Какъ и въ прежнее счастливое время, безпечальный и наивный, шутливо лепечетъ онъ мнѣ о вѣчной разлукѣ съ дорогимъ человѣкомъ.

«Ахъ, сосѣдъ! говоритъ мнѣ милый голосъ. Какъ онъ умиралъ страшно, сказать не могу. Вѣдь знаете вы, какой онъ всегда смирный былъ да веселый; а тутъ, ахъ! вспомнить ужасно, зеленый, зеленый весь сдѣлался, ровно трава вешняя, и какъ же бранился онъ страшно, зубами какъ скрежеталъ!.. Одна я только усмирять его немного могла. Положу, бывало, руку къ нему на лобъ и смотрю на него,—онъ, какъ будто и покойнѣе станетъ. Вижу я такъ-то, что ужъ немного ему жить остается и говорю: «Ты бы, говорю, роднымъ что-нибудь написалъ».—«Да, точно! говоритъ, написать нужно. Напиши, говоритъ, ты повѣстку такую общую и роднымъ, и знакомымъ моимъ, что, дескать, родственникъ вашъ, или пріятель такой-то, (знаешь, говоритъ, какъ на балъ приглашаютъ!) умирая изъявляетъ свое крайнее сожалѣніе, что не можетъ онъ вамъ на прощаньи всѣмъ въ глаза плюнуть!.. Покорнѣйше проси ихъ извинить меня на этотъ разъ: силъ, скажи, не было»... Долго онъ тутъ смѣялся, отвернувшись и отъ меня къ стѣнѣ; съ тѣмъ и умеръ.—А за нимъ и меня отнесли. Не могла я жить безъ него, — тоска страшная очень мнѣ грудь надсадила. Вотъ и платье, въ которомъ меня схоронили. Прелесть, что за платье

такое! Бѣлое-бѣлое, какъ кипень», съ улыбкой лепечетъ дѣвушка, употребляя слово своей далекой родины. «Жаль не было васъ: голову мнѣ въ это время убрали цвѣтами, и подушку, и гробъ, все завалили цвѣтами (недороги цвѣты были тогда, весной я умирала), и несли меня всѣ наши дѣвушки. Вы ихъ всѣхъ знаете: тѣ, съ которыми я на одно мѣсто работала,—онѣ всѣ при васъ бывали у меня. Ахъ! помните вы, какъ намъ весело было? Хозяйка-то насъ распугивала какъ, помните? «Деньги, говоритъ, «подавайте: первое число подошло». Не могу безъ смѣха вспомнить этой хозяйки: совсѣмъ у ней мужчинская борода была, и голосъ толстый такой. Я всегда думала, что она меня съѣстъ, когда, бывало, не достанешь ей денегъ къ первому числу. Ну, прощай, сосѣдъ! Я улечу сейчасъ,—я летаю нынѣ—вотъ посмотрите.»

И дѣйствительно, словно бѣлый голубь, то взвивалась она въ далекое поднебесье, то снова спускалась ко мнѣ, порхая предъ глазами моими какою-то невиданною птицей и чаруя меня своей милой улыбкой, съ которою она показывала мнѣ недавно пріобрѣтенное умѣнье летать.

«Што тѣ комлу, што-ль надать?» рычитъ недавно пріѣхавшій изъ самаго степнаго села дворникъ, злой отъ вчерашняго похмѣлья, суровый и всклокоченный по природѣ. «Въ четверто крыльцо на третій этажъ по колидору ступай, тамъ тѣ комла и будетъ».

Испугался милый призракъ суроваго голоса и улетѣлъ на небо, а мрачный домъ, по прежнему, мрачно

и неустанно смотритъ на улицу своими безчисленными окнами, сторожитъ, должно быть, чтобы не вылетѣли несчастныя птицы, за-живо погребенныя въ его душныхъ клѣткахъ; и грязный билетъ тоже, по прежнему бьется и трепещетъ на вѣтрѣ своими двумя отклеившимися углами, останавливая на себѣ вниманіе проходящихъ.

«Ты тамъ Татьяну-съемщицу спроси! продолжаетъ дворникъ, такъ, т. е., Татьяну и спрашивай «гдѣ, молъ, тутотка Татьяна живетъ?» А какъ, примѣромъ, Татьяна тебѣ скажется, ты и скажи ей: «гдѣ молъ, у тебя комла тутъ порожняя есть? Дворникъ, молъ, къ тебѣ спосылалъ меня.»

Обыкновенно я не пользуюсь въ это время указаніями дворника. Я иду дальше отъ него и отъ дома, потому что оба они тогда кажутся мнѣ въ одинаковой степени деревянными.

«Ишь ты попёръ какъ! рычитъ дворникъ. Безпремѣнно сдуть что-нибудь норовилъ. Што это за-шельма народъ въ Москвѣ, братцы мои. Такъ, т. е., и норовитъ къ тебѣ съ сапогами со всѣмъ въ ротъ залѣзть!..»

II.

СЪЕМЩИЦЫ.

Самый рельефный и красивый орнаментъ *комнатъ снебилью*—это Татьяны, съемщицы комнатъ, главныя жизненныя цѣли которыхъ, по преимуществу, заключаются въ томъ, чтобы вынудить себѣ отъ своихъ жильцовъ и отъ приходящихъ къ нимъ гостей почетный титулъ мадамы,—и Лукерьи, лица неизбѣжно кухарствующія въ комнатахъ. Эти два божка обладаютъ почти одинаковой силой, дающей имъ всѣ возможности, или разбивать наказательнымъ громомъ и сожигающей молніей тѣ несчастныя существа, которыя отдались ихъ командѣ, или обливать ихъ горемычныя головы до безконечной пошлости надоѣдающимъ дождемъ своихъ безобразныхъ благодѣяній, судя потому, на сколько несчастныя существа, командуемыя ими, надѣлены благодѣтельной природой способностями пріобрѣтать себѣ благорасположеніе, или обратное чувство со стороны Татьянъ и Лукерій.

Оба эти въ высокой степени интересные субъекты

одинаково подарены Москвѣ и вообще всѣмъ большимъ городамъ тульскими, коломенскими и, большею частію, ярославскими подгородными слободами. Такъ, молодой-ли солдаткѣ придется не втерпежъ отъ нападковъ мужниной семьи, или, когда, такъ называемая, ухорь-баба наскучитъ носить красные платки отъ своихъ деревенскихъ ребятъ,—сейчасъ же они раннимъ утромъ соберутъ свои пожитки въ одинъ большой холстинный мѣшокъ, взвалятъ его на крѣпкія плечи и, много не разговаривая, отправляются въ столицу искать между новыми людьми новыхъ работъ и счастья.

При началѣ своей карьеры, начинающейся обыкновенно съ кухарки у какого-нибудь купца третьей руки, баба неизбѣжно дурѣетъ при видѣ этой всегдашней суетни столичной жизни, которая даже и въ самыхъ тихихъ своихъ омутахъ всегда слишкомъ рѣзко бросается въ глаза, дотолѣ исключительно смотрѣвшіе на однѣ зеленыя деревья и травы, такъ густо опушающія тихія, деревенскія улицы. Долгое время съ крайне-безцѣльно, но вмѣстѣ съ тѣмъ напряженно выпученными глазами всматривается баба въ непривычныя жизненныя явленія той области, въ которую занесла ее ея лошадиная судьба и не мало, по ея словамъ, издивляется этимъ явленіямъ. Долго она, какъ дубокъ, пересаженый съ одной почвы на другую, гнется во всѣ стороны, поставленная въ необходимость болѣть отъ той такъ жирно намасленой каши, которою купеческіе дома имѣютъ необузданность начинять свою прислугу. Напустившись съ азартомъ голоднаго сельскаго человѣка на эту на-

ціональную сласть, поджаристость которой такъ ясно налощена обильными поливаніями хозяйскаго масла, баба тѣмъ скуснѣе слизываетъ съ ложки горы лакомаго снадобья, что за обѣдомъ вмѣсто угрюмыхъ, изработавшихся лицъ своихъ семейскихъ мужиковъ, она видитъ разухабистыхъ Захаровъ въ красныхъ рубахахъ, съ блестящими серьгами въ лѣвыхъ ушахъ,—веселыхъ Захаровъ, непремѣнно довольныхъ и собою и хозяйскою кашей, съ глазами, лукаво прищуренными на новую стряпуху, съ бойкой, вырывающей изъ компаніи волны хохота, поговоркой:

«Лей кубышка, поливай кубышка!
Не жалѣй хозяйскаго добришка!»

выкрикиваетъ удалой Захаръ, любезно знакомясь съ новой сосѣдкой, посредствомъ ошарашиванія ее въ бокъ локтемъ.

«Что, спрашиваетъ онъ ее при этомъ знаменательномъ поталкиваніи, пріуныла? Аль бы насъ, молодцовъ, не взлюбила? Аль хозяйское добро въ ротъ нейдетъ? Свыкнется, слюбится, стерпится, — на веселье печаль наша смѣнится. Будемъ мы съ тобой жить-поживать, добра наживать, да въ кабакѣ его на сладкомъ винцѣ пропивать. А ты молодецкую рѣчь слушать-то слушай, а сама не зѣвай; видишь, каша-то вся ужъ!..»

«Будетъ тебѣ, чортъ, шутки-то шутить!» говорятъ Захару сосѣди. «Напугаешь ты бабу-то ими. Видишь, не привыкла еще къ нашимъ порядкамъ».

Осмотрѣвшись, Татьяна дѣйствительно видитъ, что каша уже вся въ самомъ дѣлѣ, но ее ни сколько не

печалитъ это обстоятельство. Ее до того ошеломили жирные щи и жирнѣйшая солонина, съ слабымъ подобіемъ которой она во все продолженіе своей сельской жизни знакомилась только по Рождествамъ да по Святымъ, что Татьяна едва на столько можетъ работать своей побѣдной головою, чтобы хоть немного удивиться складнымъ разговорамъ шутливаго сосѣда. Неудержно клонитъ ее къ сладкому сну въ первый разъ попробованная купецкая трапеза, — лупитъ баба свои большіе сѣрые глаза, стараясь не показаться соней, лупитъ и ничего не видитъ, прислушивается ко всему самымъ внимательнымъ манеромъ и ничего не слышитъ.

«Что ты, словно идолъ какой, изъ стороны въ сторону мечешься, а настоящаго дѣла не дѣлаешь, дура ты эдакая деревенская, неповитая! кричитъ на нее грозный хозяйскій голосъ. Ну куда тебя черти несутъ? Я тебѣ велѣлъ самоваръ ставить, а тебя шуты-то въ погребицу поволокли!»

«О Господи! потихоньку творитъ молитву сельская дура въ своемъ сонномъ бодрствованіи. Ничего-то я, грѣшная, не слышу. Вотъ они враги-то гдѣ сильные! Не то, что по селамъ...»

Наконецъ оставшійся отъ хозяевъ чай прогоняетъ сонъ кухарки вмѣстѣ съ ея тревожными мыслями. Только въ окнѣ неустанно жужжащія мухи чуть-чуть замѣтно нарушаютъ ту несмущавшую тишину, которая обыкновенно царствуетъ по купеческимъ кухнямъ въ послѣобѣденное время. Захары всѣ до одного человѣка разошлись, какъ они говорятъ, по своимъ обвязанностямъ,

хозяйское семейство непробудно спитъ въ прохладныхъ хоромахъ.

«Ничего въ городѣ жисть-то!» думаетъ про себя Татьяна, свободно припоминая въ этой тишинѣ, что, если первый день ея службы принесъ ей нѣкоторое огорченіе, за то онъ принесъ ей и наслажденія, которыхъ она никогда не испытала въ своей убогой, сельской жизни.

Вертитъ баба передъ жадными глазами кусокъ сахару, и любуясь имъ, съ великимъ удовольствіемъ прощаетъ городскому дню искушенія и нападки, которыми на первый разъ онъ такъ смутилъ простую сельскую душу.

«Запужалась я давича не кстати съ непривычки-то!» развиваетъ Татьяна свою безмолвную думу. «Въ этомъ раю не жить, такъ гдѣ-же и жить?» И послѣ этого вопроса живо вспоминается ей и завтракъ изъ пшенной каши, вареной на молокѣ, въ которомъ плавало коровье масло за первый сортъ, и жирный обѣдъ съ ухорскими приговорками Захара и настоящій чай. «Бывало, поглядишь только на сахаръ-то, какъ онъ, ровно ранній снѣгъ, бѣлѣлся въ рукахъ у поповенъ да у дворовыхъ, когда они чай пьютъ; а теперича на-ка-сь! Въ очью у меня сахаръ-то. Захочу сейчасъ весь кусокъ сгрызу, а захочу, по-немножечку сосать буду. Что это за сласть такую придумалъ народъ! Толкуютъ по деревнямъ: изъ нѣмецкой земли его возятъ; тамъ его, говорятъ, изъ собачьихъ костей дѣлаютъ. Ну, да ничего. Пущай себѣ изъ собачьихъ, — окромя какъ одной сласти никакихъ въ немъ костей я не вижу. Полагать надо, врутъ все

это, потому народъ по деревнямъ знамо какой, — глупый народъ!...»

Блаженствуя и посмѣиваясь тихомолкомъ, дѣлала Татьяна этотъ первый шагъ на поприщѣ забвенія своей прежней, горемычной жизни, который обыкновенно также незадумавшись дѣлаетъ всякій сельскій человѣкъ, когда хоть чуть-чуть смѣкнетъ, что и на его до извѣстнаго случая тощее тѣло напластываются наслоенія жира и когда почувствуетъ, что и въ далекомъ будущемъ ему предстоитъ полная возможность справлять праздники неуклоннымъ зажариваніемъ жирныхъ кулебякъ и задираніемъ вверхъ носа, одуренно занюхивающагося въ такія времена аромата, который бьетъ отъ новаго китайчатаго кафтана на плечахъ счастливца и отъ его скрипучихъ, смазанныхъ чистымъ смоленскимъ дегтемъ, сапогъ...

И дальше идетъ Татьянина дума, въ первый разъ, можетъ быть, не сдерживаемая ни семейскимъ, ни своимъ убожествомъ:

«Коего шута, прости Господи мою душу грѣшную, давно оттелева я не бѣжала? спрашивала баба съ сильнымъ ожесточеніемъ на свою недогадливость. Есть тутъ кому побранить тебя, за то, по крайности, ты знаешь: не мужикъ тебя сѣрый лаетъ, а хозяинъ-купецъ уму-разуму учитъ. Душа, по крайности, за хлѣбомъ-солью у добрыхъ людей отдохнетъ.»

Такимъ образомъ кусокъ сахару изгоняетъ изъ памяти неблагодарной Татьяны ея голодную, сельскую родину. Съ неутомимымъ азартомъ въ первый разъ обла-

сканнаго, хотя и безъ намѣренія, русскаго человѣка, во весь остальной вечеръ отворачиваетъ она тяжелую хозяйскую службу, стараясь отблагодарить за эту ласку.

Послѣ ужина хозяинъ спросилъ свою благовѣрную:

— Што, баба-то какова? Есть за что хлѣбомъ кормить?

— Баба, сказываю тебѣ, золото! Воротитъ все до страсти; пыль столбомъ валитъ, какъ она тутъ дѣвствовала, — отвѣтила благовѣрная.

— Ну этто чудесно! — благодушно говоритъ хозяинъ, засыпая.

Татьяна между тѣмъ за кухонной перегородкой свое толковала:

«Наработалась я оченно, говоритъ, опять же и пища такая, словно въ заговѣнье, такъ и валитъ! Господу Богу-то завтра ужъ, видно, и за спанье и за вставанье поутру вразъ помолюсь...»

III.

Тотъ недолгій періодъ времени, въ который Татьяна передѣлывается изъ купеческой кухарки въ съемщицу *комнатъ снебилью*, самый блаженный періодъ въ всей ея жизни, ибо въ это время она простодушно и благодарно пользуется благами, предоставляемыми ей купеческимъ домомъ, по всегдашней пословицѣ, полнымъ, какъ чаша. Не видавъ никогда ничего изящнѣе сооруженнаго на медвѣжій ладъ хозяйскаго дивана подъ красное дерево и гостиной, обитой красно-лапчатыми обоями, расписанной пузастыми амурами, рогами изобилія, лирами и тому подобными штуками, Татьяна почитаетъ живущихъ въ этомъ домѣ не иначе, какъ за мощныхъ своихъ повелителей, могущихъ съ одного маха срубить ей голову и съ одного маха же опять приставить ее къ плечамъ. Слишкомъ кислую и вяжущую оскомину набила Татьянѣ сельская рѣдька съ сѣрымъ квасомъ, чтобы ей можно было безъ полнаго благоговѣнія садиться за воскресный пшеничный пирогъ, отъ котораго такъ пріятно-щекотливо ударяло въ носъ затомленной въ жаркой печи говядиной съ яйцами, съ рисомъ, съ масломъ, съ

лукомъ, — этимъ пріобрѣтающимъ, вслѣдствіе печенія, какую-то неимовѣрно-вкусную сладость, лучкомъ, который въ компаніи съ мелко-намелко растолченнымъ перцемъ составляетъ окончательное украшеніе всякой кулебяки, назначаемой для праздничнаго лакомства вѣрнымъ купецкимъ личардамъ.

Дѣвичья свѣжесть хозяйской дочери, неизобразимо-неуклюжая толщина водовознаго мерена, молчаливая угрюмость *самого* и крикливо-безалаберная доброта *самой*—все это, такъ сказать, съ самаго дна Татьяниной души выволакиваетъ искреннія дани всякаго сорта признательностей благодѣтельной судьбѣ за свое счастливое положеніе.

Вѣками и психологіей освященная поговорка, что человѣкъ въ сей жизни, даже находясь на самомъ верху славы и величія, не можетъ быть доволенъ своимъ положеніемъ, сдѣлалась бы крайне несостоятельною въ глазахъ философа, который бы хоть мелькомъ взглянулъ на Татьяну въ этотъ цвѣтущій періодъ ея жизни.

— Што это, Татьянушка, работищи у тебя какая пропасть!—удивлялась какая-нибудь ея деревенская знакомая, сидя у ней въ гостяхъ.—Эдакъ ты черезъ силу будешь чугуны-то ворочать, животы, пожалуй, сразу надорвешь.

— Не работала рази я дома-то?—съ сердцемъ спрашивала Татьяна.—Работала, кормилица, по цѣлымъ днямъ акромя завалящей корки во рту не бывало, а все работала, ровно лошадь двужильная-неустанная. Здѣсь мнѣ не въ тягость жить, потому кормъ хорошій, компанія

веселая. Всѣ къ тебѣ съ добрымъ словомъ, не то чтобы за косы да въ поволочку.

Такимъ образомъ, несмущаемо-довольная своей жирной судьбою, Татьяна съ каждымъ днемъ толстѣетъ все больше и больше на удивленье и похвальбу честному купецкому міру. Красноватое, вѣчно-сморщенное лицо, которое носила Татьяна до поступленія въ кухарки, сдѣлалось теперь мужественно-смуглымъ и довольнымъ, слезливые глаза широко раскрылись, черные зрачки ихъ заблистали какимъ-то лукавствомъ, смѣткой какою-то, говорящей какъ будто: «Ну братъ, объегорить меня врядъ-ли удастся тебѣ. За этимъ дѣломъ, другъ ты мой сладкій, приходи къ намъ въ четвергъ послѣ дождичка!...»

«Какъ скоро отъѣлась эта Татьяна, братцы мои!» толкуютъ про кухарку ея сожители по кухнѣ, Захары. «Выравнялась баба на удивленье, — гладѣть на нее, почитай, нельзя!...»

А Татьяна слушаетъ эти рѣчи и посмѣивается себѣ втихомолку. Посмѣивается всѣмъ этимъ сосѣднимъ кучерамъ и проходящимъ солдатамъ, *Ликсѣй Ликсѣичамъ*, вѣчно показывающимъ съ господскаго крыльца свои нѣмецкіе сюртуки, и простымъ рабочимъ, гармониками и балалайками оживляющимъ праздничное свободное время, хлещетъ въ глаза своимъ ситцевымъ, разводистымъ сарафаномъ. Смотритъ на нее праздничный народъ, какъ она на лавочкѣ у калитки сидитъ, въ пестромъ шерстяномъ платкѣ, въ бѣлой кисейной рубахѣ, отъ которой на бѣлыя руки пышные рукава рѣчною волной упа-

дають,—смотритъ и сквозь зубы съ тяжкимъ вздохомъ цѣдитъ:

— Н-ну! Эдакая баба хоть кого изъ нашего брата на чужой сторонѣ сбережетъ!...

А Татьяна на всѣ эти штуки бровью даже черною не ведетъ.

— Будетъ тебѣ, шарамыжникъ, разговоры-то разговаривать! — обыкновенно отвѣчала она какому-нибудь зарубившему праздничную муху лихачу, когда онъ растолковывалъ ей о прелестяхъ совершающихся въ полпивной его, будто бы, закадычнаго друга и односельца. — Знаемъ мы, какой онъ тебѣ другъ-то: кабы онъ тебѣ другъ былъ, не пустилъ бы тебя безъ сапогъ намедни.

— Дура!—презрительно отзывался лихачъ о Татьянѣ, когда она напоминала ему о несчастномъ, хотя и дѣйствительномъ случаѣ, когда односелецъ-полпивникъ стянулъ съ него сапоги за нѣкоторыя бутылки, превышавшія праздничный бюджетъ лихача.

Татьяна не оставалась въ долгу у лихача.

— Сволочь! — отвѣчала она ему съ насмѣшливымъ презрѣніемъ, и тутъ же тонкимъ, заунывнымъ голосомъ затягивала какую-нибудь пѣсню своей, съ каждымъ днемъ все больше и больше забываемой родины.

Много мужскихъ и женскихъ ретивыхъ сердецъ, тоже, какъ и Татьяна, отдыхавшихъ на улицѣ святымъ праздничнимъ временемъ, слушая ее мастерскую пѣсню, вспоминаютъ тогда о томъ, какими теперь разноцвѣтными лентами развиваются по родимымъ оставленнымъ ули-

цамъ знакомые хороводы; на чужой дальней сторонушкѣ въявь слышатся имъ родные голоса, предъ глазами медленно хлещутъ, усмиренные предъ вечерней тишиной, волны рѣчныя, за ними зеленѣется лѣсъ, а тамъ разстилаются кормилицы-поля — и вотъ изъ сосѣднихъ домовъ одинъ за однимъ подходитъ народъ къ Татьянѣ, какъ первой пѣсенницѣ квартала.

— Не полегче-ли душѣ будетъ, какъ пѣсню другую сыграешь; а то признаться, такъ сердце для праздника защемило—страсть! Три года вотъ уже домой не соберуся никакъ,—толкуютъ Татьянѣ подходящіе сосѣди.

Слово за слово, пѣсня за пѣсней и невидимо какъ приблизился темный вѣчеръ, въ который еще грустнѣе дѣлается отъ этихъ скорбныхъ аховъ и оховъ нашей народной пѣсни. Слушалъ, слушалъ ее съ балкона, вплоть закрытаго плющемъ и маркизами, молодой сосѣдъ, богатый купецъ и не вытерпѣлъ, чтобы не вскрикнуть:

— Будетъ вамъ, ребята, душу тянуть изъ меня. Валяйте-ка лучше плясовую какую-нибудь, я вамъ сейчасъ водки и пять цѣлковыхъ пришлю.

На долю Татьяны досталось изъ этихъ денегъ *три* двугривенныхъ. И часто такіе случаи выпадали. Деньга валила къ Татьянѣ невидимо: нашила она себѣ цвѣтныхъ сарафановъ, тонкихъ, кисейныхъ рубахъ, накупила позолоченныхъ перстней съ свѣтлыми каменными глазками — и непрерывно блаженствуетъ, потому что, хотя и по немаломъ приставаніи, однакоже одинъ изъ самыхъ заухабистыхъ, самымъ неотвязнымъ образомъ

ухаживавшихъ за ней, Захаровъ, наконецъ-таки покорилъ ея долго нечувствительное сердце, и съ большимъ парадомъ водилъ ее, что называется, въ дребезги расфуфыренную въ полпивную, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ.

— Гдѣ ты ворожбѣ такой научился, бабу эту лютую къ себѣ присушилъ? — спрашивали у счастливца его пріятели лихачи, истратившіе нѣкогда много пятиалтынныхъ на безплодное угощенье Татьяны пряниками и орѣхами.

— А всей моей ворожбы и было только, что красота да удаль наша молодецкая! — хвастливо отвѣчалъ Захаръ.

— Теперь съ этой самой бабой въ жисть мою не разстанусь. Сказываютъ, отецъ тамъ женить меня на какой-то сельской дурѣ собирается. Только онъ это, надо полагать, затѣваетъ напрасно, потому я теперь всякаго горя ему за это надѣлать могу...

— Былъ такой слухъ и у насъ на фабрикѣ, — коварно передаютъ Захару завистливые пріятели про небывалый слухъ.

— И у васъ ужъ знаютъ? — азартно спрашиваетъ Захаръ.—Значитъ старый-то тамъ не шутки шутитъ. Только вотъ праздникъ теперь у насъ братцы, не дастъ мнѣ тотъ праздникъ соврать; а я вамъ, молодцы, говорю, ничего со мной старикъ въ этотъ разъ не подѣлаетъ, потому я въ солдаты, и она за мной... Такъ ли говорю, Татьяна?

— Милый ты мой, золотой ты мой!—тихонько го-

ворить Татьяна, стараясь усмирить ласками порывы своего любезнаго, который неоднократно уже порывался разорвать на себѣ красную рубаху, для того, чтобы видѣли и вѣрили люди, что онъ теперь противъ отцова желанья неудержно пойдетъ...

И на этомъ пути, какъ видно, Татьянѣ везло. Сынъ за свою любушку возсталъ противъ своего сердитаго отца, завѣтъ родителей, учившихъ его при отпускѣ изъ дома — противъ женской красоты воевать неуклонно — забылъ, на ея красоту глядючи, а теперь при одномъ слухѣ только, что отецъ подыскиваетъ ему разлучницу, по цѣлымъ днямъ кипитъ и горюетъ своей молодою душою.

Но недаромъ играется въ пѣснѣ, что

«Сладки яства прiѣдаются
Красны платья скоро носятся».

Раздобрѣла Татьяна до такой степени, что кто бы только ни посмотрѣлъ на нее, непремѣнно говорилъ:

«Ну, ужъ съ этимъ тѣломъ больше ничего не подѣлаешь. Раскормить его, чтобы оно было бѣлѣе и толще, никакой пищею невозможно.»

Лишь только увидала себя Татьяна въ такомъ положенiи, сейчасъ же тоска на нее напала великая, и принялась она въ этой тоскѣ ныть и съ хозяевами, какъ говорится, храпѣть, то-есть, зубъ-за-зубъ. Ей кто-нибудь слово скажетъ, а она на это слово десять своихъ въ отвѣтъ, да такихъ, что каждое изъ этихъ словъ всякаго человѣка по лбу, словно обухомъ, ошарашивало.

— Что это какая у насъ Татьяна брехучая сдѣла-

лась? — удивляются промежь себя хозяева. — Прежде, бывало, водой не замутитъ, а теперь слова сказать нельзя. Къ работѣ рукъ не прикладываетъ. «Я, говоритъ, въ крѣпость вамъ еще не продавалась.» Ужъ не прогнать ли ее?

— Посгоди маленько прогонять-то, — вступался *самъ*. — Рази не видишь, баба съ жиру сбѣсилась .. Это съ многими на моихъ глазахъ было; это у насъ въ Расеѣ, словно болѣсть какая, по народу ходитъ. Ты вотъ посгоди: я ей маленько жиру-то поспущу: поутюжу ее бездѣлицу, чтобы не заѣдалась. Ежели съ этого не пройдетъ, тогда гони, потому самый она тогда пропащій человѣкъ выдетъ...

А Татьяна между тѣмъ свое разговариваетъ:

— Что это, — говоритъ, — Господи, долю Ты мнѣ какую послалъ горемычную? Весь вѣкъ свой все я изъза чужихъ рукъ выглядываю. Ни тебѣ куска въ ротъ по своей волѣ нельзя положить, ни спокою никогда, какъ у добрыхъ людей не бываетъ!...

А тутъ эти разныя странницы и салопницы, ожидающія въ кухнѣ хозяйскаго подаянія, еще пуще разжигаютъ горюющую бабу.

— А ты, — жалостливо толкуютъ онѣ Татьянѣ, — смирись. Хошь и трудно тебѣ съ сердцемъ своимъ совладѣть, а все же смирись, потому Господь-Богъ все видитъ.

— Милая ты моя! — вскрикиваетъ кухарка, ободренная этой поблажкой. — Стараюсь вѣдь я всячески для нихъ, ничего не подѣлаешь! Все пуще меня злость раз-

бираетъ, глядючи на ихъ безурядье; а вѣдь они тоже носы-то вонъ куда задираютъ, словно господа какіе! Мы, говорятъ, купцы. Грубить будешь, фартальному подарокъ пошлемъ, онъ тебя въ полиціи отдеретъ... Вѣдь вонъ они черти какіе!

— Охъ жалость меня на тебя разбираетъ, Татьянушка! Сдѣлайка-ты вотъ по моему совѣту: на-ка тебѣ вотъ эту самую травку и положи ты ее, мать моя, подъ изголовье къ *самой*, авось, можетъ, перестанетъ она на тебя лютовать. *Самъ*-отъ — ничего, все молчитъ; а она, охъ какая подхалима бабенка! опять же и злющая! Третьево дня сижу у ней, а она мнѣ и говоритъ: «что мнѣ только съ этой змѣищей-Танькой дѣлать? ума не приложу!...»

Но всѣхъ больше поджигала Татьяну московская солдатка, давнишняя содержательница комнатъ *снебилью*. Прошедшая огонь и воду и кромѣ того всѣ тридцать-четыре мытарства, бабенка эта познакомилась съ Татьяной слѣдующимъ курьезнымъ образомъ: разъ какъ-то несчастная коммерсантка, проюрдонивши деньжонки, полученныя впередъ отъ жильцовъ, шаталась по рынку съ кулькомъ и съ хлѣбными крошками въ карманѣ, вмѣсто денегъ. Притыкалась она то къ одному, то къ другому мяснику, пробовала то одного, то другого лавочника веселой шуткой взять, только время подходило уже къ обѣду, а коммерсантка кромѣ какъ, по ея словамъ, одного невѣжества, ничего къ обѣду пріобрѣсть отъ торговыхъ людей не могла.

Тяжелая мысль быть пробранной за неприготовленіе

обѣда голодными жильцами, а паче того отставнымъ поручикомъ Бжебжицкимъ—сорви-головой, поселившимся съ бою въ лучшей комнатѣ, засѣла въ мозгъ бабы и мучительно сверлитъ его.

«Рази не убѣчь ли мнѣ на нынѣшній день куда-нибудь?» думаетъ пугливая баба. «Завтра, можетъ, достану гдѣ-нибудь деньжонокъ, такъ пироговъ имъ напеку, а барину-то акромѣ еще полуштофъ поставлю,—вотъ онъ и смилуется.»

А Татьяна между тѣмъ пылала въ это время желаніемъ знакомства съ какой-нибудь благородной женщиной, приказницей что ли какою, которая бы ходила въ чепцѣ и въ нѣмецкомъ платьѣ. Коммерсантка въ этомъ случаѣ какъ разъ удовлетворяла своей особой аристократическимъ татьянинымъ стремленіямъ. Плюгавая и сморщенная по физической природѣ своей, она тѣмъ не менѣе всегда съ особою бойкостью юлила около людей, которыхъ судьба посылала ей въ кормилицы и поильцы. Шикъ, съ которымъ она донашивала старыя платья и чепцы, какими снабжали ее различныя вѣтреныя, но великодушныя Лизетты, постоянно во времена какой-нибудь невзгоды, наполнявшія ея комнаты снебилью, былъ неподражаемъ. Этотъ шикъ свойственъ только тѣмъ немногимъ бѣднымъ созданіямъ обоего пола, которыхъ судьба взяла, какъ объ этомъ говорится, отъ сохи на время и поселила въ столицѣ. Поселила она ихъ въ столицѣ и щедро разсыпала предъ ихъ деревенскими и, слѣдовательно, простоватыми глазами всю изящную роскошь цивилизованнаго города, — и вотъ смотритъ-смот-

ритъ на эту роскошь какой-нибудь красивый русскій парень, толкнутый барской рукой въ слесаря,—и вдругъ ни съ того, ни съ сего пропиваетъ свою праздничную поддевку, сшитую дома и покупаетъ на толкучкѣ какое нибудь жалкое подобіе сюртука и говоритъ про себя, любовно оглядываясь въ тусклое зеркало вонючей харчевни:

«Вотъ когда мы зафрантили-то!... Сейчасъ умереть, на деревнѣ меня бы теперь ни единая душа не узнала, потому, какъ есть, нѣмцемъ сталъ!..

Трудно вообразить себѣ что-нибудь жалче такого молодца, когда онъ въ какой-нибудь праздникъ идетъ въ своемъ новокупленномъ нарядѣ съ таліей, большею частію болтающейся по пяткамъ, въ русскихъ сапогахъ съ длинными голенищами, за которые заткнуты оборваннѣйшіе штанишки. Суконный, замаслянный жилетъ съ пуговицами въ два ряда, съ бортами, лежащими на груди въ видѣ какихъ-то собачьихъ ушей и красный ситцевый галстукъ, оберченный на шеѣ раза три, окончательно довершаютъ сходство новорожденнаго нѣмца съ коровой въ сѣдлѣ. А если нѣмецъ къ этому прибавитъ еще изваляршуюся шляпенку, а по жилету развѣситъ толстую бронзовую цѣпочку отъ томпаковой луковицы, тогда, по-истинѣ, чудеса всего міра не представятъ вамъ ничего комичнѣе этого зрѣлища.

Почти одинаковыя комедіи разыгрываются и бабами, кухарствующими въ столицахъ. Ихъ коленкоровые чепцы съ густыми фалбарами, ихъ собственноручно уст[illegible]нные кринолины приводятъ въ несказанный ужасъ [illegible]ке

тѣ сердца, которыя самымъ кавалерскимъ образомъ относятся къ человѣческому роду.

«Господи!» восклицаетъ даже и такое сердце при взглядѣ на сельскую бабу въ праздничномъ нѣмецкомъ платьѣ. «Зришь же ты, Боже, неуклюжесть эту слоновую и не метешь ее съ прекраснаго лица земли!...»

Ощущая въ себѣ неодолимое желаніе уважать такіе чепцы и такіе кринолины, Татьяна долгое время искала себѣ женщину, которая бы могла ей перестроитъ ея сарафаны на платья, помогла соорудить кринолинъ и сшить чепецъ. Въ этихъ видахъ, она, встрѣчаясь съ коммерсанткой на рынкѣ, всегда привѣтствовала ее низкимъ поклономъ и пожеланіемъ добраго утра. Но коммерсантка долгое время не отдавала должнаго вниманія этимъ поклонамъ и пожеланіямъ, ибо связываться со всякою деревенскою швалью было рѣшительно внѣ ея цивилизованно-плутоватыхъ нравовъ.

Но въ описываемое утро, когда коммерсантка приставала съ своими просьбами о говядинѣ къ невѣжественнымъ торгашамъ, когда въ ея неоднократно напуганномъ воображеніи проносился грозный образъ отставнаго поручика Бжебжицкаго, съ длиннымъ чубукомъ въ красныхъ рукахъ, требовавшій отъ нея обѣдъ, или жизнь,— въ тѣ, говорю, горестные моменты, появленіе на рынкѣ Татьяны, какъ и всегда смиренно и непрошенно раскланивавшейся, сразу усмирило тревожную душу недоступной до сихъ поръ коммерсантки. Маленькая и такъ сказать, чепцоватая бабенка, подшпориваемая Бжебжицкимъ, подбѣжала къ Татьянѣ дружелюбной иноходью и завя-

зала съ ней разговоръ слѣдующаго великосвѣтскаго свойства:

— Здраствуй, здраствуй, Татьянушка! Что твои идолы-то?

— Да что, сударыня! — отвѣтила Татьяна съ досадой. — Про моихъ идоловъ и разговора нечего заводить. Поѣдомъ они меня съѣли.

Концомъ этого разговора былъ заемъ въ рубль серебромъ, который коммерсантка мимоходомъ, какъ бы, перехватила у Татьяны на самое короткое время. Конечно, рублевый заемъ не такая великая вещь, чтобы о немъ нужно было очень много распространяться; но съ него начинается эпоха стремленій Татьяны къ кофе въ *накладку*, начинаются ея знакомства съ различными барышнями, жилицами коммерсантки, рекомендовавшими себя гувернантками безъ мѣстъ, сиротами полковника, или даже генерала и, въ крайнемъ только случаѣ, вдовами раззорившихся, но нѣкогда первогильдейскихъ купцовъ.

— Какъ мы съ тятенькой въ Орлѣ жили, такъ это даже страсти! — говоритъ генеральская сирота, перекраивая Татьянинъ сарафанъ на платье. — Былъ тятенька мой, Татьянушка, первымъ лицемъ въ городѣ. Всѣ господа въ гости къ намъ ѣздили и мы ко всѣмъ ѣздили.

— Торговали мы, милая Татьяна Лексѣевна, — въ другое время растолковываетъ ей вдова раззорившагося милліонера: — краснымъ товаромъ.. Было, можетъ, его, краснаго-то товару въ нашихъ лавкахъ на нѣсколько

милліонтовъ... вотъ какъ! А теперь, сама видишь, какое горе терплю, и все мнѣ Господь помогаетъ за мою, должно быть, простоту прежнюю.

Однимъ словомъ, всѣ эти чужеядныя растенія на перебой кинулись перешивать сарафаны Татьяны, поить ее чаемъ, *кофiемъ* и занимать у ней часика на два, на три по рублю.

Слушаетъ Татьяна барскіе, по ея мнѣнію, разсказы съ благовѣйно-выпученными глазами, искренними и тяжелыми вздохами сочувствуетъ несчастіямъ, нѣкогда столь вельможныхъ барышень, терпѣливо жгется ихъ горячимъ кофе, не задумываясь одѣляетъ ихъ рублями, зажитыми въ долгой и трудной службѣ идоламъ-купцамъ и наконецъ, дошла до того, что однажды сама разсказала захожей богомолкѣ, когда никого не было въ хозяйской кухнѣ, что она офицерская жена, что ей, по настоящему, барыней быть слѣдуетъ — и была барыней, долгое время была, и именно до тѣхъ самыхъ поръ пока не запилъ ея мужъ офицеръ и не пропалъ безъ вѣсти.

— Толкуютъ, — закончила Татьяна удивленной и соболѣзновавшей о ея горѣ богомолкѣ: — въ большихъ теперь чинахъ мужъ. Самъ, говоритъ, главный начальникъ за его усердную службу (въ недавнемъ времени слухи были объ эвтомъ), тремя рублями изъ своихъ енеральскихъ рукъ наградилъ...

Что именно заставило Татьяну соврать такимъ образомъ, до сихъ поръ неизвѣстно. Извѣстно только то, что вольная жизнь комнатъ снебилью, которой Татьяна

насмотрѣлась у коммерсантки, до того показалась ей привлекательной, что жизнь купецкой кухни ей опротивѣла, какъ говорится, вдосталь.

Не стерпѣвши, наконецъ, постоянно-нахмуреннаго мурла своей кухарки, *самъ* однажды сказалъ Татьянѣ:

— Ты што же это, Татьяна Лексѣевна, рыло то воротишь, словно медвѣдь? Али много жира съ хозяйскимъ хлѣбомъ завела?

— Съ твоихъ-то хлѣбовъ и заведешь жира? — басовито пробормотала Татьяна, предусмотрительно пробираясь въ кухню.

— Стой-ка, стой мать! — не совсѣмъ еще прогнѣвившись останавливалъ ее *самъ:* — Што ты въ самомъ дѣлѣ не свое на себя берешь: ужь не поутюжить ли мнѣ тебя, барыня! Не поумнѣешь-ли, авось, хошь съ моей-то легкой руки?

Говоритъ это *самъ* благодушно и тихо посмѣиваясь и бороду разглаживая, потому зналъ Татьяну за хорошую бабу и серьезно обижать ее не хотѣлъ. Думалъ, что отъ однихъ добрыхъ словъ очувствуется.

— Ученаго учить, что портить! — возговорила Татьяна на ласковыя хозяйскія рѣчи. — Своихъ дураковъ полны горницы, ихъ бы перва-на-перва поучилъ.

Тутъ хозяинъ не стерпѣлъ и далъ Татьянѣ тумака, сначала въ затылокъ, а потомъ въ бокъ. Татьяна во все свое звонкое горло закричала караулъ и стремглавъ бросилась въ фарталъ.

Особенно уголовнаго дѣла по случаю татьяниной жалобы не затѣялось. На утро только квартальный при-

шелъ къ *самому* съ визитомъ, потолковалъ съ нимъ немного, получилъ отъ купца про свои домашніе обиходишки десять рублишковъ и посовѣтывалъ прогнать со двора кляузницу-кухарку.

— На всю улицу орала Татьяна, когда *самъ* прогналъ ее; гвалтъ, съ которымъ Захары толкали ее, по хозяйскому приказу въ три-шеи, собралъ къ купеческому дому много народа; а вскорѣ послѣ этого, на воротахъ одного разваливающагося и мрачнаго деревяннаго дома на Сивцевомъ Вражкѣ, запестрѣлся билетъ, гласившій слѣдующее:

«*Сдесъ адаюца комнаты састыломъ испебилью вхотъ, налева фперваю леспицу*».

Эти комнаты снебилью оборудовала Татьянѣ опытная въ дѣлахъ подобнаго рода коммерсантка.

Спаси васъ отъ нихъ Богъ, бѣдные люди!

IV.

ОБЫКНОВЕННЫЕ СЛУЧАИ, ОБСТАВЛЯЮЩІЕ ТАТЬЯНИНЫ КОММЕРЧЕСКІЯ МИСТЕРІИ.

Этотъ домъ, въ которомъ расположилась Татьяна, биткомъ набитый чумазыми сапожниками, кривоногими портными, обсыпанными съ ногъ до головы сажей гигантами-кузнецами, синими, зелеными и даже иногда желтоватыми и ярко-красными красильщиками, — этотъ домъ, говорю, загудѣлъ и заоралъ еще громче и безалабернѣе, чѣмъ гудѣлъ и оралъ онъ до водворенія въ немъ съемщицы комнатъ снебилью. Маленькіе мастеровые ребятенки, прежде мелькавшіе въ кабакъ и въ мелочную лавочку, примѣрно, по десяти разъ въ день, теперь бѣгали въ означенныя мѣста непремѣнно разъ по пятнадцати; ибо прапорщикъ Бжебжицкій, день и ночь лупившійся въ штоссъ съ своими закадыками, въ то время, когда тихая и тайная полночь укладывала на убогій одръ Лукерью (Татьянину кухарку), часто выкидывалъ слѣдующіе фокусы. Отворивши окно своей квартиры, онъ зычно обращался къ ребятенкамъ-ученикамъ, которые, какъ извѣстно, осень и лѣто спятъ по

разнымъ дыркамъ въ дровахъ, въ холодныхъ чуланахъ, на сѣновалахъ съ хозяйскимъ кучеромъ и проч. и проч.

— Эй вы, чертенята! — оралъ Бжебжицкій. — Куда вы застряли тамъ, бѣсовы дѣтки? Ежели кто изъ васъ достанетъ мнѣ сію минуту штофъ водки, пять селедокъ и луку, тотъ получитъ отъ меня пятачочъ. Жива-а!

Въ тотъ же моментъ бездушная, но громадная масса дровъ, сложенная подъ окнами прапорщика, обнаруживала нѣкоторую жизнь. Въ этой полночной тишинѣ, которая даже подчиняетъ себѣ немолчный шумъ столицъ и большихъ городовъ вообще, глухо затренькало что-то, зашуршало, — и вотъ предъ усастымъ лицомъ отставного военнаго предсталъ всѣхъ и всегда слушающійся духъ, въ видѣ нѣкотораго маловозрастнаго халатника, съ бѣлокурыми шаршавыми волосами, съ молодымъ личикомъ, отчетливо изрисованнымъ пріобрѣтенною въ городѣ плутоватостью и неудержимой охотой пріобрѣтать отъ тароватаго столичнаго населенія пятачки и гривеннички, которые такъ обильно вознаграждаютъ скупендряйство и даже, въ нѣкоторомъ смыслѣ суету хозяйскихъ обѣдовъ и ужиновъ.

Предсталъ этотъ духъ и, канальски улыбаясь и рабски переминаясь на мѣстѣ босыми ногами, доложилъ прапорщику:

— Я эфто дѣло-съ, ваше в-діе, вамъ въ точности оборудую, потому какъ я служу-съ вашимъ б-мъ вѣрно-съ... Лавочникъ Митрій-съ сказалъ мнѣ-съ: въ полночь ко мнѣ стучись. Обиженъ не будешь.

Смѣется мальчишка и, говоря эти слова, какъ-то знаменательно топчется.

— Молодецъ парнёкъ!—похвалили его изъ-за картъ юнкера и прапорщики и вообще всѣ тѣ московскія полночныя совы, которыя проявляютъ свою дѣятельность по разнымъ закоулкамъ преимущественно въ ночное время, потому что днемъ она слишкомъ ярко и ослѣпительно бросалась бы въ глаза остальному обществу.

— Я вамъ, в-діе, все могу-съ... Теперича у насъ въ мастерской есть большіе ребята, ну они того не могутъ сдѣлать, что я могу, потому я все равно, какъ взрослый какой! Водку я тоже могу...

— Неужели и водку можешь? — освѣдомилась у ребенка пьяная компанія.

— Сейчасъ издохнуть могу! Что жъ такое? Мнѣ это все ни почемъ. У насъ, ваше в-діе, весь родъ такой: три брата здѣсь на мастерствѣ пропали, отецъ пропалъ, двое дядей, материнъ племянникъ, такъ всѣ тутъ до единаго лоскомъ и легли. Наши сельскіе говорятъ: это они отъ большого ума запились...

Послѣ такой семейной характеристики, прапорщикъ еще усиленнѣе принялся хвалить доблестнаго парнишку; но тѣмъ не менѣе когда парнишка раздобылъ штофъ, селедокъ и луку, заслуга его была награждена вовсе не пятачкомъ, а просто-на-просто шутливою трепкой, потому что, какъ самъ Бжебжицкій, такъ и его компанія давно уже метали и понтировали на счетъ его сіятельства графа Шереметева, т. е: «я вотъ, любезный другъ, сотру тебѣ два милліона, шесть сотъ сем-

десятъ четыре тысячи, а ты посылай за свѣчкой—и тогда опять залупливай во всю ночь!» А любезный другъ отвѣчаетъ: «Нѣтъ ужъ посылай за свѣчкою самъ, а запись я тебѣ въ непродолжительномъ времени сполна уплачу.»

На другую ночь прапорщикъ тщетно оглашалъ предутреннюю тишину спавшаго дома, призывая какого нибудь субъекта, годнаго къ пріобрѣтенію водки въ незаконные часы. Ночь отвѣчала ему однимъ только лаемъ пугливой и крайне впрочемъ задорной болонки, принадлежавшей одной изъ безчисленныхъ полковничьихъ дочерей, которая поселилась у Татьяны вдвоемъ съ нѣкоторой несчастной дѣвицей, отошедшей, какъ она говорила, отъ отличнаго мѣста собственно какъ за свою честь и за халуйское обхожденіе съ нею хозяйскаго сына, восемнадцатилѣтняго гимназиста. Такъ одинъ только лай болонки отвѣчалъ на возгласы Бжебжицкаго, да изрѣдка перешоптывались между собою конурки, образовавшіяся въ дровахъ, конурки подлѣспичныя, закоулки въ извилинахъ галлереи, опоясавшей весь домъ и верхушки конюшенъ.

— Это вчерашній баринъ-то покрикиваетъ? — слышался шопотъ съ чердака одноэтажной красильни.

— Спи, молчи, покуда онъ тебя не поднялъ. Бѣдовый! — говоритъ другой шепчущій голосъ съ сѣновала; но говоритъ такъ тихо, что можно было подумать, что это зашуршало сѣно подъ легкими ногами испуганной полночною силой кошки.

— А, бѣсы! — гремитъ проигравшійся воинъ съ третьяго этажа.—Да дозовусь ли я какую нибудь шель-

му?—спрашиваетъ онъ наконецъ, грузно сходя съ деревянной, скрипящей лѣстницы. — Гдѣ вы тутъ, ракальи? — и при этомъ онъ быстро запускаетъ руку въ подлѣсничную конурку и вытаскиваетъ оттуда нѣкотораго заспаннаго и малолѣтняго артиста по сапожной части.

— Ты чтоже это, канальчонокъ, такъ крѣпко дрыхнешь? Не слыхалъ развѣ, какъ я тебя звалъ, шельменышь ты эдакой.

— Я думалъ, баринъ, что вы это не меня кличите...

— Цыцъ! Тебя или другого, все равно. Сейчасъ долженъ бѣжать, какъ только заслышишь мой голосъ. Маршъ въ кабакъ. Штофъ очищенной и дюжину баварскаго. Да не забудь смотри: фрицовской фабрикаціи спрашивай.

— Это, сударь, Ванюшка на эфти дѣла ходокъ, а не я. У него вся родня такая!... Вся она у него на эфтихъ дѣлахъ безъ остатку сгасла, говорилъ испуганный мальчикъ. — Вонъ, вонъ онъ убѣжать хочетъ отъ васъ изъ дровъ. Заслышалъ, что я про него вамъ сказываю, и убѣжалъ.

— Веди меня къ нему, куда онъ убѣжалъ! Я ему покажу. Ахъ шельмы! Ахъ канальи! Проливай послѣ этого за нихъ свою кровь! — шутилъ Бжебжицкій, и компанія, смотрѣвшая изъ оконъ на его экспедицію, вторила его шуткамъ громкимъ смѣхомъ, пронзительно скандализировавшимъ ночную тишину.

И тутъ же въ довершеніе эффекта раздается звонкій крикъ вчерашняго шаршаваго мальчишки, котораго фе-

ѳдальный прапорщикъ насильно протискиваетъ въ кабакъ.

— Не пойду, не пойду,—кричитъ ребенокъ. — Что я вамъ буду ходить-то? Колотить-то меня и безъ васъ разъ сто въ день колотятъ.

— А вотъ тебѣ, ракалія, сто первый! Вотъ тебѣ сто первый! Пойдешь?

— Не пойду. Бейте: я вѣдь терпѣливъ. Меня этимъ, небойсь, не изнимете.

— Врешь-пойдешь! Врре-е-шь пойдешь! Ну говори: пойдешь теперь?

— Пойду, пойду, баринъ! Сейчасъ летомъ полечу, пустите только...

— Что? Не стерпѣлъ? А туда же толкуетъ, что его ничѣмъ не изнимешь. Ну, бѣжи же да смотри: у меня не зѣвать!

Въ это время, словно изъ какого подземелья, послышалось сначала визжаніе дверного блока, а потомъ голосъ дворника:

— У насъ, ваше б-діе, не такой домъ, чтобы въ немъ буянить! Буянство въ немъ тоже не дозволяютъ...

— Ш-што?—спросилъ прапорщикъ.—Выплыви, каналья, на свѣжую воду, я на тебя погляжу...

Дворникъ моментально скрылся послѣ этого столь законнаго желанія, выраженнаго непобѣдимымъ воиномъ; а шаршавый паренекъ, родъ котораго безъ остатка угасъ въ московскомъ мастерствѣ, благополучно прошмыгнулъ въ калитку.

— Я тебѣ въ первый и въ послѣдній разъ говорю,—

протяжно толковалъ на дворѣ Бжебжицкій оставившему поле битвы дворнику,—у меня, братъ, руки по швамъ. Я, братъ, не люблю. Я, любезный другъ, прямо тебѣ скажу: никакія мордасы мнѣ сопротивляться не въ силахъ. Вотъ что!

И все, что было живого въ домѣ, навсегда запамятовало эти заключительныя слова браваго солдата, какъ самъ себя называлъ прапорщикъ; такъ что послѣ этого изреченія не находилось ему ни спорника, ни поборника въ цѣломъ кварталѣ и даже въ близъ лежащихъ окрестностяхъ. Пошло, слѣдовательно, дѣло такимъ образомъ, что не только приказанія самого прапорщика безпрекословно исполнялись мастеровымъ населеніемъ дома, но даже и приказанія протежируемыхъ имъ полковничьихъ дочерей, безмѣстныхъ гувернантокъ, несчастныхъ дѣвицъ и разорившихся милліонерокъ-купчихъ, которыя не удержимыми волнами влились въ Татьянины *комнаты снебилью.*

Въ окнахъ швейной и цвѣточныхъ мастерскихъ, помѣщавшихся на томъ же дворѣ, показались толстыя коленкоровыя шторы; но когда эти шторы оказались безсильными сдерживать натиски Бжебжицкаго и К°, квартировавшей у Татьяны, окна были закрыты почти наглухо частыми проволочными рѣшетками. Но изобрѣтательность Татьяниныхъ жильцовъ проникла и сквозь эти рѣшетки, такъ что въ прежде веселые воскресные вечера, когда шумными играми этихъ красильщиковъ и портныхъ, кузнецовъ и цвѣточницъ, швей и сапожниковъ, до краевъ зачерпывался тѣсный дворъ многотру-

дящагося дома, — въ эти вечера, сдѣлавшіеся послѣ Татьяниныхъ комнатъ какими-то грустно-тихими, очень не рѣдко разыгрывались тѣ едва примѣтныя въ оглушительно-шумящемъ кипяткѣ столичной жизни драмы, которыя ложно направленныя общества съ плутовато-снисходительными улыбками называютъ обыкновенными, но отъ которыхъ, тѣмъ не менѣе, такъ мучительно скорбитъ всякое новое сердце.

— Лукерья! — говорилъ кухаркѣ одинъ бородатый юноша. — Подай свѣчи, да ежели Дуняша изъ цвѣточной прибѣжитъ, скажи ей, что меня дома нѣтъ. Тетинька, молъ, къ нему съ машины неожиданно пріѣхала. Ни подъ какимъ видомъ не пускай. Понимаешь?

— Проказникъ вы, Петръ Лукичъ!—улыбается Лукерья, медленно покачивая головой.

— Что?—въ свою очередь освѣдомляется Бжебжицкій, промывая горячимъ чаемъ длинный черешневый чубукъ.—Вѣрно: цвѣли, цвѣли цвѣтики, да поблекли?

— Коммиссія!—отвѣчаетъ борода. — Не знаю, какъ отвязаться. Плачетъ, какъ рѣка льется. Почемъ? Сего никто понять не въ состояніи.

— А вы ее за слезы-то, взяли бы за бѣлы руки, да за длинный хвостъ, да на лѣстницу. А то не знаетъ, какъ отвязаться!—поучительно наставляетъ Бжебжицкій юную бороду.—А позвольте узнать чинъ, имя, фамилію и состояніе особы, находящейся у васъ въ настоящее мгновеніе?

— Тише! — шепчетъ юный. — Это такая исторія, такая странная исторія! Вотъ смотрите: дала сейчасъ

двадцать пять серебромъ и приказала за ужиномъ посылать.

— Отцы мои! — ужаснулся Бжебжицкій. — Ну-ка покажите деньги-то? Такъ, такъ: депозитка на яву. Такъ я, другъ мой, въ моментъ распоряжусь ужиномъ. Только вотъ одежонку накину.

— Смотрите только, — трепещетъ юноша, — не просадите въ билліардной. Осрамите меня.

— Полно, пожалуйста. Что я за дуракъ такой? Этими странными, какъ вы ихъ называете, исторіями нужно пользоваться, да пользоваться. Тутъ протекція можетъ быть. Тутъ, чѣмъ чортъ не шутитъ! Городничество чудесное можно съ одного выстрѣла зацѣпить. Такихъ чудесъ-то иные люди во всю жизнь стараются достичь да не достигаютъ. Вотъ что! Такъ я живо сооружу трапезу. У меня тоже, какъ у онамеднишняго мальчишки, весь родъ на этомъ мастерствѣ угасъ.

— Лукерьюшка? Дома Петръ Лукичъ? — спрашиваетъ цвѣточница Дуняша про бородатаго счастливца. — На силу-то я къ вамъ урвалась отъ хозяйки. Дай, молъ, пойду вечерокъ скоротаю.

— Охъ, дѣвушка, дѣвушка! — грустно сказала Лукерья. — Чуть-ли не пришелъ конецъ вечерки-то тебѣ у насъ коротать. Не велѣлъ вѣдь твой дома сказываться. «Скажи», говоритъ, «ей-что ко мнѣ тетка пріѣхала». А какая она, чортъ тетка? Расфуфырена точно до страсти, аки барыня какая большая! Въ третій разъ ужъ гоститъ у него.

— Что же она и теперича у него сидитъ? — тороп-

ливо выпытываетъ Дуняша, побѣлѣвши всѣмъ своимъ румянымъ шестнадцатилѣтнимъ личикомъ.

— И теперь сидитъ. Барина-то того прощалыжнаго за ужиномъ въ расторацыю услали. Онъ тоже, баринъ-то этотъ, любитъ на чужбинку-то. У него губа-то, я тебѣ скажу, ровно-бы у заправскаго господина на барскія-то кушанья оттопырена.

Но Дуняшу уже не занималъ кухаркинъ разсказъ про прапорщичью, оттопыренную на маіорскій манеръ, губу. Не сморгнувъ смотритъ она на кухарку и, какъ бы ждетъ отъ ней чего нибудь болѣе интереснаго; но кухарка, закончивши губой свои разговоры, принялась загадывать на засаленныхъ картахъ про нѣкоего разбойничка-солдатика, который ушелъ куда-то въ далекій походъ, занявши у ней предварительно на самый короткій срокъ красную бумагу въ десять рублевъ цѣнностью.

— Чортъ его, прости мою душу грѣшную, Господи, знаетъ! — шептала Лукерья, пристально разсматривая карты. Вотъ вѣдь и дорога ему лежитъ въ бубновый домъ; вотъ вѣдь, кубысть, и антиресъ для бубновой крали вышелъ; а все не несетъ его нечистая сила! Черти эти люди-то, грабители! Такъ-то-сь!—закончила она и благодушно перекрестила сладко зѣвнувшій ротъ.

— Такъ что же, Лукерьюшка? Какъ онъ тебѣ сказалъ-то?—снова начала Дуняша. Такъ и приказалъ что, дескать, не пускай ее: меня, молъ, дома нѣтъ?

— Такъ и сказалъ, другъ сердечный! Только ты не убивайся. Что убиваться-то по этимъ мужикамъ? Об-

манщики они, Ироды! у меня вотъ тоже Максимъ, ундеръ изъ депа, бралъ красную-то бумагу, даже божился, все говорилъ: «Глаза лопни, черезъ недѣлю сполна принесу!» Теперь вотъ третій годъ ужь пошелъ, какъ онъ носитъ деньги-то. Только, ты думаешь, не лопнутъ у него за это бѣльмы-то его собачьи? Лопнутъ. Утроба-то ненасытная, и то, можетъ, лопнетъ. О, чтобъ ихъ всѣхъ порастрескало проклятыхъ этихъ мужиковъ! Умѣютъ они нашу сестру объегоривать.

— А она, это ты правду говоришь, все еще у него сидитъ?—еще разъ переспросила Дуняша.

— Что жъ я тебѣ, дура, врать что ли стану?—съ досадой отвѣтила Лукерья.—Что я его, кобеля борзаго, укрывать-то нанялась, что ли?

— Ахъ я разнесчастная, разнесчастная! — вдругъ вскрикнула Дуняша, вцѣпившись руками въ свои волосы. — Дай же я брошусь на нее, на разлучницу мою лютую! дай же я ей ясные ея глаза своими когтями выковырну! — И съ этими словами она бросилась къ запертой двери и ударила въ нее и обоими кулаками, и головой, и крѣпкою грудью.

— Что ты, что ты, безпутница, дѣлаешь? — закричала Лукерья, бросившись въ слѣдъ за обезумѣвшей дѣвушкой.

— Куды-те, полоумную, шуты несутъ?—кричала на Дуняшу Татьяна, тоже бросаясь на нее изъ своей коморки.

— Что тутъ такое? что тутъ такое?—пугливо освѣдомлялась красивая полная барыня изъ-за чуть раство-

репной комнаты своего любезнаго бородача, сверкая золотою часовой цѣпочкой, развѣшенной на груди въ видѣ адъютантскихъ эксельбантовъ.

— Это ничего, сударыня! это у насъ больная есть,—говорила Татьяна, понявшая уже, что жильцамъ надобно дѣлать всякое удовольствіе и послугу.

— Же лонеръ, мадамъ! Милль пардонъ, мадамъ!—расшаркивался воротившійся изъ трактира Бжебжицкій и достаточно уже хватившій для смѣлости.—Это моя сестра! Малядъ, бѣдное дитя! Она въ горячкѣ!—плакалъ услужливый воинъ и могуче оттаскивалъ дѣвушку отъ двери.

— Другъ мой! Бѣдный другъ мой!—говорилъ онъ.—Поди, лягъ въ постель, голубенокъ! Успокойся.

— Подите къ чорту!—простилась Дуняша съ компаніей, быстро сбѣгая съ лѣстницы.

— Комедчики! право комедчики—разрѣшила всю эту исторію хладнокровная Татьяна.—Только и дура же эта Авдотья! Поди-ка, что выдумала: къ господамъ драться полѣзла! Молода еще больно, фарталы-то, должно быть, и во снѣ еще ей не снились...

— Что, Авдотья Елисѣевна, али съ господамъ-то, не съ нашимъ братомъ?—встрѣтилъ Дуняшу на дворѣ молодой мастеровой, нѣкогда отвергнутый ею.—Хорошо, вѣрно, господа привѣчаютъ, да хорошо и вонъ провожаютъ,—съ насмѣшливой тоскою говорилъ онъ дѣвушкѣ, дрожавшей всѣмъ тѣломъ отъ злости на человѣка, такъ нахально обругавшаго ея первую, молодую любовь.

— Милый ты мой! Митя, голубчикъ! Разшиби ты у нихъ сейчасъ окно у разбойниковъ! Я тебя за это, умереть мнѣ на мѣстѣ, полюблю съ этого самаго часа. Только ты возьми камень и разшиби.

— Бѣги за ворота, а оттуда въ пивную къ Прокофью; тамъ меня и жди; сиди смирно, не пугайся, ежели полицыя придетъ. Скажешь тогда, ежели спросятъ, я, молъ, тутъ съ Митріемъ близко часу сижу, — совѣтывалъ Митрій — и скоро послѣ этого въ *комнатахъ снебилью* цѣлая оконная рама была въ дребезги разбита десятифунтовымъ булыжникомъ.

— Держи, держи! — оралъ Бжебжицкій, размахивая своимъ ужаснымъ чубучищемъ.

— Держи, держи! — голосилъ дворникъ на улицѣ будочникамъ; но халатникъ сидѣлъ уже у дяди Прокофья и любовно говорилъ своему новому другу:

— Милая моя! Ты вотъ осмѣяла меня тогда; мастеровщиной немытой ругала, а все же я тебя въ твоемъ грѣхѣ отъ всего моего сердца прощаю. По молодости по своей дѣвичьей проштрафилась ты, не знала, что господа-то вашу сестру для утѣхи своей обманываютъ... Пей пиво, голубь, не плачь, потому настоящаго-то горя такъ и то не выплачешь, а твое горе, не горе, а плевое дѣло...

— Я, Митя, и не плачу, — шептала Дуня. — Я вотъ только съ сердцемъ никакъ не могу совладать; дрожитъ оно у меня очень, сердце-то! Всѣхъ бы я ихъ, до одного человѣка, теперича зубами изгрызла.

— Мы таперича, — растягивалъ Митрій пьянѣя и, слѣдовательно, уже начиная муштровать свою бабу, —

мы таперича никогда не должны этого говорить. Потому, передъ Богомъ такія слова грѣхъ, по писанію и такъ... Опять же, ежели ты возверзишь... и воззовешь... Н-ну оддно сллово!.. У меня слушаться! Съ м-ммной тебѣ, дѣвка, хорршо буддетъ! Я не ворръ, не пьяница, чтобы большой ужь очень, — грамотей тоже... Слушайся меня, дѣвка, пей пиво, а я твоего грѣха не попомню. Цалуй...

Немало также новой жизни въ прежнюю патріархальность воскресно-мастеровыхъ вечеровъ дома внесли и праздничные возгласы Захара, бывшаго подручника Татьяны у купца. Затешется онъ, бывало, на дворикъ *комнатъ снебилью*, станетъ предъ ихъ окнами растрепанный, разбитый весь, съ пьянымъ, чахоточнымъ румянцемъ на лицѣ, и заоретъ:

— Эй, Татьяна Ликсѣвна! Отворяй ворота, принимай за повода, гости пріѣхали! — И ежели Татьяна, распивая кофей съ пріятельницами въ какомъ нибудь дальнемъ углу своей квартиры не услышитъ молодецкаго вызова, кто нибудь изъ жильцовъ, а чаще всего прапорщикъ Бжебжицкій, неустанно посылающій изъ своего окна поцѣлуйчики проходящимъ дамамъ, непремѣнно бѣжалъ къ ней и докладывалъ:

— Татьяна! опять Захаръ пришелъ, пьянѣе прошлаго. Что же ты не сразишься съ нимъ? Бѣжи скорѣе; ругаетъ онъ тебя на чемъ свѣтъ стоитъ.

— Ахъ, губитель! Ахъ, злодѣй мой великій! — восклицала Татьяна. — Осрамитъ онъ меня теперь до конца. Что я съ нимъ, съ варваромъ, буду дѣлать?

— Сразись поди, пролей свою кровь! — совѣтывалъ жилецъ, алкая потѣшить свое бездѣльное одиночество медвѣжьей травлей. Можетъ быть, видъ твоей жертвенной крови, — продолжалъ шутливый баринъ, — и приведетъ его снова въ норму.

— Какая ему теперича норма? — возражала Татьяна барскому слову, съ коварною цѣлью показать, что она нынче понимаетъ тоже по французскому. — Онъ теперече, ежели я дворнику четвертака не дамъ, брехать будетъ до самой до зари утренней.

— Такъ ты прибѣгай поскорѣе хоть къ сему спасительному средству, не то вѣдь скандалъ выдетъ.

— Будетъ ужъ вамъ! — пугалась Татьяна. — Мнѣ и безъ вашихъ присказокъ тошно.

— Тошно? А за чѣмъ измѣняла? Помни, что злодѣяніе всегда наказывается, а порокъ торжествуетъ.

— Что же, Татьяна Ликсѣвна? — кричалъ со двора неугомонный Захаръ. — Али барыней стамши, кампаніей старинной брезгаете! Эдакъ-то, кажись-бы, добрые люди не дѣлаютъ.

— Будетъ тебѣ, молодецъ! — усовѣщивалъ Захара дворникъ. — На чужомъ дворѣ буянить тоже не очень-то нашему брату дозволяютъ.

— Валяй, валяй ее, другъ сладкій, половчѣй! — совѣтывали молодые мастеровые. — Ежели ты ее т. е. какъ слѣдствуетъ, пропечешь, сейчасъ умереть, — мы тебѣ пару пива на складчину тотчасъ же выставимъ, потому, чтобы про нашего брата знали и вѣдали.

— Мы, друзья, свои дѣла и безъ пива въ тонкости

знаемъ, — хвалился Захаръ. — И какъ я вамъ зараньше объявляю, какъ передъ Господомъ Богомъ, врядъ ли этой самой Танькѣ голову свою отъ меня уберечь, потому она жисть мою молодую заѣла; отъ ласки моей сердечной отвернулась, стерва проклятая, и оплевала ее, эту самую ласку. Эхма!

Большая душевная потеря слышалась въ голосѣ пьянаго молодца. Стоитъ онъ посереди двора, готовый на все и съ каждой минутой возжигается все больше и больше.

— Други! — кричалъ онъ. — Вѣдь что она со мною сдѣлала. У мѣста, въ сновальщикахъ былъ, прогнали ради ея, старикомъ своимъ за любовь съ нею проклятъ, родными брошенъ. И на все это я не посмотрѣлъ, все одну ее въ душѣ моей содержалъ... Ахъ! держите меня, братцы, пожалуйста, а то какъ бы грѣха какого не случилось, какъ бы она отъ моей крѣпкой руки не подохла.

— Будетъ, будетъ, дружокъ! — уговаривалъ снисходительно дворникъ, разжалобленный этимъ сокрушительнымъ горемъ. — Видишь, народу сколько собралось, ундеръ, пожалуй, придетъ, въ сибирку заберетъ. Что хорошаго въ сибиркѣ?

— Ахъ ничего нѣтъ въ сибиркѣ хорошаго. Только блаже бы мнѣ въ самой Сибири быть, чѣмъ съ этой поскудой водиться. Ахъ надо мнѣ съ ней порѣшить, братцы! За одно ужь мнѣ погибать-то. Разступись, народъ! — И при этомъ Захаръ вбѣгаетъ на лѣстницу, *комнатъ снебилью*, и скоро ожесточенная битва, на-

чатая имъ съ Татьяной въ ея квартирѣ, переходитъ на дворъ, поглотивши собой праздничное вниманіе цѣлаго дома.

— Куаулъ! краулъ! — звонкимъ дишкантомъ кричала Татьяна въ сильныхъ Захаровыхъ лапахъ.

— Какъ онъ ее любитъ! Какъ онъ ее любитъ! — басовито шутилъ Бжебжицкій, покуривая Жуковъ изъ длиннаго черешневаго чубука.

— Это точно, ваше в-діе, что онъ ее оченно любитъ! — подвернулся какой-то пестрый халатъ. — Онъ безъ нея жизни готовъ рѣшиться, ваше в-діе! Каждый праздникъ такъ-то ходитъ сюда этотъ молодецъ и каждый разъ ихъ обоихъ въ полицію забираютъ. Потѣха!

— Ну, разговорился! — прикрикнулъ Бжебжицкій на халатъ, справедливо вознегодовавъ на такую фамильярность. — Всѣ вы таковы, канальи!..

— Батюшки, заступитесь! родимые, отбивайте — убьетъ! — умоляла Татьяна, въѣвшись, однакоже, всѣми зубами въ плечо своему безпощадному противнику.

— Вотъ какъ у насъ, Татьяна Ликсѣевна, старинныхъ любушекъ привѣчаютъ! Вотъ какъ мы имъ русыя косы расчесываемъ, бѣлыя лица разглаживаемъ, во-отъ ка-а-къ! — злобился Захаръ, волоча Татьяну по грязному двору.

Волны народа, облелѣявшія бойцовъ, бурлили и переливались около нихъ, словно бы крутилъ ихъ вихорь летучій; но тѣмъ не менѣе никто не рѣшался расхолодить этихъ раззлобившихся звѣрей, которые съ пѣной у ртовъ грызли другъ друга и ворчали, ежели

кому изъ нихъ удавалось какъ нибудь покрѣпче тиснуть такъ недавно дружеское тѣло.

— У нихъ теперь надолго пойдетъ, — толковали въ толпѣ. — Ежели ихъ теперича водой не разлить, до самой до темной ночи продерутся.

— До полночи не продерутся — слышались возраженія. — Устанутъ, опять же и кровь... Ужъ тутъ долго не надерешься, коли кровь пошла. Сейчасъ же тебѣ въ голову вдаритъ...

— Это точно, что вдаритъ; особенно, ежели носъ тебѣ разсадятъ...

— Что, что тутъ такое? — возговорилъ наконецъ старикъ ундеръ, пришедшій на шумъ. — Ты опять тутъ? — обратился онъ къ Захару съ грознымъ вопросомъ. — Я тебѣ въ прошлое воскресенье что сказалъ? А? Чтобы нога твоя здѣсь не была, а ты опять затесался; опять ты тутъ, разбойникъ, буйство сталъ учинять? Я же теперь тебя побаюкаю за такія дѣла! — И при этомъ карательный старикъ свалилъ Захара съ ногъ, хвативши его, что называется, въ ѣдало, или въ самую суть.

— Бей, бей его, сударь, разбойника! — со слезами просила Татьяна. — А какъ смѣнишься, приходи ко мнѣ чай пить... Я тебѣ господскихъ щей налью и водки куплю.

— Много благодарны, Татьяна Ликсѣевна! Свое дѣло знаемъ: мы его сейчасъ, какъ слѣдствуетъ по начальству, — объяснялся старикъ мимоходомъ въ кварталъ, куда онъ потащилъ Захара, который, въ свою очередь, на всю улицу оралъ:

— Мнѣ теперича все ни почемъ! Я свою душу утѣшилъ! Съ меня будетъ...

— Молодецъ! — поощряли его мастеровые. Ничего они тебѣ въ кварталѣ не подѣлаютъ. Въ другой праздникъ придешь, такъ мы ворота-то припремъ, городоваго-то не пустимъ. Расправляйся, какъ знаешь...

— Молодецъ! — вторилъ имъ Бжебжицкій. — Свое взялъ, а тамъ хоть трава не рости. Что, Татьяна Алексѣевна, побаловаться изволили маленько? Вѣрно это не то, что кофе распивать, да за деньгами приставать каждую минуту? Говорилъ вѣдь я тебѣ, дура ты эдакая, ежели будешь за деньгами часто ходить, такъ либо я тебя отдую, либо Захаръ. Вотъ такъ и вышло по моему!..

И подъ громкій и вмѣстѣ съ тѣмъ непрестанный гулъ такого рода сценъ, съ каждымъ днемъ все больше и больше разросталась по широкой Москвѣ, между ея извѣстнымъ людомъ слава Татьянина заведенія. Посторонняя жизнь, такъ или иначе интересуясь жизнью *комнатъ снебилью*, отвсюду налетая на домъ, въ которомъ помѣщались онѣ, въ соединеніи въ случаями, подобными только что описанному пассажу, образовала наконецъ у воротъ дома, на дворѣ его и въ самомъ домѣ, какъ бы какой вѣчно крутящійся, вѣчно шумящій омутъ, непрестанно горланящая пасть котораго ежесекундно пытала самыми страшными и разнообразными пытками все, что, по несчастью, жило по сосѣдству съ комнатами.

— Любезненькій! гдѣ тутъ Татьяна Ликсѣевна, —

съемщица живетъ? — пугливо всунувшись въ калитку, спрашиваетъ у дворника румяный прикащикъ съ громаднымъ кулькомъ въ подъ мышкой.

— Ступай ты лучше отсюда, купецъ, ступай, покедова я тебѣ шеи не нагрѣлъ, — отвѣчаетъ дворникъ, измученный многочисленными распросами разнообразнѣйшихъ субъектовъ о мѣстожительствѣ Татьяны Ликсѣевны. — Сейчасъ умереть, ежели не уйдешь сію минуту, побѣгу къ хозяину, я вѣдь знаю, у кого ты живешь, и скажу ему, вонъ, молъ, гдѣ твой соколикъ погуливаетъ!

— Напрасно вы, любезный человѣкъ, сердиться изволите-съ, — ласковымъ и крайне пугливымъ голосомъ шепчетъ прикащикъ. — Пожалуйста не шумите-съ: мы съ вами сначала по политикѣ будемъ разсуждать; денегъ вы отъ меня много можете завсегда имѣть, потому какъ мнѣ не Татьяна нужна, а Прасковья Петровна: дѣвица такая живетъ у ней. Нужно намъ ее въ Останкино пригласить на прогулку-съ.

— Знаемъ Прасковью Петровну. Ступай вонъ въ энто крыльцо, только у ней, братецъ, вашего брата-купца много теперь засидѣлось. Съ вечера еще въ экой-ли пристани тихой кантуютъ. Слышишь вонъ, какъ на итарахъ наяриваютъ; это у ней.

— Это ничего! Пущай ихъ наяриваютъ; она намъ всякое снисхожденіе завсегда оказываетъ, потому доброту нашу цѣнитъ, опять же и деньги наши, — торопливо закончилъ купецъ и, выхвативши изъ кармана горсть мелочи, бросилъ ее дворнику и мышкой юркнулъ

на крыльцо оцѣнивающій должнымъ образомъ его доброту Прасковьи Петровны.

— Экой народъ взбалмошный, эти купцы! Ума у нихъ не такъ чтобы много, а деньжищевъ гибель! — со вздохомъ заключилъ дворникъ, пересчитывая новенькое серебро. — Все это надобно мнѣ въ кладъ положить, потому не скоро такимъ серебромъ разживешься. Гдѣ только черти эти берутъ такую деньгу, смотрѣть хорошо!

— Эй землячокъ, родимый! — перебилъ дворника тоже испуганный, но басовитый голосъ пріѣзжаго мужика, тоже, какъ и недавній купецъ, пугливо просунувшаго въ калитку косматую голову.

— О чтобъ васъ совсѣмъ! — гнѣвался дворникъ. — Словно омутъ какой. Такъ тебя и претъ! Что тебѣ?

— Да то-то кормилецъ! Кое мѣсто пріѣхалъ, черти въ кулачки не бились: все дѣвку свою ищу. Ушла изъ деревни на заработки, а теперь, говорятъ, вольнаго поведенія стала. Сказывали, въ вашихъ мѣстахъ скрывается, у какой-то офицерши Татьяны.

— Офицерши? — презрительно воскликнулъ дворникъ. — Много ихъ такихъ офицершевъ-то! Какъ дѣвку-то зовутъ? Сказывай у меня живѣе; а то уйду сейчасъ, хоть ты околѣй тутъ на семъ мѣстѣ, ничего не узнаешь.

— Прасковья была, кормилецъ! Мы ее въ деревни-то все Праскуткой звали.

— То-то Праскуткой! Пускаете вы ихъ сюда на свой срамъ, а на ихъ погибель. Вотъ что! А тебя-то какъ зовутъ?

— Меня-то?

— Да! Тебя-то?

— Дворникъ! Ты дворникъ? — перебилъ мужико
отвѣтъ нѣкоторый юркій баринъ съ горделиво—халу
скимъ выраженіемъ въ лицѣ.—Куда тутъ переѣхала н
давно благородная дѣвица одна, Адельфиной Лукьян
ной зовутъ?

— Былъ Петръ Ивановъ,—продолжалъ мужикъ пре
ній разговоръ.

— Такъ и есть! Дочь твоя, Петръ Ивановичъ у на
въ этомъ самомъ домѣ живетъ; только жаль мнѣ теб
а помочь не чѣмъ. Такой она теперь барыней сдѣ
лась, на всѣ руки! — жалѣлъ дворникъ бывшаго н
когда Петра Иванова, не обращая вниманія на юрк
личность. Придется тебѣ ее, дружокъ, знатно за во
сы отхватать.

— Что же ты, скотина, не отвѣчаешь? вскрикну
баринъ.—Съ нимъ благородный человѣкъ разговариває
а онъ все къ своему сѣрому волку морду гнетъ. Усп
те еще рожи-то другъ-другу въ харчевнѣ расколоти

— Виноватъ, ваше в-діе! спохватился дворникъ,
моментъ выхваченный этимъ окрикомъ изъ подъ зан
наго впечатлѣнія, навѣяннаго на него разговоромъ
пропащей Петровой дочери. Вонъ по тому крыльцу из
лите идти въ 7 №. Тамъ вы эту барыню сразу от
щете.

— Вѣдь кричитъ тоже! — бурлилъ привратникъ
слѣдъ уходящему сердитому господину.—Подумаешь, ч
заправскій баринъ къ заправской барынѣ пришелъ
гости и, подумавши, испужаешься. А какъ знаешь з

порядки, ничего-то ты не боишься, потому, ежели тебѣ самое мудреное нѣмецкое имя скажутъ, ты ужь и знаешь, что врутъ. Твоя дочь-то тоже теперь по-нѣмецкому назвалась, и не выговорить. Прокуратъ здѣсь народъ, Петръ Ивановичъ. Все это онъ нога въ ногу съ господами наровитъ, отчего и гибнетъ, особенно женскій полъ; потому стрекулятниковъ этихъ въ столицыи пропасть. Всякую они деревенскую дѣвку, самую степенную, безпремѣнно съ пути собьютъ. Хитры на эти дѣла бездомовники проклятые.

— Били бы подюжѣе ихъ! — исхитрился посовѣтывать дядя Петръ. — У насъ по деревнямъ такихъ-то, чѣмъ не попадя, колотятъ. Застанутъ у какой, оглобля подъ руку попадется, оглоблей бьютъ; топоръ, топоромъ... Злы мужики на счетъ эфтого...

— Нну! Здѣсь такъ-то нельзя; здѣсь порядки не тѣ. Въ полицыю, говорятъ, представляй. Тамъ, говорятъ, на всякое дѣло законъ прописанъ. А все же я тебѣ совѣтую съ дочерью своимъ судомъ лучше расправиться; по судамъ-то не ходи, потому, вижу я, простоватъ ты— обчешутъ. Возьми, говорю, за косы-то ее да по зубамъ хорошенько, чтобы она отца съ матерью не срамила.

— За этимъ не постоимъ, золотой! Извѣстно, родители! Вдаришь, какъ не вдарить... Такъ и батюшка съ матушкой (пошли имъ, Господи, царство небесное!) съ дѣтками расправляться учили. — И перекрестившись, при воспоминаніи о покойникахъ батюшкѣ съ матушкой, дядя Петръ отправился къ дочери.

Но и крестъ, разгоняющій адскія полчища, не ра-

зогналъ бѣсовъ большого города, которые въ бе престанной и крикливой тревогѣ возились въ домѣ занимаемомъ комнатами снебилью, и внѣ его. Чел вѣческія радость и горе отвсюду, или тихимъ уст лымъ шагомъ пѣшехода ползли въ эти комнаты, и въѣзжали подъ ихъ крыльцо на лихачовскихъ рыс кахъ, отъ бойкаго скока которыхъ колебался ве домъ и жалобно дребезжали стекла въ разсохших рамахъ. И въ то время, когда дядя Петръ распр влялся съ своей непутевой дочерью, въ подвалы и ниж этажи къ мастеровымъ забирались многоразличныя ли ности и торопливыми голосами людей, безотлагатель куда-то поспѣшающихъ, громко спрашивали:

— Послушайте, скажите пожалуста, гдѣ живетъ ст дентъ Клокачовъ?

Нѣмецъ слѣсарь, которому былъ предложенъ это вопросъ, и который съ утра выслушалъ уже такихъ в просовъ безчисленное количество, на минуту прекрати визжаніе желѣза, опиливаемаго англійскимъ терпугом съ досадой бросилъ его на верстакъ и злобно выц чивши на гостя слезливые глаза, крикнулъ:

— Я развѣ вамъ дворникъ? Чтобы чортъ побра все! — И при этомъ онъ быстро замѣнилъ сюртуко фланелевый халатъ и ушелъ въ биргалль.

— Гдѣ здѣсь отдаются комнаты? — переспроси несчастливца уже на дворѣ и натурально, что несчаст ливецъ ускорилъ шаги и отвѣтилъ слѣдующее:

— Здѣсь ни одной нѣтъ комнаты! У чорта въ ад много есть комнатъ.

— Эй! мейнъ геръ! — кричалъ изъ окна утекающему нѣмцу прапорщикъ Бжебжицкій. — Подите сюда, пожалуйста. Дѣло есть. — Нѣмецъ съ видимой неохотой возвращается.

— Почтенный бюргеръ! — говорилъ ему Бжебжицкій.—Вы непремѣнно идете пить пиво; захватите и меня съ собой. Больше сего я вамъ ничего сообщить не имѣю.

Нѣсколько пріятельскихъ лицъ съ хохотомъ показываются въ окнахъ прапорщичьей квартиры и крайне любопытствуютъ прослѣдить ту злость, съ которой нѣмецъ смотрѣлъ нѣкоторое время на шутливаго товарища.

Благообразный мущина, съ дамой, одѣтой въ щегольской бурнусъ, останавливается противъ офицерскихъ оконъ и спрашиваетъ:

— Позвольте узнать, милостивый государь, гдѣ здѣсь отдаются меблированныя комнаты?

— А вотъ извольте идти въ это крыльцо, во второй этажъ. Позвоните и спросите съемщика Ивана Медвѣжатникова, — граціознымъ жестомъ указалъ Бжебжицкій на крыльцо одного вѣчно занятаго учителя гимназіи, служившаго всегдашней потѣхой для цѣлаго дома.

Скоро компанія, собравшаяся у Бжебжицкаго, имѣла наслажденіе видѣть, какъ мученикъ—учитель выбѣжалъ на дворъ въ туфляхъ и шлафорѣ, таща за руку благообразнаго мущину, дама котораго стремительно утекала за ворота

— Вы развѣ не видали этого? — горячился учитель, показывая своей жертвѣ на билетъ, приклеенный на двери въ его ученую берлогу. На билетѣ значилось:

«Здѣсь *не* отдаются комнаты съ мебелью, а отдают-ся у Татьяны. Входъ къ ней изъ воротъ направо п второй лѣстницѣ, въ третій этажъ.» Изреченіе это был переведено на французскій и нѣмецкій языки.

— Я не понимаю, милостивый государь, гдѣ у вас были глаза, — кричалъ учитель, — когда вы шли ко мнѣ

— Извините, ради Бога! Меня послали сюда, — ска-зали, что у г-на Медвѣжатникова...

— Какой тамъ чортъ Медвѣжатниковъ? Это вон все тѣ шелопаи потѣшаются...

— Профессоръ! Профессоръ! — кричалъ съ хохотом Бжебжицкій. — Не сердитесь. Муки эти на томъ свѣт за ваши ученые грѣхи вамъ зачтутся.

— Шаромыга! — отвѣчалъ, въ свою очередь, про-фессоръ, грозя кулакомъ своему врагу.

— Ругаются! — доложилъ учителю, подошедшій к нему въ это время лакей. — Ужасти, какъ ругаются Сказали, чтобы я въ другой разъ и приходить не отва-живался. И тебѣ, говорятъ, изъ окна вонъ вышвыр-немъ.

— Какъ же они ругаются?

— Сказать не смѣю-съ: только просто ругаются ру-гательски. Говорятъ, ежели онъ еще разъ пришлетъ спустимся мы къ нему въ квартиру и изобьемъ его

— Ступай въ кварталъ! Тамъ такъ все и объяв отъ моего имени.

А изъ открытаго окна коморки, занимаемой благород-ной дѣвицей Адельфиной, на весь кварталъ разливалас разухабистая «барыня» на двухъ скрипкахъ и на ги

тарѣ, сопровождаемая молодецкими выкриками и, какъ есть, демонскимъ трепакомъ.

— Вали гуще! — оралъ кто-то пьяный во всю грудь. — Что на нихъ, на чертей, глядѣть-то? За то деньги платимъ. Мы тебѣ покажемъ, какъ къ намъ лакея присылать съ наставленiями! — вскрикнула какая-то рожа, высунувшись изъ окна.

— Краулъ! Краулъ!—кричала мансарда совершенно по женски. И вслѣдъ за тѣмъ та же мансарда, перемѣнивши тонъ, приговаривала помужски:—Я тебѣ, шельма, дамъ, какъ кофеи ходить распивать къ господамъ въ номера.

— Батюшки! что же это такое? — обливаясь горькими слезами, спрашивалъ дядя Петръ Иванычъ, выходя изъ комнатъ снебилью. — Родная дочь на отца руку накладываетъ! А?

— Ишь, музланъ, туда же учить лѣзетъ! — щебетала въ слѣдъ ему Прасковья Петровна, прощалыжничествомъ большого города нареченная Амалiей Густавовной. — Не училъ тогда, когда поперегъ лавки укладывалась; теперь ужь не выучишь; теперь ужь мы вдоль лавки-то въ пору только укладываемся... Такъ-то! Увидишь своихъ, поклонись нашимъ; а то видите, кварталомъ вздумалъ стращать, ежели не остепенюсь!..

— Вотъ она Русь-то разгулялась! — хохоталъ Бжебжицкiй. — Катайте, катайте его, Амалiя Густавовна; а то онъ, пожалуй хвастаться будетъ, что онъ тутъ намъ, городскимъ, страху задалъ.

— Я ему задамъ страху! Не на тѣхъ напалъ страху-то задавать.

— Вотъ ужъ это, дѣвушка, напрасно ты такъ-т поговариваешь! — вступилась за дядю Петра старушонк одна, съ чулкомъ въ рукахъ. — Онъ тебѣ родитель..

— Молчи, старая дура! — прикрикнула на нее рус ская нѣмка. — Почемъ ты знаешь, можетъ, я ему ро дитель-то?...

Усѣлась старуха послѣ этого окрика на дрова, н самую солнечную припеку, и подъ визгъ мастероваго же лѣза, подъ гвалтъ комнатъ снебилью, подъ грохотъ экі пажей и вообще подъ этотъ несмолкаемый стонъ сто личной суеты, зашептала нескончаемую рацею о прош лыхъ временахъ и о прошлыхъ людяхъ.

— Была сама такою-то! — говорила старуха, пока чивая головой и побрякивая вязальными спицами. — Мно го соблазну здѣсь для нашей сестры: устоять никак невозможно; а все же бывало, когда отецъ, али мат наѣдетъ, примешься бывало, плакать; примешься на до лю свою студную жаловаться и скорбѣть. А вѣдь в нынѣшнихъ стыда-то нѣтъ никакого! Охъ! Нѣтъ ника кого стыда въ нынѣшнихъ людяхъ!.. Срамъ!.. Вс равно какъ дикіе звѣри стали! Ни въ Бога вѣры, н любови къ людямъ!...

— Ваше благородіе! Повѣстка къ вамъ отъ г. квар тальнаго поручика, — пробасилъ Бжебжицкому усасты полицейскій вѣстовой. — Извольте завтрашній день к 10-ти часамъ въ контору пожаловать.

— Это зачѣмъ?

— А вотъ тутъ въ повѣсткѣ все аккуратно прош сано.

— Дай сюда! — И Бжебжицкій сталъ читать: «Симъ приглашаю... по дѣлу, якобы о скандалѣ, произведенномъ вами въ квартирѣ учителя и проч. Также по жалобѣ солдатской дочери Аѳимьи...» Чортъ знаетъ, что такое? За все, про все нынѣ въ кварталъ зовутъ. Любезный! скажи поручику, что, молъ, прапорщикъ лежитъ на одрѣ. Слышишь? Такъ и скажи.

— Слушаю-съ! Счастливо оставаться, ваше благородіе!

— Погоди-ка, Не знаешь ли жида какого-нибудь: денегъ бы мнѣ у него занять подъ сохранную росписку.

— Не могу знать-съ, ваше благородіе! А ежели, теперича серебро, золото, али бы что изъ платья изъ хорошаго, такъ мы сами иногда вѣрнымъ людямъ даемъ.

— Дуракъ! Я тебѣ самъ дамъ подъ золото, да подъ серебро, даромъ что ты невѣрный человѣкъ...

— Что это за проказникъ такой этотъ баринъ! — смѣялась Татьяна изъ кухни. — На всякое слово у него завсегда отвѣтъ есть. Ежели бы онъ деньги платилъ, какъ слѣдуетъ, да не дрался, — цѣны не было бы этому барину!..

V.

Подробный планъ комнатъ снебилью и легкая покуда характеристика лицъ, согнивающихъ въ нихъ.

Я тебя постараюсь какъ можно тише окрикнуть, бѣдный народъ! Я спою про тебя, вѣчно ноющая, вѣчно голодающая птица *комнатъ снебилью*, настолько незлобивую пѣсню, на сколько незлобивыхъ жизненныхъ темъ набралась въ этихъ клѣткахъ моя собственная, озлобленная голова.

О, миръ вамъ, люди покоробленные, а чаще, какъ дуга, согнутые всесильной нуждою! Миръ вашимъ снамъ озлобленно-тревожнымъ, ногамъ вашимъ, вѣчно снующимъ и ничего невыхаживающимъ, всегдашней злобѣ вашей желаю я скораго угомона!..

Ибо злоба ваша — смерть ваша. А какъ тяжело умирать одному въ меблированныхъ вертепахъ,—одному, съ одною только злостью своей даже и на этотъ день, который такъ свѣтло пробивается въ комнату сквозь грязно-желтую коленкоровую штору, на этотъ бойкій гулъ столичной жизни, неумолчно гудящій за стѣнами!

Предсмертному крику гаснущей, медленно истомленной жизни, въ кухонномъ углу гдѣ-то безучастно и

отвратительно-крикливо вторитъ одна только Лукерья безсмысленно-фабричною пѣсней про какого-то всадника, который будто-бы

«Кор-ми-и-тъ ко-о-ня сы-ы-та-а,
Самъ ѣстъ сухари.»

Пѣсня закончилась наконецъ, къ общей потѣхѣ населенія комнатъ, зазвонистою кучерскою трелью, а съ нею вмѣстѣ закончилась и жизнь, желавшая сейчасъ одного счастья—взглянуть на человѣческое лицо,—закончилась скрежетомъ зубовъ, хрипомъ надсаженной груди и желтою пѣной на посинѣвшихъ губахъ. Исковерканная тою безобразно ужасающей печатью, которую смерть, въ довершеніе эффекта, кладетъ на изможденныя тѣла бѣдняковъ, жизнь эта сейчасъ же, вмѣсто послѣдней молитвы накликаетъ на себя—тѣмъ только, что умерла она, что понесла отдать свое несносное бремя къ Зовущему всѣхъ труждающихся и обремененныхъ успокоиться въ Немъ, цѣлый потокъ безсмысленныхъ ругательствъ и проклятій.

Пришла Татьяна, неумытая, заспанная, растрепанная; взяла она эту повисшую, весь свой короткій, но трудный вѣкъ старавшуюся быть честною руку и сказала:

— А околѣлъ вѣдь! Лукерья, бѣги скорѣе въ фарталъ. Ахъ, ты, голь перекатная!—добавила съемщица, помотывая головой:—кто теперича тебя, голь, въ сырую землю схоронитъ?

Такія картины не настолько рѣдки у насъ, чтобъ я не могъ сказать про нихъ правдиваго слова, и сказалъ бы, если бы не боялся упрековъ въ лиризмѣ, безъ ко-

тораго я рѣшительно не могу ни поклоняться свѣтлому лицу природы — единственному совершенству на всей землѣ, ни скорбѣть о людской погибели, а потому пусть пойдетъ другая глава.

VI.

Наружный видъ дома съ меблированными комнатами.

Трудно чему-нибудь быть своебразно-грязнѣе столичныхъ домовъ, заваленныхъ разными русскими мастерскими. Выстроенные спекуляціей на манеръ всѣхъ вообще столичныхъ громадъ, то есть на манеръ большаго квадратнаго сундука, они до жильцовъ нѣкоторое, весьма недолгое время ничѣмъ не отличаются отъ своихъ сосѣдей, составляющихъ вмѣстѣ съ ними длинную улицу. Но вотъ внизъ переѣхало *Экипажное заведеніе Трифона Рыкова*, рядомъ съ нимъ въ двухкомнатной квартирѣ поселился сапожный мастеръ Самсонъ Соловьевъ, въ бельэтажѣ какая-то толстая баба, съ страшнымъ рубцомъ на лбу, словно бы отъ сабельнаго удара, и съ шестью молоденькими горничными; въ подвальной квартирѣ, черезъ дворъ—извощичій содержатель и какіе-то старые отставные солдаты, вѣчно дерущіеся на дворѣ и кричащіе караулъ; третій, самый верхній, московскій этажъ гостепріимно принялъ, въ свои невыразимо-воняющіе пріюты орду *комнатъ снебилью*. И вотъ черезъ какіе-нибудь полгода ярко-набѣленныя стѣны

новаго дома покрываются копотью; штукатурка, хо умышленно ее никто и никогда не ломалъ, обваливает и кажетъ по мѣстамъ красныя кирпичныя раны; ок же, особенно въ квартирахъ у извощиковъ и отста ныхъ солдатъ, вмѣсто стеколъ залѣпливаются син сахарной бумагой, въ комнатахъ спебилью и у толст бабы съ многочисленными горничными заставляются п душками въ пестрыхъ ситцевыхъ наволочкахъ, — вообще весь домъ, видимо новый и крѣпкій, сразу как будто проживаетъ пятьдесятъ лѣтъ, и кажется, ч какая-то враждебная сила безпрестанно раскачивае его, ломитъ и валитъ. Печальными такими и разсла ленными замарашками смотрятъ эти дома, какъ-то ос бенно скоро вростаютъ въ землю ихъ фундаменты скособочиваются, точно бы какой человѣкъ слабый, г лова котораго скривилась набокъ отъ первой жизнен ной тукманки. Глядя на безсмысленную грусть и т пую озадаченность, постоянно рисующіяся на лицѣ т кого человѣка, непремѣнно думаешь, что вотъ сейчас подкосятся его дрожащія ноги, что изъ широко вып ченныхъ, но тусклыхъ глазъ польются обильныя слезь а отвислыя губы безотвязно запросятъ пощады...

Вотъ довольно схожій портретъ дома, въ которо поселилась Татьяна съ своими жильцами. При перво взглядѣ на его каменное неподвижное лицо, всякій лег убѣждался, что здѣсь поселилась бѣдность, въ бол шей части случаевъ поневолѣ неразборчивая на т средства, при помощи которыхъ она съ жалобами слезами доволакивается до темной могилы, гдѣ навсе

да укроются ея грязныя отрепья и успокоится необходимо-грязная и темная жизнь.

Но не веселѣе наружности описанныхъ домовъ и внутренность ихъ, съ тѣми обыкновенными исторіями про жизнь своихъ жильцовъ, которыя будутъ пожалуй гораздо печальнѣе унылаго лица дома, пріютившаго въ стѣнахъ своихъ всякаго рода несчастье. Слушайте же эти исторіи — и тогда для васъ, можетъ быть, очень сбыточною покажется та мысль, что отъ того печаленъ столичный домъ, заселенный бездомнымъ народомъ, что даже бездушному камню нельзя не скорбѣть при видѣ разнообразныхъ мукъ этихъ людей, которые вслѣдствіе безалаберно сложившейся жизни, отовсюду, проливнымъ дождемъ сыплются на ихъ бездольныя головы.

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

VII.

Коридоръ комнатъ и его жильцы.

И радъ бы сказать, что по этой залитой помоями, разшатанной и безъ церемоніи завѣшанной разнымъ бѣльемъ лѣстницѣ, которая вела въ татьянины комнаты *спебилью*, можно ходить людямъ,—но для этого нужно быть самымъ наглымъ лжецомъ. Хозяинъ зналъ, для кого онъ строилъ свой домъ, и потому предоставилъ владимірскимъ плотникамъ полную волю гондобить его, какъ Господь Богъ положитъ имъ на сердце. И въ то время, когда плотники орудовали, капитальная борода, изрѣдка наѣзжая къ нимъ съ своимъ хозяйскимъ глазомъ, говорила:

— Ничего, не взыщутъ! Мѣсто здѣсь такое, для всякой швали удобное. Лѣтъ черезъ пятокъ, Господь ежели благословитъ, окупится домишка, а тогда его можно будетъ подрумянить маненько, подпереть, пообмазать—и по боку. Дураковъ тоже много; а не найдется охотниковъ, застраховать можно... Исторія тоже извѣстная...

Про длинный корридоръ комнатъ тоже не могу ска-

зать ничего особенно пріятнаго. Теменъ онъ былъ, какъ адъ, а кобель Бжебжицкаго и сосѣдство кухни, пропитанной своеобразнымъ запахомъ щей и лукерьиной постели, покрытой ея шубой изъ кислой овчины, сдѣлали его до того вонючимъ, что свѣжій человѣкъ ни подъ какимъ видомъ не выносилъ его духоты болѣе пяти минутъ. Однакоже были люди, которые сжились съ этою темнотой и вонью до полнаго равнодушія къ нимъ, и мое собственное мнѣніе въ этомъ случаѣ таково, что всякій человѣкъ, конечно не безъ нѣкоторыхъ усилій, можетъ скоро привыкнуть къ этимъ вещамъ, если хватитъ денегъ на покупку какого нибудь кофеишка съ хлѣбомъ и не хватитъ на бутылку ждановской жидкости, могущей очистить его апартаментъ отъ заразительныхъ міазмовъ, такъ вредно дѣйствующихъ на человѣческіе нервы вообще.

Привыкли, говорю, люди къ удобствамъ своего коридора такъ, что и слезы у нихъ есть, когда износятся башмачонки, поистратятся въ безработьѣ припасенныя про черный день деньжишки, и смѣхъ тоже довольно легко вылетаетъ изъ ихъ грудей, когда какимъ-нибудь свободнымъ праздничнымъ днемъ, послѣ рюмочки и пшеничнаго пирога, придется вспомнить съ какой-нибудь давнишней подругой про былые годы, когда жили при мѣстахъ у хорошихъ хозяевъ, когда были молоды лица и беззаботны души...

Все въ этомъ корридорѣ однѣ только женщины жили. Сосчитать, сколько ихъ тамъ именно, узнать, что онѣ платятъ за квартиру, чѣмъ живутъ—не было никакой

возможности. Видѣли только болѣе или менѣе состоятельные жильцы, жившіе въ комнатахъ, что кишитъ что-то въ корридорѣ безразличное, и живое,—раскатываются какія-то перемѣнныя волны, а какія именно — не знали, и конечно не хотѣли знать, потому что не нужно было. Волны эти обыкновенно вливались въ Татьянинъ корридоръ такимъ образомъ: живетъ-живетъ, бывало, какая-нибудь горемычная въ почетныхъ экономкахъ у богатаго холостяка такъ долго, что оба они въ этомъ сожительствѣ половину зубовъ потеряютъ, разнообразя свою жизнь рѣдкимъ, а можетъ-быть, и частымъ погрызываніемъ другъ друга, и посѣдѣть тоже оба успѣютъ. Привыкнетъ экономка къ достатку, къ хорошей комнатѣ, къ сладкой пищѣ—и вдругъ старичина нежданно-негаданно протягиваетъ, какъ говорится, рѣзвыя ноги. Дальніе родные великодушно подарили экономкѣ старый салопъ на бѣличьихъ лапкахъ, да сама она успѣла фунтикъ-другой серебреца столоваго ухватить—и переѣхала къ Татьянѣ въ самую дешевую комнату.

«По одежкѣ протягивай ножки!» говорила вдова, размѣщаясь въ своемъ новомъ жильѣ. Надѣяться теперь не на кого, а между тѣмъ привыкшая къ куску губа нѣтъ-нѣтъ, да и спроситъ либо супца съ хорошей, настоящей, какъ въ старину бывало, говядинкой, либо чайку въ накладочку, либо винца красненькаго, котораго до тошноты захотѣлось бабенкѣ, съ утра до вечера молчаливо размышляющей о провильной жизни при покойникѣ — и вотъ серебро, ложка за ложкой, безвозвратно

улетаетъ въ укладистые сундуки сосѣдки-еврейки, а въ концѣ концовъ случается обыкновенно то, что Татьяна, разнюхавши, что жилица прогорѣла, благоразумно выпроваживаетъ ее на жительство въ корридоръ.

Часто также приходили къ Татьянѣ молодыя знакомыя дѣвицы съ такими разговорами:

— Что теперь дѣлать мнѣ, милая Татьяна Лексѣевна? Ума не приложу.

— Что такое, что такое у тебя случилось? — спрашиваетъ Татьяна Лексѣевна встревоженную дѣвицу.

— Да что? Обобралъ меня до нитки, варваръ-то мой. Ужъ онъ меня билъ-билъ, обобрамши-то, и говоритъ, теперь извольте идти, мамзель, куда вамъ угодно. Смѣется, разбойникъ! Косу-то мнѣ, злодѣй, всю повыдергалъ. Хочу въ фарталъ идти; знакомые у меня тамъ есть: защитятъ, можетъ...

— Да за что же это онъ тебя? — освѣдомляется любопытная Татьяна. — Вѣдь вы допрежь дружно живали.

— Да за что?—откровенничаетъ дѣвица.—Ни сномъ, ни духомъ не знаю за что. Точно-что по лѣту я какъ-то раза съ три ѣзжала въ лагери къ брату двоюродному. Писаремъ при самомъ генералѣ вотъ ужъ сколько лѣтъ служитъ. Ему и помстилось; а я развѣ таковская? Сама небось знаешь, какъ я на своемъ словѣ завсегда стою. И довольно даже того, что я съ нимъ который годъ живу, а онъ ревновать вздумалъ!...

— Что говорить! что говорить! Экой безобразникъ какой! А я все говорю про него: вотъ, молъ, смирен-

никъ-то полюбовникъ грунинъ, — а онъ поди-ка к
кой! Какъ же ты теперь? Гдѣ жить-то покелича станеш

— Да то-то не знаю. Ты мнѣ, пожалуйста, кам
рочку отведи какую-нибудь, покуда съ дѣлами не спр
влюсь.

— Каморки-то у меня, дѣвушка, нѣтъ теперь. Вч
рась послѣднюю студентъ занялъ какой-то. Какъ б
знала, ни за что бы не отдала. Такъ ужъ и пусти
чтобы только не пустовала. Ты вотъ въ коридорчи
покелича на моемъ сундукѣ помѣстись. Чудесно ту
намъ будетъ съ тобой. Безъ переводу тутъ у насъ ч
съ кофеями пойдутъ.

Вслѣдствіе такого дружескаго предложенія молод
дѣвица поселяется въ коридорѣ и долго ея разска
про вырванную варваромъ косу и про двоюроднаго брат
генеральскаго писаря, развлекаютъ однообразную жиз
темнаго жилья. Живетъ дѣвица въ коридорѣ и вы
сматриваетъ изъ его непроглядной темноты другого ва
вара, который бы вырвалъ ей вновь выросщенную кос
точно также и сожительницы ея, кухарки и горничны
какъ онѣ про себя говорятъ — «безъ мѣстовъ», ж
вутъ тамъ и высматриваютъ себѣ мѣстечки, съ к
торыхъ, по недолгомъ житіи, снова погонятъ ихъ с
ихъ унылымъ скарбомъ въ татьянины комнаты, гдѣ
случаю такихъ событій раздадутся конечно новыя рѣ
про новыхъ хозяевъ, про новыхъ людей, посѣщавши
ихъ, которые, по разсказамъ этого бѣлорабочаго люд
всѣ будто-бы безъ исключенія мошенники, жидомор
идолы, черти, подхалимы и т. д.

Отчего это принято называть такія кухарочныя опредѣленія глупыми сплетнями, настоящими вниманія порядочнаго человѣка, а не истиной? Этотъ вопросъ случайно зародился въ моей головѣ, и, конечно, когда-нибудь, также случайно, я разрѣшу его; а теперь скажу, что изъ всей этой безразличной коридорной толпы рельефнѣе даже самой Татьяны выступалъ нѣкоторый субъектъ, извѣстный въ *комнатахъ снебилью* подъ именемъ Александрушки. Еще въ то время, когда Татьяна только-что осматривала квартиру, занимаемую ею въ настоящую минуту, Александрушка сидѣла уже въ коридорѣ у двери и вязала длинный шерстяной чулокъ, сморщенная и серьезная до полной неподвижности, въ ситцевомъ линючемъ платьѣ, съ мѣдными очками на большомъ носу, изображая собой какъ-бы какого заколдованнаго сторожа, приставленнаго сторожить пустую квартиру.

Отъ квартиры, въ то время только-что отдѣланной, несло сырымъ лѣсомъ, клеемъ и масляными красками. Нога человѣка не была еще въ ней послѣ печника, который, закончивши свою работу порядочной выпиванціей съ одною сосѣдней кухаркой, ушелъ и не возвращался даже и тогда, когда хозяинъ искалъ его для поправки печей, дымившихъ какъ жерло ада, и потому дворникъ, рекемендовавшій Татьянѣ прелести фатеры, по его словамъ, «за первый сортъ», былъ справедливо удивленъ этой старухой, безмолвно позвякивавшей спицами и неразборчиво шептавшей что-то своими тонкими, высохшими губами.

— Бабушка! Кто это тебя сюда пустилъ? — спр
силъ дворникъ старуху; но старуха уперла въ не
своими свѣтлыми очками, помахала головой, какъ-бу
то удивлялась тому, что дворникъ не знаетъ человѣ
устроившаго ее въ коридорѣ—и только.

— Чтоже ты не говоришь? Ай нѣмая? Говори! Х
зяинъ што-ли пустилъ? — расталкивалъ уже дворни
молчаливое существо.

— Ты вотъ что, дворникъ, прошептала наконе
таинственная незнакомка, ты не толкайся. Я губе
ская секретарша!

— Полно балы-то точить! сердился дворникъ. Ск
зывай: по чьему ты приказу здѣсь поселилась?

— И *ты* не смѣй мнѣ говорить, мужланъ! Я ск
зала тебѣ, кто я такая. И барыня при этихъ слова
энергично оттолкнула отъ себя закорузлую дворни
кую руку.

— А! такъ ты такая-то? Ты толкаться еще въ
жой фатерѣ вздумала! Сказывай: кто тебѣ приказа
жить здѣсь?

— Богъ!—удовлетворила наконецъ любопытнаго дв
ника губернская секретарша.

— Что ты съ ней будешь дѣлать?—спросилъ дв
никъ уже у Татьяны, съ какою-то снисходительн
полуулыбкой. — Надо, вѣрно, въ фарталъ идти об
явить.

Губернская секретарша не обратила ни малѣйшаго вн
манія на роковое слово «фарталъ» и попрежнему пр
должала звякать спицами, мотать головой и шепта

что-то, — должно быть про свои одному Богу только извѣстныя дѣла.

Квартальный пришелъ—и добился столько же, сколько и дворникъ.

— Какъ вы сюда попали?—спрашивалъ у старухи надзиратель.

— А такъ и попала... отвѣчала она съ видимымъ неудовольствіемъ. — Какъ попадаютъ то, развѣ не знаешь?

— Говорите, кто вы такія? Давайте ваши документы.

— Молодъ еще документы-то спрашивать! Начальникъ какой выискался! Молоко-то на губахъ обсохло-ли?

Доложили объ этомъ происшествіи хозяину. Тотъ пришелъ и долго стоялъ передъ старухой, поглаживая бороду въ великой задумчивости и по временамъ осклабляясь. Самовольная постоялка тоже ничего не говорила и даже ни разу не взглянула на него, сосредоточенно уткнувшись въ свой чулокъ. Наконецъ хозяинъ сказалъ дворнику:

Богъ съ *ей*, Трофимъ не трожь ее. Человѣкъ, видно, не простой, потому большимъ сурьезомъ и молчальностью отъ Бога награжонъ...

— А какъ же хозяинъ,—вступилась было Татьяна,— мнѣ-то съ ней быть? Вѣдь ужь платежа отъ ней не добьешься, а я бы на ея мѣсто всегда нашла жилицу съ капиталомъ.

Тутъ хозяинъ почти такъ же серьезно, какъ и Алек-

сандрушка, сморщилъ свои черныя брови и внушительн
заговорилъ:

Мнѣ, — говоритъ, — милая ты женщина, пребыва
въ моемъ домѣ прозорливаго человѣка не въ примѣр
твоей платы дороже. Можетъ, она нечестія твоего р
ди наслана вонъ откуда, — и при этомъ хозяинъ тор
жественно указалъ на потолкъ. Такъ-то. Потому так
милая женщина, разсуждаю я про тебя, что допре
тебя ни въ одномъ моемъ домѣ такихъ исторіевъ н
когда не было, хотя точно-что благочестивые люди п
многу и по долгу у меня пребываютъ... Опять же
солдатка ты: всякому грѣху, значитъ, ты больше н
шего брата причастна. Слѣдовательно, для одной те
это устроено, и ты должна все *это* понимать и п
нить...

— Такъ вы, ваша степенство, скинули бы мнѣ за н
хоть полтинничекъ въ мѣсяцъ за фатеру. Вы люд
богатые.

— Это такъ, достатокъ имѣемъ, только съ фатер
единой даже копѣйки скостить не могу, потому так
уже положено ходить ей по тридцати серебромъ; щеп
чекъ вонъ, коли хочешь, что отъ построекъ осталис
возьми охапочку-другую. Просимъ прощенья, милая же
шина! Жить вамъ да поживать, да добра наживать! -
закончила борода, отправляясь восвояси.

— Жидоморъ, чортъ! — шептала вслѣдъ ему Тать
на; послѣ чего губернская секретарша безвозбранно п
селилась въ комнатахъ *снебилью*, оплачивая свое з
воеванное помѣщеніе и кусокъ хлѣба своимъ неутом

мымъ ревеніемъ служитъ даже слугѣ всѣхъ — Лукерьѣ, и готовностью, во всякое время дня и ночи, сердито побранить какого-нибудь подкутившаго жильца, утѣшить Татьяну въ какомъ-нибудь несчастьи, истолковать ей мудреный сонъ, видѣнный въ прошлую ночь и проч.

Терпѣливо и ни на минуту не мѣняя своего сердитаго лица, исполняетъ заштатная чиновница свои многочисленныя роли, такъ что въ непродолжительномъ времени ея полуумная манера неизмѣнно и во всемъ угождать всякому человѣку, но угождать какъ-бы изъ подъ палки, что называется «срыву»,—сдѣлала ее тѣмъ не менѣе любимицей и темнаго коридора, и свѣтлыхъ комнатъ, такъ что стала барыня совершенно необходимою вещью въ обоихъ мѣстахъ, въ одно слово нареченной и благородными комнатными жильцами, и коридорными плебейками ласкающимъ именемъ «чиновницы-Александрушки».

Безъ такихъ Александрушекъ въ Москвѣ обходится рѣдкій домъ. Это чрезвычайно-своеобразное русское горе. Характеризуется оно своими земляками и такъ-сказать пристанодержателями знаменательнымъ словомъ: *тронумшись маненько;* а я лично думаю, что оно *обозлимшись* и *обозлимшись не маненечко, а оченно.* По послѣднимъ штрихамъ, которыми я имѣю закончить Александрушку, весьма легко разсудить, какимъ именемъ лучше назвать коренную жилицу комнатъ *снебилью.*

Во весь голосъ, безъ всякой помѣхи задуваетъ, бывало, Лукерья на кухнѣ, примѣрно хоть про то, какъ нѣкто «вечоръ былъ на почтовомъ на дворѣ», и какъ

этотъ нѣкто на томъ дворѣ на почтовомъ «получи[illegible] отъ дѣвицы письмо». Раздолье полное звонкому баб[illegible] му голосу, потому что день выгналъ всѣхъ комн[illegible] ныхъ жильцовъ на добычу; коридорный людъ т[illegible] разбрелся кое-куда по своимъ мизернымъ дѣлишкамъ, и во всемъ этомъ пустынномъ сараѣ осталась тол[illegible] домосѣдничать лукерьина пѣсня да Александрушка.

Въ видѣ какой-то толстой, пѣгой змѣи ворочается [illegible] колѣняхъ у убогой чиновницы ея всегдашній, непо[illegible] даемый другъ — шерстяной чулокъ, тихо звякаютъ [illegible] шелестятъ ея вязальныя спицы, а сама она, неразв[illegible] каемая многоразличными комиссіями, которыми со вс[illegible] сторонъ засыпали ее жильцы комнатные и корид[illegible] ные, когда бывали дома, долгое время, по своему об[illegible] новенію, молчаливо и неподвижно сидитъ около са[illegible] двери, и какъ-будто старается подслушать, о че[illegible] именно шепчутся съ этимъ неповоротливымъ чулк[illegible] ея тонкія, проворныя спицы. Сидитъ, говорю, и [illegible] слова; только головою, по-истиннѣ обутою въ какой-[illegible] чепецъ съ уродливыми фалбарами, изъ стороны въ с[illegible] рону раскачиваетъ. А между тѣмъ по лицу ея про[illegible] дятъ въ эти минуты глубокія морщины, налегаютъ [illegible] кія-то мрачныя, выражающія крайнее страданіе тѣ[illegible] такъ что Лукерья, случайно прошедши мимо Алекса[illegible] рушки, непремѣнно произноситъ:

— Ну, начинается комедь. Подступило!

И дѣйствительно, комедь начинается.

— Что такое? грозно и громко спрашиваетъ Ал[illegible] сандрушка у своихъ спицъ.—Мало ли по бѣлу свѣ[illegible]

всякихъ злыхъ дѣлъ дѣлается; мало-ли разной неправды по землѣ ходитъ? Чтоже мнѣ за дѣло? Батюшка съ матушкой учили: не осуждай. Ну, и не буду, да! Молчишь не грѣшишь и спишь не грѣшишь.

Эти растолковыванія всегда перекрикивали горластую лукерьину пѣсню. Полная тишина воцарялась тогда въ комнатахѣ *снебилью*, только одинъ котъ тихо мурлыкалъ, ластясь къ ногамъ Александрушки, да сама Лукерья, опершись о косякъ кухонной двери, пристально смотрѣла на человѣка съ загогулиной въ головѣ и по-временамъ, съ видимымъ впрочемъ ужасомъ, спрашивала:

— А ну-ка, Александрушка, про мою судьбу что-нибудь разскажи?

— Чтоже такое, что у ней каменный домъ?—отвѣчала больная на вопросъ Лукерьи о ея судьбѣ.—Кабы тогда я глупа не была, онъ бы и теперь, домъ-то, мой былъ. Да! Я ей тогда сказала: сестрица! ты замужъ хочешь, за богатаго хочешь? Выходи — вотъ тебѣ мой домъ. Тебя съ нимъ богатый возьметъ, только ты меня не покинь, когда мнѣ что понадобится. Вотъ она и не покинула... Ха-ха-ха! А сестра! Ахъ, черти! Грѣхъ, грѣхъ ругаться-то, Александра Семеновна! Перекрестись, милая.

— Ишь вѣдь какъ чешетъ она правду-то матку,— ужасалась Лукерья, относя всѣ эти слова къ своей особѣ. Какъ она самое-то нутро мое до тонкости разбираетъ—страсть! Брехъ-баба я, грѣшница, каюсь! И за дѣло, и безъ дѣла со всякимъ грызться готова. Те-

перь сокращусь, попристальнѣй стану Богу молить
Только къ чему же она это про каменный домъ за
дила?.

— А былъ бы, былъ домъ и теперь мой! —все
большимъ и большимъ неудовольствіемъ толковала Ал
сандрушка.—А можетъ бы его пожаромъ спалило, скв
землю бы провалился, или бы какъ-нибудь меня, ду
имъ чужіе добрые люди надули. Все можетъ. Много
говорю, по бѣлу свѣту всякаго несчастья расхаживае
охъ какъ много! И несчастья, и неправды... Я во
теперь испоконъ-вѣку всѣмъ помогала да угождала,
меня все вонъ выгнали, лицо-то мнѣ все заплева
А за что? за что? Ну-ка скажи, за что?—усиленно спр
шивала больная, воззрясь въ свой чулокъ и спицы.

— А ужъ это такъ, Александра Семеновна! —
лобно отвѣтила ей Лукерья, опять таки воображая, ч
это угодный Господу человѣкъ про ея *жисть* обин
комъ разговариваетъ.—Это ужъ, Александра Семенов
моя должность такая разнесчастная! Жалованья-то м
ло, а наругательствъ всякихъ въ-волю на этихъ м
стахъ напринимаешься...

— Гдѣ бишь у меня сынъ? —вдругъ спросила ст
руха и при этомъ вопросѣ даже отняла глаза отъ чу
ка и подняла ихъ кверху. — Какой это у меня сы
былъ, никакъ я не вспомню? Что это онъ у мен
словно бы офицеръ былъ, или бы дѣвицей онъ был
Нѣтъ, это дочь дѣвица у меня была; а онъ офице
былъ, точно! Добрый былъ, красивый, верхомъ на к
нѣ, я помню, ѣзжалъ онъ, денегъ давалъ мнѣ...

Тутъ окончательно уже пришла въ себя Александрушка, при воспоминанiи о сынѣ, и хриплымъ голосомъ на всю комнату заплакала.

— Ви-и-кторушка! Го-о-лубчикъ мой! Всѣ-то меня безъ тебя бьютъ, всѣ обижаютъ!..

— Ну, ужъ, теперь про себя пошла, — проговорила Лукерья, уходя въ кухню.—Жаль, раньше ты не пришелъ; такiя тутъ сейчасъ Александрушка исторiи городила—забава! Теперь опомнилась, объ сынѣ голосить принялась, — рекомендовала кухарка александрушкину печаль одному знакомому солдатику, который пришелъ потолковать съ ней бѣздѣлицу до тѣхъ поръ, пока хозяйка съ рынка не приволокется. (Чортъ ее облупи совсѣмъ толстую шельму! Всегда какъ увидитъ, оретъ: зачѣмъ говоритъ, крупа, къ моей кухаркѣ шатаешься? У меня, говоритъ, благородные господа живутъ).

— Черти вы, идолы! орала Татьяна, до красноты упаренная полупудовою порцiею говядины, которую она притащила съ рынка.—Кричала, кричала, чтобы двери отворили, хоть бы собака какая бѣшеная отозвалась. Ну эта сумасшедшая заговорится съ собой, не слышитъ; а ты-то здѣсь какихъ чертей собирала? — спрашивала сердитая съемщица у Лукерьи.

— Здравiя желаю, Татьяна Ликсѣевна! — ласково раскланивался солдатъ, пряча за обшлагъ шинели только-что закуренную кореньковую трубчонку.

— Надымилъ ужъ тутъ табачищемъ-то своимъ! — взъѣлась на него Татьяна. — Вѣдь съ него собаки чихаютъ, а ты господскiя хоромы имъ сквернишь. И за-

чѣмъ только ты, крупа, къ моей кухаркѣ шатаешься?- повторила она свою обыкновенную фразу, на котор солдатъ никогда не могъ отвѣчать сколько-нибудь удо летворительно. — Охъ, дѣлать-то вамъ нечего!.. У тебя баринъ какой-нибудь протолкаетъ отсюда.

Не выдержалъ наконецъ солдатикъ нападковъ съе щицы и заговорилъ:

— Хоть я теперича, Татьяна Ликсѣевна, и солдат только никому обижать себя не позволю, потому не наша линія... Такъ-то! А что теперь касательно, ч я къ Лукерьѣ пришелъ, она мнѣ въ сродствѣ, и ей сродниковъ своихъ запретить впускать не имѣ правы, потому не къ вамъ я пришелъ.

Энергичнѣе этой опозиціи, выставленной солдатико татьяниной руготнѣ, никогда еще не видывалъ темн коридоръ, хотя, надо правду сказать, точно также о никогда и не слыхалъ болѣе зычнаго окрика, котор задала въ это время Татьяна солдату за эту оппозиці Остальной коридорный народъ былъ до того безцвѣте и сносливъ, что хозяйкѣ на него и покричать-то, ка слѣдуетъ, не удавалось, потому что всѣ ея самыя тарскія желанія, безъ малѣйшаго даже помысла о проти рѣчіи, въ ту же минуту исполнялись этимъ народомъ

— Смолчи ужъ лучше, — совѣтовали другъ др коридорные, когда кто-нибудь изъ нихъ осмѣлива возражать лютующей бабѣ.—Разозлится, на морозъ в кинетъ, тебѣ же тогда хуже будетъ.

Немножко не таковы были жильцы комнатные.

VIII.

ЖИТЕЛЬЦЫ КОМНАТНЫЕ, ИЛИ ГОСПОДА.

Описанный коридоръ раздѣлялъ комнаты *снебилью* на двѣ половины, въ каждой по четыре каморки, величаемыхъ Татьяною громкимъ именемъ номеровъ. Одна половина своими окнами была обращена на улицу, другая на дворъ. Въ одной изъ лучшихъ комнатъ, смотрѣвшей на улицу, въ качествѣ человѣка, происходившаго отъ старинныхъ польскихъ магнатовъ, жилъ прапорщикъ Бжебжицкій.

— Да! я таки привыкъ къ нѣкоторому комфорту,— говаривалъ сей обрусѣвшій сарматъ, закладывая зимой пальто для того, примѣрно, чтобы купить ничтожный коврикъ по двугривенному за аршинъ къ изодранному дивану, на которомъ онъ спалъ.

— Въ чемъ же вы теперь ходить будете? — спроситъ кто-нибудь у прапорщика въ то время, когда онъ производитъ свою спекуляцію.

— Есть мнѣ время разсчитывать, какъ и въ чемъ ходить я буду,—обыкновенно отвѣчалъ онъ.—Подите, спросите у Александрушки: въ чемъ она будетъ ходить?

Въ томъ же самомъ и я ходить буду. Рекомендую вамъ, какъ самый лучшій образецъ для всевозможны подражаній,—прибавлялъ Бжебжицкій, когда у него ходилъ съ кѣмъ-нибудь изъ сожителей споръ о како нибудь трудномъ вопросѣ жизни.

— А все это меня Москва къ такимъ роскоша пріучила, — откровенничалъ Бжебжицкій, съ жидо принимавшимъ у него пальто, въ надеждѣ располож своимъ добрымъ обхожденіемъ израильтянина къ то чтобы онъ взялъ съ него въ мѣсяцъ пять процент а не десять, какъ обыкновенно взимаютъ израильтяне То-есть ты не повѣришь, Барадка,—убаюкивалъ во наишельмѣйшаго жида,—такими она меня суммами валивала, теперь даже и подумать о нихъ грѣшно. сама какая была, ежели бы я тебѣ ея портретъ п залъ, такъ ты въ полное неистовство придешь. Но ж своими черными, безстрастными глазами въ одно и же время осматривалъ и прапорщичье пальто и са прапорщика до того насмѣшливо и вмѣстѣ съ т почтительно, что даже самая окриленная надежда за вить его что-нибудь вскрикнуть при взглядѣ на п третъ московской купчихи, становилась втупикъ; о коже Бжебжицкій, какъ нельзя больше знакомый этимъ взглядомъ, все-таки продолжалъ:

— Ишаакомъ, Іаковомъ и Ижраилемъ клянусь, ты, Барадка, непремѣнно вскрикнешь: «Пане мой ликій? пане мой, ухъ какой ясновельмозный! Дайте эту купчиху миррой и виномъ напоить.» Такъ-то, ск ная ты тварь, жидъ ты, христопродавецъ, анаф

Вотъ я изъ-за чего мое пальто закладываю: изъ-за купчихи собственно, потому что нынѣшній день предстоитъ мнѣ случай возобновить съ ней прерванное знакомство. Такъ ты обстоятельство это и чувствуй всѣмъ своимъ носомъ жидовскимъ.

Затѣмъ шла уже Барадкина рѣчь.

— Ахъ, пане мой! — говоритъ Барадка. — Какъ зе вы хоросо такъ по пасему науцились. Долго долзно быть, въ Полсѣ вы зыли; много, долзно быть, вы насему брату своихъ барскихъ весцей прозакладывали.— И все-таки вмѣсто того, чтобы дать прапорщику подъ его пальто шесть рублей, жидъ давалъ ему почему-то десять, а процентовъ бралъ только восемь.

Такимъ образомъ велъ прапорщикъ свои дѣлишки. Всѣ они у него состояли изъ закладовъ и перезакладовъ и постоянныхъ стремленій ухватить гдѣ-нибудь въ магазинѣ, или лавкѣ, распродающейся, вслѣдствіе нѣкоторыхъ коммерческихъ обстоятельствъ, по неимовѣрно-дешевымъ цѣнамъ, ухватить, говорю, товару какого-нибудь подъ заемное письмо, сотняги эдакъ, канальство, на двѣ, на три и потомъ бакнуть этотъ товарецъ, по крайности, за бумажку съ столбиками. Въ послѣднее время стремленія эти осуществлялись какъ-то съ каждымъ днемъ все рѣже и рѣже.

— Чѣмъ ближе къ гробу, — говаривалъ Бжебжицкій, — тѣмъ какъ-то несмысленнѣе дѣлаешься. Нынѣ нѣтъ уже той прозорливости, которая постоянно отличала столь эффектно бунтовавшую юность мою. Или ужь народъ, то есть, что называется массой-то, измо-

шенничался, испрогрессировался, т. е. ходишь-ходишь о
ло него съ цѣлями добыть отъ него свои благород
средства—и ничѣмъ-то ты его не объѣдешь. Сама
масса въ нынѣшнія голодныя времена каждую ми
дикимъ звѣремъ рычитъ, потому что запросъ на х
изо всякаго рта здоровый идетъ и тишины этой
мятежной, которою добрая старина отличалась, да
въ провинціи не найдешь. Д-да-съ!

Никогда, даже и въ тѣ моменты, когда Бжебж
находился на взводѣ, и слѣдовательно, судя по о
человѣчески, въ большемъ или меньшемъ располо
къ откровенности, нельзя было добиться отъ него,
онъ, откуда появился въ столицѣ и чѣмъ им
занимается въ ней. Рекомендую же я его за прапо
ка на томъ единственно основаніи, что это было
слѣднее его показаніе, которому почти никто не
рилъ, потому что за нѣсколько лѣтъ назадъ Бжеб
каго нерѣдко видали въ Москвѣ и подъ голубымъ
лышемъ, и въ эксельбантахъ ученаго офицера, въ
стюмѣ штатскаго фешіонебля, съ заливающей всю
цу своимъ ароматомъ сигарой во рту, и въ
кихъ отрепьяхъ столичнаго пролетарія—не съ па
ской даже, а просто-напросто съ бумажнымъ крючк
набитымъ тютюномъ, гдѣ-нибудь на Цвѣтномъ бу
рѣ, или у будки, дружелюбно вспоминающимъ съ
вымъ про красоту родимой саратовской степи, гдѣ
одной деревушкѣ у часоваго, какъ слышно было
разговоровъ, проживала старая мать, а у Бжебжи
въ другой сосѣдней деревушкѣ находилось, будто

имѣніе, отнятое во время его сиротства нѣкоторымъ старымъ дядей, отъявленнымъ мерзавцемъ и шельмой.

Видали, повторяю, люди, какъ прапорщикъ заговаривалъ, какъ говорится, зубы бутырямъ съ цѣлью, воскресивши въ ихъ памяти родныя и весело-зеленыя поля и родныя же, но черныя и печальныя избы, получить нѣкоторымъ образомъ приглашеніе войти въ теплую будку, обогрѣться и покалякать; а дальше — Бжебжицкій умѣлъ уже, какъ онъ самъ про себя говорилъ, держать фортуну за хвостъ — дальше въ будку приходила какая-нибудь Матрена изъ сосѣдняго дома, вынимала эта Матрена изъ своихъ кармановъ полфунтика сахарку, полтора золотника чаю и становила самоваръ. Подъ его пріятное шипѣнье, Бжебжицкій заводилъ нескончаемый разсказъ про свою сиротскую, бѣдственную жизнь, за что конечно получалъ хотя и косвенное награжденіе въ видѣ этого угостительнаго горячаго чая и мягкаго полубѣлаго хлѣба, которые такъ пріятно ложатся на начинавшій уже мертвѣть желудокъ. А ночь между тѣмъ, эта темная, съ холоднымъ, постоянно моросящимъ дождемъ, осенняя ночь, — все идетъ да идетъ вмѣстѣ съ этимъ печальнымъ разсказомъ про непрестанный голодъ и холодъ, про необходимость не унывать въ такія времена, про разныя веселыя шутки, которыми, въ свою очередь, молодцоватый бѣднякъ отражалъ нашествіе на него грозной нищеты; а простой народъ съ каждой минутой все внимательнѣе и внимательнѣе слушаетъ этотъ разсказъ и все любовнѣе и любовнѣе подчуетъ занимательнаго гостя.

*

— Вы вотъ что, ваше благородіе, — говоритъ п
нецъ будочникъ, окончательно завоеванный барск
разсказомъ; — вы подождите на минуту говорить
вотъ по сосѣдству въ кабачокъ сбѣгаю, полштофи
селедочки захвачу. За одно ужь. Кстати взгляну,
журный нейдетъ ли.

— Ахъ, баринъ, баринъ! — задумчиво и печально
износитъ Матрена, смотря на гостя. — То-то, по гля
на тебя, горя-то на своемъ вѣку много ты нахлеба

— Вволю хлебнулъ всего: и горя, и радости,
ты моя! Вѣдь вотъ теперь, признаться сказать, н
моей было губѣ вашъ чай, не привыкъ я пить та
однакоже пью, и сроду, кажется, сласти такой не
далъ. Вотъ до чего голоденъ!

— О, о-хо-хо! — простонала Матрена. — А
грѣшные, все-то завидуемъ господамъ, все-то мы
маемъ, что у нихъ горя-то и въ поминѣ нѣтъ.

— Какъ же! Больше вашего еще. Ты не гляди
они сладко ѣдятъ да одѣваются чисто. Ты вотъ,
примѣръ, сошла съ мѣста, нѣтъ у тебя кварт
нѣтъ денегъ, такъ ты въ любомъ мѣстѣ у своего
та ночевать за Христа ради выпросишься, а бари
стыдно христарадничать. Вотъ я которую ночь на
цѣ сплю...

— Баринъ хорошій, да ты ныне-то хошь у моей
будкѣ переночуй; все же теплѣе. Отдохнешь по
ности...

Умѣлъ Бжебжицкій толковать со всякаго рода б
стью, и она его, и онъ ее до слова понимали.

— Я теперь ничего не боюсь, — говаривалъ прапорщикъ, — ко всему привыкъ и у самаго даже бѣднаго человѣка, что бы только ни захотѣлъ, все могу выпросить. Опять же и устроился я чудесно: всякое мѣсто для меня хорошо, скверныхъ случайностей не существуетъ.

Говоритъ это прапорщикъ, а самъ (беззаботный такой!) сидитъ на своемъ изорванномъ диванѣ и болтаетъ ногами. Его апартаментъ смотрѣлъ тогда тоже, какъ-то особенно беззаботно, словно бы это былъ не человѣческій апартаментъ, а птичье гнѣздо, оставленное своими первоначальными хозяевами и служащее теперь мѣстомъ отдыха и ночлега для разныхъ перелетныхъ птицъ. Его пустота не страшила собой даже непривычныхъ, посторонних глазъ. Три легкіе соломенные стула, ломберный столъ, за отсутствіемъ надлежащаго количества ногъ, прислоненный къ стѣнѣ, этажерка съ пылью и гравированное изображеніе какой-то красноватой и пухлой женщины съ надписью: «L'innocence», богъ-вѣсть кѣмъ и когда повѣшенное на стѣну, оклеенную разводистыми обоями, — все это вмѣстѣ съ прапорщикомъ, какъ будто сейчасъ же готово было вскочить на никогда неустающія ноги и бѣчь за благородными жизненными средствами въ первую лавку, гдѣ, по слухамъ, удобно было прихватить кое-чего по-мелочи à bon crédit. Готово все это было, сказываю, безъ устали бѣгать по лавкамъ, по жидкамъ и по русскимъ ростовщикамъ, остепенившимся бабешкамъ, съ цѣлью отысканія у этого люда кредита, — прыгать и весело хохотать, ежели находил-

ся таковой кредитъ, и, не задумываясь, не печал
равнодушно разстановиться по прежнимъ мѣстамъ, е
ли борода, такъ сказать, выметала изъ лавки пра
щика, а жидки и остепенившіяся бабешки просили у н
какого-нибудь цѣннаго залога.

Говоря вообще, изъ всего того, что обставляло т
ную жизнь Бжебжицкаго, только одинъ черный ко
его былъ невозмутимо солиденъ и серьозенъ, как
впрочемъ кобелиное качество нисколько не дѣлало п
порщика заботливѣе, а напротивъ, подавало ему нес
чаемые поводы къ разнымъ шуткамъ, которыя обы
венно смѣшили большею частью нахмуренныхъ жи
цовъ комнатъ снебилью.

— Господа! часто крикивалъ Бжебжицкій черезъ с
ну своимъ сосѣдямъ. — Идите ко мнѣ, кто, какъ
ворятъ хохлы, хочетъ позакусить трохи. Цампа буд
за насъ философствовать, а мы, какъ говорятъ рус
мужики, клюнемъ бездѣлицу.

Штука эта, когда униженные и оскорбленные сос
Бжебжицкаго, внявъ его предложенію, клюнуть, п
доставивши философію исключительно на долю Цампы
по крайней мѣрѣ въ моихъ глазахъ, исполнена глу
чайшаго интереса. О томъ, съ какимъ бѣшенымъ ос
венѣніемъ предается выпивкѣ изстрадавшаяся бѣдно
можно судить по слѣдующему, совершенно справедли
анекдоту. У меня былъ одинъ пріятель, тоже изъ
комнатъ снебилью, теперь старикъ ужъ,—башка, б
шая нѣкогда при самомъ Денисѣ штабъ-ротмистр
угорѣлый пафосъ которой простерся въ былые годы

того, что раззадоренная однажды лихою пѣсней безсмертнаго въ лѣтописяхъ московскихъ кутилъ цыгана Илюшки, она бросила ему семьдесять тысячъ, по тогдашнему счету, на ассигнаціи—и сама осталась въ одномъ раззолоченомъ мундирѣ, при *свѣтлой сабли* полосѣ и съ поларшинными усами...

— Старичина!—спросилъ я однажды у этой башки, когда мы были съ ней въ гостяхъ у двухъ братьевъ, степныхъ помѣщиковъ, пріѣхавшихъ въ Москву просадить четыре тысячки рублишекъ, по нынѣшнимъ уже счетамъ, на серебро.—Старичина!—сказалъ я, — какіе бѣсы помогаютъ тебѣ вырѣзывать такія страшныя стаканищи?

— А это,—отвѣтилъ старичище, улыбаясь и покручивая свою сивую растительность, — это, говоритъ, братецъ ты мой, мнѣ не бѣсы помогаютъ, а сугубое представленіе, что завтрашній день на моемъ столѣ не только этой благодати не будетъ, а даже и рюмочки простой кокоревщины...

Вотъ что мнѣ сказалъ проерыжничившійся старичина — и, слѣдовательно, Богъ съ ней, съ этой бѣдностью, когда она обжирается за чужимъ столомъ, и даже Богъ съ ней и тогда, когда она опивается на чужія деньги, ибо и бѣдность, по моимъ теоріямъ, есть ничто иное, какъ живой человѣкъ, который, по пословицѣ, хочетъ калачика, какъ и всякая живая душа.

Готовнѣе всѣхъ и, слѣдовательно, прежде всѣхъ являлся на закуску къ прапорщику нѣкто Сафонъ Ѳомичъ Милушкинъ,—личность, принадлежавшая въ дни

своего младенчества къ какому-то мудреному старо-
рядческому согласію. Это былъ маленькій, съ крас-
ватымъ лицомъ человѣкъ, вѣчно думающій о чемъ-
робкій и какъ-будто однажды навсегда испуганный
кою-то страстью. Въ комнатахъ спебілью онъ прос-
вился своею, такъ-сказать, пламенной любовью къ
пивкѣ, отличнымъ умѣньемъ пѣть въ подпитіи раз-
старинные псалмы и по-истинѣ поэтическими разсказ-
о своей прошлой жизни, о пугающей средѣ, въ ко-
рой она началась, и о тѣхъ совершенно-невѣроятны
причинахъ, вслѣдствіе которыхъ Сафонъ Ѳомичъ раз-
валъ всякую связь съ этой средой.

Когда Милушкинъ находился въ трезвомъ видѣ,
мый искусный дипломатъ не могъ бы добиться
него ни одного слова. Бывало, какой-нибудь фран
наскучивши свистать и маршировать по своей тре
аршинной кельѣ, придетъ къ Сафону Ѳомичу, ся
около него и начнетъ:

— Ну что, Сафонъ, какъ дѣла? Что ты намѣр
теперь дѣлать? — Сафонъ молчаливо переходилъ
франта на другой стулъ и принимался молчать,
можно такъ выразиться, еще усиленнѣе и какъ-
озлобленнѣе.

— Чтоже ты ничего не говоришь? Я пришелъ
тебѣ, братецъ, по душѣ потолковать; слышалъ я
ра, что лекціи по винокуренію будутъ читать. В
бы тебѣ чудесно послушать курсъ и на мѣсто устроить

— Н-ну д-да? — сквозь зубы процѣживалъ
лушкинъ.

— Право, попробовалъ бы,—продолжалъ пріятель.— Взялъ бы ты, братецъ ты мой, билетъ на эти лекціи...

Сафонъ Ѳомичъ въ сильномъ негодованіи обыкновенно трясъ въ это время своими длинными волосами, какъ-бы сбрасывая съ своей головы ненавистный билетъ на винокуренныя лекціи.

— Да что ты головой-то трясешь, шутъ ты этакой? Тебѣ же добра желаю; мѣста, говорятъ, отличныя, оклады большіе.

— Да отвяжись ты отъ меня, Христа-ради! какъ-то болѣзненно и вмѣстѣ съ тѣмъ азартно вскрикивалъ Милушкинъ, и ежели пріятель не унимался и послѣ этого крика, онъ уходилъ со двора и пропадалъ нерѣдко на цѣлыя сутки.

Но выпивалъ Сафонъ Ѳомичъ — и совершенно мѣнялся. При одномъ только взглядѣ на полуштофъ лицо его принимало какое-то плачущее выраженіе; какая-то мука ложилась на него, вслѣдствіе которой Милушкинъ принимался тяжело вздыхать и крутить головою, — и наконецъ уже выпивалъ, послѣ чего неукоснительно громко стучалъ по столу и скорбно морщился. И достовѣрно извѣстно, что въ Сафонѣ Фомичѣ эти пріемы были вовсе не заранѣе придуманнымъ маneромъ съ цѣлью посмѣшить и амфитріона, и компанію, а просто какою-то необходимой мистеріей, безъ которой выпивка не имѣла бы для него никакой цѣны.

— Для чего ты морщишься, Сафонъ? — спрашивали у него собесѣдники, зная, что Сафонъ на взводѣ и что, слѣдовательно, какъ всѣ шутили на его счетъ,

находится въ полнѣйшей возможности разъяснить при-
чину всѣхъ причинъ.

— Сгу-у-била она меня, чор-ртъ ее побери! отвѣ-
чалъ Сафонъ, указывая на водку. — Гибель она мо
вотъ отъ чего я морщусь, потому мука... Хочу сов-
дать съ ней и не могу; а отъ немощи этой страдаю.

Предстоявшіе разражались громкимъ хохотомъ, а Са-
фонъ съ скрежетомъ зубовъ наливалъ еще рюмку, с
злостью выпивалъ и приговаривалъ: — о, чтобъ те
чортъ взялъ, проклятое зелье! Не было бы тебя, та
и горя у меня не было бы никакого!...

Послѣ двухъ рюмокъ Сафонъ Фомичъ обыкновен-
начиналъ, по выраженію Татьяны, комедь про св
злосчастную жизнь. Даже и хозяйка комнатъ, и к
харка даже лѣзли тогда къ Милушкину съ своими шу-
ками, упрашивая его разсказать имъ что-нибудь по-
тереснѣе,—и Милушкинъ безпрекословно разговарива
и съ ними, примѣрно въ такомъ родѣ:

— И вамъ разсказать что-нибудь? спрашивалъ о
ихъ, по своему обыкновенію вихляясь и какъ-то о
чаянно покручивая побѣдною головою.—Извольте, Та-
яна Алексѣевна, извольте, Лукерья Онисимовна! У-
влетворю и васъ. Примѣрно, какая теперь разни-
спрошу я васъ, между мною и вами? Вы обѣ дубо-
отрубки, и я по-настоящему долженъ бы быть ду-
вымъ же отрубкомъ. Идолъ! — гремѣлъ старовѣръ
Татьяну:—ты такъ и осталась дубомъ на всю жиз
а я, на мое всегдашнее горе, въ животное превратил
въ животное, которое во всѣ мѣста каждая рука бьетъ,

и оно это чувствуетъ, а ты, ежели тебя даже и въ рожу съѣздить, ты этого не почувствуешь, потому корою ты обросла столѣтней.

— Чортъ знаетъ что! Какъ же это не почувствую, когда меня бить будутъ?—отшучивались Татьяна, видимо однако робѣя начинавшаго уже восторгаться Сафона Фомича.

— Да ужъ я тебѣ врать не стану. Ты слушай меня, дурь безмѣрная. Понимаешь ли ты, что соврать, какъ ты напримѣръ ежесекундно врешь, — я не могу, какъ не могу не умереть когда-нибудь. И потому я тебѣ говорю: ты дубовый отрубокъ, которому легко жить, а мнѣ тяжело.

— Ну? говорилъ кто-нибудь изъ жильцовъ, — наслушается теперь Татьяна старовѣрческихъ отвлеченностей!—между тѣмъ, какъ сама Татьяна, слушая эти отвлеченности, пугливо хихикала надъ ними, какъ говорится, въ сторону.

— Такъ-то, Татьяна Алексѣевна! Ты вотъ ка́къ думаешь, что я здѣсь дѣлаю, живучи у тебя? Ты вѣдь, знаю я, полагаешь, что я ничего не дѣлаю, а такъ вотъ себѣ, баклуши бью?

— Какъ можно, Сафонъ Фомичъ, ничего не дѣлать! говорила Татьяна съ стыдливою и старающейся быть почтительной улыбкой,—все что-нибудь по своимъ дѣламъ орудуете, а только, признаться сказать, не знаю что.

— Вотъ я тебѣ сейчасъ скажу, чѣмъ именно я у тебя орудую здѣсь,—вызывался Милушкинъ. — Я, ми-

лая ты моя, наблюдаю есть-ли въ Москвѣ человѣкъ, которому бы жить на этомъ свѣтѣ хуже меня было. Вотъ что я дѣлаю! Наблюдаю—и не нахожу—и скорб лю душой отъ зависти, что всѣ люди, какъ люди, а я, ни Богу свѣча, ни чорту кочерга. Ты и то лучш меня. Изобью я тебя сейчасъ за это, бабнища дура кая! Всякому злу ты причина, всякому доброму нач нанію гибель.

— Э-й, Сафонъ! Опомнись, любезный! — уговар вали его сосѣди, выбѣжавшіе на крикъ Татьяны, к торую несчастный начиналъ уже поталкивать. — По лучше выпей, мы за водкой послали.

— Любезное дѣло, соглашался Сафонъ.—Дуракъ вздумалъ съ бабой раздабарывать. Плевать нужно бабъ всегда, а не раздабарывать. Пьемъ?

«К–кому повѣмъ печ-ча-аль мою?
К-ко-о-го призову къ рыданію?»

обыкновенно запѣвалъ Сафонъ Фомичъ, когда нач налъ, какъ говорится, заговариваться. Всякій, к только не лѣнился, могъ сдѣлать изъ него въ это вр мя своего шута.

— Ну, Сафонъ,—приставали къ нему тогда со вс сторонъ:—разскажи, пожалуйста, какъ ты попалъ сюд зачѣмъ и почему?

— Можно! кричалъ Сафонъ. — Знаю, что вы см тесь надо мной, бестіи, а я разскажу, — въ поучен ваше общее разскажу. Слушайте: родился я тамъ г то, у чорта на куличкахъ; верстамъ отсюда до т мѣстъ счету нѣтъ, только всѣ эти версты я собств

ными моими ногами измѣрилъ. Дѣдушка у меня былъ... только лучше я про дѣдушку моего ни слова вамъ не скажу, потому что вы такихъ людей и во снѣ ни разу не видывали. Вѣкъ вашъ не такой—и племя иное. И про отца тоже ничего не скажу, потому что и меня одного станетъ про вашу потѣху дурацкую. Всего лучше будетъ, — продолжалъ Милушкинъ, сердито наморщивая брови и какъ-бы опамятовавшись,—ежели я про весь домъ нашъ не буду говорить съ вами; испугаетесь вы пожалуй до того этого дома, что и смѣяться надо мной перестанете.

— «Не по носу вамъ этотъ домъ, ребята!—словоохотливо добавлялъ Сафонъ Фомичъ, расцвѣчая насильственной улыбкой свое лицо всегда помрачаемое воспоминаніемъ о родимомъ домѣ, — букетъ его, братцы, сразу перехватитъ вамъ носовые хрящи, даромъ, что вы ребята обстрѣленные, — ко всякимъ, слѣдственно, ароматамъ привыкли.

«У насъ, бывало, въ дому по цѣлымъ ночамъ мать, какъ Рахиль въ Рамѣ, стонала и убивалась, а сѣдой дѣдъ, съ морщинистымъ такимъ лицомъ, неподвижнымъ и сильнымъ, какъ гора каменная, тоже по цѣлымъ ночамъ за толстою книгой въ кожаномъ переплетѣ сидѣлъ, и дочь, отъ слезъ обезумѣвшую, ни однимъ взглядомъ, бывало, не пробовалъ утѣшать. Сидитъ, говорю, бывало, въ переднемъ углу, какъ темная туча, и бубнитъ свою книжку; а въ окна большой избы, освѣщенной тонкимъ сальнымъ огаркомъ, такой-то ли крикливый вѣтеръ просился, — тоска!..

Но и матери плакать, и дѣду благочестивымъ книжнымъ чтеніемъ заниматься ничуть не мѣшали ужасы страшной лѣсной, сѣверной ночи, потому что горе нашего дома было въ тысячу разъ страшнѣе этой ночи...

«Только я вамъ и объ этомъ горѣ не буду больше разсказывать; лучше я вамъ разскажу про отцовы и про дѣдовы книжки, по которымъ я читать выучился. Это были толстыя, почернѣвшія книги, которыя угрюмо высматривали изъ темнаго передняго угла, гдѣ онѣ обыкновенно лежали, словно бы говорили ребятишкамъ эти книги, что вотъ-де, мальчуганы, какія мы сердитыя! Много объ васъ хворосту изстегаютъ, много волосенокъ повыдергаютъ, когда будутъ васъ учить вникать въ насъ! Только, бывало, картинками нарисованными въ нихъ, и можно было подманить ребятенокъ къ этимъ книгамъ. Подойдешь, начнешь перелистывать, а отъ листовъ пахнетъ воскомъ и ладономъ, божьимъ деревцомъ и кипарисомъ, и всѣ они переложены узорчатымъ кружевомъ, разноцвѣтными лентами и широкими прорѣзными древесными листьями. Не наглядишься, бывало, на книги, когда, осиливши первый страхъ, станешь разсматривать ихъ. Особенно, я помню, занимали меня двѣ картинки. Одна изъ нихъ была въ псалтырѣ и изображала пророка и царя Давида, съ золотымъ вѣнцомъ на головѣ, поднятой къ небу, гдѣ видны были зеленые верхи райскихъ деревьевъ, съ стволами густо-позолоченными, — въ свѣтлыхъ широкихъ одеждахъ и съ гуслями въ рукахъ. До того, бывало, досмотришься, глядя на эту картинку, что и

яву шевелились предъ тобой листья небесныхъ садовъ, порхали въ нихъ и пѣли какія-то невиданныя птицы, и царскія гусли тоже пѣли вмѣстѣ съ ними до того сладко, что все сердце въ тебѣ изноетъ, слушая эти пѣсни. Опомнишься, возьмешь другую книгу, съ другой, особенно памятной мнѣ картинкой: тамъ, съ молніями въ карательно-распростертыхъ рукахъ, былъ изображенъ Господь Саваофъ въ видѣ старца, парящаго надъ землей на многокрылыхъ ангелахъ...

«При взглядѣ на лицо разгнѣваннаго Бога, на эти змѣистыя, слегка подернутыя золотомъ молніи, летающія изъ его могучей руки, непремѣнно, бывало, перекрестишься и зашепчешь: святъ, святъ, святъ, потому что кажется тебѣ, какъ разсказывалъ дѣдъ про страшный судъ, что вотъ-вотъ сейчасъ колыхнется земля на своихъ основаніяхъ и запылаетъ всеобщимъ пожаромъ и что волны того пожара досягнутъ до самаго неба...»

Тутъ старовѣръ приходилъ въ окончательный экстазъ. Его маленькое, опушенное впрочемъ рыжею бородою лицо, гнѣвно морщилось и свѣтлѣло, на лбу ложились совершенно-старческія глубокія морщины, придававшія этому лицу выраженіе несокрушимой силы, и злобно стуча кулакомъ по столу, Милушкинъ продолжалъ свой разсказъ съ такимъ горячимъ одушевленіемъ, какъ-бы нашелъ онъ сейчасъ противника, который на-смерть оспариваетъ правду его разсказа.

— Воспитали меня эти книги для славы Бога моего, которую я неустанно хочу проповѣдывать. Что вы думаете, шуты вы, гробы повапленные? Можетъ-быть

проповѣдь моя загремѣла бы въ уши ваши, какъ гром Саваофа, который въ старой книгѣ на картинкѣ душ моя видѣла и слышала, можетъ она образумила бы васъ, перекрестились бы вы отъ нея, можетъ быть Али нѣтъ? не перекрестились бы?.. То-то и я сам думаю, врядъ ли, потому что душъ у васъ нѣтъ и сердецъ у васъ нѣтъ, а есть только однѣ утробы...

— Ну, будетъ, ребята! Пошалили и баста! Нука кто мнѣ нальетъ водочки? Ибо руки мои уже не дви гаются, закончилъ Милушкинъ, грустно поникнувъ го ловою на залитый водкою столъ.

А между тѣмъ всѣ, что называется, храбрые выпивк уже стеклись къ Бжебжицкому на его закуску, котора съ каждой минутой свирѣпѣя все больше и больш превратилась наконецъ въ бурно-шумящую оргію. Сна чала выпивку разжигали воспоминанія старовѣра, потомъ ужъ настоящій ходъ и значеніе придали ей д неразлучные друга—одинъ отставной учитель гимназі кривой и обезображенный оспой, по прозванію Степан Гробъ, главная жизненная сладость котораго заключа лась въ постановкѣ, какъ онъ говорилъ, разныхъ глу бокихъ вопросовъ, и другой — нѣкто уволенный сту дентъ Бенедиктовъ, прозванный за свою касту Ники тою Пустосвятомъ, а за гигантскій ростъ Високосны Годомъ или отставнымъ драбантомъ его шведскаго ко ролевскаго величества. Этотъ мужъ считался звѣздо первой величины на горизонтѣ компатъ *снебилью* своё необыкновенно-оригинальное умѣнье играть г гитарѣ.

Високосный-Годъ уже разошелся до такой степени, что его варьяціи начинали временами обращать на себя вниманіе самыхъ пьяныхъ; Бжебжицкій подъ эти звуки сладострастно разлегся на своемъ диванѣ, задумчиво раскачивая въ рукѣ черешневый чубукъ; Амаліи Густавовны и Адельфины Петровны, обманутыя нѣкоторыми мотивами, пробовали подпѣвать подъ гитару, но драбантъ не любилъ, чтобы кто-нибудь, а тѣмъ болѣе какая-нибудь Адельфина, или Степанида вмѣшивались въ его фантазіи, и потому онъ время отъ времени во все свое громовое горло безъ церемоніи кричалъ: цыцъ,—бабы! не то гитарой головы разобью!»

— Гдѣ, гдѣ молодое поколѣніе? кричалъ Степанъ Гробъ, напирая на нѣкотораго молодца, прозваннаго одними мистеромъ Скимполемъ изъ Холоднаго Дома, другими же Пляшущимъ Маколеемъ. Гдѣ оно, это новое поколѣніе? азартно переспрашивалъ Гробъ, яростно вращая единственнымъ глазомъ. Ужъ не это ли? доискивался онъ, тыкая пальцемъ въ одного шестиклассника-гимназиста, тоже жильца комнатъ. Это вовсе не молодое поколѣніе, а это просто-напросто молодой пьяница!

Браво! заоралъ такимъ образомъ рекомендованный гимназистъ, конфузливо присѣдая отъ неестественнаго хохота. Браво, Степанъ! (Прибавить слово «Гробъ» къ имени своего бывшаго учителя, гимназистикъ все еще по старой памяти опасался). Я съ тобой совершенно одинакихъ убѣжденій на счетъ молодаго поколѣнія.

— Поди къ свиньямъ, губошлепъ! оттолкнулъ единомышленника грубый Гробъ. Коего чорта ты смыслишь

въ этихъ дѣлахъ? Ступай-ка лучше паси овцы от
твоего.

Гимназистикъ вломился было въ амбицію, но стар
вѣръ не допустилъ разгорѣться порывамъ мальчика.

— Полно тебѣ связываться съ этой заразой, ю
ша! сказалъ Милушкинъ гимназисту. Ты развѣ не в
дишь, что это пьяный циникъ? А пьянаго циника,
лый мой, отъ свиньи отличить невозможно. Хуже
гаже этого народа ни одной гадости во всей подсолн
ной нѣтъ. Ейбогу? Вѣрь ты моему слову. У тебя оте
то кто былъ? Помѣщикъ? Ты, значитъ, за текущій
сяцъ за мою квартиру сполна заплати: мнѣ, знае
дружечекъ, взять негдѣ. Ейбогу! Стой, я тебя по
лую. Такъ-то, милый мой, береги свою юность,
пей,—скверно. Вотъ и выучилъ меня отецъ грам
и принялся я тѣ толстыя книги читать. Читаешь,
таешь, бывало, и уснешь, а во снѣ представится те
какъ на ладони, Кіевъ святой съ пещерами, храма
монастырями и широкимъ Днѣпромъ. Ходилъ я, б
тецъ ты мой, въ Кіевъ взрослый уже, — недавно
дилъ; только, божусь тебѣ, точь-вточь я во снѣ та
же Кіевъ видѣлъ, какой онъ въ самомъ дѣлѣ есть
Не вѣришь? Такъ я тебѣ вотъ что скажу: я вид
во снѣ Римъ, и его форумъ, и его императоровъ,
чившихъ нѣкогда христіанъ, Голгофу съ тремя крес
ми, и поля, окрестныя Іерусалиму, по которымъ
дилъ Христосъ; видѣлъ, какъ процессія попа-Ник
на споръ по Москвѣ шла; а теперь, когда я уже
отцовы, а другія книги читаю, — другое уже совс

вижу... И вотъ, милый мой мальчикъ, скоро, скоро я брошу скверну мою и пойду, и пойду... Да! ты вѣрь мнѣ.

А передъ Степаномъ Гробомъ, вмѣсто сраженнаго имъ Пляшущаго Маколея, стоялъ уже другой юноша, высокій и стройный, блѣдный такой и серьезный. Не горячась и не рисуясь, тихо говорилъ онъ своему мрачному оппоненту:

— Опытъ, кто говоритъ противъ этого, очень хорошая вещь, но жаль, что дальше своего носа онъ ничего не видитъ...

— Браво, Ваня! хохоталъ Милушкинъ, вслушавшись въ послѣднія слова молодаго человѣка... Катай ихъ съ этой точки зрѣнія. Спроси у нихъ, куда они дѣнутъ жизнь сердца, куда они дѣнутъ мои сны? Ха-ха-ха! куда они дѣнутъ ихъ?

— Валяй, бабы! могуче крикнулъ отставной драбантъ его королевскаго шведскаго величества. — Теперь ваша очередь. — И онъ ударилъ на гитарѣ что-то такое, въ одно и тоже время и ноющее и веселое, отъ чего никакая русская бабья душа не можетъ усидѣть на мѣстѣ. Одна изъ Адельфинъ сразу угадала, какую именно сельскую пѣсню поетъ гитара артиста, голодающаго нѣсколько лѣтъ въ городѣ съ цѣлью подробнѣе изучить характеръ своего пѣвучаго друга.

«Ахъ, гдѣ ты была,
Моя нечужая?
Ай въ степи ты брала ленъ,
Ай ты съ кѣмъ гуляла?»

вскрикнула Адельфина вмѣстѣ съ звучно-трепетавши
струнами, въ одно мгновеніе переставши быть Адел
финой и дѣлаясь, какъ встарину, послушною дочер
дяди Петра, чернобровой утѣхой и работницей родима
дома. Родимая пѣсня распрямила ея станъ, сгорбле
ный городомъ; отъ зеленыхъ полей, на которыхъ р
стетъ пахучій ленъ, засвѣтились потухшіе глаза и з
краснѣлись прежде времени поблѣднѣвшія щеки.

— Охма! гремѣлъ Високосный-Годъ, заливая воли
ми, какъ стаи легкихъ полевыхъ пташекъ, щебета
шихъ трелей, комнату Бжебжицкаго.

«Ходи изба, ходи печь
Хозяину негдѣ лечь!»

Оралъ онъ въ поощреніе дѣвушки, и живо пальц
его уничтожали въ гитарѣ тотъ разгулъ, съ которы
она спрашивала у *нечужой*, *гдѣ она была*, пото
что нечужая на повторенный вопросъ:

«Охъ! гдѣ же ты была?
Завалилася?»

отвѣчала:

«На дырявомъ я мосту
Провалилася!»

И такъ-то скоро, такъ-то порывисто послѣ этого з
плакали струны, словно бы больная истерикой женщ
на, а Адельфина такъ-то плясала подъ этотъ плач
такъ-то она отчаянно отбивала дробь двухвершковы
каблукомъ своего городскаго башмака, что всѣ жильц
темнаго коридора, всѣ эти Татьяны и Лукерьи напер
рывъ лѣзли къ дверямъ и оттуда смотрѣли на не
подставивъ почему-то подъ бороды свои руки, что обы

новенно дѣлаютъ Татьяны и Лукерьи тогда, когда ихъ обурѣваетъ какое-нибудь сильное горе...

— Дѣйствуй! закричалъ вдругъ Сафонъ Фомичъ, бросившись въ плясъ съ быстротой совершенно-трезваго человѣка.

И пошло!..

Я лично, тоже жилецъ самой крайней комнаты снебілью, обращенной однимъ окномъ на дворъ, а другимъ упиравшейся въ какую-то высокую кирпичную стѣну, пришелъ въ это время къ Бжебжицкому, лишь только заслышалъ топотъ знакомаго трепака.

— Знатокъ я, братъ, своего дѣла! обратился ко мнѣ Сафонъ, выдѣлывая неимовѣрную присядку.—Что давно не пришелъ? Я, любезный, такую тутъ безъ тебя фигуру отмочилъ, совсѣмъ новую! Жаль, что ты не видалъ. Ну, благо теперь пришелъ. Выпьемъ съ тобой— и качнемъ *старинную*. Готовься ребята!

Всѣ откашлялись, а я зажмурилъ свои глаза, потому что не могъ пѣть *старинной* не зажмурившись!..

Выпилъ Сафонъ Фомичъ, крякнулъ, и нюхнувши маленькій кусочекъ хлѣбца, съѣлъ его, а потомъ уже началъ:

«О-о-охъ! Ты взойди, ты взойди солнце ясное!
О-о-охъ! надъ горою да надъ высокою,
Надъ дубравой да надъ темною!
Обогрѣй насъ добрыхъ молодцовъ,
Добрыхъ молодцовъ, сиротъ бѣдныхъ,
Сиротъ бѣдныхъ, безпаспортныхъ!»

Я, пронзающей фистулой, могущей дѣлать неописанныя варіаціи, и громовый басъ Високоснаго-Года,

вмѣстѣ съ его десятиструной гитарой, дружно приня
шіе отъ запѣвалы вторую строчку пѣсни, сдѣлали т
что съ перваго же нашего оха, все что въ потѣ ли
трудилось въ печальныхъ подвалахъ дома комнатъ ск
бiлью, — все это разлилось передъ нашими окнами
слушало старинную пѣсню, отъ которой тяжкій сто
шелъ по цѣлому дому.

— Важно поютъ! толковала публика.

— Играютъ безподобно! И все это студенты от
чаются.

— Студентамъ однимъ такъ не сыграть: безпремѣ
но есть и господа.

«О-о-охъ! Сиро-отъ бѣдныихъ, безпаспортныхъ!»

тянули колокольчиками дишканты Адельфинъ, Татья
и Лукерьи, по-временамъ заливаемые волнистой окта
драбанта и такъ-сказать горюющимъ теноромъ Саф
Фомича, который впрочемъ, по правдѣ сказать, нико
не выстаивалъ въ самыхъ верхнихъ нотахъ проти
моей фистулы.

— Вонъ она, сиротская-то наша-матушка раска
вается! восхищался народъ, все больше и больше
воднявшій нашъ дворъ. — Вишь господа-то ее к
вздымаютъ: поди чай, подъ самымъ небушкомъ слыш

— Тебѣ же говорятъ, что это не господа! по
тельно замѣтилъ восторгавшемуся парню какой-то,
всѣмъ примѣтамъ, мастеръ.—Не господа, а такъ,
бенты простые,—народъ больше, не хуже нашего
та, бѣднякъ.

— Пшоль, негодный шеловѣкъ, негодная твоя тварь! загонялъ своихъ рабочихъ въ покинутыя ими мастерскія нѣмецъ-красильщикъ. — Какой теперь шасъ! гнѣвно шумѣлъ онъ. — Гдѣ ты долженъ быть? Въ мастерской, а онъ тутъ на всякое глюпство уши раздвинулъ. Никогда этого не пойметъ, шортова голова, что въ мастерской надобно быть въ одинъ шасъ, а въ другой глюпствомъ заниматься... Пшоль! Пшоль!

Веселая насъ, господа, компанія собралась въ комнатахъ *снебілью!* До того веселая и хорошая, что шестиклассникъ-гимназистъ всю слѣдующую за выпивкой недѣлю старался, по примѣру Степана Гроба, становить разные глубокіе вопросы и, также какъ онъ, кавалерски, или, какъ говорили въ комнатахъ, съ криваго глаза, рѣшать ихъ; надувался онъ, бѣдный, изо всѣхъ силъ быть такъ же народнымъ, какъ Сафонъ Фомичъ; у Високоснаго-Года учился на гитарѣ, а ко мнѣ (о горе мнѣ, развратившему своимъ примѣромъ единаго отъ малыхъ сихъ!) ко мнѣ, говорю, всю недѣлю приставалъ поисправить немножечко какой-то разсказъ и похлопотать въ какой нибудь знакомой редакціи о скорѣйшей выдачѣ ему за этотъ разсказъ гонорарія, который, я увѣренъ, этотъ парень, въ качествѣ сына своего вѣка, употребилъ бы на выпивку, шикарнѣйшую выпивки прапорщика Бжебжицкаго...

АРКАДСКОЕ СЕМЕЙСТВО,

или

НОВАЯ КАМЕЛІЯ ВЪ КЭПИ.

(московская идиллія).

Что на свѣтѣ прежестоко?
Прежестока есть любовь!
Изъ народн. пѣсни.

Я предъ тобой на колѣняхъ! съ неподдѣльнымъ паѳосомъ сказалъ графъ Андрей, воздымая руки къ небу.

I.

Мои повѣсти я всегда начинаю описаніемъ природы, побуждаемый къ этому слѣдующимъ обстоятельствомъ. Будучи, по натурѣ своей, человѣкомъ улицы, я, шатаясь изъ конца въ конецъ по нашей широкой отчизнѣ, видѣлъ по крайней мѣрѣ сто милліоновъ людскихъ глупостей и двѣсти билліоновъ людскихъ же подлостей. Вспоминая объ этой миріадѣ орнаментовъ земнаго шара, безъ которыхъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, онъ и не удержался бы въ пустомъ пространствѣ, я прихожу въ неизъяснимое бѣшенство. Созданный быть

ловцомъ душъ, т. е. исправителемъ человѣчества, я
смертельной жажды томлюсь въ это время желаніе
такой богатырской силы, которая бы всегда давала м
полную возможность всякаго джентльмена, спосо
ствующаго своею подлостью, или глупостью равновѣ
земнаго шара, схватить за волосы цѣлою горстью
тузить его и тузить, дабы онъ былъ чистъ и пр
ственъ, дабы онъ наконецъ не препятствовалъ мое
собственному *праву* быть добродѣтельнымъ и вид
другихъ таковыми же...

Да! Не проходитъ ни одного дня безъ того, что
я глубоко не скорбѣлъ объ отсутствіи въ моихъ м
кулахъ надлежащей развитости. Когда мнѣ приходи
выражать эту скорбь, я бываю страшенъ, какъ лют
звѣрь, и обыкновенно лечу къ Пуаре учиться гим
стикѣ. Свѣжій воздухъ постепенно охлаждаетъ мое
рящее лицо, скорый бѣгъ утомляетъ на минуту в
бужденное разлившеюся желчью тѣло, и я начинаю п
поминать время и мѣсто, гдѣ совершилась извѣст
глупость, или подлость, возмутившая меня. Начин
говорю, припоминать время и мѣсто совершенія извѣ
наго нелѣпаго дѣла и чѣмъ ярче освѣщало это д
хладнокровное, ничѣмъ не возмущающееся солнце, чѣ
веселѣе смотрѣла въ моей памяти сцена людскаго
совершенства, тѣмъ я дѣлаюсь и тише и тише, тѣ
рѣшительнѣе бросаю свое намѣреніе давать *практ*
Пуаре и наконецъ окончательно, такъ сказать, он
мившись, я заломляю набокъ мою порыжѣлую, бонви
скую шляпу и иду, иду, иду...

И оно — это безалаберное море безалаберныхъ дѣлъ людскихъ — шумно катится предъ глазами моими, одинаково безправно топящее и безправно выносящее на на берегъ ловцовъ своихъ. Привыкли глаза мои не слѣпнуть отъ ослѣпляющаго блеска волнъ того моря,— уши мои не глохнутъ отъ грохота ихъ и, если что нибудь иногда мѣшаетъ моему обыкновенному, постоянному занятію смотрѣть на это море и думать о немъ, такъ это только выраженное уже мною желаніе физической силы, чтобы съ одной стороны помочь какому нибудь храброму и честному пловцу жизненнаго океана, который, спасши менѣе сильныхъ, самъ тонетъ теперь, теряя послѣднія силы; съ другой, чтобы стукнуть въ лобъ негодяя, который изъ труповъ, утопленныхъ имъ, сдѣлалъ себѣ широкій покойный плотъ и съ улыбкой добродѣтели подъѣхалъ на немъ къ мирному берегу.... Скотство!

Но я удержусь моей тукманкой превращать эту улыбку въ гримасу смерти. И безъ меня невинное спокойствіе этой физіономіи самымъ гнуснымъ образомъ исковеркается и ужаснется при видѣ черта, который неизбѣжно встрѣтитъ ее въ жаркой банѣ ада. Впрочемъ вѣра въ эту встрѣчу еще не такъ успѣшно успокоиваетъ мое бѣшенство, какъ успокоиваетъ меня, или шумный день, безпощадно освѣщающій звѣрство людское, или тихая ночь, непроглядняя темнота которой снисходительно укрываетъ его. Поэтому природа у меня всегда на первомъ планѣ. Она лучше всего, что только я узналъ во всю мою жизнь. Блистая нѣкогда неподдѣльной кра-

сотой въ мои дѣтскіе глаза, она заставила меня непо-
дѣльно полюбить ее, — вслѣдствіе чего и настоящ
очеркъ я начну съ того собственно, въ какомъ состо-
ніи была природа въ то время, когда завязался узе
подлой глупости, составляющей его тему.

Узелъ московской идилліи завязался въ одной и
тѣхъ свойственныхъ только Москвѣ улицъ, которыя
называю дѣвственными, а другія когда говорятъ п
нихъ, называютъ: у черта на куличкахъ, у сатаны
рогахъ. Рѣшайте сами, которое изъ двухъ назва
справедливѣе.

Было восемь часовъ утра. Кто знаетъ нравы дѣ-
ственныхъ улицъ, тому нечего говорить, что обитате
ихъ въ восемь часовъ утра всѣ давно на ногахъ;
кто не знаетъ этихъ нравовъ, тотъ непремѣнно под
малъ бы, что жители еще спали. Такъ было все ти
на улицѣ, что, кромѣ табачнаго дыма, который густ
ми клубами выпускала изъ окна маленькаго домишк
нѣкоторая усастая ермолка, ничего не было видно на н
Росла тутъ правда, ярко-зеленая трава, увлаженная е
невысохшею росой, за заборами стояли развѣсистыя
ревья, на нихъ чирикали садовыя птицы, будочни
стоялъ на крыльцѣ своей будки съ стаканомъ чая
рукахъ, показывающій видъ, что онъ пьетъ за з
ровье солнца, только что взошедшаго надъ громада
настоящей Москвы; слѣдовательно я, какъ бы, совра
немножко, когда сказалъ, что ничего не было на дѣ
ственной улицѣ, кромѣ табачнаго дыма усастой ерм
ки. Я, изволите видѣть, потому дозволяю себѣ мале

кую вольность въ частностяхъ моего очерка, что главная основа его цѣлаго до безконечности справедлива. Примите это въ соображеніе и слушайте, что будетъ дальше.

Надъ двойнымъ рядомъ покосившихся хижинъ дѣвственной улицы, надъ ея травой и деревьями было такое мирное сіяніе весенняго дня, какое думаю должно освѣщать только свѣтлые сады рая и божественные лики населяющихъ эти сады.

Никакъ нельзя было подумать, чтобы какая нибудь людская голова, освѣщенная этимъ солнцемъ, дышавшая этимъ ароматнымъ днемъ, рѣшилась бы пойдти въ дисгармонію съ окружавшею его повсемѣстной красотою и обезобразить его своей пошлостью и подлостью. А между тѣмъ этимъ именно свѣтлымъ утромъ, такъ живительно пробуждавшимъ жизнь послѣ теплой ночи,—на этомъ именно тихомъ мѣстѣ, при видѣ котораго въ васъ непремѣнно пробуждалось желаніе выстроить на немъ свою кущу, чтобы въ ея безмятежной тиши терпѣливо ждать конца, когда истаетъ въ васъ вѣчно ноющее сердце,—на встрѣчу вамъ безобразнымъ червемъ выпалзывала людская мерзость, разгоняя ваши добрыя мысли и ожесточенно вооружая васъ противъ блага жизни.

Въ первый разъ этимъ утромъ людская дичь засвѣтилась предо мною сквозь зеленые листья геліотроповъ, гвоздикъ и тому подобной дряни, которою Анна Петровна Маслова, по нарѣчію дѣвственныхъ улицъ, Маслиха, думала украсить три окна своего, какъ она выражалась, флигаря.

Будучи титулярной совѣтницей, слѣдовательно, ной изъ тѣхъ барынь, которыхъ по справедливости зываютъ чортовымъ помеломъ, потому что ничто можетъ быть нелѣпѣе ихъ понятій и засаленнѣе костюмовъ, Маслиха въ тотъ самый день когда я вз нулъ на ея гвоздики, стояла передъ зеркаломъ въ емъ вѣнчальномъ, гродетуровомъ платьѣ съ узеньк рукавчиками, съ таліей подъ мышками и надѣвала стый кружевной воротничокъ.

Ну, думаю себѣ: у Маслихи должно быть имянин нынѣ какая нибудь есть — и при этомъ мнѣ очень хотѣлось самому побывать на этихъ имянинахъ того собственно, чтобы посмотрѣть съ какимъ а томъ чиновница нападетъ на даровой имянинный рогъ, какъ будетъ жаловаться богатымъ гостямъ своего покойника, оставившаго ее, будто бы, безъ ска хлѣба съ дѣтьми малъ мала меньше и какъ ще, пропустивъ, аки бы, отъ боли подъ ложечкой, чительную дозу возбуждающаго, она будетъ цѣл руки благодѣтелямъ и проливать предъ ними вдовьи, горькія слезы. Не скажу, чтобы я ужъ роду моего не видывалъ такихъ картинъ, но по вычайной ихъ занимательности, я, чѣмъ болѣе смотр нихъ, тѣмъ болѣе онѣ подвигаютъ меня услаждаться

Рѣдко ошибаясь въ своихъ предположеніяхъ, однакоже я ошибся.

— На имянины куда нибудь собрались, Анна тровна? спросилъ я Маслиху, запуская глаза въ нутро ея комнаты.

— Ахъ испужалъ ты меня до смерти, Иванъ Иванычъ! Какія тамъ имянины? Дочь изъ пенціона взяла, такъ вотъ сряжаюсь теперь: поповъ жду, молебенъ будутъ служить, гости вечеромъ обѣщались. Приходи, барышни будутъ, — попрыгаете.

— Очень благодаренъ, Анна Петровна, что не забыли. Непремѣнно вечеромъ буду.

— И не говорите лучше, не стойте понапрасну, отнеслась Анна Петровна къ нѣсколькимъ личностямъ, стоявшимъ въ ея передней съ узлами подъ мышками. Разбудите дочь, ей-Богу, велю собаку на васъ спустить.

Анна Петровна! послышались мнѣ ноющіе голоса. Али долго! Али мы плательщиками вамъ завсегда не были? Вы, примѣромъ, однимъ глазкомъ только ежели взглянете, такъ съ экимъ добромъ ни въ жисть не разстанетесь.

— И глядѣть не хочу, отойдите лучше. Мало я на штаны-то ваши плисовые насмотрѣлась, да на рубахи-то ситцевыя? стыдились-бы.

Фабричные упорно стояли около притолки, выражая каждую секунду готовность сейчасъ же развязать свои узлы и представить ихъ на ревизію Аннѣ Петровнѣ.

Радость у сосѣдки, думаю я про себя, глядя сквозь частую сѣть цвѣтовъ на опечаленныя лица мастеровыхъ,—дочь къ ней изъ пансіона пріѣхала; а между тѣмъ другихъ людей эта радость можетъ сдѣлать голодными... Философскія размышленія, особенно лѣтнимъ утромъ, я очень люблю.

— Вотъ, Иванъ Иванычъ, для этакого-то дня, обр
тилась Анна Петровна, хотятъ меня въ грѣхъ ввест
Просто отбою нѣтъ отъ закладовъ, а выгоды никак
Нанесутъ тебѣ юбокъ старыхъ, поддевокъ изношенны
да такъ и бросаютъ, не выкупимши. Весь домъ за
лила тряпками, а старьевщики не берутъ. Никуда, г
ворятъ, не годится.

— Аннѣ Петровнѣ здравія и благоденствія! про
силъ въ это время дьячокъ, нечаянно вошедшій въ
реднюю съ церковными книгами и одеждами.

— А батюшка скоро? торопливо спрашивала Ан
Петровна.

— Изволятъ жаловать. Вотъ они на дворѣ у
Калитка щелкнула, на дворѣ раздались тяжелые шаг
дьячекъ стремглавъ бросился отворять дверь перед
и Анна Петровна всецѣло отдалась принятію благос
венія вошедшаго священника.

Изъ маленькихъ оконъ флигаря по всей длинѣ и ш
ринѣ дѣвственной улицы разнеслось трехголосное п
ніе, сизыми струйками полетѣлъ изъ нихъ паху
дымъ кадильный, который сдѣлался еще ароматнѣе о
аромата гвоздикъ и геліотроповъ, съ которымъ см
шался онъ, когда пролеталъ по ихъ зеленымъ листья

Я пошелъ дальше,—мастеровые, выходя изъ кал
ки, на чемъ свѣтъ стоитъ пушили неудавшійся зае
и въ тоже время крестились, потому что, нужно дум
что и до ихъ озабоченныхъ ушей донеслось знако
пѣніе.

Теперь я попрошу у васъ позволенія объясниться

вами на счетъ личности видѣнной нами сейчасъ закладчицы. Надѣюсь, что я не сказалъ лишняго слова, того, что обыкновенно называютъ ни къ селу, ни къ городу, когда просилъ этого позволенія, потому что рѣчь пойдетъ объ одной изъ тѣхъ дикорастущихъ на терпѣливой русской почвѣ женщинъ, которыя съ нелѣпымъ оттопыриваніемъ нижней губы, съ какою-то, лишь только имъ свойственною, возмутительнѣйшею томностью на всемъ лицѣ, гнусливо величаютъ себя бл-л-а-а-рродной женщиной. Не знаю, какъ на кого, а на меня эта рекомендація производитъ самое одуряющее дѣйствіе. Я въ это время не столько хохочу коверкающемуся предо мной тупоумію, сколько бѣшусь и страдаю, потому собственно, что дозволено же наконецъ людямъ обезображивать свои лица гримасами безобразнѣйшей мартышки.

Поистинѣ скажу, что предметъ, къ которому толкаетъ меня теперь дума моя, именно таковъ, къ которому подходить и отъ котораго отходить нужно неиначе, какъ вымывши руки самымъ лучшимъ французскимъ мыломъ. Но подходя къ Аннѣ Петровнѣ съ вымытыми руками, я вмѣстѣ съ тѣмъ вооружаюсь всей терпимостью, къ какой только я способенъ и за одно уже смываю съ себя чувство ненависти и къ Аннѣ Петровнѣ и къ лицамъ въ родѣ ея, долгое обращеніе съ которыми отразилось на мнѣ такъ несчастливо, что мнѣ нужно вооружиться всею твердостью мысли для того, чтобы разумно отрѣчься отъ злости на нихъ, ибо отъ вѣка не знали они, что творили и увы! до самаго гроба не будутъ

знать, что будутъ творить... Не на наши головы п
дутъ грустные результаты нашей безмѣрной, націонал
ной дури!..

Моя жолчь, Анна Петровна, утихла теперь. Болѣе о
не оскорбитъ вашего блао-родства своими вспышкам
Справедливо и тихо разскажу я вашу жизнь отъ нача
до настоящаго дня и, если я, правды ради, обнаж
напримѣръ, ваше далеко не титулярное происхожден
то вѣрьте мнѣ, что объ вашихъ молодыхъ партикул
ныхъ дняхъ я буду говорить съ тѣмъ именно глуб
кимъ сочувствіемъ къ нимъ, съ которымъ я обыков
но скорблю о томъ вызывающемъ всякое участіе мір
гдѣ непримѣтно протекло наше общее дѣтство...

Анна Петровна родилась тому назадъ лѣтъ пяты
сятъ на широкомъ дворѣ богатаго, степнаго бари
Посторонніе вытягивали ее за волоса и за уши, ма
поливала обильными слезами и вотъ, подогнанная
нажды нетерпѣливой рукою отца, она кубаремъ вы
тилась изъ душной людской на дворъ, поросшій гус
травой и старыми деревьями. Степная природа, брос
шая въ глаза ребенка прекрасной жизнью своей, вы
вала изъ души его, само собой сложившуюся, пѣсн
Согласнымъ хоромъ заливаются степныя птицы, пор
по старымъ деревьямъ и по высокой травѣ — Анют
слушая ихъ, оглашаетъ своимъ дѣтскимъ голоско
барскій дворъ.

— Чья это дѣвочка на дворѣ кричитъ? спрос
усастый баринъ у лакея, не вынимая изо рта бла
вонной трубки.

— Наша-съ, отвѣчалъ Петръ.

— Годовъ сколько?

— Шестой пошелъ. Больная она у насъ, сударь, какая-то, и на дворъ-то, почитай, въ первый разъ выбѣжала.

— Голосенко у твоей дочери, Петръ, славный, пожаловалъ баринъ своего вѣрнаго слугу. Вишь, словно синица, чирикаетъ. Отведи-ка ты ее къ регенту, скажи ему, чтобы къ хору онъ ее пріучалъ.

— Не маловата ли будетъ? Измывы кабы не было надъ ней отъ регента. Бьетъ онъ ихъ очень, осмѣлюсь доложить.

— Не бить, такъ какой изъ васъ выйдетъ прокъ? почти сердито спросилъ баринъ Петра и Анютка поступила въ муштръ къ регенту.

— Альтъ, ваше превосходительство, у дѣвочки неслыханный, словно бы у птички какой, рекомендовалъ своему принципалу новую ученицу регентъ, весьма конфузливый молодой семинаристъ.

— Ну хорошо, братецъ, хорошо! Старайся,—я тебя награжу, поощрилъ его баринъ.

Между тѣмъ, высокая не по лѣтамъ, бѣлокурая и голубоглазая Анютка выростала не по днямъ, а по часамъ—и дѣйствительно: въ церкви ли, или гости, бывало, въ домѣ у барина соберутся, она, словно птичка, вьющаяся надъ высокимъ и густымъ лѣсомъ, вылетала своимъ голоскомъ изъ цѣлаго хора, сосредоточивая на одной себѣ вниманіе степныхъ жантильомовъ.

— Двѣ тысячи на ассигнаціи, честью клянусь, безъ

всякаго сожалѣнія бросилъ бы за эту канашку! гo
рили отставные корнеты и поручики — барскіе гос
покручивая гибельные усы.

— Пожалуй бы и еще прикинулъ сотню, друг
насмѣшливо спрашивалъ раззадоренныхъ усачей сча
ливый владѣлецъ канашки.

— Еще бы не прикинуть, чортъ меня побери! о
вѣчалъ какой-нибудь Бова—Королевичъ въ лютомъ аз
тѣ. Хочешь три тысячи?

— Прибавь что нибудь, торговался любостяжат
ный хозяинъ.

— Разрывайся сердце! Идетъ къ нимъ пѣгенькій
сунокъ отъ Догоняй—Недогонишь.

— Ха, ха, ха! разражался хозяинъ Ты вѣдь
Догоняя ничего не хотѣлъ изъ дому пускать. Вот
промахнулся. Только я тебѣ, милый другъ, вотъ
скажу: себѣ берегу на старость эту синицу. Безъ
самъ ты видишь, весь хоръ никуда не годится.

Но я сейчасъ только примѣтилъ, что такъ много
пространившись о барской хористкѣ, отступилъ отъ п
моего очерка. Если я долженъ много о чемъ нибудь
сать, то никакъ не объ Анюткѣ, потому что тако
дробное развитіе ея дѣвичей жизни противорѣчитъ
му заглавію и, самъ я очень хорошо понимаю, не п
къ дѣлу. По этому случаю я прибѣгаю къ нѣкотор
сокращеніямъ.

Прекращаю я на нѣкоторое время мой полно
трудъ для того собственно, чтобы, не смущая п
несимметричностью моего разсказа, въ тишинѣ

бѣдной комнаты неслышно погрустить о томъ печальномъ концѣ, къ которому непремѣнно приходили стройныя, бѣлокурыя и голубоглазыя пѣвицы барскихъ хоровъ.

Длинный рядъ воспоминаній о моей собственной пошлой жизни возникъ въ головѣ моей по поводу моихъ представленій о молодыхъ дняхъ Анны Петровны. Съ болѣзненнымъ трепетомъ, который произвели въ моемъ сердцѣ эти воспоминанія, я повторяю про себя обыкновенную *нѣкогда* Анюткину исторію въ нашихъ степныхъ, барскихъ усадьбахъ.

Въ длинномъ флигелѣ, скупо освѣщенномъ сальными свѣчами, идетъ вечерняя спѣвка. Дворня до того привыкла къ стройнымъ концертамъ хора, что окончательно уже перестала шататься подъ окнами флигеля съ своими вѣчными досугами. Конфузливый регентъ, управляя тридцатью человѣками, выражалъ собою полнѣйшее счастье. Скрипка подъ его пальцами, какъ живое существо, до осязательности ясно пѣла про это счастье. На молодаго человѣка были устремлены голубые глаза, блиставшие и любовью къ нему и какимъ-то благоговѣніемъ. Полновластный распорядитель хора, регентъ нарочно становилъ Анютку впереди всѣхъ противъ себя. Смотрятъ они другъ на друга, обвороженные другъ другомъ—и скрипка поетъ въ рукахъ регента и Анютка поетъ, а хоръ, невольно поддаваясь могуществу любви, могуче вторитъ имъ — и внѣ флигеля тихая, сельская ночь кажется еще тише, потому что казалась она вамъ глубоко заслушавшеюся пѣсни любви.

Анютку баринъ зоветъ! выкрикиваетъ вдругъ по
лительнымъ голосомъ лакей, на минуту появляясь
дверяхъ пѣвческаго флигеля.

Какъ внезапно порванная струна умолкъ хоръ
скрипка умолкла, закончивъ свое пѣніе вздохомъ,
хожимъ на тотъ, которымъ вздыхаютъ въ послѣд
разъ въ этой жизни.

Баста! угрюмо скомандовалъ регентъ.

Штэ скоро бросилъ спѣвку-то? Ай не по сердцу,
къ барину Анютку позвали! толковали между со
пѣвчіе, расходясь по своимъ коморкамъ.

Въ двугодовой промежутокъ, который послѣдова
послѣ описанной мною спѣвки, замѣчательнаго ничего
случилось, исключая того впрочемъ обстоятельства,
барскій хоръ почти что разстроился, потому что
гентъ втянулся въ запой, а Анютка съ каждымъ дн
теряла свой птичій голосъ и видимо сохла...

Въ моей памяти возникаетъ другая сцена. Пер
зимье засыпало широкій барскій дворъ своимъ бѣлы
ослѣпляющимъ снѣгомъ. Весь дворъ изслѣженъ ра
характерной обувью дворни, которая толпилась о
флигелей, помѣщавшихъ прислугу. Передъ крыль
этихъ флигелей стоятъ одноконныя, крестьянскія
воды, на которыхъ молодое дворовое поколѣніе отп
ляется въ Москву, по предварительному барскому о
дѣленію, въ выучку разнымъ добрымъ и полезн
мастерствамъ. Семнадцатилѣтняя Анютка тоже ѣ
съ этимъ обозомъ въ столицу, чтобы въ совершен
изучить тамъ въ частности—добрую нравственност

въ главномъ—пріятныя манеры, необходимыя для такой ловкой горничной, которая требовалась для вырастающей барышни. Баринъ, назначая Анютку для этой высокой цѣли, руководствовался здѣсь главнымъ образомъ тѣмъ, что Анютка и послѣ своего курса въ столицѣ сохранитъ еще свѣжесть своего личика и что, по его наивнымъ соображеніямъ, не отъ чего было осѣчься въ богатой Москвѣ ея бѣлокурымъ кудрямъ...

Прощаясь съ дѣтьми, дворовые также горько плакали, какъ горько плачутъ и не дворовые, когда разстаются съ своими дѣтьми. Слѣдовательно особенно-занимательнаго въ этихъ громкихъ, материнскихъ выкрикахъ, въ этихъ молчаливыхъ, отцовскихъ слезахъ, ничего не было.

Наконецъ обозъ, провожаемый цѣлой гурьбой, тронулся въ свой далекій путь. На облучкѣ тѣхъ саней, гдѣ сидѣла закутанная въ бараній отцовскій тулупъ Анютка, прилѣпился и пьяный регентъ съ тщательно закутанной въ разныя отрепья скрипкой.

— Вы, не бойтесь, не горюйте! утѣшалъ онъ Анюткиныхъ отца и мать. Со мной она тамъ не пропадетъ. Будьте покойны: какъ только пріѣдемъ въ Москву, сейчасъ же я по докторамъ пущусь. Такъ и такъ, молъ, голосъ самый ангельскій имѣла. Воскрешайте, скажу. Пѣвица, скажу, выдетъ несравненная. Ну они воскресятъ!

Но до конца отморозилъ глупый кутейникъ безсапожныя ноги свои, когда шатался по Москвѣ, розыскивая воскресителя-доктора. До смерти, такъ сказать,

исходился онъ по широкимъ, столичнымъ улицамъ и
вся польза, которую онъ могъ принесть своей талант-
ливой ученицѣ, состояла въ томъ, что послѣ нее
Анютка снесла на толкучку его самодѣлковую скрипку и
на деньги, вырученныя за нее, купила новые башмаки
два золотника чаю и полфунта сахару.

— Сердце у меня оченно ломитъ! говорила Анютка
когда я взгляну на эту скрипку...

Прошла тутъ Анна Петровна всѣ тѣ фазы столич-
ной жизни, которыя неминуемо предстоитъ пройдти су-
ществу, изучающему горничное мастерство и добр
нравственность, до того, что окончательно забыла, би-
лось ли когда нибудь ея сердце въ то время, ког
конфузливый регентъ восторженно посвящалъ ее в
тайны партитуръ и, говоря высокимъ слогомъ, она
того погрузилась въ прозу городской жизни, что успѣ
своими трудами, какъ она говорила, выкупиться н
волю, заплативъ барину такой кушъ, который, какъ
разсчитывалъ, она могла имѣть тогда только, ког
прожила бы въ горничныхъ двѣсти тридцать семь лѣ
и восемь мѣсяцевъ...

Поступила она тутъ, какъ бы экономкой, къ нѣк
торому приказному, одному ихъ тѣхъ добродѣтельны
смертныхъ, которые, по смыслу присяги, даже до п
слѣдняго издыханія, мажутъ казенными чернилами
казенной бумагѣ. Когда сей сѣдовласый столоначал
никъ, худой и безстрастный, съ серебрянными очка
на помутившихся глазахъ, доживъ до пятидесятилѣ
няго возраста, увидалъ, что отъ жизни, кромѣ моги

ждать ему нечего, сочетался съ Анной Петровной законнымъ бракомъ въ тѣхъ видахъ, что для чего де и не осчастливить дѣвицы?..

Вслѣдствіе такихъ, далеко впрочемъ не потрясшихъ земнаго шара событій, мы и видимъ Анну Петровну титулярной совѣтницей, дающей теперь маленькій баликъ, по случаю окончательнаго выбытія изъ пансіона ея дочери,—наслѣдницы всѣхъ благъ, пріобрѣтенныхъ и безпорочной службой безстрастнаго приказнаго, и дѣятельностью самой Анны Петровны.

Обильно обкушавшись великолѣпныхъ романовъ Дюмаса, молодая пансіонерка всѣ балы вообще, даже и тѣ, которые даются русскими титулярными совѣтницами, представляла въ своемъ воображеніи неиначе, какъ такими, которые давали многоразличные Людовики и ихъ изящно-храбрая аристократія. Поэтому столъ, накрытый въ залѣ, назначавшейся также и для танцевъ, весьма раздражительно подѣйствовалъ на нервы героини бала.

— Что это, маменька, какую гадость вы тутъ наставили? въ справедливомъ негодованіи спрашивала она мать, небрежно тыкая вилкой въ разные грибки и огурчики, поставленные на столъ вмѣстѣ съ водкой для услажденія имѣвшихъ быть на балѣ кавалеровъ и дамъ.

— Что такое? торопливо освѣдомлялась Анна Петровна. Ай тараканъ во что попалъ? Много ихъ у меня въ кухнѣ проклятыхъ. Ничѣмъ не могу выжить.

— Фи! прогримасничала барышня, рѣшаясь не уми-

рать до тѣхъ поръ, пока лично не убѣдится въ том
что ея maman не иное что называетъ баломъ, ка
подчиванье водкой и свѣжепросольными огурчиками.

Всѣ эти уродливыя, жизненныя представленія, п
черпнутыя нашей барышней изъ графини Монсоро, ка
стая маленькихъ птичекъ, спугнутая кѣмъ либо,
ужасѣ взвивается надъ уединеннымъ полемъ, въ стра
ной суматохѣ, заметались въ головѣ ея, когда панс
нерка въ первый разъ вступила подъ убогую кров
родительскихъ ларъ. Стройный рядъ соломенныхъ сту
евъ, вытянутый въ маленькомъ зальцѣ, аляповат
диванъ, обитый ситцемъ, круглый столъ передъ ни
созданный, какъ будто, медвѣдемъ для медвѣдя, м
ныя картинки временъ покоренья Очакова, висѣвшія
стѣнахъ въ уродливыхъ, бумажныхъ рамкахъ,
страстный портретъ отца, написанный масляннными кр
ками и даже сами геліотропы и гвоздики на окнахъ;
все это вмѣстѣ необыкновенно покоробило молодое л
дѣвушки, потому что вся эта роскошь съ перваго ш
ясно и отчетливо доложила ей, что жизненная обс
новка, въ которой должна вращаться героиня дѣвств
ной улицы, далеко не таже самая, какою обстанов
нѣкогда графиню Дю-Барри ея царственный другъ.

— Такъ эдакъ-то? протяжно подумала про себя
рышня.

— Да-съ! эдакъ-то!.. отвѣтили ей съ двусмыс
ной улыбкой соломенныя стулья, дешевые обои, ге
тропы и гвоздики, тараканы, ползавшіе по стѣнам
мыши, шуршавшія за обоями.

— Да! такъ-то! басисто скрипнулъ ей въ свою очередь медвѣжій диванъ.

— Мы здѣсь всѣ такъ!.. Мы всю свою жизнь такъ!.. монотонно подтвердилъ ей блѣдный портретъ отца. Въ ужасѣ барышня порхнула въ свою двухъаршинную спальню и принялась плакать...

Наконецъ и плакать надоѣло барышнѣ. Посмотрѣла она на дворъ, поросшій зеленою травой; тамъ такъ уныло текали еще неоперившіеся цыплята, такими голодными глазами посмотрѣла на нее всклоченная собаченка, а по густой травѣ къ стаѣ безпечныхъ воробьевъ прокрадывалась такая алчная, такая хитрая кошка, что наша барышня не могла съ этой домашней картины не перенесть своихъ наблюденій на дѣвственную улицу. Двое фабричныхъ разодрались на ней, что называется, въ кровь, нѣсколько мальчишекъ нестерпимо визжатъ, перенимая у взрослаго русскую манеру колошматить своего недруга, будочникъ издали освѣщаетъ эту отечественную сцену своею покровительственною улыбкой, черный угольщикъ съ высоты своего воза кричитъ: угольевъ, угольевъ, передернувъ для могучести выкриковъ свой ротъ до самаго пугающаго безобразія. Все!..

Гдѣ же, гдѣ же они эти храбрые Шевалье д'Артаньяны, благородные Атосы, меланхолическіе Арамисы и т. д. Барышня! не плачьте больше, совѣтую я вамъ отъ всей души моей. Трава дѣвственныхъ улицъ недостойна быть измятой сапогами рыцарей изъ глянцовитой, испанской кожи, колючія головки репейниковъ,

украшающихъ виды изъ вашего замка, собьются тр
сточками неуклюжихъ приказныхъ, которые, канал
ство! въ непродолжительномъ времени пріударятъ з
вами; но никакъ не попадутся онѣ подъ благородны
острія рыцарскихъ шпагъ, которыми бы молодые люд
стали оспаривать другъ у друга высокую честь покл
ниться вашей красотѣ. Есть у насъ бѣдные женихи
богатые, развратные волокиты, но рыцарей нѣтъ!
Помните это, молодой, но извращенный другъ мой,
перестаньте плакать!..

Но вы не слушаете меня. Вы все продолжаете н
дѣяться, что на балѣ, который нынѣ даетъ ваша ма
загремятъ наконецъ серебряныя шпоры, зашумятъ ш
ки и бархаты, обшитые Point d'Alençon и какой нибу
удивительный гвардеецъ, въ родѣ графа де-Бюсс
одинъ разъ навсегда, покорно станетъ за вашимъ ст
ломъ, гордо въ тоже время осматривая молодежь, к
торая, по вашимъ соображеніямъ, станетъ передъ ва
живою стѣной.

Смотрите же теперь сами, что за балъ у васъ б
детъ и какіе Comt'ы и Comtess'ы удостоятъ его с
имъ посѣщеніемъ. Первый пришелъ нѣкто Андрей П
тровъ, по ремеслу башмачникъ, а по плоти и естест
братъ Анны Петровны, по словамъ его пріятелей, м
шій учуять всякую выпивку за пятьсотъ верстъ и д
далѣе. Еще не успѣлъ, какъ слѣдуетъ, раскланят
сей великій по своимъ дѣламъ ходокъ, какъ за н
ввалила толпа молодыхъ приказныхъ, тоже, по с
хамъ, совсѣмъ не дураковъ по питейной части.

— Мои пріятели — славные ребята! рекомендовалъ ихъ заразъ Аннѣ Петровнѣ молодой приказный, троюродный племянникъ ея покойнаго мужа, ходившій къ ней обѣдать по праздникамъ.

— Очень пріятно! засвидѣтельствовала Анна Петровна, указывая табуну на соломенные стулья.

Приказные молча кланялись и сердито скрипѣли наваксѣнными, надо полагать, до тошноты сапогами.

— Такъ это племянница-то? провозгласилъ дядя Андрей, схватывая со стола двѣ сальныя свѣчки и поднося ихъ къ самому лицу героини. Вотъ я тебѣ гостинецъ принесъ—и при этомъ онъ вытащилъ изъ задняго кармана пару козловыхъ башмаковъ своего рукодѣлья. Понашивай на здоровье, да дядю вспоминай. Мы тоже, хоша и не въ синемъ ходимъ, а про свое дѣло въ тонкости разсудить можемъ...

Приказные саркастически улыбались.

— Будетъ тебѣ съ ней, братъ! говорила Анна Петровна. Она съ господами вѣдь все жила съ большими,—къ намъ, чернымъ людямъ, привыкнуть некогда было.

— Пусть привыкаетъ! поучалъ дядя, наливая себѣ водки. Только я тебѣ, сестра, одно скажу: смотри въ оба за дѣвкой!.. Востра она, должно, очменно... Опять и года у нея такіе... Кабы, примѣромъ, полюбовника себѣ она какого не изобрѣла. Вотъ что!

Саркастическія улыбки приказныхъ перешли въ довольно громкое, хотя тщательно скрываемое, ржаніе.

— Чего ржете-то, стрекулисты? съ сердцемъ обра-

тился къ нимъ дядя Андрей. До письма-то вы в
очень бойки, а до дѣвокъ-то, знаю я васъ, чортовых
дѣтей!..

— Ты однакоже не ругайся, скотина!.. Не къ теб
пришли!.. азартно заговорилъ было нѣкто изъ ржавш
среды, весьма нечахоточный баринъ съ физіономіей ут
са, поросшаго дремучимъ лѣсомъ и закрытаго черны
тучами.

Анна Петровна принуждена была въ этотъ момен
взять на себя роль тѣхъ сабинокъ, которыя нѣког
успѣли примирить своихъ соотечественниковъ съ похи
тителями-римлянами. Надобно сказать къ чести Ан
Петровны, что роль эта пришлась ей, какъ нельзя б
лѣе, по средствамъ. Но барышня наша вмѣсто тог
чтобы по справедливости восхититься этой русской д
мой, угрюмо наморщила черныя бровки и, посматрив
на закусывающаго дядю, гнѣвно прошептала: quel
cochonnerie!

Но я не буду описывать всѣхъ подробностей ба
потому что опиши я ихъ съ той фотографической вѣ
ностью, какая, говорю это, покручивая усы, всегда о
личаетъ меня, моя героиня имѣла бы полное право
самаго гроба оплакивать свою жизнь. По этому случ
на самый разгаръ бала я набрасываю этотъ знамени
мракъ неизвѣстности, подъ которымъ скрыты дѣла
люди въ милліонъ разъ важнѣе нашего бала и люде
украшавшихъ его своимъ присутствіемъ. Довольно б
детъ, если я для необходимой характеристики его с
жу, что дядя Андрей, тѣснѣйшимъ образомъ подруж

шись съ утесообразнымъ приказнымъ и еще какимъ-то подслѣпымъ и безбровнымъ губернскимъ секретаремъ, спеціально засѣлъ съ ними около стола, гдѣ помѣщалась водка и постоянно приставалъ къ Аннѣ Петровнѣ съ просьбами, чтобы она имъ еще немножко подлила. Не довольствуясь взаимнымъ созерцаніемъ, которое, видимо было, доставляло имъ неимовѣрное наслажденіе, они однакоже нерѣдко вмѣшивались и въ увеселенія общества.

— Ур-ра-а! восклицали новые друзья, бросаясь въ средину танцующихъ. Музыкантъ! дай-ка мнѣ скрыпку-то, говорилъ губернскій секретарь, я имъ сыграю, и шутовски подмаргивая рыженькими рѣсницами, онъ заливался тоненькимъ голоскомъ:

«А-а-а-хъ! ба-а-рыня, ба-а-рыня,
«Сударыня барыня!

— Замолчите, Трофимъ Ильичъ! умоляла его Анна Петровна. Видите, дѣвицы здѣсь есть.

— Дѣвицы? гдѣ дѣвицы? спрашивалъ Трофимъ Ильичъ, обводя общество своими оловянными глазенками. А вотъ онѣ! радостно взвизгивалъ онъ, бросаясь въ оробѣвшую стаю барышень.

— Ай! нервно вскрикивали разноцвѣтныя уточки, разбѣгаясь отъ него по разнымъ угламъ.

— Держи, держи ихъ! орали дядя Андрей и утесообразный приказный, растопыривая пьяныя руки.

— Ур-р-раа! азартно провозглашало все тріо, когда какая нибудь несчастная барышня, попавшись къ нимъ

въ лапы, билась и стонала въ нихъ, какъ внезап
подстрѣленный заяцъ.

— Будетъ вамъ озарничать-то! шутливо укоря
тріо Анна Петровна. Руки-то смотрите у бѣдняжки
вывихните. Я васъ тогда.

— Не будемъ, не будемъ, Анна Петровна! урезон
валъ подслѣпый приказный. Вы намъ только, матушк
водочки подлейте еще.

— Сказано, не будетъ — и баста! Ты только
разговаривай съ нами, сестра, бурлилъ дядя Андр
мы теперь на серьезѣ разговоръ промежъ себя ведем
Хоша и чиновница ты, — все же эфтихъ разговор
понять ты не можешь, а водки ты намъ подлей.
еще по махонькой пройдемся.

— Водка-то вся, голубчики, а посылать поздно
перь. Кабаки всѣ давно заперты.

Утесообразному приказному приснилось въ это вре
что онъ въ трактирѣ, а потому онъ заоралъ во все гор

— Какъ нѣтъ водки, чертова дочь? Подавай—я
всѣхъ заплачу.

— Однакожъ, Анна Петровна, довольно это невѣ
ливо съ вашей стороны, что вы вмѣстѣ съ такой с
лочью и насъ къ себѣ пригласили, сказала одна б
кая барыня. У меня дочери на возрастахъ.

Но не многосложны тѣ глупости, которыя отка
ваетъ человѣчество на дѣвственныхъ улицахъ. Э
претензіей бойкой барыни балъ кончился — и то
дядя Андрей долго еще куражился надъ вдовою
строй.

— Для брата у тебя водки нѣтъ! негодовалъ онъ. А братъ твоей дочери въ подарокъ ботинки принесъ, али нѣтъ? — сказывай!

— Богъ съ тобой и съ твоими ботинками, братецъ! Возьми ты ихъ назадъ и ступай поскорѣе домой, унимала его Анна Петровна.

— А ты думаешь, не возьму? Извѣстно возьму. Я, по крайности, на сонъ грядущій выпью на нихъ. Дда!..

— О черти! долго еще слышалось, какъ бурлилъ дядя Андрей уже на дѣвственной улицѣ. Куды это, братцы мои, кабаки попрятались только? Гдѣ ты тутъ, каба-а-акъ? звонко оглашалъ онъ ночную тишину.

— Ну, ну молчи, ты, у меня, пока цѣлъ!.. отвѣтилъ ему будочникъ сонной октавой. А то я тебя въ сибирку сейчасъ заберу.

— Ка-а-бакъ, гдѣ-ѣ ты тутъ? растягивалъ дядя Андрей, не слушая будочника.

Барышня между тѣмъ разливалась рѣкой въ своей крошечной спальнѣ.

II.

Вамъ, можетъ быть, покажется необходимымъ, чтобы я назвалъ по имени мою героиню. Извольте: ее звали *Сафи*. Васъ, вѣроятно, увидитъ такое имя и, если вы, не вѣря мнѣ на слово, будете отыскивать его въ святцахъ, то недовѣріе это обличитъ только окончательное незнаніе ваше нравовъ дѣвственныхъ улицъ, а никакъ не мою ложь. Всѣ дѣвочки, когда либо игравшія на мягкой травѣ этихъ улицъ до поступленія ихъ въ пансіонъ, зовутся Сонями, Сонечками, Сонюшками и т. д.; а потомъ когда онѣ выходятъ изъ пансіона, ихъ обыкновенныя, русскія имена замѣняются курьезнымъ словомъ: Сафи. Весьма могло случиться, что вы ни разу не слыхивали такого имени; но мнѣ, какъ нравописателю, нельзя же не знать того милаго нарѣчія, которое такъ характерно названо «смѣсью французскаго съ нижегородскимъ.»

Осенніе дожди смыли веселую зелень съ дѣвственной улицы. Тихая и печальная, по естеству своему, она сдѣлалась еще тише и печальнѣе, когда глубокая осень развела по ней черную, непроходимую грязь. На-

ша барышня лишилась всякой возможности выдти куда нибудь къ знакомымъ, съ цѣлью попросить у нихъ почитать романчиковъ. Первый пушистый снѣгъ завалилъ наконецъ уличную грязь, лихой морозъ узорчато расписалъ оконныя стекла, слѣдовательно послѣднее наслажденіе, по цѣлымъ часамъ упорно осматривать улицу, прекращено; потому что сквозь морозные узоры ни одного клочка рѣшительно не видать. Злость и тоска!.. Во все лѣто, въ цѣлую осень ничего сообразнаго съ своими мудреными мечтами не могла высмотрѣть бѣдная Сафи на дѣвственной улицѣ! Безконечная зима, кромѣ неисходной тоски, которую принесла она, варьировась вдобавокъ частыми выходками Анны Петровны, обращавшей высокое вниманіе нашей маркизы на прилѣжное занятіе домашнимъ хозяйствомъ. Ни одного платья не прибавилось въ гардеробѣ Сафи и, увы! всю зиму она должна была накрываться ковровымъ платкомъ, потому что Анна Петровна при всѣхъ стараніяхъ пріобрѣсть для дочери по случаю зимнюю шляпу, оказалась на этотъ разъ рѣшительно слабой женщиной и горемычной вдовой.

Но вотъ снова сошла весна на окоченѣвшую землю, снова веселая жизнь зацвѣла на дѣвственной улицѣ; но мыслей и лица Сафи нисколько не развеселила эта все обновившая жизнь. На оттеплѣвшей почвѣ быстро выростала яркая зелень; но въ тоже время на ней не показывалось даже малѣйшаго признака тѣхъ уродливыхъ идеаловъ, которые такъ крѣпко засѣли въ сердцѣ моей барышни. Но она не утратила еще своихъ на-

деждъ. Цѣлые дни бѣдная Сафи просиживаетъ у ра-
творенпаго окна съ книжкой въ рукахъ—и ждетъ чего-
то. Ждетъ, говорю, а тамъ какой нибудь жуиръ-при-
казный, въ твердой увѣренности, что барышня въ уроч-
ные три часа сидитъ у окна съ тою цѣлью, чтобы
усладить себя зрѣніемъ его, Петра Воробьятникова, лю-
бовно дѣлаетъ ей ручкой, обтянутой въ красновату-
пеньковую перчатку.

Петръ Воробьятниковъ, Донъ Жуанъ ты эдакой и-
нижняго земскаго суда, скажи мнѣ, что ты такое
сравненіи съ какимъ нибудь Шевалье де-Мезонъ Ружъ
не срамись болѣе, потому что рано или поздно Са-
пожалуется маменькѣ на твою наглость, и Анна П-
тровна въ тотъ моментъ, когда ты нѣжно задумчивы-
потому что страстно влюбленный, будешь проход-
подъ окнами ея флигеля не преминетъ окатить т-
франтовской суртучокъ грязными помоями. Твоя
зость, конечно, въ этомъ случаѣ получитъ справед-
вое возмездіе; но зачѣмъ же пострадаетъ твой сюрт-
и зачѣмъ самъ ты будешь страдать по барышнѣ,
торая всегда отъ полноты сердца готова презирать
каго молодаго франта, полагающаго свое наслажденіе
томъ, чтобы носить на своемъ жилетѣ толстую, б-
зовую цѣпочку съ злостнымъ намѣреніемъ ввести
заблужденіе довѣрчиваго ближняго и заставить его
думать, что цѣпочка та золотая и что она приде-
ваетъ таковые же карманные часы.

— Господи! думала про себя Анна Петровна, г-
на постоянно-нахмуренную, вѣчно ничего не дѣлаю-

и даже какъ будто разобидѣнную чѣмъ-то дочь. Въ кого только лѣнивая такая да злая родилась она у меня? Ума не приложу: отецъ былъ смирный, занятливый,— и, когда представленіе о негодности и непутности дочери черезчуръ тѣсно наполняло ея голову, она, что называется, съ великимъ азартомъ принималась допекать свою Сафи. Долго, бывало, слушаетъ она брань матери, безсмысленно упершись въ нее своими воспаленными отъ постоянныхъ слезъ глазами и, какъ будто, ничего не понимаетъ. Такъ противорѣчила ея дѣйствительная жизнь мечтамъ о той жизни, которую ея воображенію помогли сочинить тѣ безобразные романы, которые, обыкновенно, читаютъ въ нашихъ пансіонахъ дѣвицы украдкой отъ своихъ сторожихъ.

— Что ты глаза-то на меня выпучила, словно дура какая? гнѣвно спрашивала Анна Петровна дочь, еще пуще разбѣшенная ея молчаливымъ равнодушіемъ.

Сафи наконецъ вздрагивала отъ этого крика и пробуждалась. Начиналась общая перепалка: звонкимъ голосамъ хозяекъ уныло вторили своимъ дребезжаньемъ стекла флигеря, словно огорченныя этой ссорой—и вообще дѣла приняли такой печальный оборотъ, что ни мать, ни дочь не могли смотрѣть другъ на друга безъ крайней злости. Щебетухи-свахи, которыхъ отовсюду тащила къ себѣ Анна Петровна съ цѣлію, при ихъ посредничествѣ, какъ можно поскорѣе отдѣлаться отъ дочери, наполнили своимъ трескучимъ говоромъ прежде уединенный флигерь. На медвѣжьемъ столѣ происходили нескончаемыя чаепитія, сопровождаемыя горькими

жалобами Анны Петровны на непослушную дочь, ко
рыя передергивали все существо Сафи.

— Чего ты на нее глядишь, на старую? говор
ей другая Сафи, подруга нашей барышни по пансіо
поступившая теперь въ гувернантки куда-то. Я,
chère, какъ увидала, что дома кушать часто неч
сейчасъ же къ дѣтямъ одного вдоваго старика на
лась. Житье-то какое, еслибы ты знала!..

— Да я никуда не хожу и къ намъ никто не
дитъ. Гдѣ же я найду мѣсто?

— А полицейскій листокъ на что? Пошли кух
въ мелочную лавку, тамъ получаютъ. Я сама брал
лавочки.

Полицейскій листокъ оказался благодѣтельнѣе
любивыхъ свахъ. На его столбцахъ, къ великой
радости, Сафи прочитала однажды слѣдующее: «ну
молодая особа для первоначальнаго обученія благ
ныхъ дѣтей. Адресоваться можно каждый день на
вую улицу, къ отставному отъ гусаръ полковнику
четищеву.» Публикація эта тѣмъ болѣе обрад
Сафи, что благородное семейство, кромѣ приличнаго
награжденія, обѣщало молодой особѣ лѣтомъ жит
подмосковной, а по зимамъ постоянное столкн
съ избраннымъ обществомъ.

— Приличное вознагражденіе, житье въ подм
ной, большой свѣтъ! восторженно твердила про
будущая гувернантка, когда въ безграмотномъ п
къ полковнику отъ гусаръ Кочетищеву, предлага

свои услуги по части первоначальнаго обученія его благородныхъ дѣтей.

И вотъ, какъ и въ началѣ повѣсти, мы опять видимъ Анну Петровну передъ зеркаломъ, облаченную въ свое парадное, гродетуровое платье, въ воротничкѣ и рукавчикахъ, паче снѣга бѣлѣйшихъ. Она достойно хочетъ выполнить порученіе, которое даетъ ей Сафи къ полковнику. Какъ бла-о-родная женщина, она, конечно, могла бы, не роняя себя лицомъ въ грязь, лично трактовать не только что съ полковникомъ, а даже и съ генераломъ, что не разъ и выполняла съ большимъ успѣхомъ, наканунѣ большихъ праздниковъ, выхлопатывая себѣ какое нибудь вспоможеніе; однакоже вдова не забываетъ прихватить съ собою и дочернее письмо, которе Сафи съ цѣлью рекомендовать свою эрудицію изобразила на французскомъ діалектѣ и притомъ тѣмъ разсыпчатымъ, мелкимъ почеркомъ, называемымъ, обыкновенно, пшенцомъ.

Въ этомъ-то мѣстѣ моей идилліи и начинается именно то, что нѣкогда назвалъ Гоголь нитью завязки романа.

Передъ нами ставится теперь во весь свой бравый ростъ отставной отъ гусаръ полковникъ Владиміръ Алек сандровичъ Кочетищевъ. Ежелибы я, выводя на сцену новыхъ героевъ, за отсутствіемъ фактовъ, рисующихъ ихъ характеры, описывалъ ихъ наружность. я бы сказалъ про полковника, что, по манерамъ своимъ, онъ былъ неотличимъ отъ маршала Симонъ въ извѣстномъ Вѣчномъ Жидѣ. Тѣ же волосы, остриженные подъ гре-

бенку, тотъ же громкій, командирскій голосъ, тоже царс венное загибаніе головы къ небу, характеризовавшія хра раго маршала, неминуемо бросались вамъ въ глаза, ко да вамъ въ первый разъ приходилось остановить на Кочетищевѣ. Но имѣя столько сходства съ нимъ изъ благороднѣйшихъ сподвижниковъ велик Императора, мой полковникъ въ психическомъ отноше представлялъ съ этимъ дѣятелемъ великой арміи ра кальную противоположность. Дозволяю себѣ это за чаніе потому только, что, по моему убѣжденію, ли не всегда можетъ быть зеркаломъ души. На скол ко я правъ въ моемъ сомнѣніи, судите сами по тѣ фактамъ, которые я имѣю изложить сейчасъ пр вами.

Я очень хорошо знаю полковника Кочетищева. держивая ежегодно на публикаціи, что его дѣти весь будто бы, нуждаются въ гувернанткѣ, — по край мѣрѣ по триста рублей, въ сущности для него въ ломъ мірѣ не было вещи безполезнѣе хорошей, со ной гувернантки, потому что въ формулярномъ спи его очень явственно было изображено, что онъ лостъ. Не трудно послѣ этого догадаться, что и тей у него совсѣмъ не было. Я думаю, что странн и кажущаяся безполезность такого расхода достат разъяснится слѣдующимъ:

— Comment ça va, mon colonel? спрашиваете вы встрѣчѣ съ Кочетищевымъ, разумѣется ежели имѣ честь быть съ нимъ знакомымъ.

— Ничего! нынѣшнимъ утромъ тово... четыре

нашки недурненькія таки приходили... отвѣчаетъ онъ, раскатываясь своимъ басистымъ хохотомъ.

— Чтожъ? любопытствуете вы дальше.

— Что нынѣ за времена такія? въ свою очередь освѣдомляется у насъ бравый полковникъ. Не даромъ жалуются на повсемѣстную дороговизну... Къ однѣмъ, мой отецъ, приступу нѣтъ никакого, а другія ругаются на чемъ свѣтъ стоитъ. Придетъ тамъ какая нибудь мѣщанка, milles diables! и начинаетъ тебя костить, позабывъ всякое уваженіе къ заслуженному солдату... А за что? Sacr-r-risti! за то, что ты ей, такъ сказать, карьеру хочешь пробить... Вотъ вѣкъ, сто ему тысячъ чертей!

— Это ужасно! непремѣнно должны вы воскликнуть въ это время, потому что въ противномъ случаѣ полковникъ согнетъ васъ въ бараній рогъ.

Окончательно долѣпливая стараго гусара, я не могу не сказать, что вся жизнь его была непрерывнымъ рядомъ побѣдъ надъ прекраснымъ поломъ. Все широкое достояніе благородныхъ предковъ полковника было употреблено имъ на составленіе себѣ репутаціи такого звѣря, на котораго ни одна женщина не могла взглянуть, или безъ явнаго ужаса, или безъ тайнаго восторга.

Но когда разлетѣлись тѣ игривыя, граціозныя птички, за которыми такъ удачно охотился Кочетищевъ, когда увидалъ онъ, что вмѣстѣ съ ними улетѣли и родительскія души и десятины, тогда онъ несказанно взалкалъ... Изъ веселаго, постоянно выпивавшаго малаго, онъ на тридцать второмъ году своей доблестной

жизни превратился въ злостнаго бульдога, съ пѣной
рта обливающаго тѣ, по его словамъ, подлыя време
которыя заслуженному гусару и столбовому дворян
представляютъ самые удобные случаи издохнуть смерт
голодной собаки, ежели этотъ гусаръ и дворянинъ п
мотаетъ родовое имѣніе. Всѣ добрые друзья, нѣко
обожавшіе Кочетищева, откачнулись отъ него въ эт
періодъ его бѣшенства, потому что горе было тѣ
кто имѣлъ дерзость не раздѣлять его пессимистск
вдглядовъ на подлость нынѣшнихъ временъ. Пол
никъ гнулъ и ломалъ своихъ оппонентовъ точно та
же, какъ гнулъ и ломалъ онъ желѣзныя кочерги
назиданія публики и для собственнаго своего удов
ствія.

Но чѣмъ больше злился нашъ полковникъ, тѣмъ
лудокъ его становился пустѣе и требовательнѣе,
потому что текло время,—и съ нимъ вмѣстѣ выте
изъ гусара старый жиръ, накопленный имъ въ сч
ливые дни.

— Чѣмъ заболѣлъ, Кочетищевъ, тѣмъ и леч
подумалъ про себя гусаръ, когда увидѣлъ, что
ничего не подѣлаешь. Но вамъ очень хорошо извѣс
что въ наши времена трудно, или даже совсѣмъ н
можно было ему вылѣчиться тѣмъ же, чѣмъ онъ
лѣлъ, потому что какими, такъ сказать, медикамен
могли наполнить утробу полковника тѣ миленькія
зіономіи, которыя одной рукой обирали его, а д
сорили обобранное по пространному лицу земному?
довательно изъ этой области Кочетищевъ ничего

жительно не могъ вытянуть для удовлетворенія своихъ жантильныхъ потребностей. Оставались ему въ дессертѣ купчихи и разныя искательницы сильныхъ ощущеній; но про искательницъ сильныхъ ощущеній нынѣ что-то не слышно, а купчихи, какъ мнѣ извѣстно изъ достовѣрныхъ источниковъ, весьма апатично слушаютъ брянцанье стальныхъ ножепъ, такъ вальяжно изчерчивающихъ песокъ бульварныхъ аллей. Живой примѣръ этому представляетъ герой мой. Самыя развалистыя позы, которыя принималъ онъ въ извощичьихъ колясках, взятыхъ по старому знакомству à bon credit, самое шикарное прицѣпливанье звонкаго палаша и даже наигибельнѣйшая манера крутить усы, не принесли того благодатнаго результата, котораго такъ алкалъ полковникъ.

— Ну вр-р-ремена! процѣживалъ гусаръ сквозь зубы, отдыхая въ квартирѣ отъ своихъ кавалерски-искательныхъ туровъ по стогнамъ широкой Москвы. Это не женщины, а какіе-то камни!.. надобно изыскать другія средства.

А въ квартирѣ между тѣмъ было пусто и холодно, а одинокое, басистое ворчанье полковника дѣлало ее еще пустѣе и холоднѣе... И вотъ въ такомъ-то печальномъ уединеніи изъ нашего полковника начинаетъ выработываться самый отъявленный позитивистъ.

Не пріученпый играть, что называется, ни въ дудочку, ни въ сопѣлочку, сей знаменитый мужъ, по прошествіи впрочемъ знатнаго количества времени, разродился такого рода мышленіемъ: я хочу жить въ об-

ширномъ значеніи этого слова: т. е. нанимать эдак
приличную квартирку въ умѣренномъ бельэтажикѣ, т
сячки въ двѣ съ половинкой, имѣть возможность
столишко тратить хоть, ну хоть по полтысячкѣ
мѣсяцъ, да на платьишко, да на разные непредвид
мые расходы, поблагодарю Бога искренно, если О
пошлетъ мнѣ на эти расходы хоть десять тысячъ.
Но я теперь все прожилъ, — служить тамъ за как
нибудь триста рублей въ годъ, кланяюсь и цѣлу
ручки,—по этому случаю мы, для нашего обновлен
выкинемъ нѣчто такое, что болѣе согласно было-бы
средствами могучей природы нашей.

Вслѣдствіе такихъ высокихъ соображеній, въ од
прекрасное утро, на той широкой аренѣ на котор
московская, богатая молодежь практически изуча
жизнь, явился нѣкоторый новый дѣятель, произв
шій своими загребистыми лапами неимовѣрный ф
роръ. Этотъ новый дѣятель былъ полковникъ Кочет
щевъ. Онъ обратилъ въ наличный капиталъ оста
прежней роскоши, обрыскалъ и занялъ у всѣхъ кре
торовъ, которые ему еще вѣрили, и торжественно яв
ся на эту арену со средоточеннымъ взглядомъ,
крѣпко-сжатыми кулаками.

Лица, дѣйствовавшія въ это время на сценѣ,
до одного человѣка, поклонились энергической гра
новаго актера—и новый актеръ не обманулъ въ св
очередь впечатлѣній, которыя онъ произвелъ на ни
Съ страстью и талантомъ истиннаго артиста, въ
много лѣтъ полковникъ прочиталъ зрителямъ свое: б

или не быть — и молодежь получила полное право во всякое время дня и ночи идти къ доброму старичищу— Володькѣ Кочетищеву, который разводилъ на бобахъ всякую бѣду, а добрый старичище, въ замѣнъ проливаемыхъ имъ милостей, добился въ другой разъ возможности рыться по локоть въ деньгахъ.

Учинивши такую мѣну, полковникъ натурально, сдѣлался опять, по выраженію Расплюева, великъ и славенъ.

Очень можетъ быть, что я недостаточно говорилъ о Кочетищевѣ и мнѣ никакъ нельзя будетъ не согласится съ тѣмъ. кто мнѣ замѣтитъ, что поучающая жизнь такихъ людей требуетъ большихъ разъясненій. Всегда первый осуждая въ себѣ мои недостатки и промахи, я повторяю, что непремѣнно глубоко возчувствую справедливость такого упрека, но въ тоже время я долженъ буду сказать въ свое посильное оправданіе слѣдующее: чѣмъ крупнѣе жизненный дока, попавшій подъ мое перо, тѣмъ менѣе я пишу о немъ, потому что не могу выносить той страшной муки, которую испытываетъ мое сердце въ то время, когда я очаровываю этого доку...

Вотъ Анна Петровна совсѣмъ другое дѣло. Если я одинъ разъ нѣсколько и увлекся, говоря о ней, какъ о чиновницѣ и бла-о-родной женщинѣ, за то благодушію моему не будетъ предѣловъ, когда я буду говорить о ней просто, какъ объ Аннѣ Петровнѣ. Объ ея походѣ къ полковнику Кочетищеву нельзя даже иначе говорить, какъ съ нѣкоторымъ лиризмомъ.

Идетъ Анна Петровна по московскимъ съ ногъ сш батѣльнымъ улицамъ, по вонючимъ бульварамъ идет черезъ перекрестки уличные звѣремъ лѣснымъ пор скиваетъ, отъ нахальныхъ Ванекъ легкой пташ упархиваетъ, а самое ее всю думушка ласковая всѣмъ въ полонъ забрала.

— Вотъ, думаетъ Маслиха, была я крестьянкой, и свою молодость прожила простою мужичкой, а тепер барыней стала, дочь-барышню вспоила, вскормила и мѣсту къ большимъ господамъ опредѣлять иду. Эх кабы Господь послалъ ей добрыхъ господъ, чтобы лѣниваго норову не замѣтили, за грубыя слова не казывали. Хоша бы чѣмъ нибудь она мнѣ на стар помогала...

Жжетъ и палитъ жаркое городское солнце го Анны Петровны. Всю ее залѣпило бѣлою пылью, лицу течетъ потъ ручьями, уши хотятъ треснуть грохота экипажей, а Анна Петровна, гдѣ въ припр ку, а гдѣ тихой отдыхающей поступью спѣшитъ полковнику Кочетищеву,—боится какъ бы другія у дочери мѣсто не перебили. Не бойтесь, Анна Петр Идите тише, поспѣете: вѣдь у одного чорта наход мѣсто для всѣхъ грѣшниковъ.

Наконецъ вотъ и квартира полковника Кочетищ

— Баринъ дома? робко освѣдомляется Анна Петр у усастаго Лепорелло.

— Генералъ дома, — важно и, такъ сказать, малѣйшаго сумлѣнія, отвѣчаетъ ей Лепорелло. Вы кого?

— Я отъ себя, батюшка. Доложи, голубчикъ, вдова-чиновница пришла. На чаекъ дамъ.

— А на счетъ чего вы? Мы, ежели, то есть, не на счетъ нужныхъ дѣловъ, не про всякаго докладываемъ, потому намъ такъ приказано.

— Я на счетъ дочери.

— На счетъ ежели дочери доложу сейчасъ, потому эфто намъ завсегда нужно.

Много на своемъ вѣку видала Анна Петровна всякихъ большихъ господъ, со многими изъ нихъ она говаривала со всякою смѣлостью; но при взглядѣ на полковника, а по словамъ его лакеевъ, генерала Кочетищева, она, какъ будто обробѣла маленько. Сама она въ этомъ признавалась.

— Нельзя мнѣ было никакъ не заробѣть передъ нимъ, разсказывала она, потому на всякомъ мѣстѣ у него богатства всякія разбросаны. Золото, да серебро, ковры, да картины вездѣ такія, какихъ я отъ роду нигдѣ не видала; а самъ сидитъ бравый такой въ шитой шапочкѣ, въ халатѣ какомъ-то мудреномъ, длинную трубку, да такую то ли духовитую, куритъ, а другою рукой все это усы свои длинные гладитъ.

— Ну-съ, madame, что вы скажете намъ? спросилъ полковникъ Анну Петровну, когда она стала предъ нимъ, какъ листъ передъ травой.

— Да вотъ, ваше высокоблагородіе, сиротъ горькихъ не оставьте,—заставьте за себя вѣчно Бога молить... заголосила Анна Петровна съ низкими поклонами. Какъ вы таперича въ газетахъ публикацію та-

кую пустили на счетъ гувернантки, такъ ежели м
лости вашей угодно, дочь у меня есть и она эту д
жность справитъ, какъ слѣдуетъ...

— Гмъ! откашлянулся полковникъ. А какъ она
го... лѣтъ, т. е. примѣрно какихъ?

— Девятнадцатый пошелъ съ Вѣры, Надежды, Л
ви и матери ихъ Софьи.

— Дда! Нну это ничего. А портретика ея вы
собой не захватили?

— Нѣтъ, отецъ мой, партрета-то у меня. Не с
мала я съ ней. Отцовъ ежели, можно принесть.

— Нѣтъ—отцова-то мнѣ не нужно. У меня отц
то портретъ свой есть.

— Какъ не быть у васъ родительскому партрет

— Извѣстно есть. Да впрочемъ не въ этомъ д
А вы вотъ что, матушка, присядьте-ка покуда. К
небось, любите?

— Да я мало пью то его, отецъ; а то ничег
его въ гостяхъ когда, по многу пивала.

Принесли кофе. Собесѣдники видимо хотѣли сообщ
другъ другу нѣчто весьма интересное, но какъ б
затруднялись чѣмъ-то.

— Нну-съ такъ какъ же? заговорилъ наконецъ
ковникъ.

— То-то, то-то, благодѣтель, какъ же намъ
этимъ самымъ дѣломъ быть?

— Какъ быть? Извѣстно какъ: посмотрѣть пр
надо, да ее спросить, согласна ли будетъ?

— Согласна будетъ! съ увѣренностію доложила

Петровна. Кабы она была не согласна, она бы меня не послала. А посмотрѣть ежели нужно, такъ мы завтра сами придемъ.

Вслѣдствіе такого разговора, между вдовой титулярной совѣтницей и отставнымъ полковникомъ завязалось нѣчто въ родѣ нѣжной дружбы. Раза по три они уже навѣстили другъ друга; но рѣшительныхъ переговоровъ о пріемѣ Софи въ гувернантки еще не было.

— Мозжитъ, думала Анна Петровна. Жалованье, должно быть, хочетъ маленькое положить, глядючи на нашу бѣдность.

— Прикидывается, старая, будто не понимаетъ, о чемъ я хлопочу, въ свою очередь размышлялъ Кочетищевъ. Наровитъ, должно быть, деньгу хорошую съ меня зашибить...

Такъ всю жизнь свою, замѣчу я лично отъ себя, весь родъ людской волнуется и гибнетъ въ мутномъ морѣ недоразумѣній, которыя онъ сочиняетъ самъ для собственнаго одуренія!..

И долго, говорю, тянулись бы эти разговоры между полковникомъ и наивною вдовицей, что дескать, такъ какъ же-съ? спроситъ, бывало, Кочетищевъ,—да такъ-то, генералъ,—отвѣтитъ ему Анна Петровна—и опять продолжительная пауза.

Узнайте же теперь какимъ глубокимъ превосходствомъ обладаетъ нынѣшняя отечественная женщина предъ отечественной женщиной добраго стараго времени.

Софи сразу смѣкнула дипломатію полковника и повела дѣло такимъ манеромъ.

— Полковникъ! сказала она однажды Кочетищ[...] Нѣтъ ли у васъ на примѣтѣ хорошаго жениха? Я [...] ла бы вамъ очень благодарна, только чтобы непрем[...] но онъ не бѣдный былъ.

— Какъ же, какъ же, mademoiselle! Есть у [...] женихи даже и очень не бѣдные.

Великую истину кто-то сказалъ, когда сказа[...] что отъ малыхъ дѣлъ происходятъ иногда вел[...] результаты. Кажется, чего бы проще въ нашъ э[...] сипированный вѣкъ, что молодая дѣвушка спрашива[...] своего знакомаго старика, нѣтъ ли у него на прим[...] богатаго женишка? Имѣю много достовѣрнѣйшихъ [...] ныхъ, которыя, къ сожалѣнію, не пойдутъ къ д[...] чтобы сказать, что въ наше время такой вопросъ [...] и изъ устъ молодой дѣвушки совершенно нормал[...] Только же далеко не такъ ничтоженъ этотъ вопр[...] какъ вамъ покажется съ перваго взгляда. Между [...] ими героями онъ установилъ совершенно новыя, д[...] поведшія ихъ, какъ вы сами увидите, отношенія. [...] ковникъ до сего времени, обдѣлывавшій дѣло прiем[...] гувернантки съ Анной Петровной, теперь повел[...] преимущественно съ самой Софи. Только за то ли, [...] ее такимъ образомъ отдалили на заднiй планъ, и[...] что нибудь другое,—Анна Петровна неимовѣрно [...] зозлилась на дочь. Вдовiй флигарь еще ни разу [...] далъ въ своихъ убогихъ стѣнкахъ такихъ гор[...] сценъ гнѣва, угрозъ и даже проклятiй, которыя [...] Анна Петровна своей Софи, когда полковникъ у[...] отъ нихъ.

— Вспомни, срамница, кто у тебя былъ отецъ? говорила Анна Петровна. Заслуженный человѣкъ былъ твой отецъ. И теперь его братъ на губерніи предсѣдателемъ казенной палаты служитъ, а сестра за старшимъ секретаремъ губернскимъ выдана. Вона мѣста какія благородныя занимаютъ; а ты на эдакія дѣла пускаешься...

— Вы еще свою родню крѣпостную причли бы сюда; а то мнѣ одной съ вами скучно съ голоду умирать,— давала ей отвѣтъ Софи.

Но мы не будемъ микроскопично-описательны въ этихъ случаяхъ. Довольно будетъ, если, для уясненія воцарившейся во вдовьемъ флигарѣ суматохи, я скажу, что въ результатѣ всѣхъ этихъ выкриковъ, которыми такъ интересовались обитатели дѣвственной улицы, Анна Петровна снимала со стѣны родительское благословеніе и подъ опасеніемъ его гнѣва усовѣщивала дочь отстать отъ какихъ-то дѣловъ, которыя будто-бы, по ея словамъ, весьма срамили благородное родство ея покойнаго мужа.

Такимъ образомъ, для поверхностнаго наблюдателя представлялась возможность, изъ этихъ словъ Маслихи, заключить, что Софи имѣетъ какъ бы дѣла съ полковникомъ; но съ другой стороны поведеніе самой Софи въ отношеніи къ полковнику было именно такого свойства, что окончательно разногласило съ такимъ умозаключеніемъ, ибо, когда Кочетищевъ начиналъ ее приглашать переходить къ нему въ домъ, Софи обыкновенно отвѣчала ему такимъ образомъ:

*

— Я очень рада переѣхать къ вамъ, полковни
Только я не могу этого сдѣлать до тѣхъ поръ, п
вы не найдете мнѣ хорошаго жениха.

— Да, да, отецъ! подверждала рѣшеніе дочери А
Петровна, уже достаточно освоившаяся съ своимъ
ликосвѣтскимъ гостемъ. Ты ужъ найди сироту-то
пріищи женишка; а то вѣдь у насъ родство какое:
койниковъ братъ предсѣдателемъ, а сестра за старш
секретаремъ. Хорошо развѣ мнѣ будетъ, какъ они
начнутъ совѣстить за такія дѣла.

И вотъ въ одно прекрасное утро вдовій флигель
нялъ въ свои стѣны полковника, который пріѣхал
какимъ-то отмѣнно-красивымъ юношей, въ сюрт
изящнаго фасона и съ манерами самаго фешіонебл
го лорда.

Юноша бросилъ свой мягкій, женственный взг
на Софи—и Софи запылала къ нему той пожира
все человѣческое существо страстью, къ которой
готовили ее историческіе романы Дюма.

Тутъ ужъ почти и конецъ. Мнѣ остается только
зать къ чести полковника Кочетищева, что онъ
того только, чтобы соединить двѣ полюбившія
друга съ перваго взгляда души, пожертвовалъ мол
на обзаведеніе пять тысячъ рублей, а главное,
вилъ ему у одной вдовой купчихи мѣсто не бол
менѣе, какъ въ три тысячи руб., и вы не поду
что въ годъ, а въ мѣсяцъ...

Хорошо быть такимъ могущественнымъ, какъ
отставной отъ гусаръ полковникъ, ибо мужъ Софи

его могучей помощи, хотя и принадлежитъ къ древней, но къ несчастію проерыжничавшейся фамиліи, пропалъ бы окончательно. Равномѣрно и Софи: истаяла бы она, бѣдная, и засохла, не успѣвши разцвѣсть, отыскивая въ дѣвственной улицѣ героевъ Лувра, а теперь, благодареніе небу, она жена очень обезпеченнаго человѣка. Это само по себѣ, а главное то, что она тоже, опять таки, благодаря великодушію полковника, имѣетъ средства заработывать свой хлѣбъ своими трудами, находясь гувернанткой при воспитанницѣ Кочетищева, взятой имъ для услажденія дряхлой старости.

Не такъ ли, други, всегда наказывается порокъ и вознаграждается добродѣтель?..

III.

КАКЪ БЫ ЭПИЛОГЪ.

Послѣ довольно продолжительнаго отсутствія, я с
увидалъ Москву. Была святая недѣля. Шатаясь по
московному, я случайно встрѣтилъ одного пріятел
торый въ былые годы имѣлъ возможности тереться
большомъ свѣтѣ. Изгнанный изъ рая въ наст
время, онъ все еще продолжаетъ думать, что онъ
ма великосвѣтскій баринъ — и на этомъ основані
еще раскланивается съ своими великолѣпными дру

— Слава Богу, подумалъ я при встрѣчѣ съ
теперь, ежели какая нибудь свѣтлая звѣзда бл
въ мои слѣпые глаза, у меня есть подъ рукой
вѣкъ, который скажетъ мнѣ ея имя.

И дѣйствительно: мой пріятель очень щедро
палъ предо мною познанія о beau mond'ѣ.

— Князь Зарубай-Незарубьевъ! благоговѣйно
четъ онъ мнѣ и въ тоже время улыбаясь самымъ
вымъ образомъ, привѣтствуетъ князя своимъ
журомъ.

Князь окидываетъ бѣдняка недоумѣющимъ взгл

величественно надуваетъ губы, морщитъ лицо и наконецъ обращается къ миловиднѣйшему существу, сидѣвшему вмѣстѣ съ нимъ въ блестящей коляскѣ.

— Графиня Пеперментъ, Маркиза Кло-де-Вужо! рекомендуетъ мнѣ мой благородный другъ весьма развалившееся существо, тупо смотрѣвшее изъ каретнаго окна на народныя волны.

— Bon jour, madame la comtesse! кричитъ онъ старухѣ, рискливо подбѣгая къ ея коляскѣ. Маркиза награждаетъ его истинно-рыцарскую храбрость ласковымъ кивкомъ головы, изъ чего я, какъ послѣ оказалось, весьма справедливо заключилъ, что она совсѣмъ спятила.

Такимъ образомъ много знатныхъ особъ было представлено моему благосклонному вниманiю. Въ благородной къ ихъ отечественнымъ заслугамъ душѣ моей, я благословилъ доблестныхъ патрицiевъ моего племени и хотѣлъ было отправляться домой, потому что, клянусь честью, тоска меня въ это время одолѣла почему-то самая, что называется, смертная; какъ вдругъ съ нами поровнялся невообразимо патентованный экипажъ, влекомый благороднѣйшею, вороною четверней. На козлахъ этой невиданной еще подъ солнцемъ колесницы, достойно возсѣдало нѣкоторое строго-серьезное существо, широкоплечее и поросшее густою бородой, цвѣта остывшей смолы. Къ великому моему удивленiю, въ этомъ экипажѣ, видимо строенномъ для царей, помѣщался полковникъ Кочетищевъ. Подлѣ него на задней скамейкѣ сидѣла какая-то бархатная, самой высокой отдѣлки,

дама, въ чертахъ лица которой я нашелъ какъ бы нѣ
знакомое.

— Вѣдь это полковникъ Кочетищевъ? страшиваю
моего пріятеля, пораженный той блистательной обс
новкой стараго гусара, въ какой еще ни разу мнѣ
приходилось видѣть его.

— Да это онъ! удовлетворилъ меня мой знакомец

— Что же онъ женился, что-ли? Бархатная да
жена его, что-ли?

— Нѣтъ, бархатная дама жена пріятнаго господи
который сидитъ напротивъ. Она у полковника въ
вернанткахъ, а мужъ ея главнымъ управляющим
своей сосѣдки. Это извѣстная богачка купчиха По
никова.

— Чей же это экипажъ? спросилъ я.

— Да какъ вамъ сказать? недоумѣвалъ мой пріят
Онъ у нихъ общій, хотя и купленъ на деньги По
никовой. У нихъ все общее, потому что это обра
вые друзья. Всѣ, кто только знаетъ ихъ, иначе и
называютъ какъ аркадскимъ семействомъ. Впроче
полковника и пріятнаго господина называютъ еще
меліями въ кэпи; ну да вѣдь на чужой ротокъ, не
кинешь платокъ. А счастію ихъ, по чести вамъ го
рю, завидуютъ самые равнодушные глаза.

И точно: въ толпѣ народа, глазѣвшей на тор
ственное шествіе нашихъ друзей, раздавались зав
ливыя восклицанія, одобренія лошадямъ, экипажу. Т
же, впившись слезящимися, старческими глазками
парадную дочь, стояла Анна Петровна Маслиха, въ

номъ, новенькомъ салопчикѣ, съ бѣличьимъ воротникомъ, и когда патентованная коляска поровнялась съ нею, она набожно перекрестилась и по лицу ея пробѣжала улыбка полнѣйшаго счастія...

Воздадимъ же и мы, въ свою очередь, хвалы небу за то, что наши времена рождаютъ еще людей, способныхъ восхищать и умягчать сердца наши тѣми душевными прелестями, которыя я рекомендовалъ вамъ въ моихъ герояхъ.

ИВАНЪ СИЗОЙ

ИЗОБРАЖАЕТЪ, ВМѢСТѢ СЪ МОСКОВСКИМИ НРАВАМИ, САМАГО СЕБЯ.

I.

Пожаръ способствовалъ ей много къ украшенью.
Горе отъ ума.

Я постоянный житель Москвы — и вотъ только въ первый разъ выступаю на петербургско - литературную арену съ моими московскими очерками. Призываю на нихъ вниманіе добрыхъ людей, потому что въ этихъ очеркахъ я намѣренъ изобразить безконечный рядъ лицъ, сокрушенныхъ безвыходнымъ горемъ своей жизни. Станетъ передъ вами длинный строй тѣхъ лицъ, безмолвный, не умѣющій даже сказать о своемъ страданіи и попросить помощи. Станетъ, говорю, онъ передъ вами, а у васъ свое горе—и благо вамъ, если по этому случаю можно будетъ имѣть право сказать про васъ, что вы съ напрасно-скрываемой слезой, отвернетесь отъ него и прошепчете:

— Братцы! Что же я для васъ могу сдѣлать? Все это я вамъ изображу, какъ слѣдуетъ, потому, что уже который годъ я стою хорошимъ рядовымъ въ строю моемъ. Руки у меня длинны и сильны, языкъ вострый, басъ медвѣжій—и при всемъ томъ ничего! Ни одной радости я еще не увидѣлъ въ шеренгѣ моей: все слезы, все только однѣ слезы?..

— Ну и пусть слезы? Что-жъ такое? Пусть другіе за насъ радуются, если есть о чемъ,—съ злостью говорю я сейчасъ, въ самый моментъ моего писанія. Но тутъ мнѣ вдругъ почему-то захотѣлось смѣяться.

— Кто это, думаю я, зарадуется. Чему? У кого хватитъ на столько идіотства, чтобы скалить зубы на извѣстные жизненные порядки, какъ скалитъ ихъ голодный жеребецъ на овесъ.

— Чему смѣетесь? Надъ собою смѣетесь,—припоминается мнѣ великое слово...

А между тѣмъ я совершенно увѣренъ, что читающая публика такъ ни чуть не знаетъ московскихъ нравовъ, что и не подозрѣваетъ, что я, въ качествѣ постояннаго жителя Москвы и рисовщика ея нравовъ, пьянъ въ настоящую минуту какъ стелька; ибо «съ товарищемъ выпьешь, для компаніи выпьешь, самъ по себѣ выпьешь», — любо!..

Въ Москвѣ рѣдко кто иначе дѣлаетъ, поэтому и поговорка такая у насъ сочинилась, почти что въ пословицу вошла: чѣмъ же ты, акромя какъ выпивкой, горе свое осилишь?

— Вѣр-р-но! подсказываю я этой поговоркѣ. Чортъ

его осилить, — и продолжаю: — Однимъ лѣтнимъ вечеромъ сердце мое заныло до смерти, потому что ему пришлось восчувствовать, что оно не можетъ безъ того, чтобы не лопнуть на мельшайшіе куски, ужиться съ нѣкоторыми, почти на всякіе глаза обыденными городскими дрязгами. Дѣло состояло въ томъ, что этимъ вечеромъ я шолъ па урокъ и заранѣе зналъ, что pater familias, сѣдой и разслабленный старикъ, пожелаетъ узнать отъ меня подробности перехода Израильтянъ черезъ Чермное море, а mater familias будетъ подчивать сладкимъ чаемъ съ сахарными булками и наступать на ноги подъ столомъ, накрытымъ длинной салфеткой.

Страшно меня мучило это представленіе; но я все таки шолъ и думалъ:

— Авось Богъ милостивъ! Авось нынѣ и такъ пройдетъ. Ну да наконецъ и терпѣть надо. Что же безъ дѣла то шляться?

— А я и самовара до васъ подавать не велѣла— встрѣтила меня хозяйка, сверкая нарумяненными, но уже очень скомканными щеками. Мы васъ всегда такъ ждемъ, такъ ждемъ,—продолжала она и крѣпко жала мою руку...

Я вскрикнулъ какое то сумасшедшее междометіе и стремглавъ выбѣжалъ на улицу, проклиная городъ, такъ подурацки распоряжающійся бѣдняками, и насколько помню, проклиная даже бѣдняковъ, не умѣющихъ какъ слѣдуетъ примириться съ любознательными pater familias'ами и съ отдавливающими учительскія ноги mater familias'ами...

— Баста! Къ чорту учительство! говорю я, и направляюсь въ знакомый трактиръ, по прозвищу «*Костентінополь*». Здѣсь я на послѣднія деньги саданулъ большой графинъ и потомъ пошелъ пошляться, что весьма облегчительно и даже образумительно для тѣхъ людей, какіе желаютъ думы свои отдать буйному вѣтру, который не въ человѣка криливъ. Онъ несетъ тѣ думы къ синему небу и во весь голосъ кричитъ ему:

— Вотъ, небушко, я тебѣ принесъ съ земли печальныя думы человѣческія! Погляди поласковѣй на того человѣка, спрысни ты его росою вечернею, ласковой; а то, пожалуй, думы-то его въ конецъ изведутъ,—пожалуй, онѣ его огнемъ своимъ такъ сожгутъ и оголятъ, какъ пожары жгутъ и голятъ россійскія степи...

Славный вечеръ былъ даже въ главныхъ улицахъ Москвы: смирно улеглась назойливая дорожная пыль,—затихла оглушающая, барабанная дробь отъ калиберовъ Ванекъ, растворились уставленные цвѣтами балконы. Въ городѣ даже хорошо въ такое время человѣку, не имѣющему возможности запустить на своей собственной дачѣ великолѣпнаго фейерверка рублей въ пятьсотъ. Носъ такого человѣка, свороченный на сторону городскими благовоніями, такъ сладко внюхивается въ свѣжія ароматныя испаренія отъ старинныхъ деревьевъ, весьма часто выглядывающихъ изъ за высокихъ заборовъ на московскія улицы.

Долго такимъ образомъ шелъ я, всѣмъ существомъ вздрагивая иногда отъ унылыхъ, заспанныхъ голосовъ ночныхъ извощиковъ, предлагавшихъ съѣздить съ мо-

имъ сіятельствомъ на рысачкѣ на рубликъ, али бы на два. Чудесно вышло бы это, по ихъ мнѣнію.

Шелъ я—и становилось все тише и тише,—звѣзды такъ и подмаргивали, такъ вслухъ мнѣ и смѣялись: что, дескать, другъ, зауңылъ? Брось! мало этого горя у васъ на землѣ, что-ли? Пора бы попривыкнуть, слава Богу!...

— Да, хорошо вамъ тамъ вдали-то! шептало больное сердце мое вѣчно-веселымъ звѣздамъ.

Пошли какіе-то безконечно-длинные заборы, сады, запахло острымъ запахомъ огородныхъ растеній,—вмѣсто извощиковъ, думы мои распугивали теперь злыя собаки, которыя съ остервененіемъ подкатывались мнѣ подъ ноги,

Усталъ я и тяжело бухнулся въ высокую, сырую траву; осмотрѣлся, — и вокругъ меня нѣжно-усыпляющимъ шопотомъ говорила что-то молодая березовая роща, на мѣсяцѣ сверкали тонкія струйки никогда невиданнаго мною прорвавшагося пруда, прямо передъ глазами моими, далеко гдѣ-то къ самымъ звѣздамъ, взвивались, безъ малѣйшаго шума, разноцвѣтныя римскія свѣчи.

Лежа, я спрашивалъ себя: гдѣ же это-я? я не знаю этого мѣста.

Раздумывая и припоминая, по какимъ мѣстамъ шелъ я и куда именно пришелъ, я наконецъ сказалъ себѣ:

— Да что мнѣ за дѣло, гдѣ я? Здѣсь хорошо — и баста!

И ужъ истинно, что хорошо было! Сколько поза-

бытаго припоминала мнѣ березовая роща, нашептывая мнѣ про мою далекую глухую родину; этотъ прорванный прудъ, его оголѣлое, песчаное русло и, главнымъ образомъ, ручьи, игриво разбѣжавшіеся изъ него по травѣ, живо и звонко заговорили со мной:

— Помнишь ли, Ваня, — радостно крикнулъ мнѣ кто-то,—какъ у насъ въ Анюткиныхъ дворикахъ пруды прорывало?

— Помню,—отвѣчаю я съ улыбкой. Какъ не помнить? Еще мы тогда по цѣлымъ днямъ безъ воды сидѣли, зато рыбы было много. Застрянетъ она въ пескѣ-то, на днѣ,—ротъ розинетъ на жарѣ—и дышетъ тоже... ровно бы и человѣкъ...

— Дурашка! почудилось мнѣ, что шепнула роща. Безъ воды-то всѣмъ плохо, — мнѣ вотъ безъ дождей-то, такъ и то очень, очень трудно...

— Ну-да, ну-да! заскакали передъ рощей рѣзвымъ ребячьимъ скокомъ ручьи, разбѣжавшіеся изъ пруда. Тебѣ-то, пуще всего, безъ воды нельзя? На что она тебѣ, вода-то,—вѣдь ты деревянная...

Я совсѣмъ, съ головой, легъ въ траву, чтобы лучше всматриваться въ знакомые образы, рѣявшіе напрудѣ, на деревьяхъ и даже въ мѣсячныхъ лучахъ. Трава обдала мою воспаленную голову сырой росой — и вслѣдствіе этого мнѣ показалась другая картина.

Въ Анюткиныхъ дворикахъ вечеръ; въ мутныхъ стеклахъ нашей избы мелькаетъ огонекъ. Видѣнъ въ эти стекла громадный, ярко вычищенный самоваръ, за который давно ужъ, когда еще солнце не садилось, за-

сѣли мой отецъ, мать и отцовъ братъ-мѣщанинъ, пріѣхавшій къ намъ изъ города въ гости съ маленькой дочкой. Мы съ сестренкой терпѣливо дожидались на потемнѣвшей улицѣ чаю, къ которому старшіе, достаточно вспотѣвшіе сами, имѣли кликнуть насъ, чтобы полакомить ребятенокъ чашечкой, другою этого праздничнаго напитка.

Босые, съ растрепанными волосами съ раскраснѣвшимися лицами, бѣгаемъ мы по ровному полю, звонкимъ смѣхомъ разбиваемъ ничѣмъ не смущаемую пустынную тишь—и долгое время такимъ образомъ идетъ между нами двумя и большой собакой, перегонявшейся съ нами, большая дружба. Только вдругъ городская дѣвчонка нахмурилась, откинула со лба на затылокъ черныя косы, прикусила, капризница, губы и даже, какъ-бы сквозь слезы, сказала:

— Нѣтъ! Я не хочу больше играть. У васъ здѣсь страсть какъ скушно!

— Какъ скушно? спрашиваю я въ недоумѣніи. Гдѣ же весело-то?

— У насъ въ городѣ веселѣе. У насъ мальчики-то въ ситцевыхъ рубашкахъ и по буднямъ ходятъ, а ты, видишь, въ какой рубахѣ—въ холстинной.

— А, а, бѣшено кричу я на сестру. Такъ ты такъ-то? Сказывай же, коли такъ, гдѣ веселѣй: въ городѣ али здѣсь?—спросилъ я ее такъ-то, да какъ вцѣплюсь ей въ косы...—Ска-а-зывай!...

Молчитъ дѣвочка, крутитъ только упрямою головенкой, стараясь высвободиться изъ родныхъ лапъ.

— Нѣ-ѣ-тъ, не вырвешься. Сказывай: гдѣ лучше?

— Пусти,—прошипѣла упрямая,—тятенькѣ скажу. Онъ тебя выдеретъ.

— Что мнѣ твой тятенька-то? У меня свой есть. И безъ твоего тятеньки меня есть кому драть. Говори, гдѣ лучше?

— У васъ лучше, — тихимъ, чуть слышнымъ шопотомъ, восхвалила наконецъ горожанка прелесть сельскаго захолустья. Пусти только.

И, сидя въ рощѣ, я припоминалъ все: какъ я не хотѣлъ отпускать горожанку, зная, что она обманываетъ меня, весьма недостаточно убѣжденная въ превосходствѣ села надъ городомъ,—какъ она жаловалась на меня въ избѣ и наглядно показывала, какъ именно я таскалъ ее за косы, и какъ, наконецъ, за это звонко отщелкали меня самого.

Вспомнилъ я все это, и съ старинною, давно уже послѣ этого случая истраченной силой, сказалъ про утѣшившее меня на минуту московское захолустье:

— Нѣтъ ужь, Богъ съ нимъ! Лучше же ему такъ стоять, по прежнему, подальше отъ города... По крайней мѣрѣ, тихо—воздухъ чистъ...

А сзади на меня, на тихую рощу и на наше обоюдное довольство другъ другомъ неотразимо надвигалъ могучій городъ. Какъ корабли по морю, плыли прямо на насъ его громадные дома, гнѣвные такіе и, какъ я полагаю, видя на своей дорогѣ такую маленькую, незначительную преграду, какую мы съ рощей представляли имъ, они, повременамъ, ядовито посмѣива-

лись рѣдкими огоньками, блиставшими изъ кое-какихъ окошекъ.

Было это ровно въ полночь и, какъ теперь помню, деревья, и травы, и свѣтлая вода, — все это будто бы ужасно испугалось надвигавшей силы, безпощадно опустилось на колѣни и зашептало невыразимо-звучную молитву. Я же храбро стоялъ лицомъ къ готовому поглотить меня чудовищу и, яростно махая кулаками, оралъ на него моимъ, еще и теперь богатырскимъ басомъ....

— Нѣ-тъ, с-стой, другъ! Ты подожди надвигать-то на насъ. Мы еще съ тобой перевѣдаемся. Можетъ мы тебя еще и назадъ поотодвинемъ бездѣлицу...

~~~~~~~~~~

*
~~~~~~~~~~

II.

— Да будетъ вамъ, Иванъ Петровичъ, воевать-то,— ласково сказалъ мнѣ какой-то мужской голосъ, показавшійся мнѣ знакомымъ.

— Ишь, ишь лютуетъ какъ! заговорилъ въ тоже время другой голосъ, одинаково-ласковый, но женскій.— Ахъ воинъ, ахъ воинъ! продолжала смѣяться женщина. Вотъ оно гдѣ, храброе воинство-то!

Мнѣ было очень досадно, что даже баба тамъ какая-нибудь смѣется надо мной, но дальше я уже ничего не помню, потому что показалось мнѣ, что городъ совсѣмъ наѣхалъ на меня въ эту минуту и раздавилъ въ мелкіе, окровавленные дребезги, причемъ онъ злобно шумѣлъ что-то своимъ страшнымъ, полночнымъ шумомъ...

На другой день однако я проснулся совсѣмъ живой, только ныли простуженныя кости, да трещала пьяная голова. Долго и напрасно ломалъ я эту надтреснутую голову, стараясь припомнить, гдѣ именно я нахожусь. Въ два маленькія окошка, изъ которыхъ виднѣлись

тротуарныя тумбы, жирно намазанныя дегтемъ, по случаю какого-то празднества, да ноги пѣшеходовъ— смотрѣло восхитительное раннее утро. Прямо въ горячее лицо налетала ароматная прохлада, гладила его своими нѣжными, пуховыми крыльями и совершенно вслухъ шептала:

— Ну ничего, горемычный! Ничего, что заболѣлъ,— не важно суть...

Надобно сказать такъ, что на утро это я былъ расположенъ смотрѣть, какъ на сестру милосердія, сидящую передъ койкой одинокаго, обреченнаго могилѣ человѣка. Подъ бѣлоснѣжный съ широкими оборками чепецъ, спрятала сестра свое молодое, и, какъ бы роза, застигнутая осенью, поблекшее отъ раннихъ слезъ лицо, отвернувшимся отъ всегдашняго мірскаго несчастія взоромъ своимъ ласкаетъ она больную душу и тихимъ, молитвеннымъ шопотомъ провожаетъ ее въ дальній путь, туда, гдѣ нѣтъ ни печалей, ни слезъ, ни воздыханій...

Вотъ какое было это утро! Тонкими снопами врывались въ окна первые, и потому такъ трудно отличаемые отъ настоящаго золота, солнечные лучи. Падая сначала на мои подушки, они скользили по одѣялу и потомъ со всего размаха хлестали по лѣнивымъ глазамъ большаго сѣраго кота, сидѣвшаго у моихъ ногъ. Кота, очевидно, тѣшила ихъ ласкающая теплота, ибо онъ по временамъ какъ-то нервически вздрагивалъ и громко мурлыкалъ. Но всего страннѣе было то, что за котомъ, между спинкой дивана и моими ногами сидѣло неболь-

шое, годовое дитя, совсѣмъ еще безволосое, съ красненькими деснами, вмѣсто зубовъ, завернутое въ лохмотья. Дитя было необыкновенно оживленно: безпрестанно стукаясь, то затылкомъ о деревянную спинку дивана, то лбомъ о мои колѣни, оно тѣмъ не менѣе заливалось веселымъ, птичьимъ смѣхомъ и колотило кота по усатымъ мордасамъ засусоленной соской. Котъ въ свою очередь отбивалъ эти нападенія лѣниво и граціозно, и при томъ чуть-чуть только касаясь правой лапой полныхъ, смѣявшихся щечекъ ребенка.

— Откуда мнѣ все сіе? думалъ я, еще пристальнѣе вглядываясь въ комнату, которая, по-истинѣ, была какимъ-то храмомъ нищеты. На ея желтыхъ, выкрашенныхъ охрою стѣнахъ, отчего-то вдругъ пропадали солнечные лучи, врывавшіеся въ окна, а вмѣсто нихъ, по старчески-изломанными зигзагами, метались черныя тѣни, — отчаянно метались, словно бы смертно-больной на постели. Столы, стулья, скамейки были все какія то трехногія, искалѣченныя, — съ перегородки смотрѣли пыльныя, всѣ въ паутинѣ, картины, большею частію старинныя, нѣмецкія гравюры, въ уродливыхъ толстыхъ рамкахъ изъ окрашеннаго въ красный цвѣтъ дерева. Неряшливая печать тѣхъ гравюръ превосходила всякое описаніе.

Мнѣ казалось очень знакомой обстановка этой комнаты, ночью именно грудь крушила она своимъ тюремнымъ воздухомъ; я все таки не могъ отгадать и продолжалъ лежать и агукать ребенка.

За перегородкой шипѣлъ самоваръ. Я долго прислу-

шивался къ нему, потому что до смерти хотѣлъ пить. Наконецъ онъ громко заклокоталъ и было слышно мнѣ, какъ кипящая вода, не стерпѣвъ адскаго жара, полилась черезъ края и яростно зашептала.

Да куда же это хозяева раздѣвались? Кто же теперь чай будетъ заваривать?

Ну я за хозяина буду, сказалъ я самовару, встав , и лишь только успѣлъ накрыть крышкой самоварную трубу, какъ дверь отворилась и въ кухню вкатился толстенькій мальчикъ лѣтъ четырехъ, въ красной рубашонкѣ, черный, какъ таракань. Въ немъ я узналъ сразу моего любимаго крестника — Ванюшку.

— Кумъ! закричало малолѣтнее существо, никогда нехотѣвшее называть меня *крестнымъ* или *тятинькой*, не смотря на обильные подзатыльники, которые щедро раздавали ему отцовскія руки за такую непочтительную кличку. — Ку-у-мъ! на всю квартиру заоралъ ребенокъ въ несказанной радости. — Давай *нини*! Этимъ мягкимъ словомъ мальченка характеризировалъ тѣ бѣдныя денжишки, которыя я давалъ ему иногда на гостинцы. Тутъ онъ протянулъ ко мнѣ привычную руку и получикъ гривенникъ, съ которымъ тотчасъ и убѣжалъ въ лавочку. Такъ рано такого сорта ребятки узнаютъ цѣну тьмы разныхъ разностей, предлагаемыхъ имъ въ услажденіе московской мелочною продажею.

По Ванюшкѣ мнѣ уже не трудно было опредѣлить, что я нахожусь у моего стариннаго благопріятеля, нѣкоего Матвѣя Петрова, который на обыкновенный вопросъ своихъ знакомыхъ, кто онъ и чѣмъ занимается,

всегда отвѣчалъ: а мы изъ кантонистовъ, насъ въ Москву пригнали вотъ эконькимъ, — при этомъ онъ какъ то стыдливо потуплялъ въ землю свои красные глаза и принимался часто моргать длинными бѣлыми бровями.

За такую рекомендацію, а можетъ и за что другое, всѣ дѣвственныя улицы, (такъ я называю московскія захолустья) постояннымъ жильцомъ которыхъ былъ Матвей Петровъ, звали его *Обдѣлистымъ* или *Чижомъ*, и кромѣ такихъ прозвищъ я ничѣмъ другимъ не буду характеризировать этого человѣка, а скажу только, что совершенно успокоился, узнавши, что нахожусь у него, а нигдѣ болѣе.

Тутъ вошла жена Матвѣя Петрова. Я звалъ ее Анной, а всѣ другіе, кого я встрѣчалъ въ этомъ семействѣ, Чижихой. Она несла полуштофъ и блюдо соленыхъ огурцовъ.

— Всталъ, кумъ? привѣтливо заговорила она со мною. А я вотъ насилу три гривенника на похмѣліе тебѣ оборудовала, потому, думаю, ужъ онъ не встанетъ безъ эстаго... Головы не подыметъ. Головы-то ему, думаю, безъ вина не поднять...

Повторяю, въ концѣ концовъ, что я былъ очень радъ, что очутился у Чижа, потому что часто также приходится мнѣ трудить ошалѣлую голову надъ разгадкой: у кого именно изъ моихъ барственныхъ друзей встрѣчаю я извѣстное утро, тысячью невиданныхъ и неслыханныхъ для посторонняго глаза голосовъ и лицъ, то безпощадно-осуждающее меня, бездомовнаго пьяницу,

то жалѣющее и плачущее надо мною горячими слезами тѣхъ родныхъ людей, которыхъ я хочу выжить изъ моей памяти и никакъ не выживу... Съ ужасомъ думалъ я, разговаривая съ Чижихой, что бы было со мной, ежели бы я проснулся теперь не въ ея квартирѣ. Благовоспитанный другъ мой читалъ бы мнѣ мораль, что необходимо-де и проч., отпаивалъ бы кофеемъ, говорилъ бы со мною *по-мужицки*, либеральничалъ, а между тѣмъ самъ я въ каждомъ звукѣ, изъ какихъ состояли бы его нескончаемыя рацеи, явственно разбиралъ бы звонкій нестерпимо-рѣжущій хохотъ, уродливаго дьяволенка пьянства, который самымъ подлымъ образомъ вихлялся бы передо мною въ синемъ пламени спиртовой лампы, варившей кофе, дразнилъ бы меня и кричалъ другу моему и наставнику:

— Да что ты ему разговоры разговариваешь? ха, ха, ха! Ему погромче тебя въ миліонъ разъ говорили когда-то, да не послушалъ... ха, ха, ха!

Но, слава Богу! Ничего подобнаго не случилось этимъ прелестнымъ утромъ, и Чижиха, наливши мнѣ полный стаканъ водки, радушно сказала:

— Ну-ка, кумъ, передъ чаемъ-то выкушай на здоровье. Политика дѣвственной улицы требовала съ моей стороны отвѣтить:

— Кушай сама прежде, Аннушка, — и я сказалъ это — она выпила, и вотъ какія пошли у насъ разговоры послѣ того, какъ мы выпили.

III.

Стаканъ водки сдѣлалъ свое дѣло. Онъ наполнилъ мою голову чѣмъ то до того тяжелымъ, отъ чего голова безпомощно поникла на столъ, сердце забилось ускоренными біеніями и глубоко застрадало отъ различныхъ жизненныхъ представленій, съ которыми русскій человѣкъ никогда не знаетъ ладу и которыя, рано или поздно, сгоняютъ таки его съ бѣлаго свѣта въ темныя, кабачныя стѣны.

— Ты, куманекъ, еще употребилъ бы стаканчикъ,— подчивала меня Аннушка, съ какою-то совершенно-докторскою любовью, желая, чтобы я выпилъ еще стаканчикъ. — Оно, можетъ, тогда у тебя все бы поотлегло маленько! добавила такимъ образомъ кума свои слова— и ожиданіе того, что приподнимется отъ этого стакана больная голова моя и заговоритъ дружески задушевныя рѣчи, которыя привыкли слышать отъ меня дѣвственныя улицы, такъ и свѣтило въ ея смирныхъ, сѣрыхъ глазахъ. — Выпей, выпей, а то что это, въ самомъ

дѣлѣ? Сейчасъ ужъ и уткнулся въ столъ — и молчитъ, ровно бы сердитъ на кого, ровно бы онъ не къ своимъ людямъ пришелъ.

Я отрицательно мотнулъ головой на это предложеніе, потому что внутри меня сидѣлъ кто-то и строго шепталъ: не пей больше, а то опять пойдешь пьянствовать. Стыдно! опохмѣлился и будетъ...

Ясно разбирая этотъ шопотъ, я отвѣтилъ кумѣ:

— Нѣтъ, Аннушка, больше я не хочу. Спрячь полуштофъ поскорѣе, чтобы и духу его не было здѣсь... За дѣло мнѣ бы давно пора, да вотъ кургужу все, потому справиться трудно. Спрячь!

— Ну, ну, — засмѣялась кума, — спрячу. Значитъ: не введи насъ во искушеніе.

Сняла Аннушка полуштофъ со стола и вышла куда-то. Я остался одинъ и задумался. Ежели бы кто посторонній, не давая мнѣ примѣтить себя, посмотрѣлъ на меня въ это время, онъ счелъ бы меня за сумасшедшаго, потому что посторонній увидалъ бы въ это время человѣка, который, то судорожно царапалъ свою грудь, то отчаянно схватывался за лобъ, то наконецъ безсмысленно и широко выпучивалъ глаза на желтыя стѣны убогой комнаты и порывисто шепталъ:

— Нѣтъ! Не буду! Не хочу! Сгибнешь эдакъ, — околѣешь... Я не хочу умирать, не хочу...

Пристально всматривался я въ бѣдныя стѣны, думая про себя:

— Какъ можно дольше буду смотрѣть на одинъ предметъ, авось, может, и забудусь... Авось, можетъ

и пройдетъ... Говорятъ, отъ этого проходитъ. Дай-ка я попробую сосредоточиться...

Я уперъ глаза мои въ стѣну, увѣшанную картинками и противоположную той стѣнѣ, къ которой былъ прислоненъ стеклянный шкафчикъ съ спрятанной Аннушкой водкой и, по прошествіи четверти часа, когда каждая гравюра была мнѣ знакома, какъ свои пять пальцевъ, я громко захохоталъ. Разноцвѣтный Барклай-де-Толли указывалъ мнѣ громадной, красивой саблей на завѣтный шкафчикъ, — какой-то нѣмецкій воинъ, въ шлемѣ и мантіи, поддерживая одной рукой упавшую къ нему дѣвушку, другой торжественно рекомендовалъ мнѣ тотъ же шкафчикъ...

Комната наполнилась явственно-разбираемыми голосами вставленныхъ въ рамки людей, которыя говорили мнѣ:

— Пей, ступай! Вѣдь хочешь, вѣдь тянетъ тебя— ну и пей. Что сдерживаешься-то? Есть изъ чего?!.. Мы вотъ тоже сдерживались, да вѣдь умерли же...

Я не поддаюсь, ни указательнымъ жестамъ картинъ, ни ихъ аргументамъ и продолжаю смѣяться; а между тѣмъ что-то, до тошноты сосущее, подкатилось мнѣ подъ ложечку и мучительно рветъ мои внутренности, такъ что зубы невольно скрипятъ, а губы злобно проклинаютъ кого-то...

Вспомнивши, что эти боли часто унимались во мнѣ тогда, когда прямо въ глаза мои била шумная жизнь человѣческая, я бросился къ окну, распахнулъ его — тутъ, въ полномъ смыслѣ тихое утро, отрекомендовал

мнѣ тихую, безлюдную улицу. Словно насмѣшливыя улыбки, искрясь и играя, летали по улицѣ косые, раззолоченные столбы утренняго солнца. Отраженные распахомъ окна, отворявшагося на улицу, они быстро улетѣли отъ дома на середину дороги и оттуда, рѣзвясь и улыбаясь, какъ дѣти, заговорили мнѣ:

— Что же ты? Въ такое то время не выпить? Лѣтнимъ, прекраснымъ утромъ не выпить, себѣ на здоровье, Господу-Богу на славу?... Ну, не чудакъ ли ты, послѣ этого?... Да много ли у тебя въ году счастливыхъ дней-то бываетъ?

— Много ли, мало ли, а стерплю — пить не буду! молчаливо думаю я въ душѣ моей.

— Да п-пей ид-долъ! съ громкимъ пріятельскимъ смѣхомъ обсыпали меня солнечные лучи, снова налетая на окно, у котораго я сидѣлъ.

П-пей, штоли! И тутъ почудилось мнѣ, что утро шутливо улыбнулось, и даже, какъ будто, ударило по плечу дружеской, угрожающей рукой — и я робкими, нерѣшительными шагами и съ замираніемъ сердца отправился, какъ бы на какое воровство, къ стеклянному шкафчику...

— А-аххъ, стыдъ какой! въ шутку, но визгливо вскрикнула Аннушка, вошедшая въ то самое время, когда я украдкой, стараясь кашлемъ заглушить неизбѣжныя бульканія, влилъ водку въ стаканъ. А—ахъ, стыдъ! Я такъ и знала, что сначала откажется, а потомъ украдкой пить станетъ...

— Вѣдь вотъ и соображенія есть! бросилась мнѣ въ

голову подлая дума. — Вотъ оно: откуда что берется— и умъ, и шутливое слово явилось, когда гадость какую нибудь въ другомъ замѣтить приходится. А поговори съ ней на счетъ чего нибудь другого, что во сто разъ приметнѣе, такъ она вылупитъ сѣрые глаза, усмирится какъ-то по особенному, такъ что и образъ человѣческій совсѣмъ потеряетъ и, махаючи головой и руками, тихимъ такимъ и испуганнымъ голосомъ затянетъ:

— Не соображу, не соображу! Очень что-то неподходящее разговариваешь...

Подумалъ я такъ-то и съ злостью принялся смотрѣть на куму; а она стоитъ предо мной, шутливая, добрая, веселая, и повторяетъ:

— Знала, знала, что безъ меня пить будетъ. По мужу привыкши... Онъ тоже всегда эдакъ-то. Забожится, забожится: не буду, молъ, сейчасъ издохнуть... По началу-то вѣрила...

— Привыкши... Вѣрила по началу... Ни къ чему ты, какъ слѣдуетъ, не привыкла, ни во что ты сроду не вѣрила, потому не умѣешь ты ни привыкать, ни вѣрить,—по собачьему злилось на куму мое возбужденное вторымъ стаканомъ сердце.

— Што ты на меня глаза то пучишь? продолжала Аннушка, разшучивать свои шутки — Выпей-ка еще. Самъ придетъ, еще принесетъ. Въ кои-то вѣки дождались мы тебя. Вонъ сына-то крестнаго безъ тебя не одинъ разъ женить собирались.

Такова странность человѣческой природы вообще, въ особенности тогда, когда человѣкъ разбавитъ

свѣжесть полуштофомъ очищеннаго. Слова эти, сказанныя веселымъ, добрымъ тономъ, показались мнѣ самыми отвратительными гадинами, которыя, уродливо кривляясь и смѣясь надо мной, толпой впалзывали ко мнѣ въ уши, холодныя такія, скользкія, мокрыя...

Забравшись ко мнѣ въ голову, гады эти свились въ ней въ одинъ плотный, безобразный клубокъ, который быстро завертѣлся, зашуршалъ, на подобіе того, какъ шуршатъ крылья тысячной птичьей стаи, спугнутой съ сидѣнья,—и въ слѣдъ затѣмъ изъ клуба начали выдѣляться какія-то немыслимыя морды, съ громкимъ, весь мозгъ мой потрясавшимъ смѣхомъ, передразнивавшія куму:

— Выпей-ка еще. Въ кои-то вѣки мы тебя дождались. Самъ придетъ, еще принесетъ. Вонъ сына-то крестнаго безъ тебя ужъ женить собирались...

Каждое изъ этихъ словъ уродцы сопровождали тѣмъ, что съ необыкновенною быстротою вытаскивали какъ бы изъ моего сердца какія-то яркія картины, съ неимовѣрною ясностью представлявшія мнѣ, какъ въ нѣкоторыхъ, удушающихъ своей безвоздушностью, пространствахъ московской жизни, растолковываютъ отъ нечего дѣлать объ отсутствующемъ кумѣ.

Московскую осеннюю ночь, угрюмо-заглядывающую въ убогую комнату, чуть-чуть только развеселяетъ трехкопеечная сальная свѣча, стоящая на инвалидѣ-столѣ. Въ цѣлой комнатѣ только и видно кончикъ самой свѣчки, да чашку съ бѣлыми ломтями рѣдьки, нарѣзанными къ ужину. Остальной фонъ до того бездонно-черенъ,

что затушевалъ собою все, такъ что рѣшительно ничего не видать.

И вотъ изъ этой бездонной черноты раздаются голоса:

— А-ах-ххъ! зѣваетъ кто-то въ ожиданіи сладкаго сна и спрашиваетъ: скоро, штоль, ужинать-то?

— Погоди, дай вздохнуть-то! Авось не умрешь. Весь день возилась. То къ тому, то къ другому. Фартальный говоритъ: ты мнѣ евойную собаку подари, тогда мы его, какъ Сидорову козу, обдеремъ.

— Што же ты, отдала? съ прежнимъ благодушнымъ зѣвкомъ освѣдомился кто-то.

— Извѣстно, отдала. Гдѣ мнѣ съ ней возиться?

— То-то, я давича пришолъ — темь такая, зги не видно, я и свистнулъ: Джальма, молъ! Думаю такъ-то: гдѣ, молъ, она? А ты, какъ въ случаѣ чего, ежли на счотъ суда, такъ божись пострашнѣе: знать, молъ, не знаю. Ни денегъ, ни собаки па прокормъ, мы молъ, отъ кума не получали.

— У-ччи еще!

— То-то! Я вонъ, какъ книжки его, да платьишко продавалъ, такъ онъ это—старьевщикъ-то — говоритъ: обвяжись, молъ, подпиской, что не укралъ. А я ему: на что, молъ, намъ съ тобой, милый человѣкъ, подписки-то: рази мы грамотные? Намъ, молъ, съ тобой по душѣ это дѣло лучше удѣлать. Старьевщикъ разсмѣялся этому и повелъ меня въ трактиръ чай пить... Такъ-то!..

Въ этомъ мѣстѣ разговора чьи-то громадные, черны

пальцы спустились съ потолка въ чашку съ рѣдькой и за тѣмъ въ комнатѣ осталась только одна, плачевно помаргивавшая свѣчка, потому что рѣдька въ непродолжительномъ времени со стола, вмѣстѣ съ чашкой, исчезла...

— Теперь смотри! вотъ тебѣ другая картинка:— шутятъ бѣсы, посаженные въ мою голову Аннушкиными словами. Мы эту картину назовемъ — «Возвращенный на родину скиталецъ». Сцена таже, только она нѣсколько свѣтлѣе, потому что на столѣ-инвалидѣ горитъ не одна свѣчка, а двѣ. Видны хозяинъ и хозяйка, украдкой отъ гостя подмаргивающіе другъ другу съ такимъ видомъ, что, дескать: смотри, держись крѣпше...

Идутъ, очевидно, пріятные разговоры, столь необходимые при всякомъ дружескомъ свиданіи, наконецъ возвратившійся кумъ вынимаетъ изъ облѣзлаго, кожаннаго кошелька желтую бумажку и проситъ кума-хозяина сходить—*пріобрѣсти посредствомъ купли водчеца для ради радости*, на что сей послѣдній цѣломудренно улыбается и говоритъ:

— Ахъ, кумъ! Ужь и шутники же вы только. Право бы не нужно *этого*. Ей Богу, кажется, напра-а-сна!

Пріятные разговоры продолжаются. Рюмки, даже на картинѣ, звенятъ такъ радостно, и полштофъ, насквозь прохваченный перекрестными огнями двухъ свѣчекъ, ласково улыбается тремъ собесѣдникамъ всѣми своими гранеными сторонами; кумъ-гость примѣтно сло-

жилъ губы для свиста, а физіономіи хозяевъ приняли болѣе подмаргивающее выраженіе.

— Гдѣ же моя собака? спрашиваетъ гость.

— Какая такая собака? съ испугомъ и недоумѣніемъ отвѣчаютъ другимъ вопросомъ мужъ съ женой.

— А на сбереженье какую я вамъ далъ. Книги, вещи...

— Н-нѣ-ѣтъ, кумъ! съ ласковыми улыбками говоритъ чета: — это вы, надо полагать, гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ изволили оставить, потому вы тогда— не взыщите—ахъ, какъ зашибали?.. Такъ-то-ли зашибали, — ей-Богу-съ!..

Тутъ чертенята, засѣвшіе въ моей головѣ, принялись даже въ какой-то экстатической радости взвывать и плясать, потому что, все это время они показывали мнѣ такія картины, отъ которыхъ я совсѣмъ ополоумѣлъ, ибо картины эти, головою ручаюсь, не только въ Москвѣ никогда не были никѣмъ примѣчены, но, пожалуй, и въ иныхъ мѣстахъ отъ нихъ людскіе носы чудесно отвертываются.

— Разъ, д-два! фокусничали чертенята, нестерпимо стуча въ головѣ костяными копытами. — Изво-о-лльте, га-ас-сппа-адда, пасматрѣть, какъ эфета, значитъ,— Тутъ они, словно какъ винты въ панорамѣ, такъ нестерпимо-мучительно щолкали въ моей головѣ чѣмъ-то металлическимъ и тяжелымъ, что сознаніе рѣшительно покидало меня и я только могъ бормотать:

— Нну, нну-у! Показывайте. М-мнѣ-ѣ нич-чево. Я виддалъ...

— И покажемъ! и покажемъ! визжалъ клубокъ разнообразнѣйшихъ мордъ и вслѣдъ затѣмъ я почувствовалъ, что всего меня завалили какіе-то суздальскіе эстампы, которыхъ я такъ много видалъ на ярмаркахъ въ уѣздномъ городѣ, родившемъ меня. Тяжело и душно мнѣ подъ грудой эстамповъ, я чувствую, что задыхаюсь, чувствую, что кончена жизнь моя, и принимаюсь истерически рыдать объ этой напрасно и безплодно погибшей жизни, а чертенята все подваливаютъ ко мнѣ новые виды, разрисованные еще болѣе пестрыми красками.

— Вотъ тебѣ, — рекомендуютъ они мнѣ тономъ уѣздныхъ панорамщиковъ, — Расланѣй-богатырь... Полемъ ѣдетъ, усы гладитъ, селомъ ѣдетъ, дѣвокъ бабитъ...

— Тьфу! азартно отплевываюсь я отъ Расланѣя-богатыря.

— А вотъ тебѣ баталья, кума Ѳомы съ теткой Натальей.

— Тьфу!

— Русской французу задалъ по пузу. А-аххъ! Наши безъ головъ стоятъ, да табаччо-окkъ понюхиваютъ.

— Не врри!

— А вотъ тебѣ, другъ любезный, послѣдняя: Васька Кузьку въ зубы-губы хопъ, хопъ, хопъ!

— Еррунда! заключаю я, послѣ чего пересталъ уже рѣшительно что либо видѣть. Въ ушахъ только раздавался какой-то странный шумъ, перемежавшійся щелканьемъ, подобнымъ тому, какъ иной разъ звенитъ на

лошадиной ногѣ плохо прикрѣпленная подкова. Издали откуда-то неразборчиво доносились до меня какіе-то, совершенно незнакомые голоса. Одинъ изъ нихъ съ плачемъ начиналъ:

— Да скажите, ради Бога: вѣдь продали? Ну, нужда вамъ случилась, вы и продали. Скажите?

Два голоса отрицали эти слова:

— Станемъ мы такъ-то пыступать, куманекъ! У насъ и то на душахъ-то, можетъ, вона сколько грѣховъ-то! Да, право, ей-Богу! Насъ здѣсь, слава Богу, всѣ знаютъ...

— Нѣтъ, вы вотъ что: вы, пожалуста, не думайте, чтобы я на васъ сталъ жаловаться, или бы сердиться... Не буду; вы только не лгите.

— Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю.

— Напраслина-съ!

— Ежели вы откровенно скажете, что, молъ, продали — грѣхъ да бѣда на комъ не живетъ — я вамъ все отдамъ. Вамъ больше нужно чѣмъ мнѣ, — у васъ семейство. Скажите?

Въ мои уши полился какой-то тревожный, суетливый шопотъ. Одинъ голосъ говоритъ:

— Скажу. Што его мучить.

— Тсъ! Я тебѣ скажу! У меня своихъ не узнаешь!

— Право, скажу. Когда онъ насъ обманывалъ?..

— Гляди, гляди имъ въ зубы-то. Не обманывалъ, такъ теперь обманетъ. Какъ ты ему обо всемъ энтомъ дѣлѣ объяснишь, сичасъ онъ въ книжку свою запи-

шетъ и засвидѣтельствуетъ, вотъ ты тогда въ волю насвищешься.

— Передъ кѣмъ онъ здѣсь засвидѣтельствуетъ? Вѣдь мы одни.

— Разговаривай. Они грамотные-то — какъ дьяволы хитры. Ко всему придерутся...

Между тѣмъ, голосъ, умолявшій о правдѣ, перешелъ въ отчаянно-буйные тоны и гремѣлъ.

— Убью я васъ, гады! Всѣхъ перекалечу. Самаго простаго слова не дождешься отъ васъ. Экъ ихъ, скотовъ, перекоробило какъ!.. Какого вы дьявола хитрите? Развѣ я вамъ триста тысячъ разъ не показалъ, что я васъ насквозь вижу. Ужь добьюсь же я, что вы мнѣ скажете правду. Ужь осилю же я васъ. Убью, а осилю, — въ Сибирь пойду, а осилю...

— Напрасно такъ-то изволите говорить, — слышалось мнѣ. — Ей-Богу напрасно, потому объ насъ такъ никто не понимаетъ...

— Дуб-бина! продолжалъ буйствовать басъ, что ты зубы-то мнѣ чешешь. Отъ тебя только одного слова и добиваются, чтобы ты правду сказалъ. Ну, молъ, укралъ. И причину тебѣ въ зубы прямо кладутъ, совсѣмъ пережованную. А укралъ, молъ, оттого, что работать ничего, какъ слѣдуетъ, не умѣю; а ежели бы и умѣлъ, такъ въ хорошей-то работѣ, въ настоящей, у насъ никто не нуждается.

— Ахъ, кумъ! Вы этого не извольте говорить, потому работа тоже на сорты... Теперича: первый сортъ, второй сортъ, третій... Какъ-же-съ?

— Да будетъ! Перестань бобы разводить. Признавайся: укралъ? продалъ?.. Одно скажи, прошу тебя.

— Точно что, кумъ, времена нынѣ какъ очѣнно чижелы... конфузливо заговорила было хозяйка, но мужъ усиленно закивалъ и заморгалъ на нее и такъ страшно прошипѣлъ: тс-с-съ! что она понурила голову и смолкла.

— Однако, что же это такое? говорю я, стараясь образумиться и поднять, словно свинцомъ налитую голову. Надобно же мнѣ однако узнать: пьянъ я, или боленъ, сплю-ли, или въявь вижу еще невиданную гадость? Съ этими словами я встаю на ноги и протираю глаза, вслѣдствіе чего оказывается, что во все время моихъ видѣній я лежалъ уткнувшись головою въ столъ и бурлилъ мертвецки-пьяный; а предо мной, испуганные до мертвенной блѣдности, сидѣли Матвѣй Петровъ съ женой. Кромѣ того, на колѣняхъ у Аннушки возлежалъ мой крестникъ Ванюшка.

— Ку-умъ! заоралъ мальчишка. Я теперь тебѣ побѣгу извощика нанимать. Ты меня прокати. Я ужь давно не катался на извощикахъ.

Вяло, и самъ не зная зачѣмъ, словно бы въ глубокомъ просоньи, я отвѣтилъ ему на его воззваніе:

— Ужь поѣзжай одинъ, Ваня! А мнѣ вѣрно теперь ни на какомъ извощикѣ далеко не разскакаться...

— Это они къ чему? тихимъ шопотомъ освѣдомилась у Аннушки нѣкоторая личность женскаго пола, отрепанная и съ волосистой бородавкой на нижней губѣ.

— Оченно они учены! также тихо отвѣтила Анушка. Они всегда такъ-то, ежели выпимши. Рѣдкое понимаемъ, а ужь который годъ въ знакомствѣ находимся...

— Тс-съ! прошипѣлъ на бабъ Матвѣй, и вооружившись стаканомъ, медленными шагами и, по своему обыкновенію, стыдливо улыбаясь, подходилъ ко мнѣ изъ дальняго угла и говорилъ:

— Ну-ка, куманекъ, отрезвитесь. Прикушайте; а мы, признаться, оченно въ большомъ безпокойствѣ, потому бредить изволили. Третьягоднишнее вспоминали.. И такъ-то насъ пудрили, такъ-то пудрили... Хи, хи, хи! Тутъ онъ. тихонечко засмѣялся, прикрывши ротъ ладонью и затѣмъ съ какимъ-то особенно-глубокимъ серьезомъ добавилъ:

— Только я и говорю женѣ: ты, молъ не очень на благодѣтеля-то нашего скорби. А жена мнѣ сказала: что же мнѣ на него скорбѣть? Рази, говоритъ, мало мы отъ нихъ милостевъ видѣли? Кушайте-съ.

Запахъ водки ударилъ меня въ носъ и голова моя въ милліонную долю секунды была поражена двумя нервическими ударами, вслѣдствіе которыхъ она сдѣлала два механическія движенія: одно изъ этихъ движеній побуждало меня къ неудержимому смѣху надъ собой, добивавшимся въ безчувственномъ образѣ правды отъ Матвѣя Петрова съ женой,—надъ собой, который забываетъ о всякомъ дѣлѣ, лишь только завидитъ доброе, обѣщающее лицо на стулѣ и полштофъ на столѣ; а другое движеніе, словно мощная кисть художника,

сразу начертило предо мной неясный, но могучій образъ, который клалъ мнѣ на губы свою сильную, но мягкую и теплую руку, и говорилъ:

— Удержись. Не смѣй смѣяться ни надъ собой, ни надъ ними. Что тутъ смѣшнаго, — разсуди?..

И въ то время, когда я, двадцатипятилѣтній парень, колыхнулся два раза, почти апоплексически, я успѣлъ разсудить, что тутъ дѣйствительно нѣтъ ничего смѣшнаго, что все это такъ и быть должно, и поэтому по всему существу моему разлилась всепрощающая, всякому помогающая любовь, тихая, какъ полночное небо лѣтомъ, умиряющая, какъ геніальная музыка...

Я всегда любуюсь въ себѣ этимъ наплывомъ на меня невыразимаго счастія и не имѣю ни малѣйшей нужды скрывать, что въ качествѣ человѣка извѣстной сферы я привыкъ встрѣчать каждое горе стаканомъ водки, а потому и этотъ наплывъ я привѣтствовалъ тѣмъ, что взялъ изъ рукъ Матвѣя Петрова стаканъ, выпилъ его и снова поникъ...

Поникъ и опять предо мною замелькали картины, только уже не такія, какія сейчасъ показывали мнѣ бѣсы.

Лежа, я думалъ про себя:

— Д-да! Стыдно, Иванъ, даже въ пьяномъ видѣ, издѣваться надъ этою жизнью. Иванъ! Поднимись, взгляни, какъ славно свѣтитъ солнце надъ этими конурками. Пожалуй, еще лучше свѣтитъ, чѣмъ богатымъ городскимъ палатамъ.

— Какъ они одначе хлибки бываютъ... Сичасъ ужъ

и скосило его! шепчетъ Аннушкѣ женщина съ волосистою бородавкой.

— Бла-о-родны очень! отвѣчаетъ Аннушка. Ихъ страсть какъ скоро сваливаетъ. Допрежъ однако крѣпче не въ примѣръ былъ, ну таперича устарѣлъ что-ли, Богъ его знаетъ...

— Устарѣлъ и есть, матка! Вишь бородина-то...

Вслушиваясь въ этотъ шопотъ, я въ то же время страшно желалъ, чтобы солнце всегда такъ славно свѣтило только одному этому бѣдному люду, а никакъ не городу. Тутъ же и причина такого желанія явилась: бѣдный людъ и такъ во тьмѣ ходитъ, думаю я,— причина бѣдная, извѣстная всякому, но она такъ скорбно шевельнула душу, такіе, вслѣдствіе ея появленія, мелькнули въ глазахъ моихъ мученическіе образы, *ходящіе во тьмѣ*, что я тутъ же сказалъ:

— Аннушка! Налей-ка мнѣ еще стаканчикъ.

Аннушка, разумѣется, налила съ полнымъ счастьемъ и, видя, что лютость моя перешла въ благодушіе, сейчасъ же подсѣла ко мнѣ съ разговорами.

— А мы, кумъ—давича не успѣла сказать—въ несчастьицѣ.

— Въ какомъ?

— Корову купили...

— Ну?

— Не ко двору пришлась. *Онъ* у ей весь хвостъ вырвалъ...

Опять нервически затряслась моя голова, судорожно задвигались личные мускулы и я съ глубокимъ азар-

томъ принялся доказывать Аннушкѣ, что все это вздоръ, что *ихъ* совсѣмъ нѣтъ. Она внимательно слушала мои рацеи, пристально всматриваясь въ меня своими широкими, сѣрыми глазами, а потомъ вдругъ совершенно неожиданно сказала, что называется, бухнула:

— Нѣтъ ужь, кумъ! Ты нынче очень ужь что-то тово... Право...

— А что?

— Да чудной какой-то,—ей-Богу! Все это онъ разговоры какіе-то разговариваетъ... Ежели ты, примѣромъ, заложить что удумалъ для выпивки, тамъ это я для тебя и безъ твоихъ подвоховъ живо бы скомандовала... А то толкуешь, что *ихъ* нѣтъ. Куда же они раздѣвались?

— Да и не было никогда,—кричу я, стараясь хоть голосиной осилить вѣковую вѣру въ *него*.

— Какъ не было? какъ и я повысила голосъ смиренная до сихъ поръ бабочка.—Да я сама *его* своими глазами видѣла. Хвостатый такой, зубами щелкаетъ. Попробовала за шерсть сцарапать — склизкій, вывернулся. Опять же вонь отъ него...

— Ну, будетъ! Припоминаю, что крикливо и злобно прервалъ я Аннушкину рисовку *его* портрета... Наливай-ка лучше...

Присмирѣла Аннушка послѣ моего окрика, потому что я дарилъ ей кое-когда по полтиннику, и опять же сюртукъ на мнѣ былъ, хоть и на пьяницѣ, а все же нѣмецкій, дворянскій, изъ тонкаго сукна. Было ему непремѣнно лѣтъ полтораста. Говорю объ его лѣтахъ

потому единственно, что чортъ его знаетъ, чѣмъ это лохмотье, перебывавшее на столькихъ плечахъ, могло еще внушать людямъ страхъ и почетъ къ себѣ?...

Долго мы сидѣли съ кумой такимъ образомъ, печальные, недовольные. Разговоръ не клеился. Передо мной почему-то, неотгоняемо шли сцены изъ Донъ-Кихота. Санхо-Панча дѣлалъ такія гадости, такія скверныя гадости и самъ же до того глупо смѣялся имъ тѣмъ тусклымъ смѣхомъ, которымъ смѣются наши деревенскіе блаженные, что и мнѣ стало невыразимо смѣшно, вслѣдствіе чего я принялся отмахивать отъ моего лица, какъ отмахиваются отъ мухъ, приключенія знаменитаго рыцаря и его оруженосца...

— Отойди, отойди! шепталъ я, махая рукою около своего носа. Мнѣ ужь это такъ приглядѣлось, глаза выѣло... У насъ нынѣ всё такъ... Отойди!...

— Не извольте сумлѣваться! уговаривалъ меня сильно подвыпившій Матвѣй Петровъ. Куда же теперича мнѣ уходить? Точно, что вы говорите, что быдто я Джельму... т. е. эту самую собаку, говорите вы, что быдто. т. е. мы продали... Только я отъ васъ не отойду, потому вы мой воспріемникъ — ребятишекъ у меня примали. Они вѣдь, ребятишки-то, мнѣ свои. Они, кумъ, малолѣтнія дѣтищя-то, наше нутро — ей-Богу!

Говоря это, Матвѣй Петровъ о чемъ-то горько плакалъ и цѣловалъ жену, увѣряя меня и ее, что они самыя что ни-на-есть горемычныя сироты и что имъ нужно жить какъ можно дружнѣе и согласнѣе.

Въ припадкѣ нѣжности, онъ склонился на мое плечо

и принялся плаксивымъ и протяжнымъ тономъ умолять меня помочь ему въ чемъ-то, защитить отъ кого-то, на томъ основаніи, что я будто бы баринъ, а онъ круглый сирота и мѣщанинъ.

— Ежели вы отъ насъ откачнетесь,—взывалъ Матвѣй Петровъ,—я съ малыми дѣтьми, какъ пылинка, погибнуть долженъ. Вотъ какъ: ффу! — и нѣтъ ничего,—ей-Богу-съ! При этомъ онъ энергично дунулъ на свои пальцы и безпомощно опустилъ руки на колѣни, показывая тѣмъ, что уже ничего болѣе не осталось ему дѣлать, какъ только пить и погибать.

Настала тяжелая пауза, прерываемая порывистыми покачиваніями головы Матвѣя Петрова, чѣмъ онъ хотѣлъ изобразить свое сокрушительное горе, да его же плачемъ, похожимъ на фырканье молодаго жеребенка.

— А-ахъ, кумъ, кумъ! Что мнѣ дѣлать? Теперича хошъ на счотъ Ванюшки скажу: мальчишка эдакой! Кормильцемъ для меня, при старости ежели при моей, онъ безпремѣнно будетъ, потому, видишь, какія его лѣта! А ужь его куда хочешь пошли, хоть въ кабакъ, хоть въ лавку. Изъ лавки придетъ, говоритъ: я, говоритъ, тятенька, вотъ рыбину эту съ прилавка домой принесъ, — они не видали... Золото мальчонка! За то дѣвки у меня, хоть бы ихъ на пустомъ полѣ не было!

— Рожа! перебила въ это время Аннушка мужнюю рѣчь. Что ты ихъ клянешь-то всегда? Ахъ! Нѣтъ на тебя управы. Слѣдовало бы тебя за такія твои слова разутѣшить, да вотъ жаль, силы-то нѣтъ у меня.

— Вы на нее не смотрите, кумъ! Я вотъ, адпава

дыхнуть, рукъ только не хочу объ нее марать.., А дѣвчонки у меня, чтожъ? шила въ мѣшкѣ не утаишь, рябыя, какъ рѣшето. Я бью ее за это — мать-то — б-бью, и ихъ бью, потому куда я ихъ съ такой красотой устрою?...

— Умъ, думаешь, въ тебѣ есть, что ребятъ неповинныхъ колотишь? вставила Аннушка свое слово.

— Мол-чии! все болѣе и болѣе лютовалъ Матвѣй Петровъ. Знаешь ты меня, али нѣтъ?

— Какъ не знать! Не первый годъ.

— Такъ, такъ-то, куманекъ! Куды мнѣ ихъ дѣвать уродовъ-то? Вотъ сестра у меня, та счастлива! Нынѣшнимъ мы ее, суддырь ты мой, лѣ-ѣтомъ...

Тутъ я быстро поднялъ со стола голову и широко раскрылъ глаза, потому что въ это время въ глаза мои блеснулъ подвальный цвѣтокъ, стройный, высокій, стыдливый, съ свѣжимъ ангельскимъ личикомъ, съ длинными, бѣлыми волосами. Я вспомнилъ про сестру Матвѣя Петрова, Настасью-картонщицу, про которую было забылъ и спросилъ:

— Ахъ, Матвѣй Петровичъ! Гдѣ же Настя-то у васъ!

Матвѣй Петровъ отвѣчалъ мнѣ на этотъ вопросъ радостными, плутовскими подмаргиваньями и подкивываньями то мнѣ, то Аннушкѣ.

— Фю, фю! знаменательно просвисталъ онъ. Нѣтъ ужъ теперь Насти. Теперь есть у насъ Настасья Петровна — госпожа! Ха, ха, ха! Салопище у ней, куманекъ, вотъ какой! Ежели продать, такъ домъ нашему

брату, бѣдному человѣку, можно купить. Хо, хо, ххо-о!

— Какъ же это?

— А такъ! баринъ тутъ одинъ... Почти что енералъ... Н-ну-съ! баринъ пожилой... Говоритъ: такъ и такъ! Я, говоритъ, тебя обезпечу. Тутъ же четыреста на серебро въ ланбардъ... Намъ опять съ матерью по сту, потому, говоритъ, эфто съ обчаго согласія... Такъ-то!... Вѣдь онъ это, кумъ, справедливо сказалъ, что говоритъ, съ обчаго согласія?...

— Справедливо! согласился я—и въ какомъ-то болѣзненномъ отупѣніи и громыхнулъ стаканище.

— Селедочки! предложила мнѣ Аннушка закуску съ какою-то особенною граціей, которую, очевидно, вызвалъ изъ нея разсказъ мужа о госпожѣ сестрѣ.

Въ моемъ отупѣніи я безсознательно плюнулъ въ тарелку, которую держала предо мной кума, и затѣмъ больше уже ничего не помню.

Смутно только представляется мнѣ, что меня какъ будто выталкивали откуда-то, какой-то пожилой баринъ выбранилъ меня, я съ хохотомъ ударилъ его по гладко-выбритой мордѣ, на что мнѣ въ свою очередь отвѣтила плюхой какая-то прелестная, бѣлокурая дѣвушка, стройная, разфранчонная въ пухъ и прахъ, насквозь продушенная дорогими французскими благовоніями, отъ которыхъ такъ и трещала, такъ и разламывалась моя голова. Насколько помню, уже по голосу я опредѣлилъ, что дѣвушка эта была Настя, потому что, плюнувши

на меня въ отмѣстку за плюху, которую я сотворилъ ея любовнику, она азартно проговорила:

— Какую ты такую имѣешь праву? Езуитъ ты роду христіанскаго! Что я съ тобой, въ грѣхѣ что-ли была?

Гладко-выбритый человѣкъ сказалъ:

— Тс-съ! Развѣ можно со всякой пьяницей говорить? Вытолкай его Матвѣй Петровъ... Да кто онъ такой? разспрашивалъ выбритый баринъ, когда я, качаясь, проходилъ мимо подвальныхъ окошекъ.

— Езуитъ онъ завсегда былъ. Онъ изстари, голь эдакая, со мной езуитничалъ. И ничего у него не поймешь никогда, — горячо принялась было разъяснять меня Настя, но Аннушка живо перебила золовку и, какъ старая моя знакомая, охарактеризовала меня такими словами:

— Они бла-а-родные!

— Какой чортъ, благородный! возразилъ недовольный басъ. Что же онъ служитъ, что ли?

— Нѣтъ! Принимать никуда не велѣно, потому они съ Моховой, какъ тамъ его называютъ, энту... училишшу-то?...

— Университетъ.

— Такъ, такъ! Они изъ ней поключенные...

— За что же это?

— А за... какъ энто? Собрались они энта...

— Т-ссъ! Страху нѣтъ на тебя, дурища! закончилъ Матвѣй Петровъ. И я видѣлъ въ окно, какъ онъ съ стаканомъ водки на подносѣ подошелъ къ гладко-выбритому барину и съ глубокимъ поклономъ сказалъ ему:

— Не угодно ли, ваше в-діе, огорчиться насчотъ водочки?...

Былъ часъ дня, когда я шелъ по самымъ бойкимъ московскимъ улицамъ. Солнце страшно раскалило мостовую и каменныя стѣны домовъ, такъ что мнѣ все это казалось какимъ-то пылающимъ адомъ, изъ котораго мнѣ ни за что не вырваться и который сейчасъ пожретъ меня своей огненной пастью.

Я шелъ, убитый до крайняго безсилія и тупости, и думалъ:

— Господи! куда же я пойду?... Гдѣ и съ какими людями я жить смогу?

— Па-а-дди пр-роччь! ревнулъ на меня съ высоты козелъ блестящей кареты чудовище-кучеръ, толстый, откормленный и съ бородой, превосходящею всякое описаніе. Па-а-дди, ддьяв-ва-алъ!

Мое отчаяніе живо замѣнилось во мнѣ въ это время новымъ наплывомъ неудержимаго смѣха; но я не засмѣялся, а тяжело вздохнувши и закрывши глаза, бросился на самую дорогу, по которой скакала карета.

Раздалось проклятіе и храпъ поднятыхъ на дыбы рысаковъ, а потомъ будочникъ, поднявшій меня, съ рукой у козырька, спрашивалъ у каретнаго окна:

— Въ часть прикажете?

— Въ часть! былъ лаконическій отвѣтъ.—Экіе скоты! Какъ рано нарѣзался — и въ какую жару! послышалось затѣмъ, и карета помчалась.

— Экъ ты налупился, любезный! нето укоризненно, нето въ шутку сказалъ мнѣ будочникъ.

— Не знаю,—отвѣчалъ я ему.

— Чего не знаешь?

— А жить гдѣ?... Какъ и съ кѣмъ?

— Тамъ пристроютъ... Пыдемъ... Тамъ вашего брата вдоволь...

Такъ вотъ вамъ покамѣстъ, на первый разъ пьяное описаніе того, какого ерундистаго горемыку изображаю самъ я, живописатель московскихъ нравовъ, Иванъ Петровъ, сынъ Сизой,—и затѣмъ пойдемъ, съ Господомъ, дальше по нашей *горькой* дорогѣ.

ПОГИБШЕЕ, НО МИЛОЕ СОЗДАНЬЕ.

I.

Америка имѣетъ дѣвственные лѣса, дѣвственную почву, а Москва имѣетъ дѣвственныя улицы. Говорю о такихъ лѣсахъ и такихъ улицахъ, гдѣ ни разу не бывала нога человѣка. Я, по настоящему, долженъ былъ бы показать, каковы именно эти лѣса, для того собственно, чтобы читатель зналъ, какъ именно думать ему о дѣвственности московскихъ улицъ; но во первыхъ я рекомендую ему романы Купера, а во вторыхъ мой собственный разсказъ, и результатъ этой рекомендаціи будетъ таковъ, что изъ романовъ Купера онъ почерпнетъ настоящее понятіе о дѣвственности американскихъ лѣсовъ, а изъ моего разсказа—о дѣвственности нѣкоторыхъ московскихъ улицъ.

Во время моего перваго знакомства съ Москвой меня всего болѣе поразило слѣдующее обстоятельство. Идешь, бывало, по широкой, людной улицѣ и видишь, что на каждомъ пунктѣ ея кипитъ та дѣятельная, столичная жизнь, которая, какъ извѣстно, всякому мало-мальски

порядочному фланеру-наблюдателю, заставляетъ любопытныхъ провинціаловъ останавливаться чуть-ли не на каждомъ шагу и смотрѣть на ея суету съ неприличнымъ даже раскрытіемъ рта. Такъ вотъ говорю: идешь по такой улицѣ и постоянно тебѣ мечутся въ больные глаза эти чудаки, до глупости заинтересованные разъигрывающеюся на ней ярмаркой столичнаго тщеславія, до болѣзни глушитъ тебѣ уши грохотъ экипажей, и такъ это всего тебя распалитъ и разозлитъ эта людская молвь и конскій топъ, что, натурально, озлобляешься противъ этого ничѣмъ не смущаемаго зѣваки.

«Эдакой балбесъ! Чего онъ тутъ зѣваетъ?» съ какой-то злобой думаешь про любопытнаго. «Такъ спокойно загородилъ тротуаръ, какъ будто онъ устроилъ его исключительно для своего удовольствія.»

Но не въ этомъ дѣло. Главная сила вотъ въ чемъ: оглушенные страшнымъ шумомъ одной изъ главныхъ улицъ столицы, вы вдругъ совершенно неожиданно, какъ бы по волѣ могучаго чародѣя, переноситесь изъ этого мѣста будто за тридевять земель. Такъ велика бываетъ разница въ жизни московскихъ мѣстностей, находящихся въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ, что перешагнувши иной разъ изъ одной улицы въ другую, вы только возможностью волшебства объясняете себѣ эту странную перемѣну домовъ, людей и даже самаго климата.

Разозленные грохотомъ экипажей, навязчивостью разнощиковъ, неотразимыми претензіями на вашу щедрую милостыню тьмы темныхъ личностей, извощиками, кото-

рые какъ будто съ намѣреніемъ злятъ ваше плебейство титуломъ сіятельства, наконецъ полнымъ счастьемъ восторгающагося всѣми этими прелестями провинціяла, вы кисло морщитесь, поворачиваете направо или налѣво,— и декорація въ мгновеніе ока окончательно измѣняется.

Передъ вами уже не тѣ изумительно-грандіозные четырехъэтажные дома въ половину квартала, невольно заставляющіе васъ при взглядѣ на нихъ раздуматься, обыкновенными-ли человѣческими силами строили ихъ владѣльцы, или они прибѣгали въ этомъ случаѣ къ какимъ нибудь волхвованіямъ? Такихъ палатъ, говорю, нѣтъ и въ поминѣ. Передъ вами робко вытянулся рядъ скромныхъ домиковъ, съ этими милыми кисейными или ситцевыми оконными занавѣсками, дающими вамъ неотъемлемое право предполагать, что за ними скрывается бѣдное, но благородное семейство,—съ заборами утыканными гвоздями и увѣнчанными наслѣдственными деревьями, съ туго-припертыми воротами, съ голодной и слѣпой собакой, равнодушной ко всему окружающему и глубокомысленно молчаливой. Рядъ этихъ патріархальныхъ пріютовъ обыкновенно начинается мелочной лавкой, а оканчивается будкою. У лавки стоитъ краснощекій хозяинъ въ засаленномъ, какъ чумацкая рубаха, фартукѣ, всегда безъ картуза, съ руками, знаменательно заложенными за спину. На губахъ его сіяетъ улыбка. Изъ окна противоположнаго лавкѣ, его высокоблагородіе Романъ Ефимычъ, отставной майоръ и кавалеръ изъ палочной академіи, вѣжливенько, какъ бы и своего брата майора или титуляра, приглашаетъ лавочника на чашку

чая. На крыльцѣ будки сидитъ неразгаданный будочникъ;—я потому употребляю этотъ эпитетъ, что обыкновенно рѣшительно невозможно отгадать, дремлетъ-ли будочникъ, утомленный долгимъ бодрствованіемъ, или онъ также безцвѣтно, какъ безцѣльно бодрствуетъ, смотритъ на широкое картинное вполье, раскидывающееся за такой будкой!

Въ подобныхъ улицахъ только и есть эти два пункта, откуда еще проглядываетъ жизнь. Остальныя точки ихъ рѣшительно необитаемы и безжизненны, слѣдовательно, дѣвственны. Дальше слышно и видно только какъ наслѣдственныя деревья, осѣняющія гвоздистые заборы, дремотно качаютъ верхушками и тихо шуршатъ листьями. Мертвая, ничѣмъ не прерываемая тишина и молчаніе, самое усыпляющее, завершаютъ картину...

Почва этихъ рѣдкому извѣстныхъ странъ должна быть очень плодородна, потому что вся она весьма тщательно удобрена всѣми принадлежностями негодными въ хозяйствѣ: старыми, до тла изношенными подошвами, золой и разнаго рода весьма легко поддающимися гніенію остатками отъ нѣкогда по всѣмъ вѣроятіямъ пышныхъ одеждъ. Распаханная и разрыхленная неизвѣстно когда и неизвѣстно зачѣмъ проѣхавшими тутъ колесами, почва представляетъ всѣ возможности прозябать на ней разной травкѣ, достаточно высокой для того даже, чтобы въ ней развились и прятались разношерстные котята.

Пріѣхавши въ столицу изъ глубины степей, болѣе или менѣе откормленнымъ парнемъ, я нѣкоторое время

былъ объятъ глубокой тоской по родинѣ. Эта тоска усиливалась до тяжкой болѣзни, когда, бывало, городской шумъ прерывалъ золотую цѣпь моихъ представленій о тишинѣ степей нашихъ, о ихъ могущественной красотѣ, о ихъ, наконецъ, своеобразной, непримѣтной для посторонняго глаза жизни, которая въ неисчислимое количество разъ казалось мнѣ тогда и дѣятельнѣе и разумнѣе жизни, такъ возмущавшей своимъ громомъ мою степную натуру противъ столичной дѣятельности.

И вотъ, когда я въ первый разъ, случайно, попалъ въ одну изъ дѣвственныхъ улицъ, когда я увидѣлъ за заборомъ одного домика развѣсистую яблоню, а на улицѣ невыполотую траву, въ которой играли котята и чирикали молодые воробьи, когда я почуялъ въ воздухѣ нѣчто напоминавшее ароматъ степи, я почувствовалъ къ этимъ улицамъ необыкновенную слабость. Въ ихъ успокоивающей тиши очень скоро проходила хандра отъ отношеній и обязанностей, которыя неумолимо принуждаютъ меня выполнять городская жизнь; поэтому вотъ уже нѣсколько лѣтъ брожу я по этимъ улицамъ, ищу ихъ близъ заставъ, въ Замоскворѣчьи, ищу въ сердцѣ Москвы,—и я даже открылъ такую мѣстность, которую сами обыватели не могли назвать мнѣ. Недавно только, когда я изучалъ прилегающія къ ней улицы, со мной встрѣтился необыкновенно дряхлый старецъ, который сказалъ мнѣ, что мѣсто это называется Камеръ-коллежскимъ валомъ, что это очень хорошее мѣсто, потому что живутъ они себѣ здѣсь тихо да смирно, ровно у Христа за пазухой.

Теперь я очень хорошо познакомился съ этимъ старикомъ. Мой новый знакомый, когда я проникнулъ къ нему въ гости, представилъ меня другу своему зашивальщику, тоже старику, живущему съ нимъ на одной кровати, и потомъ уже на именинахъ у старика зашивальщика я самымъ тѣснымъ образомъ сблизился съ симъ удивительно искалѣченнымъ ветераномъ и съ сосѣдомъ будочникомъ. Будочникъ въ свою очередь, обязательно пригласилъ меня къ себѣ на имянины.

— Смотрите же, не забудьте, сударь, третьяго числа, говорилъ онъ, прощаясь со мною.—Пророчица Анна и Симеонъ Благопріимецъ: это и есть мой ангелъ.

Такимъ образомъ третьимъ февраля и начинается мой разсказъ, характеризующій дѣвственность московскихъ улицъ.

II.

Только моя необыкновенная страсть смотрѣть, какъ поживаютъ на бѣломъ свѣтѣ разные добрые люди, заставила меня ѣхать къ Камеръ-коллежскому валу на имянины къ будочнику. Морозъ былъ необыкновенный; трескъ промерзнувшихъ крышъ и заборовъ нарушалъ въ этотъ разъ мертвое молчаніе, обыкновенное въ дѣвственныхъ улицахъ.

По примѣтамъ, сообщеннымъ мнѣ новымъ знакомымъ, я узналъ домъ, въ которомъ квартировало его семейство. Маленькая отощавшая собачка звонко отвѣтила на скрипъ калитки, произведенный мною; ей откуда-то изъ угла отозвались куры соннымъ, продолжительнымъ воркотаньемъ. Какой-то человѣкъ въ мерлушечьемъ халатѣ, съ кокардой на фуражкѣ, вѣроятно хозяинъ дома, пользуясь ночной темнотой, мелъ дворъ.

— Кого тебѣ? сердито допросилъ онъ меня.

— Знакомаго одного: будочникомъ въ здѣшнемъ кварталѣ служитъ.

— Служитъ?!. Развѣ будочники служатъ?.. Вонъ ступай наверхъ.

Собаченка, лая отъ злости, подкатывалась мнѣ подъ ноги. Мерлушечій халатъ ожесточенно прикрылъ ее своей страшной метлой.

Я отворилъ тяжелую дверь, сколоченную самымъ медвѣжьимъ оброзомъ изъ толстыхъ дубовыхъ досокъ. За дверью царила непроглядная тьма; гдѣ-то вверху раздавались громкіе голоса; плачь охрипшаго ребенка смѣшивался съ гармоникой и съ разухабистой пѣсней.

Наконецъ я отыскалъ ступень лѣстницы и съ твердой вѣрой въ благость Провидѣнія полѣзъ куда-то. По мѣрѣ моего приближенія къ небесамъ, гармоника становилась слышнѣе, и я уже явственно слышалъ слова пѣсни. Это былъ лихой хорей, сложенный вѣроятно поэтомъ-закройщикомъ, и производившій въ гостяхъ гомерическій хохотъ. Мнѣ даже слышно было, какъ пѣвецъ, окончивъ куплетъ, извинялся передъ кѣмъ-то:

— Извините-съ, доносилось до меня. — Изъ пѣсни слова не выкинешь. Ха-ха-ха!

— Ха-ха-ха! раздавалось во тьмѣ, охватывавшей меня. — Не выкинешь: это точно. Того складу будетъ, ежели выкинуть. Валяй всю!

— Ничего, ничего. Пойте, отвѣчалъ на извинені пѣвца женскій голосъ.

Гармоника снова сдѣлала нѣсколько аккордовъ, какъ будто умиралъ какой-то самый безшабашный удалецъ и при послѣднемъ концѣ своемъ захотѣлъ потѣшить отлетающую душу самой любимой, самой удалой пѣсней.

Вотъ изъ ослабѣвшей груди вылетѣли двѣ-три ухорскія ноты, шутившія надъ смертью, и замерли вмѣстѣ съ веселою жизнью... Въ тотъ самый мигъ, когда слѣдовало окончиться послѣднему аккорду, пѣвецъ вдругъ подхватилъ его своей оригинальной, хореической поэмой, и снова темноту, въ которой блуждалъ я, прорѣзалъ музыкальный потокъ словъ, возбудившій новый хохотъ со стороны публики и вызвавшій новое извиненіе со стороны пѣвца.

Зная очень много всякихъ народныхъ хореевъ и ямбовъ, я тѣмъ не менѣе съ большимъ наслажденіемъ слушалъ эту пѣсенку. Она представляла для меня всю прелесть новизны, какъ по своимъ мотивамъ, такъ и по содержанію. Первые, будучи необыкновенно однообразны (они состояли изъ одного вздоха, безустанно продолжавшагося во всѣ четыре строфы каждаго куплета, такого вздоха, который, прерываясь каждую секунду и, слѣдовательно, ослабѣвая въ концѣ, каждую же секунду съ новой силой вылеталъ изъ здоровой груди), удивительно варьировались гармоникой. Послѣднее же, повѣствуя о похожденьяхъ нѣкоторой вдовы, деревенской барыни, отличалось той крупной русской солью, которою такъ забористо просолены наши доморощенныя поэмы.

Облокотившись на какую-то стѣну, я выслушивалъ неимовѣрно-забавныя приключенія вдовой барыни, и передо мною уже понемногу начинали рисоваться и одинокая глухая деревня и ея безотвѣтная улица, наивно названная мужиками *красною* , — весь этотъ мирный

быть далекаго захолустья съ каждой минутой яснѣе и яснѣе вставалъ въ моей головѣ, и издали чуялъ уже я, какъ въ концѣ улицы показалась эта барыня-домосѣдка. Бойко несетъ она свою благородную голову, храбро задравши ее къ свѣтлому небу, и крикъ ея, разносясь по всей красной улицѣ, до самого основанія возмущаетъ всегдашнюю тишину послѣдней. Я начиналъ уже видѣть барыню дѣйствующею въ тѣхъ комическихъ событіяхъ, которыя разсказывались и пѣсней и гармоникой, какъ вдругъ стѣна, о которую я опирался, не выдержавъ моего напора, со скрипомъ валится на бокъ: я лечу вмѣстѣ съ ней и отчаяваюсь въ моей драгоцѣнной жизни, но благодаря богамъ-хранителямъ оказалось, что это была не стѣна, а просто дверь, отворявшаяся внутрь.

Я ввалился въ комнату или, лучше сказать, въ какую-то пещеру. Огромная русская печь и кровать занимали пять частей пещеры. На лавкѣ, противуположной кровати, подлѣ крошечнаго стола сидѣли двѣ женщины. Человѣкъ шесть мущинъ необъяснимымъ образомъ лѣпились около кровати, на которой не-то сидѣлъ не-то лежалъ пѣвецъ съ гармоникой — молодой солдатикъ. При всемъ стараніи публики потѣсниться и дать мнѣ пройти, я съ трудомъ освободился отъ кулька, въ которомъ, зная обычаи, привезъ имяниннику штофъ Руже и приличную закуску, чѣмъ (объясняю это символическое обыкновеніе) я какъ бы желалъ и даже давалъ ему нѣкоторое право на пользованіе благами еще смачнѣйшими.

— Напрасно безпокоились, говорилъ имянинникъ,

принимая отъ меня кулекъ, который въ моментъ снискалъ мнѣ расположеніе всѣхъ гостей.

— Съ ангеломъ! привѣтствовалъ я. — Примите — не побрезгайте.

Съ меня насильно стащили шубу, которую было хотѣлъ я снять самъ, и посадили къ дамамъ. Ко мнѣ подвели маленькую дѣвочку и строго, съ подзатыльниками, приказывали ей поцѣловать у дядиньки ручки. Охрипшею, простуженною грудью, ровно трескъ маленькихъ стѣнныхъ часовъ, дѣвочка прохрипѣла: Дядинька! пожалуйте ручку.

Я поцѣловалъ бѣдное дитя, осужденное родиться въ пещерѣ съ промерзшими стѣнами, среди атмосферы, неминуемо влекущей молодую жизнь къ раннему гробу и въ колыбели уже обреченное страданіямъ. Въ глубинѣ души моей я благословилъ это дитя всевозможныхъ нуждъ на добрый трудъ въ бѣдной жизни, на силу бороться съ соблазномъ, который щедро разсыпается въ подобныхъ пріютахъ праздностью и безсердечіемъ молодыхъ и старыхъ богачей.

Я осмотрѣлся. Совершенно обледенѣлое окно пещеры, разогрѣтое самоваромъ, какъ-то особенно грустно слезилось. Отъ него и промерзнувшихъ стѣнъ, тоже согрѣтыхъ и именинными истопомъ печи и дыханіемъ гостей, шли волнистые сѣдые пары, наполнявшіе всю комнату. Единственную сальную свѣчу, горѣвшую на столикѣ, особенно-густыми клубами накрыли эти пары, отчего она разливала по пещерѣ слѣпой ненастный

свѣтъ, сообщавшій всѣмъ предметамъ какой-то сѣдовато-убогій цвѣтъ.

Прежніе пріятели мои: зашивальщикъ и искалѣченный ветеранъ грустно уединились въ самую темноту къ печкѣ, широкое отверстіе которой, сіяя во мракѣ, дѣлало изъ нихъ какъ бы волшебныхъ стражей заколдованнаго входа въ подземное царство. Нисколько не вмѣшиваясь въ общій разговоръ, они серіозно и терпѣливо ожидали, когда наконецъ дойдетъ до нихъ очередь принять изъ рукъ хозяина рюмку и, пользуясь этимъ случаемъ, пожелать ему отъ Бога всякихъ благъ душевныхъ и тѣлесныхъ. Они очевидно были въ загонѣ, т. е. вниманія на нихъ почти не было обращаемо, потому что очередная рюмка доходила до нихъ послѣ всѣхъ. Высокій старикъ, отставной фельдфебель съ бобровыми усами и подковообразными бакенбардами, убѣдительнѣйше приставалъ къ каждому гостю, чтобъ онъ одолжилъ ему заимообразно до завтра гривенникъ, который онъ хотѣлъ подарить хозяйскому ребенку. Молодецки повертываясь на каблукахъ отъ одного гостя къ другому, онъ увѣрялъ всякаго съ какою-то, такъ-сказать, воинской энергіей, что такой милой и умной дѣвочки онъ сроду еще не видалъ.

— Христосъ свидѣтель, басисто и размашисто говорилъ онъ, —не доводилось никогда видѣть, а въ какихъ-какихъ губерніяхъ не побывалъ. Дайте до завтра гривенникъ, сейчасъ подарю, потому люблю ребятъ и опять же я простъ.

Отсутствіе въ его карманѣ собственнаго гривенника, который бы на дѣлѣ могъ доказать его любовь и про-

стоту въ отношеніи ребятъ, вызывало у гостей недовѣрчивыя улыбки. Хозяинъ просилъ фельдфебеля не безпокоиться, однакоже очередную рюмку подносилъ ему только третьему отъ конца, не смотря на его относительно-высокій рангъ. Бравый фельдфебель нисколько впрочемъ не претендовалъ на такое пренебреженіе къ военнымъ доблестямъ. Онъ пилъ, когда ему подносили, и любо было смотрѣть на него, какъ онъ, принявъ отъ именинника рюмку, говорилъ ему покровительственнымъ басомъ начальника:

— А это можно, можно выпить: вино въ пользу солдату, а паче фельдфебелю.

При этомъ онъ быстро опрокидывалъ рюмку въ ротъ, настойчиво отвергая всякую закуску.

— Кавардакъ выйдетъ, ежели всякую румку закусывать будешь, наставительно поучалъ онъ. — По моему выпилъ одну, хватилъ другую, такъ много ужь! Ну послѣ этого и насядь на закуску. Поѣшь вплоть, и пей сколько хочешь, и какъ таперича неблагополучно почувствуешь, курни трубочки — и шабашъ.

— А по моему, какъ я завсегда разсуждаю, безъ закуски пить — чревобѣсіе выдетъ одно, а чтобъ оно тоись въ пользу человѣку пошло—пустяки, возразилъ молодой солдатикъ.

Бравый фельдфебель завелъ съ нимъ продолжительный дебатъ весьма горячаго свойства.

Я началъ присматриваться къ другимъ личностямъ.

Самымъ почетнымъ гостемъ былъ, очевидно, молодой полицейскій унтеръ-офицеръ, урѣзавшій, какъ го-

ворится, до ризъ-положенія. На всякую внимательность, на всякое подчиванье хозяина онъ отвѣчалъ однимъ безсмысленнымъ, икающимъ смѣхомъ.

— Не рразберу, кричалъ онъ, мотая головой.—Обстоятельнѣй говори: я твой начальникъ.

— Кушайте, кушайте рюмку-то. Очередь за вами, отвѣчалъ хозяинъ, видимо робѣя.

— Ну выпилъ. Што ты еще можешь мнѣ говорить?

— Кромѣ какъ угощенія, могу ли съ начальникомъ о чемъ говорить?.

— Вѣррно! На чистку снѣга не ходи завтра. Сиди дома: я тебѣ позволляю.

— Благодарствую, сударь. Позвольте ручку поцѣловать.

— Цѣлуй! Я тебя за твое почтенье очення люблю. На вотъ твоей дѣвченкѣ двугривенный.

И ундеръ, не знаю почему, залился своимъ икающимъ смѣхомъ.

Выпивка съ каждой минутой принимала болѣе и болѣе широкіе размѣры. Бравый фельдфебель пустился въ плясъ съ самыми неистовыми выкрутасами. У него сыпались необыкновенно смѣлыя поговорки, поминутно вынуждавшія его извиняться передъ дамами.

— Простите, Христа ради, старику, умолялъ онъ скороговоркой, постепенно дѣлаясь бравѣе и бравѣе.— Ради имянинника простите. Мнѣ по настоящему ужъ пора бы и перестать чорта-то потѣшать, да куда ни

шло! Можетъ, за мою службу Богу и великому государю, мои грѣхи на томъ свѣтѣ и простятся.

Фельдфебельскій плясъ увлекъ всѣхъ. Разговоры сдѣлались живѣе, движенія порывистѣе. Молодой солдатикъ, заливаясь самымъ лихимъ манеромъ на гармоникѣ, дружелюбно подмаргивалъ мнѣ и сидѣвшей подлѣ меня женщинѣ въ шелковомъ платьѣ, на пляшущаго старика. До этого времени вся публика слишкомъ замѣтно сторонилась насъ обоихъ, называя мою сосѣдку не иначе какъ барышней, а ко мнѣ ежели кто относился, такъ съ почетнымъ титуломъ вашего благородія.

— Да это что, говорилъ фельдфебель, останавливаясь наконецъ предо мною:—То ли въ старину было! Укатали бурку крутыя горки. Имѣемъ, судырь, окромѣ Егорія и всякихъ медалей, шестьдесятъ годовъ, а по божьему-то сказать, на баранью морду всѣхъ этихъ штукъ не накупишь. Выходитъ я ихъ заслужилъ. Заслужилъ? Истинно заслужилъ, потомъ да кровью въ владѣніе свое пріобрѣлъ. Оттого теперь и кости болятъ. За то, чтобы обидѣть меня кто могъ,—подожди!.. На офицерской линіи состою, — въ сусалы-то ко мнѣ не больно доберешься... Вотъ что!.. Хозяинъ! поднеси намъ по рюмочкѣ съ бариномъ, храбрости ради.

Хозяинъ поднесъ намъ. Фельдфебель чокнулся со мной и хватилъ, я тоже.

— Офицеромъ быть бы вамъ, сказалъ онъ,—знатно вы пьете, потому и умъ, надо полагать, не малый имѣете. Не люблю я, какъ баричъ какой рюмку под-

несетъ и рожу скорчитъ да отплевывается, ровно его въ лобъ ошарашили. У меня съ разу: маршъ, оралъ онъ, въ мгновеніе ока уничтожая другую рюмку, которую, не дожидаясь подчиванья хозяина, налилъ уже самъ.—По дружбѣ говорю: пивалъ прежде, продолжалъ онъ,—тоись столько этого добра употреблять могъ, что офицеры бывало, въ полку нарочно складываются: четверть купятъ — какъ это я пьяный буду? Часика съ два посидишь за ней,—аминь: только голосъ покрѣпче сдѣлается. А ныньче вотъ, кромѣ какъ сила не та ужь стала, жена завелась. По дружбѣ сказываю: бьетъ, коли что на счетъ водки пронюхаетъ... А на счетъ жены вотъ что скажу я тебѣ, другъ ты мой сладкій: чортъ да баба хоть кого околпачатъ. Вотъ со мной какой случай былъ: Года три тому будетъ, приходитъ ко мнѣ пріятель одинъ, тоже унтеръ-офицеръ. Дѣло на масляницѣ было. «Пойдемъ, говоритъ, выпьемъ для праздника. Есть, говоритъ, у меня знакомая женщина такая, такъ мы къ ней въ гости пойдемъ. Не подумай, говоритъ, какая-нибудь: въ корпусѣ прачкой числится, вдова, говоритъ, солдатская, съ матерью и съ дѣтьми въ казенной квартирѣ живетъ.» — «Что жь, говорю, пойдемъ.» Захватили мы, знаешь, кой-чего по мелочамъ: водченки да закусченки, сколько смогли, и приходимъ. Приходимъ и видимъ: такъ это чисто коморка у той вдовы прибрана, сама въ бѣломъ чепцѣ сидитъ на пяльцахъ шьетъ, лицомъ, признаться не такъ что бы, даже прямо сказать: страсть страстью! На дѣвченкѣ на ея платьице новенькое надѣто, ситцевое, на двухъ

ребятишкахъ рубашенки такія новенькія; канарейка у окна въ клѣткѣ виситъ и цвѣты стоятъ. Фу ты, молъ, Господи! Вотъ у насъ солдатки-то какъ поживаютъ!

— Очень говоритъ, рада вамъ, господа! Милости просимъ садиться.

— Сѣли. Посидѣмши выпили, выпимши разговоръ завели, а тамъ опять выпили. Ничего. Дѣтишки это такія ласковыя: не боятся какъ въ другихъ мѣстахъ, а такъ прямо на колѣни и лѣзутъ. Мы имъ съ ундеромъ на гостинцы сейчасъ, а мать это къ намъ: напрасно безпокоитесь, говоритъ. Тутъ мы еще выпили, матери поднесли, древняя эдакая старуха — та благодарна осталась. Хорошо-съ!.. — Намъ, сударь, не наказать ли еще хозяина-то по рюмочкѣ? вдругъ предложилъ мнѣ фельдфебель, задумчиво покручивая усы.

— Не часто ли будетъ? пожелалъ я узнать.

— Не часто, отвѣтилъ онъ.

— Ну такъ накажемъ, согласился я.

Хозяинъ весьма обязательно подвергъ себя этому наказанію.

— Вотъ я, пріятель ты мой дорогой, и разогрѣлся у этой самой вдовы. Такъ это мнѣ послѣ выпивки хорошо у ней показалось, стыдно сказать, а всплакнулъ я горько у ней за полштофомъ. Думаю себѣ: Господи, Господи! дожилъ я до сѣдыхъ волосъ, чинъ, по своему солдатскому званію, не малый заслужилъ, опять же жалованье, по тогдашней службѣ по моей въ швейцарахъ, двѣнадцать съ полтиной ежемѣсячно получалъ,—и нѣтъ

у меня ни роду, ни племени, ни друзьевъ, ни пріятелей. Думаю я такъ-то себѣ, а самъ плачу, словно рѣка разливаюсь, и показалась она мнѣ тогда эта вдова, Богъ знаетъ какою красавицею.

— А что, говорю, вдова Божья?... Давай ка, братецъ ты мой, мы съ тобой перевѣнчаемся...

— Бухнулъ я это ей, а она ничего, что пьяный человѣкъ присватался за нее, съ лапками ко мнѣ.

— Давай, говоритъ.

— Мать за попомъ сейчасъ побѣжала, честь-честью образомъ благословили насъ, и стали мы женихъ и невѣста. Не мало я радовался въ пьяномъ-то видѣ... Проснулся поутру, трещитъ голова. Куда это, думаю попалъ я. Ужь и забылъ про все. Ребятишки ко мнѣ сейчасъ: тятей почали звать,—она ихъ ужь навострила. Невѣсту тоже увидалъ, пришла откуда-то. Увидалъ ее, ужаснулся, да все и вспомнилъ. Куда, думаю, дѣну я эту ораву? Чѣмъ я ее прокормлю? Трое дѣтей, мать старуха еще, самъ на прибавокъ, всего шесть человѣкъ выходитъ: по два рубля на душу приходится. Сумнѣнье меня тутъ проняло: не маловато ли жалованья будетъ. Опять за виномъ я послалъ и говорю невѣстѣ:

— А что, молъ, невѣстушка моя милая, не простишь ли ты мнѣ шали моей пьяной вчерашней? Я бы, говорю, отходу тебѣ, что касается тоись на счетъ денегъ не пожалѣлъ дать.

— Ты, говоритъ, пустаго не болтай. Я давно такого случая выжидала; а ежели ты, можетъ, спятиться хочешь, такъ въ судъ пойдемъ. Я, говоритъ, тебя осра

лю, а жениться на мнѣ все-таки присудятъ тебя безпремѣнно.

— Смолкъ я тутъ, потому увидалъ, что не миновать мнѣ женитьбы. О томъ только безпокоиться сталъ, какъ это съ такой чучелой на свѣтъ показаться. Женился. Баба ничего, хорошая вышла, только что муштруетъ она меня очень. Выпить мнѣ, чтобы когда по старому, и не на свои, а въ гостяхъ, ни-ни, ни подъ какимъ видомъ нельзя. Слаба баба и могъ бы я ее, разумѣется, пальцемъ однимъ придавить, ну никакъ я супротивъ ея лютости выстоять не могу, когда она меня пьянаго по всѣмъ суставамъ, по всѣмъ-то суставамъ словно собаку колотить почнетъ... Въ другихъ разахъ ничего хозяйка, какъ надо быть, и дѣтишками тоже очень утѣшенъ, хошь признаться, по добротѣ по своей, частенько-таки приходится мнѣ хлѣбъ одинъ черный съ водой ѣсть, чтобы они безъ говядины не сидѣли,—любятъ тоже ребятишки говядину-то! Потому мое дѣло солдатское, привычное: они меня за это и любятъ.... Значитъ: ничего! Жить можно, потому другіе мужья и не съ такими звѣрями живутъ. Главное, не думалъ жениться, не люблю я этихъ бабъ, а тутъ шутъ прорвалъ: въ первый разъ увидалъ и обабился. Не подбей меня пріятель на выпивку, и о сю пору холостой бы ходилъ, самъ бы себѣ бариномъ былъ; а теперь—на-ка!....—Не знаю какъ сейчасъ и домой показаться, потому, самъ ты видишь, проштрафился я здорово, жаловался мнѣ фельдфебель, грустно качая головой и отплевываясь.—Не велико, правду сказать,

несчастье, когда пьянаго мужа жена бьетъ, продолжалъ онъ:—только до гроба до самаго, должно быть, горевать мнѣ, потому за расторопность свою отъ всего полковаго начальства всегда однѣ милости получалъ, а тутъ, напослѣдокъ сглупилъ, на старости лѣтъ къ бабѣ подъ палку добровольно пошелъ.... Мнѣ это горько отъ бабы терпѣть, а втрое мнѣ горести, что самъ я въ эту петлю, какъ сказать не подумавши, въ пьяномъ образѣ влѣзъ.

Послѣднія слова своей рацеи фельдфебель произносилъ уже сквозь слезы. И, конечно, это были слезы пьянаго человѣка, но тѣмъ не менѣе мнѣ было очень жаль его, потому что я видѣлъ явно, какъ человѣкъ умный по своему, только что освободившись изъ служебнаго, тридцатилѣтняго ярма, закончилъ свою жизненную дорогу, такъ трудно и такъ хорошо пройденную, какою-то роковой, непроизвольною глупостью, надѣвшей на него другое ярмо, которое онъ долженъ нести уже до самой могилы....

III.

— О чемъ ты задумался, Сизой? неожиданно отнеслась ко мнѣ въ дребезги разодѣтая женская особа, доселѣ ничего не говорившая.

Я выпучилъ на нее глаза. «Почему это она знаетъ меня?» думаю себѣ.

— Напрасно ты притащился сюда, продолжала она:— Нечѣмъ тебѣ тутъ поживиться. Въ этомъ царствѣ мрака, какъ тамъ это у васъ называется, едва ли что увидать твоимъ слѣпымъ глазамъ. Ты вѣдь слѣпъ: я давно знаю.

Я остолбенѣлъ.

— Однако, Сизой, ты чортъ знаетъ какъ постарѣлъ, и лицо у тебя, не взыщи за правду, какъ-то скверно вытянулось, поглупѣло, позеленѣло, измялось. Не очень давно еще ты былъ такой здоровый мальчишка. Помнишь?

Тутъ я вспомнилъ ее. Вспомнилъ, какъ нѣсколько лѣтъ назадъ пріѣхалъ я въ столицу съ разными дѣт-

скими восторгами и, увидѣвши, что грозное слово и тяжелая рука тятеньки за пятьсотъ верстъ отъ меня, весь отдался вліянію нѣкоторыхъ угорѣлыхъ ребятъ, и какъ эти угорѣлые ребята, воспользовавшись своимъ вліяніемъ надо мною, осквернили мою шестнадцатилѣтнюю молодость.

Въ числѣ принадлежностей этого времени была и эта разодѣтая особа, извѣстная тогда подъ именемъ разбойницы-Саши.

Это была высокая, стройная брюнетка съ размашистыми пріемами, громкой и всегда даже надъ самыми любимыми предметами злобно насмѣхающейся рѣчью.

— Ребята! говаривала она тогда, пародируя наши же фразы: — пьяницы вы, негодяи и глупцы здоровые,—это правда, но вы всегда найдете во мнѣ добрую мамзель, готовую вамъ дать самые полезные совѣты, потому что я всѣхъ васъ умнѣе, и доброты у меня у одной тоже больше нежели у всѣхъ у васъ вмѣстѣ. Цѣлуйте у меня ручки за это—и выпьемъ.

Мы цѣловали у ней ручки и выпивали. Въ настоящую же минуту я почти ничего не помнилъ объ этомъ, но, при видѣ разбойницы, старинные, давно прошедшіе дни молодыхъ увлеченій живо воскресли въ моей памяти, обширная программа разнообразныхъ глупостей, наполнявшихъ эти дни, повторилась въ головѣ противъ воли и окрасила румянцемъ стыда лицо, давно уже отъ румянца отвыкшее.

— Это ты, Саша? промолвилъ я.

— А то кто же? отвѣтила она, улыбаясь. — Глупо

такъ долго меня не узнавать. Я не то что ты: я ничуть не измѣнилась. Я, кажется, никогда такъ не подурнѣю, какъ ты. Скажу тебѣ по секрету, одного боюсь: какъ бы еще больше не поумнѣть, тогда я еще злѣй буду...

— Скажи пожалуста, только, ради Бога, безъ остротъ, какъ ты попала сюда? Знакома что ли?

— Напрасная просьба, Сизой; ты знаешь, я безъ остроты слова не могу сказать. А попала я сюда потому, что сей макарка (ты знаешь, что макарками будочниковъ зовутъ) мой единоутробный братецъ.

— Ты, помнится, говорила, что ты дочь полковника какого-то, потерявшаяся отъ гибельныхъ обстоятельствъ.

— Все ты перевираешь, забывчивый! Дочь майора, я тебѣ говорила, получившая прекрасное воспитаніе и погибшая вслѣдствіе пьянства родителя и собственной невинности. Но ты не долженъ былъ вѣрить этому, литераторъ близорукій, потому что всѣ мы—когда будешь писать обо мнѣ повѣсть, скажи, чтобы «всѣ мы» кривыми буквами печатали — всѣ мы такъ говоримъ. Поглупѣй какія, скажутъ, пожалуй, что тятенька былъ капитанъ, а маменька майорша; оно, можетъ, это и правда, только отчасти—всегда же это вздоръ. Я просто крестьянка подмосковная, Дунька Мизгирева. Могла бы я и княгиней быть, ежели бы была прежде такъ умна, какъ теперь, и немного злѣе того, какъ теперь.. Вѣрь ты этому, заступникъ простыхъ русскихъ людей,

говорю тебѣ, и радуйся: я достойно бы украсилась княжескимъ названіемъ.

Въ былыя времена я дѣйствительно угоралъ отъ такого рода фразъ. Въ устахъ разбойницы онѣ способны были тогда томить мое сердце великой тоской о томъ, что такая натура погибаетъ безвозвратно: онѣ волновали ребячью кровь мою до страстнаго желанія посвятить молодыя силы на то, чтобы поднять съ болѣзненнаго одра прекрасную жизнь, изуродованную нравственными болѣзнями, и исцѣлить ее; но въ настоящую минуту мнѣ противно было слушать эти циническія выходки и вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлось услышать ихъ до конца.

— Что ты нынче подѣлываешь? распрашивала она меня. — По прежнему ли съ своими просвѣщенными пріятелями несешь чепуху?

— Какіе пріятели, Саша, отвѣчалъ я? — Тѣхъ ужь нѣтъ: я давно съ ними разошелся.

— Какой ты благонравный! Въ этомъ ты ничего не перемѣнился. И тогда ты былъ такой же благонравный. Другіе хоть пили и скандальничали, какъ долгъ повелѣвалъ, а ты ни въ дудочку, ни въ сопѣлочку: руки только всѣмъ связывалъ, — двѣ рюмки тебя сваливали. Теперь-то хоть, по крайней мѣрѣ, исправился ли?

— Кажется исправился.

— О, добрый мальчикъ! Ишплявилься? Не видала я, ты думаешь, какъ съ фельдфебелемъ вы сейчасъ наказывали моего брата рюмочками? Впрочемъ, можетъ ты

поступалъ такъ, вслѣдствіе высшихъ литературныхъ соображеній,—какъ это по вашему говорится? Показала бы я тебѣ соображенія, ну да ужь Богъ съ тобой: не хочу я больше быть Сашкой-разбойницей. Хочу опять быть Дунькой Мизгиревой и жить по завѣту отцовъ.

— Значитъ ты тоже исправилась?

— Какъ тебѣ сказать? Право не знаю. Вы тогда толковали: исправиться, значитъ впередъ двинуться. А мнѣ бы назадъ отодвинуться, къ дѣтству Много то время лучше было.

— Конечно, то время гораздо лучше, только легко ли тебѣ будетъ возвратиться къ нему?

— Я не говорю, что легко. Да опротивѣли ужь очень мнѣ шатанья-то мои собственныя, а главное старости страшно!.. Видишь ты этого солдатика? Вотъ все икаетъ-то который? Это, милый ты мой, важная птица, завидный для дѣвицы нашего сорта женихъ. Единоутробный мой и хлопочетъ теперь объ этомъ изъ всѣхъ силъ. И не почувствуетъ, сердечный, какъ я стану унтеръ-офицершей и честной женой. Вѣнецъ, братъ, вѣдь все, не въ одномъ нашемъ омутѣ покрываетъ. Можетъ, лѣтъ эдакъ черезъ тридцать, прапорщицей буду, въ большой свѣтъ попаду...

— Да, это хорошо! сказалъ я въ разсѣянности.

— Да ты, я вижу, забавникъ! отвѣтила она съ громкимъ хохотомъ. —Поддакиваешь. Исполненіе желаній и безъ твоихъ словъ полное. . Давай исправляться, Сизой!

— Давай, согласился я.

И мы выпили.

— Скверная у меня привычка есть, Jean: выпью одну рюмку, хочется другую. Выпьемъ по другой!

Мы выпили по другой.

— И другая у меня привычка есть еще глупѣе; когда выпью другую, ужь не могу никакъ: надо третью.

— Это ты шутишь?

— Ни, ни, говорили она, наливая третью рюмку:— привычка; оттого я могу ишплявитьшя, какъ ты, а исправиться совершенно нѣтъ силы; потому за третьей рюмкой у меня непремѣнно кутежъ, на квитъ: черезъ рѣки прыгаю, моря перехожу... Я, Сизой, больше всего люблю пріятныя занятія и уважаю на свѣтѣ одного тебя да выпивку, а выпивку больше тебя,—имѣй это въ соображеніи.

Между тѣмъ оргія, разгараясь, становилась часъ отъ часу безобразнѣе. Фельдфебель доказывалъ солдатику-музыканту, что онъ молокососъ, и что ежели онъ не будетъ оказывать старшему почтенія, старшій ему можетъ въ морду накласть, какъ и законъ будто бы повелѣваетъ.

— Ну это увидимъ! отвѣчалъ солдатикъ задумчиво, и уже пе такъ смѣло какъ прежде перебирая на гармоникѣ.

— И не увидишь, какъ я тебѣ поднесу, горячился фельдфебель.

— Увидимъ, отстаивалъ солдатикъ.

— Ну что, Сизой, пьянъ ты? спросила меня Саша, раскидываясь на лавкѣ и закуривая папироску.

— Пьянъ.

— Скажи же мнѣ, ученый ты человѣкъ, когда люди лучше бываютъ: пьяные или трезвые?

— Пьяные.

— Воп! Я съ тобой согласна. Значитъ мы теперь съ тобой ребята славные?

— Славные, коротко отвѣчалъ я, потому что думы одна другой печальнѣе зароились въ головѣ моей и отнимали всякое желаніе говорить.

— Такъ будь же ты совсѣмъ славный, говорила она, очевидно пьянѣя.—Мнѣ что-то ужасно весело. Веселись и ты! Я покажу тебѣ нѣсколько картинъ. Вотъ онѣ тебѣ, право, годятся для повѣсти. Смотри и слушай: вышла я замужъ за икотника ундера. Вотъ продала я и заложила благопріобрѣтенные шелки да бархаты, купила что нужно дѣтямъ, мужу, матери его, и пою:

Подвязавши подъ мышки передникъ,
Перетянешь уродливо грудь.
Будетъ бить тебя мужъ привередникъ
И свекровь въ три погибели гнуть.»

Хорошо? Намъ не выпить ли, Jean?

— Пожалуй, я налью тебѣ.

— Я тебѣ, пожалуй, сама налью. Только ты не будь бабой, пей со мной. Вѣдь я можетъ въ послѣдній разъ кучу съ бариномъ. Ты баринъ, что ли?

— Столько же, сколько ты барышня.

— Я нарочно тебя спросила: думала, что врать начнешь. Тогда объ тебѣ врали какую-то чепуху. Одно-

дворцемъ тебя называли, поповичемъ и чортъ знаетъ чѣмъ. Я всегда тебя за это любила, Сизой! Потому ты не плоше меня утиралъ носы разнымъ ослятамъ. Я очень любила въ свое время колотить и издѣваться, въ шутку будто-бы, надъ разными тузами — и чѣмъ тузъ былъ толще и вельможнѣе, тѣмъ мнѣ было слаще. Вспомнишь только, въ восторгъ придешь... Сизой, братъ мой, слѣпленный изъ одной глины со мной, предлагаю тебѣ тостъ за процвѣтаніе доброты въ той грязи, откуда мы съ тобой выползли...

— Молодецъ ты, Саша, ей-Богу! Ура!

— Ура! отвѣтила громко она.

Я рѣшительно опьянѣлъ.

— Веселѣй держись! говорила она: — ты старайся не пьянѣть; мы съ тобой побольше выпьемъ и больше поболтаемъ. Братъ, дай сюда воды холодной и лимоновъ: мы будемъ пить и освѣжаться.

Намъ подали воды.

— Хорошо въ мѣру выпить, Сизой, а лучше того не въ мѣру, когда ничто не заставляетъ тебя не говорить того вздора, котрый лѣзетъ въ пьяную голову. Я очень это люблю. Запрусь и пью... Ну такъ вотъ, Jean, смотри же мои картины; они тебѣ будутъ полезны. Чортъ ихъ возьми совсѣмъ, они, по вашему сказать, рисуютъ общество.

— Говори, сдѣлай милость, я слушаю.

— Помню я, начала она, какъ ты разсказывалъ про жизнь тѣхъ людей, которые родили тебя, воспитали, но, ты говорилъ, тебя такъ и тянуло отъ нихъ.

Мнѣ очень нравился тогдашній твой разсказъ: пьяна-ли я была, ты-ли пьяный хорошо говорилъ, или просто, что твое дѣтство напомнило мнѣ мое дѣтство. Помню я себя вотъ съ какого случая. Ребятишки и дѣвчонки катаются на салазкахъ съ горы черезъ всю рѣку. И я тутъ. Дорога намъ на аршинъ отъ проруби. На этомъ катаньи былъ ли кто моложе меня? Только я сѣла въ салазки, и мигнуть не успѣла, какъ очутилась вмѣстѣ съ ними подо льдомъ, въ то время столкнула туда жь сосѣдку одну: бѣлье она мыла. Меня сосѣдка вытащила—мѣсто было не глубокое,—а салазки такъ тамъ и остались. Мнѣ никогда не было такъ больно, какъ когда я, мокрая вся, бѣжала съ катанья по улицѣ. Рѣзвая я очень была, бѣжала скоро, а шубенка овчинная съ рубашкой замерзнуть успѣли. И выдрали же меня, что я чуть не утонула! Сначала высѣкла мать, потомъ жена старшаго брата потихоньку отъ матери рвала меня за волосы, а тутъ отецъ еще высѣкъ. Не диво, что мать высѣкла, но въ толкъ я не взяла за что меня высѣкъ отецъ. Мы его только и видали о праздникахъ, когда онъ бывало придетъ изъ Москвы и пропьетъ все: пьетъ въ кабакѣ, пьетъ дома, и всѣхъ колотитъ. Никогда я не видала, чтобы онъ съ кѣмъ-нибудь не дрался, или бы не бранился, самымъ подлымъ образомъ. Никогда не видала я отъ него ни одной ласки, а говорили всѣ, что онъ былъ умный старикъ и заработывалъ много; одна бѣда: пилъ!...

— Долго я сидѣла на печи обсушивалась, а сама,

помню, все думала: за что этотъ мужикъ меня высѣкъ? Я всегда называла отца: чужой мужикъ. А онъ, знаешь, московская штука, сидитъ себѣ на лавкѣ, и кричитъ мнѣ на печь: «Иди Дунька, сюда, у тятиньки прощенья проси, ручку цалуй...» А у меня грудь надрывается отъ злости; задыхалась я тогда отъ желанья быть большимъ мужикомъ и прибить его досмерти... Сижу на печи, плачу и шепчу: за что дерется чужой мужикъ? Что онъ силенъ-то?... Эка! Сладилъ!.. Теперь самъ посуди, какимъ я звѣремъ родилась. Увидала я наконецъ, что можетъ чужой мужикъ бить меня сколько его душѣ угодно, а я сдѣлать ему ничего не могу, и надумалась. Слѣзла съ печи, подошла къ нему, говорю:

— Прости, тятенька! Дай ручку поцаловать.

— Давно бы такъ, говоритъ. — На цалуй! и подалъ руку. Взяла я руку у него, смотрю на нее, а не цалую, потому что, помню, передернуло меня всю отъ радости въ это время.

— Что же ты, спрашиваетъ: — не цалуешь?

Какъ впилась я ему зубами въ большой палецъ, какъ стисну его, такъ онъ застоналъ даже. Чувствую я, полонъ ротъ крови у меня, и жалко ужъ мнѣ стало отца, а выпустить все не могу: замерла... Насилу онъ вырвалъ отъ меня палецъ, все тѣло было съ него сорвано... Какъ увидала я кровь, плакать было принялась и въ самомъ дѣлѣ хотѣла прощенья просить. Только суждено мнѣ, должно быть, никогда никому не показывать хорошаго чувства, потому что сызнова принялись они меня всѣ сообща сѣчь и опять пуще разозлилась я на

нихъ, не за то, что они меня мучили, а за то, что они сильнѣе меня, и что нѣтъ у меня у самой силы истиранить ихъ...

Такъ жила я до десяти лѣтъ. Передъ Рождествомъ пріѣхалъ изъ Москвы отецъ, какъ водится, пьяный. Пилъ онъ послѣ своего пріѣзда и колотилъ насъ дня три, до того, что мать одна оставалась съ нимъ, а мы всѣ разбѣжались по сосѣдямъ. Только разъ пошелъ онъ въ гости въ ближнюю деревню, а оттуда принесли его ужъ мертвымъ: замерзъ на дорогѣ. Остался нашъ домъ безъ головы. Дѣтей родные его къ себѣ разобрали, мать въ Москву въ кухарки ушла и меня съ собой взяла. Тутъ и начинается моя настоящая исторія.

Года два я шаталась съ матерью по чужимъ домамъ и, у кого она живала, всѣ на меня любовались, бездѣтные купцы вмѣсто дочери просили меня,—не дала. Богъ знаетъ отчего? Не было ни одной хозяйки у матери, чтобы съ кухни не взяла меня къ себѣ въ комнаты и платьевъ не нашила. Умерла мать, — осталась я по двѣнадцатому году одна на свѣтѣ. Ужъ не знаю кто добрый человѣкъ, пристроилъ меня въ ученье къ модисткѣ. Тутъ я должно быть и пріобрѣла свою силу мужскую, когда ведра тяжелыя таскала, и въ морозы, кое-какъ прикрытая, по цѣлымъ днямъ бѣлье мыла на рѣкѣ

Впрочемъ я эту модистку не проклинаю за ея обращеніе и на мастерицъ не сержусь; бывало онѣ по ночамъ при насъ, при маленькихъ, впускаютъ любовниковъ въ окна, — такое ужъ у нихъ заведеніе было. Терпѣнью

я тутъ выучилась, что лошадь; пожалуй, теперь могу два дня не ѣсть и не пить, и одеревенѣло, я тебѣ скажу, тѣло мое вотъ какъ: кажется выдержу, не крикну, какую хочешь пытку. За то не обидѣлъ же меня послѣ даромъ никто: оскорбилъ меня ежели мущина, такъ я его тоже непремѣнно своими руками поколотила...

Дотянула я эдакимъ манеромъ до пятнадцати лѣтъ и молодежи бывало не отгонишь отъ нашего магазина. Тутъ найдись у меня родня — вдова старшаго брата. Стала она меня брать къ себѣ по праздникамъ въ гости. Мастерства никакого,—а живетъ, погляжу я, въ достаткѣ. Квартира хоть куда, комнатъ много... Сижу я у ней разъ, вижу: подкатила къ крыльцу коляска,—офицеръ въ ней изъ улановъ. Это князь одинъ былъ,—дуракъ и мерзавецъ такой, что я другаго и не видывала... За тысячу цѣлковыхъ она ему меня и спустила. Квартиру мнѣ нанялъ князь, одѣлъ какъ куклу, вещей надарилъ, и пріятели его тоже. Съ годъ я такъ жила, и хоть бы разъ пришло въ голову, что вѣдь надо же этому, рано ли поздно ли, кончиться. Платья, золота, серебра накопилось у меня въ то время, такъ я думаю, тысячъ на пять. Только пріѣзжаетъ вдругъ князь ночью ко мнѣ, съ какимъ-то съ другимъ. Поговорили они что-то, пересмотрѣли вещи, мебель, и уѣхали. На утро опять пріѣзжаетъ и говоритъ: «У меня, душа моя, обстоятельства очень плохи. Ты мнѣ позволь на время заложить твои вещи вотъ этому самому. Я, говоритъ, скоро выкуплю.» Вывезли все изъ моей

квартиры. Осталась я въ одномъ салопѣ и жду когда это онъ вернется. А онъ день за днемъ рѣже да рѣже ко мнѣ сталъ ѣздить, и денегъ почти-что давать перестал: сидѣла я тутъ и безъ чаю и безъ обѣда частенько таки. Хозяинъ приходитъ,—деньги за квартиру сталъ требовать. Я пошла къ князю въ домъ.

— Ты что же, молъ, денегъ за квартиру не платишь? Отчего у меня не бываешь?

— Я, говоритъ, нынче на службѣ состою и бывать у тебя не могу больше; прощай, говоритъ. На, вотъ тебѣ денегъ. Только ты изъ нихъ не плати хозяину; пусть онъ мебелью остальной пользуется.

А мебели оставалось на три гроша всего...

— Изрѣдка, говоритъ, пиши ко мнѣ: я къ тебѣ пріѣзжать буду.

— А что же, говорю, когда ты на мнѣ женишься?

— Съ ума ты сошла видно?

Такая я тогда дура была: вѣрила вѣдь, что можетъ онъ жениться на мнѣ. Стою я передъ нимъ, красная вся, а въ головѣ у меня точно колесо вертится: «Какой же ты подлый! Какой же ты мерзкій обманщикъ!»

Смотрѣла, смотрѣла я такъ-то въ лицо ему и все думала, что это онъ шутитъ, потому часто бывало нарочно принимался дразнить меня,—да пачкой этой съ деньгами, что далъ онъ мнѣ, прямо въ рожу ему угодила...

Ну вѣришь ты, что это за человѣкъ подлый былъ? Саблища у него эта въ углу стояла, такъ онъ съ ней на меня и ножнами меня по спинѣ. Можетъ онъ и боль-

ше бы прибилъ меня, только вырвала я у него саблю и всю ее объ него обломала... И била же я его негодяя до тѣхъ поръ, пока не бросила. Всю руку онъ мнѣ, которой я его руки держала, искусалъ, собака скверная, когда вырвался, а людей не позвалъ. Стыдился показать-то, какъ его дѣвка бьетъ.

— Я тебѣ вотъ что скажу, Сизой. Все бы я на свѣтѣ сейчасъ отдала—только бы его въ другой разъ такъ поколотить... Выпьемъ же мы съ тобой за конецъ моей первой любви. Съ княземъ у насъ тутъ дѣла и кончились.

— Выпьемъ.

— Прибѣжала я въ ту же ночь къ старушкѣ одной знакомой. Квартиры она со столомъ держала. Разсказала я ей все,—она меня къ себѣ приняла. «Живи, говоритъ, пока я тебѣ работу найду.» И не могу я даже понять за какимъ чортомъ, когда я жила у этой старухи, каждый я вечеръ шаталась къ квартирѣ князевой и въ окна къ нему смотрѣла?.. Ругаю себя, бывало, а иду, и все хочу его встрѣтить, взглянуть на него... Потому удивляюсь, что ежели бы онъ пріѣхалъ тогда ко мнѣ и сказалъ бы, что прямо подъ вѣнецъ меня повезетъ, я бы его все таки избила: такъ онъ мнѣ противенъ былъ! Морозъ по всему тѣлу пробѣгаетъ, какъ только вспомню, бывало, какъ онъ меня обнималъ...

Живу я у этой старушки. Работу она мнѣ изрѣдка доставляла. Нанималъ у ней же комнату одинъ гимназистъ, хорошенькій такой, только курсъ кончилъ и на

мѣсто куда-то въ дальнюю губернію сбирался. Прозналь онъ мою исторію, познакомился, читать и писать училъ, помогалъ чѣмъ могъ. Такой былъ скромный и добрый, никогда ни однаго слова, знаешь эдакаго, не сказалъ мнѣ.

— «Переходите ко мнѣ въ комнату, говоритъ разъ: у меня веселѣй. Вы, говоритъ, не подумайте чего-нибудь.... Я такъ.... Мнѣ одному скучно. А самъ краснѣетъ.

Я и перешла. Мѣсяца два жила я съ нимъ, хорошо жила. Время это я никогда не забуду. Училъ онъ меня, книги читалъ, стихи. Много я ихъ тутъ наизустъ заучила, особенно Некрасова онъ любилъ, и объяснялъ мнѣ. Много я отъ него научилась, только на все времени мало было, а въ головѣ свѣжѣй стало; князя совсѣмъ позабыла. Только вижу я: полюбилъ меня мальчишка, дѣломъ пересталъ заниматься, тоскуетъ. Какіе же глупые дѣти мы были тогда! Желается сказать о своей любви и видимъ мы это другъ въ другѣ; а не говоримъ. Долго такъ тянулось. Читаетъ онъ, бывало, мнѣ что-нибудь, долго читаетъ, забудется и примется смотрѣть па меня,—я тоже смотрю на него,—и сидимъ такъ пока не опомнимся,—а опомнимся, стыдно, стыдно! Въ жизни у меня только это счастіе было. Больше бы хотѣлось, Сизой, да взять негдѣ. Давай утѣшимся! Идетъ?

— Идетъ! отвѣчалъ я, догадавшись въ чемъ дѣло,— и мы еще выпили—Какъ же ты покончила съ гимназистомъ?

— Какъ покончила? Просто: новыми слезами покончила, страданіями. Вечеромъ сидимъ мы съ нимъ и такъ-то горячо, съ такой то лаской читаетъ онъ мнѣ:

«И въ домъ мой смѣло и свободно
«Хозяйкой полною войди...»

Прочиталъ онъ мнѣ это и сталъ говорить о снисхожденіи и о прощеніи тѣмъ, кто палъ, и что какая заслуга поставить блуднаго па путь истинный, а самъ все ближе и ближе ко мнѣ. Я тоже не сторонюсь, потому что, какъ въ раю, была я отъ этихъ стиховъ:

«И въ домъ мой смѣло и свободно
«Хозяйкой полною войди...»

И думаю я себѣ, что вотъ онъ-то и позоветъ меня въ свой домъ, и млѣю, а сама смотрю на него...

Ну, и позвалъ онъ меня. Обняла я его прижалась къ нему и говорю:

— Вѣдь вы знаете какая я?

— Чтожъ такое? говоритъ. — За это я еще больше люблю тебя!

— Выпьемъ еще, Сизой, потому что порѣшили мы тутъ съ гимназистомъ жениться... За то, какъ узналъ объ этомъ рѣшеніи его отецъ, нарочно притащился изъ глуши изъ своей въ Москву и отнялъ его отъ меня. Было мнѣ муки тутъ, другъ мой!.. Одинъ разъ въ жизни на человѣка, надобно думать, эта скорбь посылается... Я и теперь еще его не забыла: какъ о чемъ задумаюсь, сама не чувствую, шепчу:

«И въ домъ мой смѣло и свободно
«Хозяйкой полною войди..»

Познакомилась я послѣ того съ различными добрыми душами, — и запила... Встрѣтилась я съ однимъ человѣкомъ. Онъ далъ мнѣ квартиру. Видѣла, что онъ ужасно ко мнѣ привязался. У него-то я и лизнула этого вашего развитія да образованія, — будь оно проклято!..

Очень онъ пристально со мной занимался, читалъ, по-французски училъ. Только чѣмъ-же все кончилось? Привязалась и я къ нему, и поняла въ чемъ дѣло. Это былъ герой нашего времени: все бы ему дѣлать добро, да силы нѣтъ. Раскусила я это, и стало жалко мнѣ его, слабаго, и оттого я больше привязалась къ нему. Живу я съ нимъ годъ, другой живу, вдругъ онъ, здорово живешь, пить начинаетъ, какъ сапожникъ какой. Убѣжала я отъ него. Пойми ты: возвысилъ онъ меня на столько, что поняла я отчего онъ сталъ пить. Сталъ скучать со мной, навела я на него хандру, да и обстоятельства его такія были, что я ему карьеру портила. Я и убѣжала отъ него... Хуже, думаю, какъ не трезвый, такъ пьяный къ чорту пошлетъ меня самъ. Чего жъ дожидаться-то? Лучше его избавить отъ пошлости отъ такой. Въ благодарность за нравственное добро, которое онъ сдѣлалъ мнѣ, я избавила его отъ тяжелой необходимости... Кажется, мы съ нимъ квиты. Но странно, знаешь, что ни одного изъ этихъ никогда я не встрѣчала. Выпьемъ, Jean, за упокой, коли они всѣ умерли, — за здоровье, коли живы!

— Выпьемъ, Саша! Я главнымъ образомъ люблю тебя за то, что ты умѣешь находить резоны въ вы-

пивкѣ приличные. Безъ того бы совѣстно было такъ много пить.

— Очень рада, что угодила. Теперь мы будемъ съ тобой больше пить: устала я говорить, да и говорить не объ чемъ... Кого я потомъ встрѣчала и съ кѣмъ ни сходилась, съ тѣмъ, ты такъ и знай, я ужь непремѣнно подралась. Оттого и хочу исправиться, закончила она, наливая рюмку.

Вдругъ неизвѣстная женщина, молодая еще, съ крикомъ врывается въ комнату и бросается на икающаго ундера. Вмѣстѣ со стуломъ повергаетъ она его на полъ и безъ церемоніи начинаетъ таскать за волосы.

Хозяинъ и гости пытаются отбить у ней ундера.

— За что ты его? спрашиваетъ хозяинъ.—Что ты это? Что ты дѣлаешь?

— А ты что дѣлаешь? азартно освѣдомляется женщина.—Затянулъ въ свою берлогу молокососа, да на своей подлой сестрѣ женить его хочешь?! Пока жива буду, вотъ вамъ что.

И къ самому носу будочника подноситъ она кулакъ свой.

Саша равнодушно смотрѣла на эту сцену и улыбалась.

— Чему смѣешься-то, паскудница? заорала на нее незваная гостья.—Ахъ ты, подляпка! Чужихъ любовниковъ отбивать вздумала. Не по носу табакъ: хрящъ переѣстъ.

— Чтожь ты не пьешь, Сизой? сказала мнѣ Саша:— Пей, пожалуста. Чортъ знаетъ, какъ скучно!

— Ты не ругайся, матушка! посовѣтывалъ бабѣ бравый фельдфебель.—Видишь: здѣсь баринъ сидитъ.

И онъ указалъ на меня.

— Чортъ съ вами, съ подлыми, и съ бариномъ совсѣмъ! еще громче кричала бабенка.—Я сама барыня. Иди, иди домой, пьяница! тащила она ундера.—Я тебѣ задамъ жару. Будешь ты у меня свататься шляться.

— Говоррри пошшительнѣй, бурчалъ ундеръ. — Я твой наччальникъ.

— Ухъ ты, рожа дурацкая! безчестила его попечительница.—Вишь начальникъ какой нашелся!

И она заѣхала его по физіономіи.

— Вишь какая проворная! толковала публика про неизвѣстную бабу, послѣ ея ухода.

— Напрасно я тюти ей вотъ этой не поднесъ, печалился фельдфебель, показывая кулакъ.—Ей бы ничего: на здоровье пошло бы...

— Истинно, что напрасно, согласился хозяинъ.

— Ну что, Саша? спрашивалъ я. —Улетѣло твое счастье, что ты сейчасъ мнѣ рисовала. Нужно тебѣ другаго ундера искать, а то ты, пожалуй, такъ никогда и не исправишься.

— Чортъ съ нимъ съ этимъ счастьемъ, съ досадой и отрывисто отвѣтила она. — Неужели ты не понялъ, что братнины хлопоты меня пристроить меня забавляютъ? Мое счастье во мнѣ, Jean! Мнѣ бы только крошечку поумнѣть, да злиться перестать понапрасну, да на мѣсяцъ лаять перестать: вотъ я тогда и счастлива

буду... Пока придетъ это время, мы съ тобой выпьемъ: веселѣй ждать...

— И я съ вами, ловко подскочилъ къ намъ на коблукахъ фельдфебель.

— Милости просимъ! отвѣтила ему Саша.

— Милости прошу ко мнѣ въ гости, заискивающимъ тономъ приглашалъ насъ фельдфебель.—А ежели можетъ на счетъ жены сомнѣваетесь:—вздоръ!.. Когда она грубость какую скажетъ, я ей, Христосъ свидѣтель, ротъ передерну... Шумѣть я съ ней не буду тогда, добавилъ онъ съ громкимъ смѣхомъ. У меня, ежели ты супруга, такъ ты меня спокой, потому на меня не налетай... Мы и безъ супругъ на своемъ вѣку довольно много всякой коки съ сокомъ накушались! Ха! ха! ха!.. А то супр-руг-га!..

Очень ужъ поздно я вышелъ отъ именинника.

Дѣвственная улица была совершенно пуста и молчаніе самое невозмутимое угрюмо въ ней царствовало. Вся заваленная страшными снѣжными сугробами, она представляла до-того бездушную картину, что яркій свѣтъ молодаго мѣсяца нисколько не оживлялъ ея. Не было ни извощиковъ, какъ въ другихъ улицахъ, ни просто людей. Ворота вездѣ заперты тяжелыми замками, оконныя ставни закрыты наглухо и опоясаны толстыми желѣзными болтами.

Я очень хорошо зналъ, что тишина эта только кажущаяся, что не въ одномъ только домѣ, откуда я вышелъ сейчасъ, кипитъ въ настоящую минуту жизнь, разыгрываются веселыя или печальныя сцены. Оттого

мнѣ и казалось весьма страннымъ, что ни разу не удалось мнѣ подмѣтить ни одного проявленія этой жизни ни на улицѣ, ни въ нескромныхъ окошкахъ. Думаю я: вѣдь непремѣнно же въ одномъ изъ этихъ домовъ, сейчасъ же можетъ быть, попечительница икающаго ундера, бьетъ и ругаетъ его: отчего же я не слышу этого крика? Отчего не слышу ни одного звука на улицѣ, ни одной живой души въ ней не вижу? Мнѣ даже стало досадно отъ того, что я не могъ разрѣшить себѣ этихъ вопросовъ.

«Кто не имѣетъ тѣни, тотъ не долженъ выходить на солнце», случайно попалось мнѣ на языкъ.

Иду я и безсознательно пережевываю эту фразу. Передо мной заходили фантастическія приключенія Петра Шлемиля, о которомъ сказалъ ее Шамиссо, какъ вдругъ примѣтилъ я, что отъ низенькихъ домовъ дѣвственной улицы падаютъ на снѣжную дорогу громадныя тѣни. Я остановился и осмотрѣлся. Моя тѣнь показалась мнѣ въ пять разъ больше обыкновенной тѣни отъ меня отражающейся.—Вотъ странность! подумалъ я про себя. Отчего это у меня такая длинная тѣнь? Показалось мнѣ въ это время, что уличный фонарь, прикрѣпленный къ столбу, какъ то иронически посматриваетъ на меня. Подошелъ я къ нему близко, осмотрѣлъ я его со всѣхъ сторонъ. и дѣйствительно, невинный висѣльникъ смотрѣлъ на меня необыкновенно насмѣшливо. Подперся онъ въ бокъ желѣзнымъ локоткомъ и, каждую секунду подмаргивая мнѣ своимъ огненнымъ глазомъ, такъ и покатывается со смѣха.

— Чему ты смѣешься? строго спросилъ я его.— Можешь ли ты смѣяться въ такое позднее время?

— Могу, могу, отвѣчаетъ онъ.

— Нѣтъ не можешь! Ты свѣтить долженъ, а не смѣяться.

— Я смѣюсь и свѣчу. Ты посмотри, какая у тебя длинная тѣнь.

— Вижу. Ну что же?

— А моя, посмотри, длинна вѣдь?

Я взглянулъ и на его тѣнь. Боже! она невидимымъ змѣемъ какимъ-то растянулась вкось улицы, пробѣжала черезъ сосѣднюю широкую площадь и скрылась изъ глазъ моихъ во мракѣ ужь другой части города.

Изумленіе мое возрасло въ высшей степени тѣмъ болѣе, что тѣнь фонаря не лежала какъ бы слѣдовало, позади столба, а съ непостижимымъ нахальствомъ выпячивалась впередъ. Фонарь больше и больше издѣвался надо мной.

— Отчего это? допытывался я у фонаря.

— Такъ! отвѣчалъ онъ, продолжая хохотать.

— Не можетъ быть чтобы такъ. Ты навѣрно знаешь, только не хочешь сказать. Ежели-бы ты не зналъ, усовѣщевалъ я его, ты бы не смѣялся.

— Клянусь, не знаю. Меня сюда недавно поставили. Въ Газетномъ переулкѣ, гдѣ я прежде стоялъ, тѣни у всѣхъ были обыкновенныя, а здѣсь видишь какія? Кто только проходитъ по этимъ мѣстамъ, особенно ночью, всѣ меня спрашиваютъ отчего это? Я этому и смѣюсь.

— Будто ужь всѣ? спросилъ я.

Обиженный отошелъ я отъ него, справедливо воображая, что онъ знаетъ гораздо больше того, нежели сказалъ мнѣ.

— Не можетъ быть, думаю я про себя, чтобы обитатели дѣвственной улицы всѣ имѣли такія длинныя тѣни, какъ у меня и у фонаря.

— У всѣхъ до одного такія! крикнулъ мнѣ издали фонарь тонкою фистулой.

— Врешь! ору я ему басомъ.

— У всѣхъ, у всѣхъ! снова донеслась ко мнѣ фистула.

— Врррешь! изо всѣхъ легкихъ трублю я въ отвѣтъ, и самъ остаюсь необыкновенно доволенъ, что басъ мой звонко раскатился по сонной улицѣ

Согласнымъ хоромъ отвѣтили мнѣ обывательскія собаки, пробужденныя моимъ крикомъ.

— Сейчасъ издохнуть, ежели вру! до нельзя убѣдительно прозвенѣлъ фонарь тонкимъ голоскомъ.

— А ежели ты не врешь, такъ я знаю теперь отчего всѣ вы сидите за дверьми дубовыми, за замками желѣзными. Именно оттого, что у всѣхъ васъ здѣсь тѣни очень длинны, бормочу я.—А кто имѣетъ длинную тѣнь, тому нужно дома сидѣть, пародирую я Шамиссо!

— Обстоятельнѣй докладывай, прохрипѣлъ чей-то знакомый голосъ.

Я останавливаюсь, нагибаю голову и стараюсь догадаться, кому принадлежитъ этотъ голосъ.

— Говорри деликатнѣй: я твой начальникъ!

Тутъ я догадался, что это икающій ундеръ. Сильный, морозный вѣтеръ подулъ мнѣ въ лицо и къ первой догадкѣ моей присоединилась другая, что я необыкновенно пьянъ. Только что пришелъ я къ этому выводу, какъ къ крайнему моему удивленію, тѣнь моя значительно уменьшилась...

Снова донесся до меня тонкій насмѣшливый хохотъ фонаря; но голова моя была ужь на столько свѣжа, что я теперь не обидѣлся на этотъ хохотъ.

— Вздоръ! разсуждалъ я. Это только такъ чудится мнѣ.

Я перешелъ широкую площадь и повернулъ въ другую, людную улицу. Повстрѣчался со мной какой-то баринъ въ истерзанномъ пальто. Онъ спотыкался на каждомъ шагу, очевидно направляясь въ дѣвственную улицу.

— Ежели они опять спрашивать станутъ, бурлилъ онъ, — отчего я пью, не буду разговаривать съ ними: прямо въ зубы заѣду...

Длинная тѣнь бѣжала за истерзаннымъ пальто...

«Вотъ это дѣйствитальность!» подумалъ я.

Надъ самымъ моимъ ухомъ дворникъ затрещалъ въ трещотку; по серединѣ улицы быстро мчалась карета, сверкая фонарями; гдѣ-то гудѣли часы.

«И это дѣйствительность», продолжалъ я пробовать свѣжесть моей головы.

— Ваше сіятельство! Что же на рысачкѣ-то обѣщались прокатиться? говорилъ совершенно незнакомый извощикъ. — Полтинничекъ бы прокатали, ваше сіятель-

ство! Ахъ! хорошо бы мнѣ на полтинничекъ съѣздить! Пра-а-ва!

Я совсѣмъ отрезвѣлъ, потому что мнѣ предстояла длинная дорога до квартиры пѣшкомъ, ибо полтинника, который бы я могъ, по мнимому обѣщанію, прокатать на рысачкѣ, ни въ карманѣ, ни дома у меня не оказывалось.

— И это дѣйствительность! сказалъ я вслухъ, и бодро принялся гранить замерзшую мостовую.

Извощикъ, обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, загнулъ мнѣ въ слѣдъ неласковое слово. Мнѣ почему-то стало веселѣе отъ этого слова.

КРЫМЪ *).

I.

Угрюмый осенній вечеръ мрачно смотрѣлъ въ одинокое окно моей мрачной берлоги. Я не зажигалъ мою рублевую, экономическую лампу, потому что въ темнотѣ гораздо удобнѣе проклинать свою темную жизнь. И безъ тусклаго свѣта этой лампы я слишкомъ ясно видѣлъ, что что́ умерло, то̀ не воскреснетъ. Всѣ эти пошлыя и, когда находишься въ рѣдкомъ припадкѣ здравомыслія, комическія жизненныя комбинаціи, омертвившія меня, какъ бы при самомъ свѣтломъ сіяніи солнца, въ-очью проходили передо мной въ тотъ вечеръ и несказанно бѣсили меня.

Но пусть не смущаются лица ваши! Вы, можетъ-быть, предположите, что я сейчасъ пущусь въ подробныя росказни о грустныхъ думахъ, или же вамъ пока-

---

*) Одинъ изъ московскихъ трактировъ.

жется, что я хочу несчастья мои, такъ-сказать, перелить въ ваши чувствительныя души и тѣмъ, хоть нѣсколько, облегчить ихъ сокрушающую тяжесть. Ничего не бывало! При всемъ томъ, что я только *Jean de Sizoy*, у меня всегда найдется настолько такта, чтобы не становить васъ въ положеніе человѣка, которому насильно навязываютъ многотомную повѣсть о сокрушившемъ разскащика горѣ. Такое положеніе, при всей его видимой приложимости къ нашему заѣденному обществу, до крайности исполнено комизма. Я постараюсь нарисовать вамъ его, насколько перо мое окажется способнымъ къ этой рисовкѣ.

Передъ вами вашъ бѣдный, несчастный другъ. Сначала вы даже обрадовались ему; только бесѣдуя съ вами, вашъ другъ все больше и больше начинаетъ впадать въ меланхолическій тонъ, такъ что въ вашемъ мозгѣ пробѣгаетъ, наконецъ, желаніе, чтобы онъ поскорѣе окончилъ свою исповѣдь.

— Все, все въ жизни моей располагало меня сдѣлаться такимъ, какимъ ты меня видишь теперь! дрожащимъ отъ волненія голосомъ говоритъ вамъ страдалецъ.

Можетъ-быть онъ и въ самомъ дѣлѣ имѣетъ основаніе говорить такимъ образомъ, но вы, не желая дать ему замѣтить, что такая исторія вамъ давно уже извѣстна и давно уже наскучила, дураковато таращите на него глаза, тщетно стараясь выказать въ нихъ ожидаемое сочувствіе, и думаете: «Боже мой! что это за сантиментальный шутъ на меня навязался!»

жалобы и глухота къ этимъ жалобамъ, по моему мнѣнію, повсемѣстная болѣзнь нашего времени и нашего общества. Отъ вѣка, вѣрую, никто изъ людей не находилъ такихъ фразъ, которыми бы онъ такъ удачно могъ передать своему другу про свое несчастье, чтобы тотъ понялъ его какъ слѣдуетъ; точно также вѣрую и въ то, что и я не найду ихъ, да пожалуй если-бы и нашелъ, если-бы вы даже поняли ихъ и заплакали надъ моей горемычною долею, о которой я думалъ, не зажигая моей лампы, мнѣ собственно невозможно было бы повѣрить искренности людскихъ слезъ, потому что въ моей жизни я очень много видѣлъ слезъ по чужимъ заботамъ и весьма мало дѣла, которое бы хоть нѣсколько облегчило эти заботы.

Вамъ, не спорю, можетъ-быть не стоитъ ни малѣйщаго труда расказнить во мнѣ такой нечеловѣческій скептицизмъ по отношенію къ обоюдному сочувствію существъ, созданныхъ быть братьями; но повѣрьте же и вы мнѣ, когда я скажу вамъ, что прозвище мое Иванъ Сизой я имѣю намѣреніе въ самомъ скоромъ времени замѣнить псевдонимомъ «Иванъ Сивый», потому что то постоянное, самое каменное равнодушіе, то самое звѣриное непониманіе, съ которыми люди, отъ какихъ я имѣлъ право ожидать совершенно обратнаго, встрѣчали и мои для нихъ жертвы, и мои на нихъ надежды, сдѣлали изъ меня, по настоящему еще бы здороваго, свѣжаго малаго, какого-то ни къ чему негоднаго сиваго мерина, разбитаго на всѣ четыре ноги.

Для всѣхъ васъ вообще, конечно, нѣтъ большой

бѣды, если какой-нибудь Иванъ Сизой, вслѣдствіе различныхъ соображеній перемѣняетъ свою фамилію; но могу васъ увѣрить, что въ частности, лично для Ивана Сизого нѣтъ больше бѣды, какъ тогда, когда онъ думаетъ о томъ, куда именно поразлетѣлись его силы, весьма необходимыя ему въ настоящемъ случаѣ для того собственно, чтобы не дать себя обуть въ лапти, тогда когда на его ногахъ еще не совсѣмъ развалились кожаные сапоги. Не доказываю справедливости моей мысли на томъ основаніи, что для этого мнѣ неизбѣжно пришлось бы удариться въ лирическій тонъ, съ которымъ я далъ себѣ слово распроститься на вѣкъ, ибо лиризмъ врагъ мой. Выходитъ всегда какъ-то такъ, что онъ уменьшаетъ цѣну печатнаго листа...

По этому случаю идиллія моя да начнется такимъ образомъ: отъ ненастнаго осенняго вечера и отъ безобразныхъ мыслей, которыя тискались въ головѣ моей этимъ вечеромъ, я ощутилъ какую-то кислоту во рту и до смерти томившую сердце боль. А когда я нахожусь въ такомъ состояніи, мнѣ обыкновенно начинаетъ хотѣться чего-нибудь до того остраго, что бы обожгло горло и грудь и, отуманивши голову, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ говорится, отшибло бы память. Аппетитъ на эти вещи, говоря въ скобкахъ, свойственъ болѣе плебеямъ, нежели аристократамъ. Выражаясь опредѣленнѣе, я откровенно сознаюсь въ томъ, что когда представленія о моей горемычной долѣ уже слишкомъ загомозятся въ моей головѣ, я обыкновенно отправляюсь купать мо

горе въ волнахъ того моря, которое погубило у насъ столько же печалей, сколько и радостей!

Миръ вамъ, погибшія жизни! *Да не въ судъ и не въ осужденіе* вамъ, а въ знакъ моей искренней печали о вашихъ судьбахъ безталанныхъ, скажется слово мое о той широкой дорогѣ, которою по слѣдамъ вашимъ зашагалъ я ко цареву кабаку.

Всепоглощающей пропастью зіяли длинныя улицы, гдѣ шелъ я. Тускло освѣщенныя ночными фонарями, онѣ казались какими-то невѣдомыми областями, гдѣ безвозвратно должно затеряться и погибнуть всякое живое существо. Такъ были мрачны и угрюмы лица этихъ каменныхъ столичныхъ громадъ, съ такой пугающею силою выглядывали онѣ изъ ночнаго мрака, что все существо ваше проникалось какимъ-то безотчетнымъ томленіемъ при видѣ этой силы, тѣмъ болѣе что еслибы вы глаза ваши, утомленные этою мучительною картиной, захотѣли развеселить блескомъ звѣздъ ночнаго неба, на васъ бы глянули сѣрыя неопредѣленныя массы, которыя напугали бы васъ болѣе, нежели напугали бездушныя зданія. Волнуясь какъ что-то живое, въ необозримомъ воздушномъ пространствѣ массы эти, казалось, быстрою мыслью летятъ на васъ съ дальняго неба—и давятъ...

Мнѣ очень трудно теперь, больному, передать мои

дальнѣйшія дорожныя ощущенія. Я совершенно забылъ тотъ моментъ, когда сознаніе покинуло меня. Вотъ, напримѣръ, эту фразу говорилъ уже не я, а какая-то дикая машина, ударявшая кулакомъ по столу, уставленному графинами и рюмками:

— Въ прощеніи? Я, вы говорите, нуждаюсь въ прощеніи моего общества, потому что безобразно трачу свои заработанныя деньги?...

Передо мной сидѣлъ въ это время юный еще господинъ, весь впрочемъ заросшій бородой и бакенбардами. Мнѣ и въ голову не входило постараться опредѣлить себѣ, гдѣ и какъ я съ нимъ встрѣтился. Въ комнатѣ носился удушливый чадъ; въ чаду роились какія-то лица; гдѣ-то, весьма издалека для моихъ ушей по крайней мѣрѣ, гремѣла музыка. Десятки тусклыхъ свѣчъ слѣпили глаза, общій шумъ разламывалъ голову.

— Чашу сію обойдти весьма можно! орала моя дикая машина въ поученіе господина, очутившагося со мной за однимъ столомъ. — Мнѣ не нужно прощенья отъ общества, которое вынашиваетъ въ своей средѣ людей, способныхъ такъ пошло, какъ вы и я напримѣръ, пьянствовать на заработанныя деньги.

— Но ежели вы не будете искать въ обществѣ снисхожденія къ вашимъ недостаткамъ, ежели вы намѣренно не будете воздерживать себя отъ оскорбленія общества вашимъ поведеніемъ, оно непремѣнно выгонитъ васъ, въ свою очередь поучалъ меня мой юный пріятель.

— А вы думаете, гремѣлъ я, — человѣкъ, понимающій, что онъ сосредоточилъ на себѣ справедливое пре-

зрѣніе своего общества, сдѣлается отъ этого изгнанія несчастнѣе того, чѣмъ онъ есть? Не сдѣлается! Тѣмъ болѣе онъ не сдѣлается несчастнѣе, когда будетъ имѣть хоть какія-нибудь данныя заподозрить справедливость этого презрѣнія. А коль скоро вы имѣете хоть маленькое понятіе о томъ, какъ на нашихъ базарахъ дешевы эти данныя, вы сейчасъ же неминуемо согласитесь съ тѣмъ, что вашу фразу объ изгнаніи изъ общества можно перевернуть такимъ образомъ: я самъ изгоню отъ себя общество, которое намѣревается изгнать меня, потому что никто другой, какъ только однѣ впечатлѣнія, навѣянныя на меня картинами этого общества, доставили мнѣ честь пьянствовать съ вами въ этомъ бездонномъ омутѣ. Я очень хорошо понимаю, что лично отъ себя говорить такія вещи — пошлость; но развѣ это дастъ вамъ возможность не согласиться со мной, что ни одна изъ разлучающихся сторонъ не прольетъ другъ по другѣ слезъ сожалѣнія.

— Ваше высокоблагородіе! соблаговолите до шкаличка доложить отставному служивому, вмѣшалась въ нашу бесѣду пьяная оборванная личность. — Потому какъ, продолжала личность, — собственно для ради ненастной погоды, старыя кости желательно разогрѣть.

— Скажи мнѣ, спросилъ я старика, — ты изгналъ отъ себя общество, или оно изгнало тебя?

— Точно что, ваше высокоблагородіе, обчество выгнало меня изъ села, аки бы за пьянство и кражу; но мы эфтому — глаза лопни! — причинны никогда не бывали.

— Почему же ты самъ не выгоняешь его отъ себя?

Служба отвѣтилъ на этотъ вопросъ тупымъ и безсмысленнымъ взглядомъ.

— Да! съ громкимъ хохотомъ переспросилъ его юный господинъ. Въ самомъ дѣлѣ, отчего ты самъ не выгонишь его отъ себя?

— Позвольте папиросочки затянуться, съ поощряющей къ дальнѣйшимъ шуткамъ улыбкой разрѣшилъ старичина нашу спорную тему. — Стаканчики прикажете вамъ налить, ваше высокоблагородіе? мгновенно впадая въ роль вѣрнаго слуги и добраго собесѣдника, освѣдомился затѣмъ старикъ.

— Однакоже отдѣлаться бы отъ него какъ нибудь? заговорилъ по-французски мой юный другъ, коверкаясь и, даже какъ будто изнемогая при видѣ этой фамиліярности.

— А? вы, должно быть, одни хотите изобразить собой презирающее и изгоняющее общество? Вамъ жаль водки этому солдату? Въ такомъ случаѣ я одинъ заплачу за него, чѣмъ вы и я фактически докажемъ другъ другу справедливость нашихъ убѣжденій.

— Помилуйте! сконфуженно произнесъ волосатый юноша.

Я посмотрѣлъ на него съ улыбкой побѣдителя.

II.

Теперь мнѣ надо доложить вамъ, какимъ образомъ я дошелъ до пошлости спорить съ первымъ встрѣчнымъ, Богъ знаетъ о чемъ, въ грязнѣйшемъ трактирѣ. Быть-можетъ вамъ подумается, что такая матерія не займетъ васъ. Увѣряю, что займетъ, и даже очень.

Сказано уже: куда, по какому случаю и зачѣмъ именно пошелъ я. Такъ вотъ иду я, а на дворѣ осенняя ночь, знаете такая ночь, которая дѣлается въ несказанное количество разъ пріятнѣе и усладительнѣе, когда ея частый и мелкій, какъ изъ сита сѣющійся дождь, падаетъ не на циммермановскую шляпу и не на боберъ рубликовъ эдакъ въ полтораста съ чѣмъ-нибудь, а просто на клеенчатую фуражку, оставшуюся такъ-сказать отъ лѣтняго сезона, — когда этотъ дождь хлещетъ васъ прямо по разгорѣвшемуся лицу, холодными струйками закатывается за воротникъ вигоневаго мѣшка, пріобрѣтеннаго за четыре рубля у парикмахера Борисова, который, какъ свидѣтельствуютъ *Полицейскія Вѣдо-*

мости, живетъ на Лубянкѣ въ домѣ духовной консисторіи.

Не могу не сказать здѣсь въ скобкахъ, какъ пріятно имѣть дѣло съ симъ чародѣемъ, могущимъ снабжать смертныхъ пальтомъ за четыре рубля, потому что купленная у него покрышка главнымъ образомъ и располагаетъ къ надлежащей оцѣнкѣ прелестей осеннихъ ночей. Покрышка эта имѣетъ почему-то способность дѣлаться еще болѣе жалкою въ такую пору. Она, говорю изъ собственнаго опыта, будитъ уснувшую можетъ-быть на это время злость, располагаетъ къ подлымъ помысламъ о томъ, какъ бы купить сапоги не на толкучкѣ, а у мосье Пироне, пріобрѣсть пальто не изъ мастерской Борисова въ домѣ духовной консисторіи, а отъ Боргеза, или Айэ, зазываетъ въ голову мысль о томъ, почему еще не сдѣлано тобою ничего такого, что бы стоило дороже того оборваннаго трепья, которое въ настоящее мгновеніе почти уже готово сползти съ невыносливыхъ плечъ...

И въ колеблющихся волнахъ ночного мрака, какъ бы какія живыя картины, освѣщенныя бенгальскимъ огнемъ, возстаютъ по этому поводу въ задумавшейся головѣ мучительныя думы о невыносливыхъ плечахъ, о погибшихъ жизняхъ, объ обманутыхъ надеждахъ. Къ самой груди пригнетъ голову эта тяжесть, и идешь, не примѣчая, какъ рѣзкій вѣтеръ, забравшись къ тебѣ въ самую душу, дотерзываетъ тамъ источенное различными червями существованіе, — идешь, не чувствуя на лицѣ хлестанья крупныхъ дождевыхъ капель, и не

видя того тусклаго, унылаго свѣта, которымъ уличные фонари освѣщаютъ унылый путь.

Такимъ-то образомъ шелъ я и думалъ по поводу борисовскаго издѣлья, висѣвшаго на мнѣ, до тѣхъ поръ, пока обильно лившіеся изъ оконъ *Крыма* огни не освѣтили мнѣ широкой площади Цвѣтнаго бульвара.

Мои собственныя думы всегда нѣмѣютъ, лишь только я ступлю на эту площадь. И въ настоящій разъ онѣмѣли онѣ при видѣ несчастья, которое обыкновенно снуетъ по Цвѣтному бульвару, оглашая его и хриплыми воплями разврата и пугающимъ хохотомъ человѣка, ставшаго въ уровень съ безсловесными животными....

Опьянѣвши отъ одного уже взгляда на *Крымъ*, я ерундисто начинаю разсуждать о тѣхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, которыя бы могли положить конецъ несчастью Цвѣтной площади, но обстоятельствъ этихъ ничуть не видѣлось мнѣ во мракѣ осенней ночи.

Кто имѣетъ право любить выпивку, тотъ вполнѣ пойметъ съ какимъ неописаннымъ наслажденіемъ юркнулъ я, послѣ помянутаго похода, въ глубокое крымское подземелье, гдѣ непремѣнно должна закружиться всякая голова, если она имѣетъ хоть немного желанія и причинъ закружиться.

Пятнадцать или можетъ-быть десять ступеней, которыя ведутъ въ рекомендуемую мною могилу, не великая бѣда. Мы пройдемъ ихъ, если не безъ толчковъ, за которыми, по пословицѣ, не угоняешься, по крайней мѣрѣ безъ особенныхъ приключеній.

— Господъ ужъ сталъ сюда чортъ носить! съ зло-

стью бурлитъ какая-то толстая колонна съ большой черной бородой, выкатываясь снизу на встрѣчу къ намъ.

Избави васъ Богъ спрашивать у колонны, что ей за дѣло до вашего визита въ *Крымъ*: на дворѣ такая темная ночь...

— Извощикъ! кричитъ молодой парень, видимо мастеровой. — Что возьмешь на Дѣвичье поле? Тамъ ты меня подождешь, примѣромъ пять минутъ, съ Дѣвичьяго поля на Покровку, тамъ тоже пять минутъ, съ Покровки къ Сухаревой и духомъ назадъ.

— Што взять-то? спрашиваетъ одинъ дядя изъ цѣлой толпы извощиковъ, облѣпившихъ *Крымъ* своими калиберами.—Давай цѣлковый.

— Облопаешься неравно! съ укоризной предполагаетъ молодой парень.

— Сколько же дашь-то?

— Сколько дамъ-то?

— Да! Сколько отъ тебя будетъ?

— Трынку! съ хохотомъ отвѣчаетъ парень, быстро сбѣгая въ подземелье.

— О-ой, батюшки! Шлею съ лошади въ одну минуту сняли! кричитъ кто-то за трактирнымъ угломъ.

— Вотъ намъ и чай! продолжаетъ хохотать промелькнувшій сейчасъ парень, затворяя за собою визгливую трактирную дверь.

— А-а, чортовъ сынъ, попался! Мы тебѣ дадимъ таперича, какъ у своихъ извощиковъ шлеи воровать!

Вслѣдъ за этими словами слышатся глухіе удары обо

что-то, будто кто въ пустую бочку для своего удовольствія колотилъ собственнымъ кулакомъ. Подумать впрочемъ, чтобы это били человѣка—нельзя было, потому что человѣкъ тотъ по всѣмъ соображеніямъ, непремѣнно долженъ былъ закричать отъ этихъ ударовъ.

— Што тутъ такое? вопрошаетъ басистый начальственный голосъ, очевидно принадлежащій городовому.

— А вотъ шлею укралъ.

— Кто жь это?

— Хто? Извѣстно хто! Все Евланька Фувлыга бѣдокуритъ.

— А! строго вскрикиваетъ басистый голосъ. — Такъ ты опять у своихъ воруешь?..

И замолкшіе-было удары раздались съ новой силой.

— Брось его, судырь! просятъ ундера уже сами извощики. — Отойди ужъ ты лучше: мы его безъ тебя-то своимъ судомъ прокладнѣй отдѣлаемъ...

— Глядите вы у меня, чертоломы! Душу што-бы не тово.

— Што-она-амъ ду-у-ша? За-а-чѣмъ намъ ее? отвѣчалъ кто-то, судя по тону голоса, къ чему-то напряженно прикладывающій руки.

— Батюшки, отпустите! Голубчики, духъ у меня совсѣмъ займется!...

— Завопилъ, небось! Мы те, ворище, не такъ раздробимъ!

Ночью гораздо больнѣе, нежели днемъ дѣйствуютъ на душу такіе крики: такъ зло моргаютъ уличные фо-

нари, слушая ихъ, и ктому же ночью небо такое сѣрое, такое безучастное повисло надъ ними!

Вы какъ-будто испугались этой маленькой отечественной сценки и уже боязливо ступаете назадъ. Напрасно! Она въ моихъ глазахъ заключаетъ въ себѣ тотъ ароматъ національности, который всегда притягиваетъ меня къ *Крыму*, какъ пахучая гречиха притягиваетъ къ себѣ работницу—пчелу.

Повинуясь этому тяготѣнію, я отверзаю трактирную дверь. Крикливое визжанье роковаго блока, достойно приготовляетъ нервы къ безболѣзненному воспріятію сценъ, разъигрывающихся въ оригинальномъ подземельи.

Сначала ничего и не разберешь, потому что клубы густаго и однообразно-пахучаго воздуха не вдругъ показываютъ посѣтителю частности русской оргіи. Онѣ повисли надъ новымъ человѣкомъ плотною тучей, какъ бы пристально осматриваютъ его, желая прежде узнать, рожденъ ли онъ съ способностью участвовать въ укрываемой ими кашѣ, или нѣтъ.

Кто благополучно проминетъ этотъ осмотръ, тотъ пусть смѣло идетъ дальше: оргія уже не испугаетъ и не оглушитъ его своимъ дружнымъ и никогда не прерывающимся ревомъ. Надо впрочемъ сказать, что и такой счастливой головищѣ покажется на первый разъ, что этотъ тысячезѣвный шумъ происходитъ не отъ множества людей, крутящихся въ подвалѣ, а что самый подвалъ этотъ, его толстыя сѣрыя стѣны, его маленькія грязныя оконца, его закопченные потолки и

мебель, газовые рожки, торчащіе на стѣнахъ, и длинноногіе, столовые подсвѣчники: все это, какъ что-то живое, будто обрадовавшееся новому гостю, двинулось къ нему на встрѣчу и заорало этимъ могучимъ гуломъ.

Но, говоря объ этомъ вакхическомъ вихрѣ, я или долженъ лить воду для того, чтобы не услышать упреки въ излишнемъ лиризмѣ, или, разсказывая о томъ, какъ подъ мрачными сводами харчевни экстатически бѣсновалась пѣсня солдатскаго хора, какъ сіяли лица, пѣвшія и слушавшія ее, какими сердечными воплями радости и наслажденія отзывалась русская природа своимъ роднымъ мотивамъ, я сгорю въ пламенномъ ливнѣ жгучихъ фразъ, который неизбѣжно польется съ губъ моихъ, когда я отдамся изображенію этихъ, исполненныхъ неудержимой страсти и невыразимаго своеобразія, сценъ.

Но что мнѣ за дѣло до людскихъ попрековъ, отъ которыхъ ушелъ я сюда. Развѣ они не помогутъ мнѣ забыть все на свѣтѣ—эти скорбномогучіе мотивы родной пѣсни?

Вотъ они всего заливаютъ меня! Ого! Какъ здорово выноситъ ихъ крѣпкая солдатская грудь! Бубенъ, такъ и тотъ ничуть не заглушаетъ, ни однообразную басовую ноту, которая невообразимо-терпѣливо тянетъ:

«Сво-во празд-нич-ка дож-ду-ся,
Во гроз-на му-жа вцѣп-лю-ся!»

ни горячихъ переливовъ заносистаго тенора, съ злостью подхватывающаго:

«Во грозна му-жа вцѣп-лю-ся,
На смерть раздеруся!»

и фистула тутъ же—этотъ кудрявый, бѣлокурый, маленькій кантонистъ.—Господи! какими грустными, какими раздирающими тонами покрываетъ весь хоръ его серебряный голосъ:

«О-о-о-охъ! На смерть раздеруся!»

А опять: этотъ черный кузнецъ-плясунъ, въ пестромъ халатѣ въ сапожныхъ обрѣзкахъ на босую ногу, въ истасканной фуражкѣ на бѣдовой головѣ, — какъ это онъ бойко и выразительно плеснулъ въ толпу своими черными глазами, какъ незаученно-ловко стукнулъ о полъ толстой подошвой, когда хоръ дружно грянулъ изо всѣхъ грудей заключительную строфу:

«На смерть раздеруся!»

Оглушительный вскрикъ тенора, слившись съ трелями колокольчиковъ бубна, закончилъ пѣсню. Весь *Крымъ* бѣсновался до неистовства. Одинъ молодчина упалъ на четвереньки и ревѣлъ отъ наслажденія, какъ дикій звѣрь:

— А-а-атлична! подать солдатамъ водки на пять цѣлковыхъ!..

III.

Только-что спѣтая пѣсня еще пуще разожгла оргію. Новыя толпы ввалились въ подземелье. Вскорѣ между прибывшими гостями и гостями старыми завязались драки изъ-за столовъ. Четвертаки за одну только очистку сидѣнья давались безспорно даже такими людьми, которые, судя по ихъ жалкимъ отрепьямъ, четвертака во снѣ никогда не видали. Какъ собаки по стаду, метались половые въ публикѣ, усмиряя ея порывы; городовые, строго покручивая рыжіе усы, тоже маршировали по заламъ, какъ бы высматривая что-то; но ничто не усмиряло публику. Она отдалась вліянію полночнаго кутежа и, нисколько не стѣсняясь рыжими усами, могуче бурлила.

— Што, дяденька, ходишь? Ай тятеньку съ маменькой высматриваешь? спрашиваетъ у ундера молодой мастеровой, съ красной, какъ огонь, физіономіей, съ игриво-горящими глазами. — Не бывали еще тятинька съ маменькой. Вотъ мы таперича безъ нихъ и погуливаемъ. Хорошо погуливаемъ? а?

Ундеръ бросаетъ на парня взглядъ исполненный са-

маго магнетическаго сурьеза и приказываетъ ему посократить бездѣлицу горло-то, на томъ основаніи, что онъ еще сосунокъ, котораго изъ трактира слѣдуетъ по затылку турить.

— Ты-то старъ ли? спрашиваетъ мастеровой ундера.

— Я-то старъ, съ сознаніемъ собственнаго достоинства отвѣчаетъ полицейскій.

— Постарѣе тебя у насъ на селѣ кобели важивались, одначе же мы имъ хвосты знатно гладили.

— Это точно! подхватываютъ съ хохотомъ на другихъ столахъ: — Гляди какъ бы и тебѣ не погладили хвоста-то, а то онъ у тебя сѣръ что-то, хвостъ-отъ.

Ундеръ въ немаломъ конфузѣ ретируется въ другую залу, стараясь однакоже такъ устроить свое отступленіе, чтобы оно вслухъ говорило, что мы, дескать, грубостевъ такихъ не разслышали, а то бы бѣда была...

— Напрасно вы къ этому ундеру, господа, своихъ рукъ не приложите, говорятъ нѣкоторые кринолины: — Мущина самый что-ни-есть необразованный и гордый.

— Что ушло, то не уплыло! отвѣчаютъ господа кринолинамъ. — Попадется въ руки, натерпится муки.

Между тѣмъ великосвѣтскія манеры моего случайнаго знакомаго неимовѣрно бѣсили меня, потому что чѣмъ дольше сидѣли мы съ нимъ въ зловонномъ трактирѣ, тѣмъ больше онъ пропитывалъ харчевенную атмосферу своими тончайшими духами, такъ что самые нахальные крымскіе глаза безъ какого-то смущенія и даже какъ будто-бы страха не могли выносить блеска опала въ его золотой булавкѣ, и въ то время когда, каза-

лось, самыя стѣны подземелья хотѣли лопнуть отъ шумнаго скопища, тискавшагося въ немъ, около нашего стола непонятнымъ образомъ былъ нѣкоторый просторъ.

«Чортъ его побери совсѣмъ!» злобно думалъ я про моего элегантнаго друга: — угораздитъ же человѣка, одѣтаго въ такую изящную жакету, въ галстукѣ котораго блеститъ, наконецъ, такое сверкающее произведеніе Фульды, затесаться въ *Крымъ*. Кажется, мнѣ придется хорошенько раскровянить его.»

И, клянусь вамъ, раскровянить этого молодца непремѣнно бы слѣдовало, потому что его барство до крайности напугало присѣвшаго къ нашему столу стараго солдата. По его задумавшемуся лицу я очень хорошо видѣлъ, что солдатъ, также какъ и я, съ большимъ удовольствіемъ съѣздилъ бы въ физіономію къ баричу. Не смотря на мои поздравленія съ поднесеньевымъ днемъ, которыми я хотѣлъ расположить воина къ усердной выпивкѣ, онъ весьма нерѣшительно и съ большимъ сумнѣніемъ опоражнивалъ рюмки, видимо стараясь улизнуть отъ насъ, и если что-нибудь удерживало его отъ исполненія этого желанія, такъ опять-таки опасеніе, чтобы франтоватый баричъ не учинилъ съ него за это бѣгство какого-нибудь строгаго взыска. Видя такое фальшивое положеніе, въ которое компаньонъ мой, хотя можетъ-быть и неумышленно, становилъ солдата, я съ каждой минутой все больше и больше уподоблялся бульдогу: въ моей груди довольно громко послышалось обыкновенное у меня въ подоб-

ныхъ случаяхъ хриплое ворчанье, потому что на людей, имѣющихъ возможность устраивать другимъ положенiе въ родѣ такого, въ какомъ былъ отставной солдатъ, я не могу смотрѣть безъ самой бѣшеной злобы. Это мой недостатокъ, и говорить мнѣ про него рѣшительно не слѣдовало бы, но надобно же наконецъ карать общественные пороки. Я и караю ихъ въ моемъ собственномъ лицѣ.

Обвиняйте сколько угодно мой эгоизмъ, ежели вамъ это понравится, но вѣдь я зачѣмъ пришелъ въ *Крымъ?* Я пришелъ въ *Крымъ* съ тою цѣлью, чтобы смотрѣть цѣлую ночь многоразличные виды нашего русскаго горя, чтобы, смотря на эти виды, провесть всю ночь въ болѣзненномъ нытьѣ сердца, не могущаго не сочувствовать сценамъ людскаго паденiя,— чтобы скоротать эту ночь, молчаливо бѣснуясь больною душой, которая видитъ, что и она также гибнетъ, какъ гибнетъ здѣсь столько народа.

И вотъ, когда уже настолько всмотришься въ эти сцены, что по лицу каждаго актера, участвующаго въ нихъ, сразу будешь узнавать его жизнь, столь трагически заканчивающуюся теперь въ кабакѣ, когда весь этотъ шумный рой лицъ будетъ казаться тебѣ чѣмъ-то цѣлымъ, самымъ тѣснымъ образомъ родственнымъ съ тобой, когда наконецъ въ этомъ непонятномъ, какъ шумъ волнъ морскихъ, гулѣ толпы, я прiучился слышать стоны заблудшаго брата, — въ это время между этой бѣснующейся толпой и мною вдругъ стала посторонняя, безучастная фигура, приличная сама по себѣ и

вдобавокъ какъ бы на зло старающаяся показаться еще приличнѣе.

— Развѣ онъ не мѣшаетъ тебѣ? нашептывало мнѣ что-то, до-нельзя ощутительно засѣвшее въ моей груди подъ самой ложечкой.

«Я отойду отъ него: онъ мнѣ дѣйствительно мѣшаетъ», отвѣчаю я шопоту.

— Отойдешь? презрительно вскрикнуло что-то въ груди у меня. «Вотъ такъ воитель! Ха-ха-ха!» раскатывается оно звонкимъ хохотомъ, покрывшимъ собою всѣ крымскіе голоса.

Мнѣ казалось, что всѣ слышатъ этотъ хохотъ и будутъ смотрѣть на меня. Съ какою-то стыдливою боязнью я поникнулъ на столъ головою, чтобы не видѣть ожидаемаго взгляда.

— Вотъ такъ воитель! повторяло выскочившее изъ моей груди какое-то маленькое существо въ родѣ козлика, быстро прыгая по стаканамъ и рюмкамъ, наставленнымъ на столѣ. «Тутъ не отходить нужно, а сцѣпиться нужно—съ нимъ на смерть. Либо тебѣ либо ему! Вотъ какъ сцѣпиться, чтобы другіе къ вашей дракѣ и подступиться боялись?»

«Да за что же я драться съ нимъ буду?» спрашивалъ я козлика, какъ бы умаливая его, чтобы онъ не наказывалъ меня, въ случаѣ, еслибы я не сталъ драться.

— Какъ за что? азартно кричалъ на меня бѣсенокъ:— Не видишь развѣ какъ этотъ франтъ издѣвается надъ крымскою грязью? А ты самъ развѣ не та же крым-

ская грязь? Ну-ка размахнись во всю руку, да царапни его хорошенько. Видишь, какъ онъ булавкой своею заслѣпилъ всѣхъ, какъ всѣ сторонятся отъ нашего стола? Ты, впрочемъ, можетъ, думаешь, что онъ лучше *Крыма?*»

«А ежели крымскую грязь отстраняетъ отъ этого господина не одинъ блескъ его булавки, возражаю я моему искусителю: все еще лежа на столѣ, но и...»

Бѣсенокъ не далъ докончить мнѣ мою рѣчь.

— Ахъ ты, шутъ гороховый! заоралъ онъ на меня своимъ пронзительнымъ голоскомъ: — Ну договаривай но и нѣчто магнетическое, пожаромъ горящее въ черныхъ бездонныхъ глазахъ величественнаго незнакомца, потрясло до самаго основанія дикую толпу невѣжественной черни...—Пьяный паясъ! въ крайнемъ гнѣвѣ ругало меня маленькое существо:—Когда перестанешь ты такъ пошло лиризировать?

Разозлившись въ свою очередь на чертенка, я бросился ловить его, но онъ, какъ молнія, леталъ по залитой виномъ салфеткѣ и съ насмѣшливыми гримасами оралъ мнѣ:

— Какой же ты Иванъ Сизой, когда неможешь дать трепки этому барину? Ты послѣ этого просто-на-просто негодная дрянь, а не Сизой.

— Ну, господа, звучалъ въ мои уши чей-то толстый басъ: — баринъ-то, надо полагать, до чертиковъ тюкнулъ. Вишь пальцами-то какъ перебираетъ. Представляются теперь ему черти-то: вотъ онъ ихъ и ловитъ.

Въ моей головѣ, чувствовалъ я, будто бы птица въ

клѣткѣ, билось и трепетало что-то. Я старался увѣрить себя, что это пройдетъ и продолжалъ гоняться за ругавшимъ меня чертенкомъ.

— Было насъ трое братьевъ у батюшки, слышался мнѣ чей-то голосъ: — а батюшка у насъ по старой вѣрѣ былъ, и всѣ мы тоже по старой вѣрѣ. Годовъ тридцать тому ужъ прошло. Выучилъ насъ братьевъ читать одинъ старецъ. Ну и пошли братья по своей торговлѣ, а я къ книжкамъ очень припалъ. Такая то-есть охота учиться у меня была, — ночи бывало не сплю, думаю: какъ бы это мнѣ книжку получше достать. Только познакомься я въ это время съ студентомъ однимъ,—все онъ у насъ въ лавкѣ чай и свѣчи покупалъ,—видитъ онъ такую мою охоту къ ученью и говоритъ: «Безпремѣнно вамъ надо въ университетъ поступить, потому способности имѣете чудесныя.»— «Тятенька, говорю я отцу, послѣ такихъ рѣчей:—наймите мнѣ учителя, потому я въ университетъ поступить имѣю желаніе.» Какъ же со мной поступилъ тятенька? Взялъ меня, обратилъ лицомъ къ двери и швыркомъ на крыльцо бросилъ. «Вотъ, говоритъ, чтобы нога твоя на мой порогъ не ступала.» Только все же я отъ отъ швырка того горбы теперь и на спинѣ и на груди имѣю... Не сробѣлъ я однако. На своей волѣ, думаю, еще свободнѣе мнѣ будетъ свое удовольствіе сдѣлать. Торговать сталъ, и на пятый годъ въ двадцати тысячахъ былъ. Узналъ про это отецъ, напустилъ на меня людей, которые со мной тяжбу затѣяли и въ какой нибудь годъ, таскаючи по

судамъ, совсѣмъ меня разорили. Пришло дѣло къ концу, я опять принялся и опять разбогатѣлъ. Только и тутъ отецъ мнѣ не далъ спокою, опять разорилъ, потому капиталы у него и знакомство вездѣ. Не всякій съ нимъ сладитъ. Да такъ-то онъ меня, судари мои, три раза съ корнемъ вонъ вырывалъ! Въ четвертый я ужъ и пробовать не сталъ. За одно, молъ, погибать-то!..

«Совсѣмъ позабылъ, кто написалъ эту пѣсню!» думаю я про себя, потому что во время этого разсказа разстроенная шарманка наяривала какіе-то мотивы, какихъ я отъ роду не слыхалъ.

«Я донской казакъ,
Въ тяжкій плѣнъ попалъ.»

уныло напѣвалъ кто-то, должно быть подлѣ самаго нашего стола.

«Да! такъ это донской казакъ написалъ эти стихи», припоминаю я, и чувствую, что мнѣ очень хочется спать.

— Слышалъ? спрашиваетъ меня чертенокъ, балансируя на носикѣ чайника.

«Слышалъ», отвѣчаю я.

— Что же не бьешь?

«Не могу».

— Да выпейте стаканчикъ водицы, пожалуста! упрашивалъ меня отставной солдатъ.

— Ей-Богу. Сразу бы васъ отпустило!

— И воды не могу.

— Да вы поневольтесь.

«Не можешь? Такъ-таки и не ударишь?» настойчиво пристаетъ ко мнѣ миніятюрный козликъ.

«Не могу.»

— Пьяный шутъ! кричитъ онъ мнѣ и, уклоняясь отъ моего порывистаго за нимъ движенія, быстро перелетаетъ съ носа чайника на газовую трубку надъ моей головой. Я бросаюсь за нимъ къ гасовой трубкѣ, но онъ уже, видимо для меня, обратился въ синій летучій дымъ, который насмѣшливо колебался въ своемъ полетѣ къ мрачному трактирному потолку на высотѣ недоступной для моего роста.

Бурный трепакъ бушевалъ между тѣмъ въ залѣ. Въ одно и тоже время мнѣ страшно хотѣлось и смотрѣть на этотъ трепакъ и поймать чертенка, но почувствовавъ наконецъ, что ни одно изъ этихъ желаній исполнено быть не можетъ, я горько заплакалъ...

— Не мог-гу! въ разъ отвѣчаю я и солдату, усиленно подчивающему меня холодной водой, и самому себѣ, когда лихая дробь низалась мнѣ въ уши и сманивала вскочить со стула, крикнуть изо всѣхъ легкихъ: браво! и вырѣзать съ плясуномъ по злѣйшему стаканищу.

— Какъ же мы, какъ мы жить съ тобой будемъ? спрашивалъ тоскливый женскій голосъ.—Вѣдь онъ меня, баринъ-то, самъ сюда подвезъ. Вотъ, говоритъ, теперь твое мѣсто, а мнѣ ты не нужна больше.

— Это намъ единственно все равно, смѣло отвѣчалъ кто-то на этотъ голосъ.—Потому какъ съ самаго того дня, какъ тебя къ барину на сѣни взяли, а меня по оброку угнали, ни разу ты у меня изъ ума не выходила.

— Вѣдь дѣла-то дѣлать, продолжала женщина: — я ни одного не умѣю, кромѣ какъ чай по цѣлымъ днямъ пить, да платья дорогія носить. Я тебѣ, голубчикъ ты мой, большой тягостью буду, пока по работѣ не привыкну ко всякой.

— Объ эфтомъ ты некрушись! Помаленьку привыкнешь.

Маленькій чертенокъ вытянулъ въ это время ногу свою такъ длинно, что съ потолка досталъ ею до моей головы. Поталкивая меня ногой и въ голову и въ спину, онъ съ какою-то презрительною злостью спрашивалъ меня:

— Пьяное животное! И тутъ не ударишь?

«Не видишь развѣ, что не могу? Отстань!» мысленно только могъ отвѣчать я ему, потому что языкъ мой не ворочался, отъ чего я зарыдалъ сильнѣе прежняго.

Впрочемъ, не отъ одного только отсутствія надлежащей силы въ языкѣ моемъ рыдалъ я. Все, что только могъ я разслушать изо всего этого гула, издаваемаго крымской ватагой, непремѣнно были только однѣ рвавшія душу жалобы на горькую участь.

Вотъ передъ нами маленькая безобразная старуха, давнымъ-давно обрусѣвшая Полька. Въ ней рѣшительно нѣтъ слѣдовъ человѣческаго образа: такъ передернули и изморщинили лицо ея звѣрскія нужды.

— Будетъ, бабушка, показывать тебѣ виды Берлина и Лондона, Баденъ-Бадена и Ниццы, ты лучше разскажи намъ, какъ ты сама очутилась у насъ.

Дрожитъ и трясется старуха, принимая угоститель-

ную рюмку. Обрадовалась она доброму случаю, дающему ей возможность хоть нѣсколько времени покипѣть старымъ, охладѣлымъ тѣломъ.

— Вотъ здѣсь родилась я, начинаетъ она свой разсказъ, и подводитъ къ своей панорамѣ, гдѣ, освѣщенная тусклой сальной свѣчей, показывается гордая Варшава —Пустите-ка, пустите-ка, я сама посмотрю: давно не видала, — и старуха впивается глазами въ родную картину.—Мати-божія! вскрикиваетъ она. — Какъ хорошо здѣсь было! Я забыла сколько времени прошло тому, прибавляетъ бѣдная въ тяжеломъ недоумѣніи, какъ-будто до настоящаго мгновенія она вѣрно помнила длинный срокъ того времени, а теперь вдругъ забыла.—Наѣхали въ эти мѣста жолнирижи ваши, а я тогда красавицей была: всѣхъ огнемъ палила. Маленькая такая, черная, — старуха становится въ бойкую позицію и показываетъ, какая она была маленькая, черная, какъ она всѣхъ огнемъ палила. — Увезъ жолнирж и бросилъ! грустно повторяетъ она такимъ тихимъ, молодымъ голосомъ, который всякому воображенію непремѣнно представилъ бы, какъ ее, граціозную и полную страсти, увозили тогда паны-жолнирижи на свою потѣху и ея страданье.

Обыкновенная исторія; но не понимающіе эффектныхъ драмъ люди отовсюду говорятъ старухѣ:

— На-ка-сь тебѣ, бабушка, семитку.

— Поди я тебѣ покажу нашу Варшаву, благодаритъ старуха.

— Рюмочку, старушка, поди пропусти.

— И тебѣ покажу. Погоди только немного. — Что, лучше, небось, Москвы-то?

— Москва, бабушка, прямо тебѣ сказать, не въ примѣръ лучше Аршавы.

— Папиросочки не хочешь ли? спрашиваетъ у Польки кринолинъ, внимательно слѣдившій за ея разсказомъ.

— Не курю я ихъ, милая. Тогда дѣвушки не курили, а у васъ не привыкла.

Кринолинъ конфузится.

— На вотъ, бабушка-голубчикъ, продай кому-нибудь, и при этомъ кринолинъ въ сильномъ замѣшательствѣ суетъ старухѣ потертый бумажникъ.—Я вотъ только папироски выну.

— Самоё, надо полагать, кто-нибудь также обманулъ, вотъ и разжалобилась, говоритъ закутившая чуйка.— Сейчасъ умереть, я теперича эту самую дѣвку всѣмъ сердцемъ моимъ возлюбилъ!.. Эй, милая, сядь-ка къ намъ, воротись!

Кринолинъ послушно возвращается къ столу кутилы и садится.

— Можешь ли ты понимать честь? спрашиваетъ чуйка дѣвушку.

— Могу, отвѣчаетъ она безъ запинки.

— Такъ ты ее и понимай! А съ нонѣшняго дня даю тебѣ содержанья десять рублевъ кажинный мѣсяцъ. Донскова!

— Чудесно! лютуютъ припѣвалы.—Андрей Ильичъ, уважь, милый человѣкъ, попляши.

— Умѣешь плясать? спрашиваетъ у дѣвушки раззадоренный Андрей Ильичъ.

Еще бы не умѣла плясать крымская старостиха, эта Волга-дѣвка, увѣнчанная стразовой діадемой!

— Ярославка што ли? спрашиваетъ Андрей Ильичъ, ухорски драпируясь для предстоящей пляски своею синею чуйкой.

— Оттуда были, отвѣчаетъ старостиха, воодушевляясь лихими манерами Андрей Ильича.

— Ну, мы съ Дона!

Густая толпа окружаетъ ихъ.

— Валяй Спирю почаще! кричитъ Андрей Ильичъ музыкантамъ, и при первыхъ колѣнахъ его, въ воздухѣ повисли и дружный хохотъ и загвоздистая похвала.

— Даша! Не выдай московскихъ-то! умоляетъ старостиху оборванный кузнецъ, первый крымскій плясунъ, въ сапожныхъ обрѣзкахъ.—На свою сторону пріѣдетъ, хвастать будетъ: никто-то де его не переплясалъ у насъ, поощрялъ онъ Дашу, дрожа и зимирая въ лихорадочномъ волненіи.

Гикаетъ и гогочетъ, какъ казакъ въ бою, Андрей Ильичъ, и за нимъ всѣ гикаютъ и гогочутъ, потому что, ровно огненный змѣй, жжетъ и палитъ онъ всѣхъ своею жаркою пляской степною. Въ присядку сѣлъ онъ такъ-то и кружитъ, кружитъ и соловьемъ голосистымъ свиститъ. Полштофъ цѣлый по самымъ маленькимъ рюмкамъ одному можно было бы разобрать въ то время, какъ онъ козловыми каблуками крымскій полъ бороздилъ. А она, старостиха-то, все голубкой, го-

лубицей такой ласковой вьется около него, словно съ крыльями.

— Гдѣ такая дѣвка родилась? кричатъ.

— Э-эхъ, кабы не бѣдность!

А она все вьется около Андрея Ильича. Вилась вилась такъ-то она, да платьемъ своимъ голову казачью вдругъ всю и закрыла, и посмѣивается.

Тутъ и вспомнилъ *Крымъ*, что это за мужикъ такой Спиря, смѣшливый Спиря мужикъ: всякому онъ поровитъ ногою носъ утереть.

Близкимъ громомъ загремѣлъ *Крымъ*, когда вспомнилъ про Спирю.

— Вотъ онъ какой, Спиря-то! оретъ двадцат голосовъ.

— Тутъ, братъ, огнемъ не возьмешь!

— А возьмешъ тутъ смѣшками.

— Вѣррно! Молодецъ Даша!

— Дашка лучше сплясала.

— Истинно лучше! шумно соглашается съ толпою козакъ. — Только же не можетъ женщина ничего лучше нашего брата сдѣлать... Валяй степную, братцы! кричитъ онъ музыкантамъ: — На барыню переворачивай!

Замерли всѣ. Тишь какъ въ могилѣ стояла, когда первая скрипка на квинтѣ потянула свое протяжное вводное: и-и-а-ахъ!..

Молніей сверкнулъ на струнѣ первый слогъ огненной пѣсни. Дружно подхватили его другія скрипки, контробасъ и звонкія флейты; но всѣхъ ихъ заглушилъ своимъ ахомъ запылавшій Андрей Ильичъ, — и пошелъ...

Сыплется частая дробь, будто осенній дождикъ въ стекло, воетъ Андрей Ильичъ неудержимымъ вѣтромъ степнымъ и претъ въ толпу черными глазами, такъ что дыханіе у всѣхъ захватило, страхъ обуялъ.

— Ступнуть не дамъ, дѣвка! злобно и страстно кричитъ онъ уничтоженной Дашѣ: — Съ бѣлаго свѣта, какъ былинку сдую.

— Братцы! умоляетъ кузнецъ плясунъ, — кричите скорѣе: ура!

— Ур-р-ра-а! берутъ въ разъ сто грудей.

— У-р-ра-а! подхватываютъ сидящіе за столами.

И летитъ это ура, какъ какая грозная буря, въ другую залу, увлекая за собою все дышащее въ трактирѣ, оттуда стремится на крыльцо, на вольный воздухъ и, здѣсь схваченное извощиками, пронизываетъ собою густой мракъ осенней ночи, и наконецъ тихо улегается на липовыхъ вершинахъ сосѣднихъ бульваровъ, распугивая усѣвшихся на нихъ грачей и воронъ...

— Тише, господа, пожалуста, потише, уговариваетъ публику сѣдой прикащикъ:—Полиція пожалуй придетъ, что толку?

— Поди ты, старый чортъ! азартно отвѣчаютъ ему.

— Ласточка ты моя! нѣжно говорилъ старостихѣ Андрей Ильичъ. — Ужъ гдѣ тебѣ тягаться со мной? потому врядъ ли кто на семъ свѣтѣ и можетъ со мной потягаться...

Старостиха, слушая его, была такая смирная, такая ласковая.

~~~~~~~~
~~~~~~~~

IV.

Все дѣло, слѣдовательно, въ моихъ глазахъ, по крайней мѣрѣ, остановилось на слѣдующемъ: *Крымъ* бѣсновался и неистовствовалъ, мой пріятель свысока смотрѣлъ на этотъ спектакль, а я, облокотясь на столъ, рыдалъ болѣзненно о всемъ *Крымѣ* и злился на пріятеля.

Но это громовое ура, сейчасъ только огласившее своды харчевни, разбудило меня, и я съ стыдомъ примѣтилъ, что ни къ рыданью, ни къ злости, повода у меня самого даже коротенькаго не имѣлось, ибо все шло своимъ чередомъ и, ежели изъ всей этой сумасшедшей толпы, включая въ нее и моего пріятеля, былъ кто-нибудь не нормаленъ, такъ одинъ только я, ловившій своего чортика.

Мой случайный знакомый, на мой вопросъ: кто онъ, когда, и гдѣ я съ нимъ встрѣтился, благодушно увѣрилъ меня, что онъ будто бы одинъ изъ шести московскихъ корреспондентовъ *Санктпетербургскихъ вѣдомостей*,

а также имѣетъ основаніе думать, что будетъ вызванъ сотрудничать въ *Голосѣ*, что наконецъ онъ пріѣхалъ въ *Крымъ* съ цѣлію запастись въ немъ мотивами для передовыхъ статей въ эти газеты.

— Вы, можетъ-быть, Ботиковъ? спрашиваю я его, желая короче познакомиться съ человѣкомъ такой блистательной дѣятельности.

— Нѣтъ! отвѣчалъ онъ, мотая головой и видимо пьянѣя.

— Дивово можетъ-быть?

— И не Дивово! отвергаетъ онъ, радостно всхлипывая. — Я Восходящее Солнце! Вотъ мой псевдонимъ. Настоящее же мое имя не должно быть извѣстно никому, потому что я намѣренъ затрогивать такіе вопросы... о такихъ общественныхъ ранахъ я буду заявлять на столбцахъ нашихъ уважаемыхъ газетъ, о которыхъ до сихъ поръ не плакалъ ни Николай Филиппповичъ Павловъ, ни нашъ тамбовскій гегеліянецъ, фонъ-Чичеринъ, — съ азартомъ уже совершенно пьянаго человѣка оралъ онъ такъ громко, что я не могъ не сказать себѣ:

— Однакоже этотъ шутъ любопытенъ! Посмотримъ-ка на него попристальнѣе, и если онъ составляетъ рану на нашемъ общественномъ тѣлѣ, постараемся заявить объ немъ на столбцахъ нашихъ, хоть не уважаемыхъ газетъ.

Увы! Къ крайнему моему огорченію, франтъ оказался даже не раной, а просто прыщомъ. Навязавшись на знакомство съ ухорскимъ Андреемъ Ильичемъ, Восходя-

щее Солнце ломалось самымъ пошлымъ манеромъ, стараясь показать себя русскимъ человѣкомъ.

— Какая здоровая натура! въ пьяномъ экстазѣ говорило мнѣ Солнце про Андрея Ильича.—И старостиха—тоже здоровая натура. Ее надо поднять, непремѣнно нужно возвысить, такъ-сказать... Это наша прямая обязанность, и, воодушевившись, онъ подарилъ старостихѣ свою изящную золотую булавку.

— А ты мнѣ, какъ хочешь, Андрей Ильичь, а на платье на хорошее подари, говорила старостиха Андрею Ильичу,—потому какъ только имѣй я шолковое платье,—коси малина! Минуты бы одной въ *Крымѣ* не пробыла...

— Пре-е-красно! мямлило Восходящее Солнце. — Возвратись, старостиха, непремѣнно возвратись къ прежнимъ мирнымъ занятіямъ, на путь добра и чести...

— Ахъ ты, кобылятникъ! ласково выругала совѣтника старостиха, предполагая что онъ своими шутками хочетъ ее привести въ конфузъ.

— Какая, Ѳедичка, вчера исторія случилась, такъ ты издивиться долженъ! разсказывала совершенно изнемогшему мастеровому толстая женщина въ фантастической повязкѣ. — Часа въ два ночи спимъ мы такъ-то, — вдругъ въ окно забубенили. «Есть?» спрашиваютъ.—«Есть!» говоримъ.—Поѣдемъ, да живѣе у меня собираться, а то, говоритъ, раму вонъ выколочу. «Пріѣзжаемъ въ одну гостинницу,—пьяные всѣ, лыко не вяжутъ. Только какъ я теперича всю политику произошла, знаю ужь, что попросту безъ затѣй обходиться

съ ними лучше будетъ, и говорю имъ: «Што же, молъ, вы, подлецы эдакіе, привезть привезли, а водкой не подчуете?» Какъ тутъ бросится одинъ на меня съ столовымъ ножищемъ. «Я тебѣ, говоритъ, тварь ты эдакая, дамъ ругаться!» А другой, съ такой ли бородищей большою, на него заоралъ: «Не смѣй, щумитъ, трогать ее, она женщина!» Кричали, кричали они такъ-то, кулаки-то другъ на друга насучивали, насучивали, только заступникъ-то нашъ схватилъ пистолетъ со стѣнки, да и бацнулъ въ пріятеля. Слава Богу что не попалъ! «Моли Бога, говоритъ, что не попалъ я въ тебя, а мои убѣжденія честны.» Долго я надъ ними смѣялась. Вотъ, думаю, дураки-то необузданные! Только вслухъ я этого не сказала имъ, потому очень ужь азартны.

— А хочешь, я тебя изобью? спрашивалъ разсказщицу мастеровой, приходя почему-то въ бѣшенство.

— Ну ужь это не хочешь ли вотъ чего? въ свою очередь спросила разсказщица, показывая кукишъ.

— Уйди, баринъ! шумѣлъ на Восходящее Солнце Андрей Ильичъ.—Не твое здѣсь мѣсто.

— Какъ ты смѣешь такъ говорить со мной?

— Такъ! Не мѣшай — вотъ и все тутъ.

— А какъ я тепеіица съ гусаемъ по нацаю зія, раздавался картавый, охрипшій голосъ изъ другаго угла, — хаясо тогда бія! Ми съ гусаемъ въ обцество ѣззиваи, а въ обцествѣ, бивая, цяй-то съ сейебьяними езецкаи подавайся.

— Што же ты, братецъ ты мой, смотрѣлъ на него?

*

толкуютъ между собою два подозрительныхъ персонажа.—Ты бы часы-то у него чирикнулъ.

— Чего, чего не дѣлалъ. Ужь и пилъ-то я съ нимъ вмѣстѣ и обнимался-то. Ничего не подѣлалъ, потому изъ нашихъ никого не было, — кому передашь?

— Эхъ ты! Кому передать — спрашиваетъ? Въ любой уголокъ положи,—не скоро найдутъ.

— Не сдогадался.

— А я, однава дихнуть! выкрикивалъ картавый голосъ, сказю, бивая, гусаеву деньсику: съюзи мнѣ, Семенъ! Не посьюсяться онъ меня не смѣй тогда, потому отъ баина пъиказанье такое быя ему, стобы онъ меня все явно, какъ баиню, съюсяйся.

— Ахъ ты, шкура! кричитъ слушатель. Што-жь Семенъ всегда тебя слушался?

— Всегда, Ей-Богу, всегда! Тойко тогда усь какъ гусай уѣхай, и какъ у него за фатею впеіодъ за два мѣсяца запъяцено быя, я на той фатеѣ и остаясь зить. Думаю: зачѣмъ даромъ деньгамъ пъяпадать? Тутъ Семенъ безъ баина-то и вздумай меня пьягонять. Ахъ ты, гаваю, хаюй язнесцястній! Какъ ты смѣесь меня пъягонять? А онъ мени взяй да по сеѣ. Я и усья.

И картавый голосъ въ этомъ мѣстѣ своего разсказа перешелъ въ слезные тоны.

— Што же ты плачешь-то, глупая? Ты вотъ выпей лучше.

— Нѣтъ! Не хоцю я пить. Я тебѣ пъямо сказю: я безъ гусая жить не могу...

— Ахъ ты, чудище морское! нализалась и жить не могу, кричитъ...

— Не бей ее! Слышишь ты, Андрей Ильичъ, не тронь ее, умоляло Восходящее Солнце заѣзжаго Донца, который колотилъ старостиху.

— Не твоего ума это дѣло! кричалъ разсвирѣпѣвшій Андрей Ильичъ.—Я къ ней всей душой, а она съ моимъ товарищемъ, на моихъ глазахъ заигрывать принялась.

— Это ничего! твердилъ оригинальный псевдонимъ.— Она исправится; ее только возвысить нужно.

— А вотъ я ее возвышу.

Восходящее Солнце попробовало-было помѣшать Андрею Ильичу, но получило такой толчокъ, отъ котораго завертѣлось кубаремъ.

— Я тебѣ говорю: пей! приставалъ къ картавому голосу какой-то мущина.

— Я не буду пить! Я безъ гусая зить не могу, слезно объяснялъ картавый голосъ грозному прикащику.

— Я съ тебя дурь-то эфту собью! съ злостью рычитъ мущина, и вслѣдъ за этими словами раздается звонкая пощечина.

— Бей! а не могу я зить безъ гусая... Тамъ, въ обществѣ-то, сейебъянія езецки подавались.

— За што ее бьешь? Што же коли она въ самомъ дѣлѣ безъ своего полюбовника житъ не согласна? вмѣшивается какой то угрюмый сапожникъ въ засаленомъ фартукѣ.

— А тебѣ что за дѣло?

— А то, не дерись понапрасну.

— Ты што за учитель?

— Я учитель.

— Учитель?

— Учитель!

И заварилась каша.

— Черти! За что вы полощетесь? кричитъ сѣдовласый прикащикъ.

— А вотъ мы тебѣ покажемъ какъ ругать насъ? отвѣчаютъ молодцы, сообща накидываясь на прикащика.

За прикащика налетаютъ половые, и вообще въ этотъ трагическій моментъ *Крымъ* сдѣлался какимъ-то еще незаписаннымъ въ исторіи царствомъ, густо населеннымъ, вмѣсто обыкновенныхъ живыхъ существъ, неслыханною руготнею, многообразными потасовками и зуботычинами.

— Бѣжите за полиціей! командуетъ прикащикъ половымъ, очевидно проигрывающимъ битву.

— Убѣгемъ, братцы! полица сейчасъ налетитъ! кричитъ толпа, быстро направляясь къ двери.

Восходящее Солнце и я отправляемся по ея слѣдамъ.

Освѣжившій меня уличный воздухъ окончательно погасилъ Восходящее Солнце.

— Кто йдетъ? спрашивалъ насъ сосѣдній будочникъ.

— Табакъ! почему-то отвѣчалъ будочнику сей много уважаемый литераторъ, съ замѣтнымъ наслажденіемъ расквашивая себѣ носъ о тротуарную тумбу...

ГРАЧЕВКА.

Начало весны для человѣка, не одѣтаго въ драповое пальто на легкой ватной подкладкѣ, не обутаго въ крѣпкія калоши, вещь, по общему мнѣнію, далеко не ублажающая. Такимъ образомъ было однажды начало весны, а у меня не было драповаго пальто на легкой ватной подкладкѣ и колошъ не было, потому собственно, можетъ быть, что были сапоги, которые что называется, просили каши. Они, т. е. мои несчастные сапожонки, до-того широко разинули свои рты, что какъ будто хотѣли вычерпать собою всю грязную воду, залившую грязныя улицы. Не знаю, какимъ образомъ не умеръ я въ описываемое время отъ холода первой весенней ночи, и какъ не отвалились у меня ноги, обваренныя рѣжущимъ кипяткомъ, натаявшей изъ снѣга воды.

Итакъ было начало весны. На дворѣ стояла непроглядная ночь, именно та самая ночь, которой можно дать имя ночи любопытствующей, ночи, всячески старающейся опредѣлить, что крѣпче на семъ свѣтѣ есть:

дерево ли фонарныхъ столбовъ, или лбы пѣшеходовъ, несчастные, бѣдные лбы, осужденные во время любопытствующихъ ночей стукаться не только объ означенные столбы, но пожалуй даже, говоря возвышенной рѣчью, и объ холодный гранитъ тротуаровъ.

Можете себѣ представить, какъ я благословлялъ эту ночь, шлепая по ея лужамъ, утопая въ ея канавахъ и ежеминутно удовлетворяя ея любознательность насчетъ того, такъ-сказать, на сколько я мѣднолобенъ. Весеннимъ странницамъ Фета положительно докладываю, весьма было бы лестно украситься благословеніями, которыя я призывалъ на первую весеннюю ночь.

— Господинъ Сизой, сказалъ мнѣ часа за три до наступленія описываемой ночи хозяинъ жалчайшей лачужки, въ которой жилъ я, — вы очень бѣдны: у васъ нѣтъ работы. Безъ свойственнаго мнѣ уваженія къ несчастію ближняго, я бы конечно могъ протурить васъ съ квартиры, какъ объ этомъ мило говорится, въ три жилы, потому что вы мнѣ не платите ни копѣйки. Я не сдѣлаю этого, потому что подъ тремя жилами, въ этомъ случаѣ, разумѣютъ шею, а у васъ она, сколько мнѣ извѣстно, одна. Но если вы сейчасъ же не изволите оставить эту комнату, предупредите меня, ибо въ такомъ случаѣ я намѣренъ съ вами поступить по законамъ, т. е. стащить васъ въ кварталъ.

Выказавъ такъ забавно свое остроуміе, мой хозяинъ, необыкновенно носастый и совершенно обрусѣвшій нѣмецъ (кстати сказать: онъ былъ такъ носастъ, что сквозь носъ его можно было высмотрѣть все, о чемъ

онъ именно думалъ) заложилъ руки за спину, заломилъ назадъ голову и вопросительно выпучилъ на меня свои насмѣшливыя бѣльма. Положеніе его головы, какъ вы поймете, было именно такое, что я сразу увидѣлъ через его вздернутый носъ, что онъ говоритъ дѣло безъ малѣйшихъ притязаній на любезныя шутки, а увидѣвши, что онъ говоритъ дѣло, я засвидѣтельствовалъ ему мое всенижайшее, взялъ съ окна мой дневникъ, положилъ въ карманъ березовый мундштучекъ, нѣкоторый миніятюрный портретъ, когда-то украшенный золотомъ, давно уже пропавшимъ въ залогѣ у жида, и вотъ вы видите меня на улицѣ, преслѣдующаго проклятую цѣль—ночевать у кого-нибудь изъ моихъ многочисленныхъ грачовскихъ пріятелей. Насколько я правъ, назвавши мою цѣль проклятою, судите сами. Я родился и воспитывался въ той благовонной средѣ, гдѣ и теперь еще обѣими руками держатся за знаменитое изреченіе блаженнаго во отцѣхъ Игнатія Лойолы: «цѣль оправдываетъ средства». Теперь же, перенесенный благопріятствующей судьбой въ иной кругъ, я по чести говорю, что я еще не успѣлъ забыть ни то палочье, которымъ вбивали въ меня это правило, ни самое правило. Откровенности такой, ей-Богу, въ наше время днемъ со свѣчей не найдешь, но, клянусь вамъ, она составляетъ, можетъ-быть, только милліонную долю моихъ достоинствъ. У меня много всего было! Говорю вамъ словами Ѳедора въ свадьбѣ Кречинскаго: «Было, батюшки мои, много всего было, да быльемъ поросло!» Отчего именно все быльемъ поросло, — это другой во-

просъ. Разрѣши я этотъ вопросъ, какъ могъ бы я разрѣшить его, моя бутада не была бы напечатана. При моемъ же міросозерцаніи бутада моя представляется мнѣ рукою-кормительницей.

— Иванъ, говоритъ мнѣ она,—помолчи благоразумно, а то вѣдь тебѣ выпить не на что будетъ.

Я не хлопочу о хлѣбѣ, потому что не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ. Я оправдываю цѣлью средства и молчу. Молчу, закусивши блѣдныя губы, и тогда, когда хочется мнѣ разрѣшить вопросъ, отчего все мое быльемъ поросло, и теперь молчу, когда человѣкъ, съ которымъ я дѣлилъ все, что доставалъ своей мозолистою работой, котораго я толкнулъ на дорогу, на мою просьбу о ночлегѣ, сказалъ мнѣ:

— Не могу.

— Отчего жъ? спрашиваю я.

— Да вотъ, видишь ли, говоритъ онъ,—въ одной комнатѣ я самъ сплю; а другая, хочется мнѣ, чтобъ всегда чистая была. Самъ согласись, говоритъ,—придетъ ежели завтра кто ко мнѣ поутру, а ты спать тутъ будешь,—неловко.

— Правда, отвѣчаю я ему. — Дѣйствительно, это неловко.

Въ моей головѣ промелькнуло въ это время представленіе о томъ звѣриномъ голодѣ, который обыкновенно мучилъ насъ обоихъ, когда я давалъ у себя пріютъ этому человѣку. Живя въ столичномъ городѣ, мы были съ нимъ безпомощны, какъ матросы въ морѣ, претерпѣвшіе кораблекрушеніе. Поистинѣ я не согрѣшилъ бы

тогда, ежели бы убилъ его для того, чтобы не дать ему достающейся на его долю порціи чернаго хлѣба съ гнилымъ масломъ, спеціально впрочемъ добытой мною. Но я не убивалъ его, хотя мускулы у меня, какъ вообще у плебеевъ, могу сказать, таки тово..... Я ничего не сказалъ ему объ этомъ представленіи изъ нашей прошлой жизни, и вышелъ.

Когда у меня послѣ такихъ случаевъ бываютъ деньги, я обыкновенно запиваю, потому что, помню я, отецъ мой, когда бывало придетъ домой съ половиной бороды, съ израненнымъ лицомъ, на которомъ засохла кровь, тоже запивалъ. Пусть кто меня осудитъ за это! «Родителямъ подражай!», измаралъ я сто тысячь разъ аспидную доску, когда учился писать. А я что же дѣлаю, когда запиваю? Развѣ кто увѣритъ меня, что я въ этомъ случаѣ не подражаю родителю?

Я прихожу къ одному весьма юному студенту, занимающему двухъ аршинную келью.

— Ночевать пустишь что-ль? спрашиваю его.—Меня носастый Нѣмецъ съ квартиры прогналъ.

— Располагайся, говоритъ, — какъ тебѣ свободнѣе на этомъ полу, потому что на кровати со мной нынѣшнюю ночь спать тебѣ невозможно. Праздникъ завтра.

— А! догадался я, и ушелъ.

Къ нему наканунѣ каждаго праздника ходитъ одна швея, до безконечности милое и наивное созданіе, на которой мой бѣдный пріятель неизмѣнно рѣшилъ жениться, и которую онъ вслѣдствіе того, что-называется,

возвышаетъ до себя. Я не буду мѣшать вамъ, счастливыя дѣти.

— Такъ тебя, говоришь, носастый Нѣмецъ съ квартиры прогналъ? сказали мнѣ въ другомъ мѣстѣ.—Этотъ пассажъ имѣетъ въ себѣ ту хорошую сторону, что ты принужденъ будешь найти себѣ другую нору: тогда я къ тебѣ привалю на новоселье съ компаніей, а теперь ночевать у меня невозможно. Завтра праздникъ и сейчасъ

«Придетъ сюда она,
Это милое созданье,
Чернобровая моя!

Самъ знаешь, у ихнихъ мадамовъ работы ни въ праздникъ, ни подъ праздникъ не бываетъ, а ночевать просишься! Эхъ ты, голова! Гряди и ожидай меня на новосельѣ съ компаніей.

— Поди ты къ чорту и съ компаніей!

— Впрочемъ стой, подожди на минуту ругаться. Чаю не хочешь ли? Я для своей дульцинеи припасъ-было крендельковъ, сухариковъ разныхъ ерундистыхъ, такъ ты пожри ихъ. Съ нея довольно будетъ любви огневой.

— Пожалуй, давай въ карманъ: я съ собой заберу, а чаю мнѣ твоего дожидаться некогда.

— Укладывай съ Богомъ, и маршъ подъ дождь! На дождѣ, говорятъ, большеростется, съострилъ онъ окончательно, подавая мнѣ бумажный пакетъ съ ерундистыми крендельками и сухариками.

Въ другія комнаты снебилью, къ другимъ пріятелямъ прихожу я, упорно преслѣдуя мою цѣль ночевать не подъ открытымъ небомъ. Въ передней, освѣщенная ту-

склымъ свѣтомъ вонючаго ночника, обыкновенно сидитъ мегера, родившаяся на сокрушеніе бездомовнаго народа въ какомъ-нибудь селѣ Ярославской губерніи. Какъ возовая лошадь, громко сопитъ она надъ двадцатой чашкой кронштадскаго чая. Обыкновенно, не умѣя смотрѣть на этихъ, какъ онѣ называютъ хозяекъ иначе, какъ съ скрежетомъ зубовъ, я въ это время отступаю отъ своихъ принциповъ и самымъ заигрывающимъ манеромъ желаю мадамѣ пріятнаго апетиту-съ.

— Вотъ вѣшать-то некому, — злобно ворчитъ мадамъ, — въ какую погоду шатаются. Полъ-то весь загрязнили вы мнѣ! возвышаетъ она свой крикливый голосъ, вѣчно просящій денегъ. — Снимайте поскорѣе пальто. Словно утопленикъ какой ввалился. Гдѣ только носило васъ.

— Въ гостяхъ былъ у вашего благовѣрнаго. Поклонъ съ нами вамъ прислалъ. Поцѣловать васъ, какъ можно, наказывалъ.

И при этомъ я какъ будто изловчаюсь влѣпить ей коммиссіонный, такъ-сказать, поцѣлуй, но звѣровидное существо находитъ въ себѣ, противъ моихъ ожиданій, на столько женственности, чтобы самымъ неуклюжимъ манеромъ гримасничать и увертываться отъ моихъ, жаждущихъ теплой постели, объятій.

— Какого ты чорта возишься тамъ? слышится изъза перегородки голосъ моего пріятеля, къ которому пришелъ я съ намѣреніемъ ночевать. — Говорилъ бы прямо, что на ночевку пришелъ, такъ я бы тебѣ тоже

прямо сказалъ, что нельзя нынче у меня ночевать, потому что праздникъ завтра!..

«И тутъ праздникъ!» съ ужасомъ восклицаю я про себя.

Какимъ же образомъ у тебя-то праздникъ? кричу я ему въ стѣну, — вѣдь ты жидъ.

— Ну это ужь не твое дѣло! отвѣчаетъ онъ мнѣ.— А за то, что ты жидомъ ругаешься, не пущу же тебя ночевать, хотя одна добрая душа очень меня упрашиваетъ укрыть тебя отъ темной ночи.

Я видѣлъ, что мои дѣла поправляются, т. е. что ночевище мое почти уже готово, но я ушелъ и отсюда, потому что за стѣной заслышалъ нѣкоторый умоляющій шопотъ:

— Пусти его, Евзель, ночевать, пожалуста пусти. Ты не сердись на него, что онъ тебя жидомъ изругалъ. Онъ вѣдь, этотъ Сизой, почти всегда пьянъ. Можетъ это онъ спьяна тебя изругалъ.

У этой дѣвочки, которая навѣщала Езеля Гараха, такіе большіе, такіе ничего не выражающіе глаза! Я всегда какъ-то не симпатизировалъ ей, а тутъ еще шепчетъ она, чтобы Езель Гарахъ, студентъ медицины, снабженный трехаршинными бакенбардами и талейрановской головой, не мстилъ пріятелю своему Ивану Сизому за то, что тотъ его жидомъ назвалъ.

— Ну, хорошо! Я прощаю тебѣ, Иванъ, что ты меня жидомъ обругалъ, — кричалъ мнѣ съ хохотомъ Езель. — Иди и ночуй. Обѣщаю тебѣ не пить твоей крови за обиду мнѣ нанесенную.

— Какъ это трогательно, злобно замѣтилъ я, сознавая необходимость уходить отсюда, чтобы не видѣть большихъ круглыхъ глазъ феи, вышептывающей мнѣ великодушное прощеніе.

Но прежде нежели уйдти мнѣ отъ Езеля, я сцѣпился съ хозяйкой преимущественно въ видахъ, чтобы, разозливши ее, лишить тѣмъ самымъ надлежащаго апетиту, съ которымъ она заливала нутро свое чаемъ. Я началъ съ того, что она коломенская жирная дура, а не хозяйка, что ей бы только судомойкой въ солдатскихъ казармахъ быть, а не хозяйничать. Звѣрообразная баба къ великому моему наслажденію была поражена въ самое сердце.

— Вотъ оно, вотъ оно, какъ накинулся! могла она только выговорить, глядя на меня съ замѣтнымъ недоумѣніемъ.

— Ну, какая ты хозяйка? продожалъ я наддавать ей жару.—Мнѣ вонъ Гарахъ сказывалъ, какъ ты въ самоварную трубу воды палила, а углей наклала туда, куда добрые люди воду льютъ. Вотъ ты какая хозяйка! Небось, на правой рукѣ пальцевъ сколько не знаешь.

Гарахъ хохоталъ во все горло за своей перегородкой. Онъ, очевидно, понималъ мою дипломатію, которая главнымъ образомъ состояла въ томъ, чтобы, сразившись съ хозяйкой часа на два, сколько можно сократить мучительную ночь на тротуарахъ.

— Есть ли у тебя какое-нибудь миросозерцаніе, дура ты эдакая? спрашивалъ я у бабы. — Ты вотъ теперь

воображаешь, что сняла три лачужки и пустила въ нихъ жильцовъ, такъ ты хозяйка, не только надъ этими лачужками, но и надъ самыми жильцами. Почтенія отъ нихъ требуешь. Хочешь, чтобы они тебя мадамой звали. Какая же ты мадамъ, когда чаю по двадцати чашекъ за разъ выпиваешь?

— Что жь такое? Купчихи-то не пьютъ развѣ?

— И купчихи тоже дуры, какъ и ты. Чай грудь сушитъ.

— Крѣпкій сушитъ-то, а я какой пью? Чуть только желтѣется.

— Молчи лучше! А то сейчасъ офицера вызову изъ крайней комнаты. Онъ съ тобой не будетъ разговаривать, а по вчерашнему возьметъ да отдуетъ.

— Какъ же! Каждый день будетъ дуть! Что жъ что онъ баринъ: я его хозяйка за то. Я и въ кварталъ дорогу найду.

— Про кварталъ ты тоже перестань разговаривать. Тамъ вашу сестру хорошо учатъ. Тамъ тебѣ сразу объяснятъ, что ты не имѣешь никакихъ филологическихъ соображеній. Тамъ тебѣ какой-нибудь ундеръ Хлобовъ или вѣстовой Шпыренко сразу растолкуетъ, что ты хозяйка только своего чрева, а вовсе не жильцовъ.

Забираясь иногда въ самый мозгъ къ такимъ францихамъ, я къ величайшему моему ужасу находилъ, что слово «хозяйка» употребляется ими въ значеніи, такъ сказать, деспотическомъ. Ежели, напримѣръ, жилецъ, разбѣшенный той опрятностью, которую обыкновенно соблюдаютъ эти созданія въ своихъ клѣткахъ, возвы-

ситъ голосъ для приказанія вымыть полъ, вытереть мебель, хозяйка сначала струситъ этого голоса, а потомъ на дорогѣ въ кухню непремѣнно скажетъ: «Экій народъ какой безобразный! Вишь какъ на хозяйку кричитъ!» Вслѣдствіе столь наивнаго пониманія, происходили, напримѣръ, такія столкновенія.

Прошлою зимой на Грачовкѣ жило очень много французовъ, рабочихъ съ нижегородской желѣзной дороги.

— Баба́! говоритъ одинъ молодецъ своей хозяйкѣ, уходя фланировать по московскимъ улицамъ,—убери комнатъ. Никогда ничего не сдѣлай, скверно тутъ, тутъ и тамъ.

При этомъ онъ указываетъ на заплѣсневѣлые, промороженные углы, на залитые водой подоконники, на запыленный графинъ, въ который наползли пауки. Послѣднее обстоятельство всего болѣе возмущаетъ француза.

— Утри, mille diables! Деньга не дамъ. Bar-r-bar-r-re!

А вы, мусье, не ругайтесь. Я не варварка. Я ваша хозяйка.

— Ventrebleu! Козяйка! Что такой козяй! Ты мена нанималъ? Ты мена деньги платилъ? Я теба деньги платилъ, monstre!

— Что жь что деньги платилъ? оретъ въ свою очередь хозяйка.—Я не позволю кричать на себя, заимствуется она фразой у своей племянницы, весьма образованной мамзели, никогда впрочемъ не ночующей дома.—Я хозяйка въ своей фатерѣ.

— Bah! восклицаетъ французъ.—Свой фатеръ? Мой фатеръ! Я платилъ деньга. Матушка, чортъ!

Баба направляется въ двери деликатною рукой иностранца.

— Матушка, чортъ! повторяетъ онъ, выпроваживая ее за дверь.

Но такое обхожденіе окончательно противорѣчитъ ея пониманію слова «хозяйка». Она начинаетъ орать и бранить француза всякими непристойностями. Французъ не выдерживаетъ и даетъ ей туза, на который баба отвѣчаетъ громкимъ: караулъ! Ея фаворитъ, обыкновенно еще довольно молодой портной или сапожникъ, стремительно бросается къ ней на помощь изъ глубины кухни.

— За что ты дерешься? азартно спрашиваетъ онъ француза, потряхивая волосами.

— Fichtre! шипитъ французъ.

— Нѣтъ, ты скажи прежде: за что ты прибилъ ее? настаивалъ фаворитъ.

— Bah! вскрикиваетъ французъ на своемъ уже родномъ нарѣчіи, не зная какъ это выразить по-русски. Отчета отъ меня требуетъ эта свинья. Что ему за дѣло? Этотъ непонятный лепетъ мастеровой объясняетъ трусостью, которую онъ, по его соображеніямъ, навелъ на француза своимъ грознымъ видомъ. Поэтому онъ схватываетъ его за бортъ сюртука и говоритъ:—Иди-ка-сь, другъ сладкій, къ фартальному!

Французъ неистово взвизгиваетъ, когда прикоснулась къ нему посторонняя рука. Сильнымъ движеніемъ на-

задъ онъ освобождаетъ свой бортъ, сбрасываетъ съ себя коротенькую вигоневую жакетку и въ одну минуту поражаетъ мастероваго градомъ ударовъ.

— О-го-го! въ азартѣ визжитъ французъ, какъ угорѣлый, фехтуя около своего врага.—Отчетъ тебѣ нужно? Вотъ тебѣ отчетъ!

Мастеровой минутъ пять не можетъ оправиться отъ этого быстраго нападенія и, словно въ столбнякѣ, все это время стойко выдерживаетъ удары; наконецъ онъ успѣваетъ, что называется, подмять француза подъ себя. Тѣсная комната очень много помогаетъ ему изловить эту маленькую птицу съ острыми когтями.

— Такъ ты такой-то? задыхается въ свою очередь мастеровой.—Ты, я вижу, бойкій. Погоди же я таперича помну тебя. Теперь не скоро вырвешься!

Хозяйка достаетъ откуда-то длинную палку и ею принимается возить француза съ гораздо большимъ ожесточеніемъ, сравнительно съ ожесточеніемъ своего друга.

— А! разбойники! дрожащимъ отъ злости голосомъ кричитъ французъ, и старается выбиться изъ подъ мастероваго.

Наконецъ побѣдитель и побѣжденный выкатываются на просторный дворъ, гдѣ побѣжденнаго снова разыгрываетъ мастеревой. Французская ловкость беретъ верхъ надъ русскою силой. Хозяйкина палка торжественно переломлена французомъ о спину хозяйки. Мастеровой, не видя возможности изловить врага и снова подмять его подъ себя, какъ ошалѣлый, пугливо прислоняется къ

забору и нечувствительной стѣной выдерживаетъ быстрые налеты раззозлившейся французской птицы.

— Messieurs, messieurs! кричитъ французъ, расчитывая, что его услышатъ товарищи, живущіе въ сосѣднихъ домахъ, или случайно проходящіе мимо.—Спасите: меня убиваютъ!

И не два раза случалось такъ. что на его сторону набѣгалъ десятокъ французовъ, на сторону хозяйки десятокъ мастеровыхъ, и Грачовка оглашалась военными криками двухъ націй, какъ бы на настоящей войнѣ, азартно сражавшихся до тѣхъ поръ, пока не приходила другая, сѣрая армія, которая и разгоняла воителей палочьемъ.

— Чудесно это, право, съ ненашинскими драться! говорили мастеровые, возвращаясь послѣ драки къ своимъ станкамъ и верстакамъ.—Задали имъ жару на порядкахъ.

— Небось такъ-то и въ Севастополѣ дѣвствовали, предполагаетъ другой.

— Извѣстно такъ же, увѣренно заканчиваетъ третій съ страшными желваками на окровавленномъ лицѣ. — Въ Севастополѣ только пострашнѣй, чай, было, потому тамъ штыками дрались, изъ ружей палили.

Мнѣ удалось выкинуть часа три изъ моей безночлежной ночи, которыя я благополучно препровелъ съ съемщицей, объясняя ей настоящее значеніе слова «хозяйка». Потомъ, когда уже различные доказывающіе факты мои привели ее въ состояніе близкое къ бѣшенству, т. е. когда она начала задыхаться отъ злости и одуренно за-

металась по кухнѣ съ цѣлью, вѣроятно, отыскать обломки той палки, которою она, или не она нѣкогда колотила француза, я распрощался съ ней, ибо у меня при всемъ томъ, что я не болѣе не менѣе какъ только Jean de Sizoy, какъ у всякаго другаго человѣка совѣсть таки сохранилась еще.

Довольно! думаю я, уходя. Должно быть теперь къ заутренѣ скоро заблаговѣстятъ. Пойду въ церковь замаливать невольный грѣхъ моей нищеты.

— Ежели и завтра не найдешь квартиры, кричитъ Гарахъ вслѣдъ за мной, — приходи ко мнѣ: я ждать буду.

Темный бульваръ, на который я вышелъ въ это время, показался мнѣ уже не такимъ темнымъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности, потому что его освѣщало мое представленіе лица моего пріятеля, отпустившаго меня ночевать подъ открытымъ небомъ не одного, а по крайней мѣрѣ съ надеждой провести у него завтрашнюю ночь.

Я сѣлъ на скамейку и задумался.

Богъ знаетъ почему мнѣ спутанно вспомнились картины моего незатѣйливаго, но мирнаго прошлаго, какъ вдругъ, словно отпадшій духъ, загрязненный, усталый и безпріютный какъ я, появился передо мною, точно изъ земли выросъ или бы съ неба упалъ, мой другъ эксъ-студентъ Дебоширинъ.

— Здорово! сказалъ онъ, пожимая мою руку.—Безъ ночлега?

— Какъ видишь, отвѣчалъ я,—а ты?

— Idem! У Пржембицкаго былъ?

— Былъ. Къ нему пришла Стеша.

— А у Скворцова?

— И у него тоже: Паша или Саша.

— У Гараха?

— Не говори. У него теперь эта дѣвочка съ овечьими глазками... Она теперь умаливаетъ его, чтобы онъ простилъ меня, что я его жидомъ назвалъ.

— Я думаю, по ея просьбѣ онъ тебя и проститъ, серьезно замѣтилъ Дебоширинъ.—А она, по моимъ соображеніямъ, ни за что бы тебя не простила, когда бы слышала, что ты ея глаза называешь овечьими. Впрочемъ завтра я не премину доложить ей объ этомъ для поддержанія между вами добраго согласія.

— Ты лучше поди доложи чорту, что ты дьяволъ! озлился я на него за его шутку въ то время, когда грудь хотѣла лопнуть отъ кипѣвшихъ въ ней слезъ и проклятій.

— Кричи сильнѣй, совѣтовалъ онъ.—Это тебѣ полезно. Выкрикивайся и будь готовъ наслаждаться дивными красами ночной природы подъ открытымъ небомъ.

— Ужь лучше бы ты къ будочнику какъ нибудь подобрался. У тебя, я знаю, связи тутъ есть, просилъ я Дебоширина, обезоруженный его хладнокровіемъ.

— Что намъ будочникъ? Будочникъ — табакъ! А я тебя въ клубъ сведу, милое дитя! Ты только не бранись. У меня кстати имѣются два пятачка.

— Что же мы сдѣлаемъ въ этомъ клубѣ на два пятачка, и какой это именно клубъ!

— А клубъ въ Нехорошемъ переулкѣ? Впрочемъ ты его едва ли знаешь, потому что я самъ очень недавно открылъ его въ одну изъ подобныхъ безсонныхъ ночей. Мы тамъ на гривенникъ хватимъ самой оглушающей водки, и вдобавокъ просидимъ цѣлую ночь безданно, безпошлинно. Я былъ тамъ не болѣе пяти разъ, хотя, зная свою бездомовность, успѣлъ познакомиться съ хозяиномъ настолько, что онъ уже открылъ мнѣ нѣкоторый кредитъ. Обѣщаю тебѣ знакомство со многими изъ посѣтителей. Публика, я тебѣ скажу, первостатейная.

Я просто не буду ѣсть никакого меда, когда меня обѣщаютъ сводить въ какое-либо мѣсто въ родѣ нехорошенскаго клуба, гдѣ обыкновенно гнѣздятся по ночамъ тѣ ночныя птицы человѣческаго рода, рѣдкое появленіе которыхъ на улицѣ среди бѣлаго дня колетъ какъ будто свѣтлые глаза Божьему солнцу. Я быстро шагаю за моимъ руководителемъ въ нехорошевскій клубъ, куда меня тянетъ магнетическая надежда на возможное тепло, а въ темной дали яркой путеводной звѣздой блещетъ стаканъ водки, заглушающей человѣческое горе, обѣщанный Дебоширинымъ.

Не смотря на позднюю пору, Нехорошій переулокъ кипѣлъ самою широкою шумною жизнью. Изъ раскрытыхъ оконъ, неизбѣжно украшенныхъ красными драпри, громко неслись безобразные звуки разбитыхъ клавикордовъ; визгливыя скрипки заглушали пѣсни, которыя изъ каждаго дома вырывались на улицу. Какіе-то особенно хриплые голоса мущинъ, какіе-то, только въ Нехорошемъ переулкѣ возможные, надсаженные, такъ

сказать, голоса женщинъ дикими ругательствами терзаютъ свѣжій воздухъ ночной. Говорю терзаютъ потому собственно, что болѣе громко, чѣмъ въ другое время, раздавались въ немъ эти ругательства, слѣдовательно могу думать, что свѣжія воздушныя струи очень страдали, когда ихъ разрѣзывали хулящіе природу человѣка выкрики ночного разврата.

Громкій стукъ пролетокъ извощиковъ-лихачей, которые, сломя голову, летаютъ вдоль переулка, окончательно завершаетъ эту шумную, оглушающую картину.

Въ этомъ-то переулкѣ, въ лавчонкѣ подъ вывѣской: *Продажа китайскихъ часовъ и разныхъ овочныхъ товаровъ* и находился, такъ называемый, нехорошевскій клубъ.

Когда мы вошли въ вѣчно бодрствующее капище, тамъ было только двое посѣтителей. Одинъ во фракѣ и клѣтчатыхъ шароварахъ довольно молодой человѣкъ съ толстыми скулами и посоловѣвшими глазами, сидѣлъ на скамьѣ у самыхъ дверей, ближе какъ онъ говорилъ, къ холодку, и безсмысленно смотрѣлъ въ грязный полъ клуба. Другой, въ очкахъ, съ бакенбардами, могущими возмутить самую ледяную душу, принадлежащій по-видимому къ расѣ ученыхъ, развалился на стулѣ у прилавка, сосредоточивъ все свое вниманіе на огромномъ стаканѣ съ водкой, стоявшемъ передъ нимъ.

У задней стѣны лавки, съ заложенными за спину руками, стоялъ хозяинъ, блѣдный апатическій толстякъ съ взъерошенной прической. Подлѣ него безотлучно пребывалъ молодой мурластый парень, — необыкновенно слонообразная мебель. Его назначеніе въ лавкѣ оче-

видно заключалось въ томъ, чтобы однимъ вздохомъ низвергать на средину мостовой буйныхъ клубистовъ.

Дебоширинъ весьма коротко пожалъ руку хозяину и господину съ возмутительными бакенбардами, слегка ткнулъ въ ѣдало слонообразную мебель, отчего она радостно улыбнулась, и спросилъ водки. Спектакль начался слезливыми просьбами скуластаго юноши, съ которыми онъ обратился къ хозяину.

— Степанъ Андреичъ, умолялъ его несчастный клубистъ! — Ради Бога, одну только рюмочку, голубчикъ. Больше я и просить не буду. Только что выпью одну рюмочку, сейчасъ и уйду.

— Вы и такъ ужь очень много напили, безстрастно отвѣтилъ хозяинъ.

— Плевать! Ну, право, плевать. Завтра всѣ отдамъ. Ну, пожалуста. Ради Христа, прикажите налить!

— Налей рюмку, Семенъ, обратился хозяинъ къ малому.—Только одну: больше, смотри, не давай.

Юноша жадно проглотилъ рюмку и судорожно скривилъ лицо. Бакенбардистъ во все горло захохоталъ сдѣланной пьяницею гримасѣ.

— Чему вы смѣетесь, милостивый государь? запальчиво спросилъ его юноша.

— Вы, вѣроятно, хотите сказать: надъ чѣмъ? Въ такомъ случаѣ я говорю, что надъ вами, отвѣчалъ протяжно бакенбардистъ

— Такъ вы подлецъ послѣ этого!...

— Что такое? равнодушно освѣдомились бакенбарды.

— Ты подлецъ!

— Ну, любезный, будь осторожнѣе, а то какъ разъ скушаешь оплеуху.

— Что? Ты смѣешь мнѣ дать оплеуху? Мнѣ? Чиновнику?

— Для меня все равно кому ни дать. Лучше замолчи.

— Да ты-то кто? Мѣщанинъ какой-нибудь! Сапожникъ?

— Мѣщанинъ и сапожникъ. Ты угадалъ.

— Такъ я тебя, скотина, въ часть отправлю.

— Эй, не горячись. Дамъ оплеуху, — пожалуй заплачешь...

— Ударь! ударь! закипѣлъ юноша. — Попробуй, ударь.

— Ты просишь?

— Прошу—ударь!

— Господа, обратился бакенбардистъ къ публикѣ,— прошу васъ быть свидѣтелями, что вотъ этотъ франтъ безотвязно проситъ ударить его.

— Ударь! ударь! оралъ чиновникъ, подставляя свою физіономію, и сгибая ее нѣсколько на бокъ.

— Получай! сказалъ бакенбардистъ, и вслѣдъ за этимъ раздалась сильная оплеуха.

Юноша повалился на полъ.

— Ничего, не дурно; того стоитъ, внушительно замѣтилъ хозяинъ.

Тяжело вздыхая, юноша поднялся съ пола. На его губахъ показалась яркая кровь. Убѣдившись, что получить оплеуху вовсе не такъ трудно, какъ кажется съ

перваго взгляда, онъ присмирѣлъ какъ ягненокъ. Не имѣя ни копѣйки въ карманѣ, ни кредита у хозяина, онъ все-таки продолжалъ сидѣть въ клубѣ, упорно вглядываясь въ оставшіеся на прилавкѣ графины съ водкой. Замѣтно было, что у него сохранились весьма сильныя надежды выпросить еще рюмочку Христа ради; но съ другой стороны пріятельскій кулакъ очень серьезно пошатнулъ эти надежды, такъ что во все остальное время юноша ни однимъ словомъ не выказалъ не только эти надежды, но даже и свое присутствіе.

— Вы нынче на водку что-то и не смотрите, обратился хозяинъ къ Дебоширину.

— Денегъ нѣтъ.

— Такъ что же? Вы знаете, что я вамъ на сто рублей вѣрю. Сдѣлайте одолженіе не церемоньтесь.

— Пожалуй. Только смотрите: двухъ графиновъ въ мгновеніе ока, можно сказать, вы не досчитаетесь.

— На доброе здоровье, любезно пожелалъ намъ хозяинъ, наливая стаканы.

— Пожалуйста закусить чего-нибудь спроси, шепнулъ я Дебоширину.

— Дождь-то какъ разыгрался, просто страсти! говорилъ, вошедшій въ эту минуту, весьма подозрительный верзила. — Мы ужь къ вамъ, Степанъ Андреичъ, какъ въ храмъ спасенія забираемся на всю ночь.

— Откуда шли? спросилъ хозяинъ.

— Да такъ. Въ *Крымцѣ* поболтались немного, по окрестностямъ тоже. Нѣтъ на улицахъ хода.

— Значитъ новаго ничего нѣтъ?

— Почитай ничего! Развѣ вотъ на это посмотришь?— И верзила подалъ часы.—Простенькіе, добавилъ онъ.— И купить, пожалуй, охотника не найдется.

— Я, ежели сходно будетъ, возьму пожалуй за себя, хитрилъ хозяинъ.

— И толковать нечего, согласился верзила.—Получи. Мы вотъ тутъ выпьемъ у васъ чего-нибудь да закусимъ, и квитъ.

— Семенъ, подавай что прикажутъ, завелъ хозяинъ слонообразную машину.

— Капусты мнѣ кислой на пятачекъ, да двѣ селедки отпустите, говорила лавочнику нѣкоторая бойкая дѣвица съ изумительно быстрыми манерами.

— Кисленькаго захотѣлось? шутили бакенбарды:—Я и самъ, когда устаю, всегда селедку или капусту ѣмъ, продолжалъ онъ, задумчиво лелѣя свой сѣнокосъ.—На горячія сердца это хорошо дѣйствуетъ.

— Не очень-то съ вами разговаривать станутъ, обидчиво отвѣчала дѣвица.—Умылись бы прежде.

— Умытъ ужъ. А вотъ на васъ полюбоваться позвольте, заигрывалъ онъ съ дѣвицей. — Небось, такъ и разитъ кокосовымъ.

Бойкая дѣвица въ справедливомъ негодованіи весьма энергически оттолкнула любезника и, какъ мимолетное видѣнье, скрылась изъ лавки съ пріобрѣтенными селедками и капустой.

— Много, должно быть, разбираютъ у васъ селедокъ-то и капусты? спросилъ у хозяина бакенбардистъ.

— Берутъ-съ довольно, удовлетворилъ его хозяинъ.

— Очень ихъ по вечерамъ на соленое да на кислое тянетъ, съ знаменательной улыбкою прибавила отъ себя слонообразная мебель.

— Волосатый! самымъ заигрывающимъ тономъ вдругъ вскрикнула только-что вышедшая дѣвица, на мгновенье показавшись въ дверь лавки.

— Обидѣлась съ перваго раза, такъ проваливай. Я не очень люблю недотрогъ, отвѣтилъ волосатый.

— Тебя-то кто полюбитъ, презрительно спрашивала дѣвица за кулисами.—Ровно свинья изъ камышей высматриваешь.

— Ахъ ты дрянь! заревѣли сѣнокосныя луга. — Вотъ я тебя!

— Сволочь! вмѣстѣ съ звонкимъ хохотомъ прилетѣло къ намъ съ улицы въ клубъ звонкое слово, и затѣмъ раздался шорохъ быстро улепетывающихъ башмаковъ.

— Не метнуть ли? спросилъ подозрительный верзила у пришедшаго вмѣстѣ съ нимъ рыжаго франта, блиставшаго необыкновенно оригинальными брелоками на часовой цѣпочкѣ

— Сколько закладываешь? спросилъ франтъ.

— Да мы для провожденія времени сыграемъ на зелененькую.

— Не хочу я, братецъ, зелененькой твоею руки марать.

— Валяй на десятку когда такъ, съ увлеченіемъ предложилъ верзила, и вынутыми изъ кармана картами началъ метать штоссъ.

— Поцѣлуй ручки у десятки и разлучись съ ней на вѣки, пошутилъ рыжій франтъ, срывая банкъ милочкой дамой, которую онъ весьма страстно цѣловалъ прежде, нежели пустилъ ее въ экспедицію за пріятельской десяткой.

— Ничего, покорился подозрительный верзила тяжкой судьбѣ своей.—Вотъ тебѣ другая десятка.

— И другой мы найдемъ мѣсто въ карманѣ. Готово?

— Готово.

— А когда готово, поди, мой дружокъ, возьми у него и эту десятку. Я тебѣ платье сошью, благословлялъ рыжій свою даму на новый подвигъ.—Ва-банкъ!

Верзила съ проклятіемъ положилъ даму на-лѣво по второму абцугу и заложилъ двадцатипятирублевый банкъ.

— И эта намъ пригодится на шляпку, флегматически предполагалъ рыжій франтъ, выбирая понтерку.

— Двѣ карты сіи по пяти рублей каждая; неожиданно произнесла доселѣ молчаливая личность, по всей вѣроятности принадлежавшая отставному монастырскому служкѣ. Его длинное полукафтанье и плисовая шапочка до очевидности доказывали справедливость этого предположенія.

— Можно-съ. Отчего же-съ, благодарственно пробормоталъ подозрительный верзила.

— Какъ же это? въ недоумѣніи спрашивалъ служка, когда карты, поставленныя имъ, были обѣ убиты банкометомъ.—Ну была не была! какъ-то отчаянно говорилъ онъ. — Еще на десять рублей прокиньте.

— И на десять можно, великодушно согласился верзила.

Вниманіе всѣхъ клубистовъ сосредоточилось по преимуществу на играющихъ. Шелестъ картъ одинъ только нарушалъ общее молчаніе.

— Степанъ Андреичъ, отпустите, пожалуста, до завтра селедочекъ парочку да капустки фунтикъ, упрашивала хозяина хриплымъ болѣзненнымъ голосомъ молодая еще женщина.

— И такъ много я тебѣ навѣрилъ, барыня, не могу больше. Мнѣ самому нужно за товаръ платить, отказывалъ лавочникъ.

— Ей-Богу, завтра отдамъ.

— Завтра и за капустой приходи.

— Двадцать пять цѣлковыхъ тузъ, шумѣлъ въ азартѣ служка.

— Битъ тузъ, мимоходомъ сказалъ верзила. — И твоя дама бита, замѣтилъ онъ рыжему франту.

— Экое счастье дураку повезло! отозвался рыжій франтъ.

— Степанъ Андреичъ! Очень сердце жжетъ. Отпусти капустки. Мнѣ она все равно лекарство. Я тебѣ платокъ въ закладъ дамъ.

— Куды мнѣ тутъ съ вашими закладами!

— Пятьдесятъ цѣлковыхъ послѣдніе! крикнулъ служка. — Налейте сосудъ, обратился онъ къ хозяину:— хочу горе залить.

— На пальто играть будете? спросилъ Дебоширинъ

подозрительнаго верзилу. — Въ десять рублей принимаете?

— Можно-съ, учтиво отвѣтилъ верзила, осмотрѣвъ пальто.

— Пять рублей, поставилъ Дебоширинъ. — Пораздѣльнѣе мечите, а то руки обобью. Рѣжу.

И, срѣзавъ талію, онъ пристально началъ всматриваться въ бѣглые пальцы банкомета.

Счастье измѣнилось отъ этого пристальнаго взглядыванья. Служка выигралъ пятьдесятъ рублей, карта Дебоширина тоже была дана.

— Отыгрались? спросилъ Дебоширинъ у служки.

— Слава Богу! отвѣтилъ онъ. — Воротилъ.

— Что же? Развѣ вы не будете больше играть?

— Не буду.

— А я такъ еще закачу! радовался служка.

— Не играйте и вы, серьозно сказалъ ему Дебоширинъ.

— Отчего же?

— Оттого, что проиграете. Вамъ не повезетъ.

Верзила смекнулъ въ чемъ тутъ штука.

— Какое право имѣете вы, важно спрашивалъ онъ,— отсовѣтывать имъ играть? Не въ свое дѣло прошу не мѣшаться.

— Молчи, мошенникъ! крикнулъ на него Дебоширинъ.—Развѣ я не видалъ, какъ ты передергиваешь?

Рыжій франтъ и подозрительный верзила ожесточенно бросились на Дебоширина; мы дружно приняли ихъ

на наши толстыя палки. Благодарный служка помогъ намъ.

Пользуясь происшедшею свалкою, охриплая женщина стащила было нѣсколько селедокъ, но слонообразная мебель схватила ее на мѣстѣ преступленія.

— Вѣдь жгетъ мнѣ сердце-то! оправдывалась она.— Безъ соленаго али кислаго умерла бы пожалуй, а онъ въ долгъ не даетъ.

— Тащи въ кварталъ! приказывалъ хозяинъ.

— Заступитесь, голубчики, охъ, не выдавайте меня! упрашивала она предстоящихъ.—Высѣкутъ меня тамъ.

— Отпустите ее, Степанъ Андреевичъ, вступился Дебоширинъ. — Я заплачу за нее.

— Учить ихъ слѣдуетъ, противился хозяинъ. — Ну да ужь Богъ съ ней! Ради васъ только прощаю.

— Благодѣтель! кричалъ служка Дебоширину.—Выпьемте по сосуду. Все бы я имъ ерникамъ проигралъ, когда бы не вы. У тестя раздобылъ деньжонокъ, домишко покупаю, такъ въ задатокъ несъ, да и закутилъ.

— А вы домой скорѣе поѣзжайте. Будетъ ужь сосуды-то осушать. А то на другихъ жуликовъ налетите, — некому будетъ спасти.

— Я, благодѣтель, сейчасъ же домой и отправлюсь. Только выпьемъ еще по сосуду, уважь ты меня, ради Бога!

Къ крыльцу лавки съ грохотомъ подкатила пролетка и въ дверяхъ показался герой. Все въ немъ, отъ волосъ торчавшихъ изъ подъ шляпы a la чортъ меня по-

бери и молодецкихъ концовъ галстуха, глядѣвшихъ въ разныя стороны, до малѣйшихъ чертъ лица и необыкновенно рѣзкихъ тѣлодвиженій, изобличали героя a la russe, натуру въ высокой степени широкую и размашистую.

— Водки! живѣе! командовалъ онъ. — Поворачиваться у меня по военному.

Почтенный хозяинъ клуба, оставивъ свою обычную флегму, съ трактирной ловкостью налилъ ему стаканъ.

— Стар-р-ранись, душа, оболью! стращалъ герой свою душу, и на лету, такъ сказать, проглотилъ водку.

— Закусить чего прикажете? предупредительно спрашивалъ хозяинъ.

— Квасу! Я закусываю квасомъ. Жив-ва! Кто хочетъ пить? спрашивалъ герой, торжественно осматривая нашу компанію.—Пейте въ мой счетъ сколько влѣзетъ: за всѣхъ плачу.

Нѣкоторые клубисты съ благодарностью принимаютъ это предложеніе. Слонообразная мебель и толстый хозяинъ не успѣвали наливать стакановъ.

— Квасу! Водки! попеременно кричалъ герой, принимая отъ пьющихъ на его счетъ должную дань благодарности и уваженія.

— Накачивайте теперь его, указалъ онъ на стоявшаго у порога, пьянаго извощика съ дураковатымъ лицомъ. — А ты, Ванька, пей сколько душа затребуетъ. Безъ церемоніи валяй. Да дайте ему папиросъ крѣпкихъ. Бафра! Жив-ва!.. Люблю я тебя, каналья! Молодецъ ты господъ возить.

Счастье дураковатаго Ваньки было полное. Подпершись фертомъ, онъ до истомы затягивался папироской и улыбался самымъ глупѣйшимъ образомъ.

— Сколько слѣдуетъ? спросилъ герой.

— За восемьдесятъ стакановъ восемь рублей, за пять бутылокъ квасу двадцать пять копѣекъ, за пять пачекъ папиросъ рубль двадцать пять, отвѣчалъ хозяинъ.

Герой вынулъ туго-набитый бумажникъ, и клубный прилавокъ заблисталъ радугами сотенной кредитки.

— Нѣтъ ли помельче?

— Ну ужь мельче у меня не бываетъ. Пошлите размѣнять. Да, впрочемъ, эй ты, Ванька! Поѣзжай туда, гдѣ мы были сейчасъ. Тамъ тебѣ размѣняютъ. Да ужь сиди лучше здѣсь, нарѣзывайся: я самъ съѣзжу.

— Ладно, ваше благородіе, отвѣчалъ извощикъ,— только насчетъ поднесенія не оставьте.

— Пусть пьетъ, лаконически приказалъ герой хозяину, взялъ съ прилавка ассигнацію, сѣлъ въ пролетку и поскакалъ по переулку.

— Кто это? спросилъ у извощика хозяинъ.

— Баринъ какой-то. Страсть какой богатый. Мы съ нимъ другія сутки путаемся.

— Ты почаще такихъ-то вози, просилъ хозяинъ.

— Ужь это съ нашимъ почтеніемъ, а вы мнѣ вотъ поѣсть чего-нибудь дайте. Эдакъ бѣлорыбицы, или икорки, сладострастно претендовалъ неумытый Ванька.

Вошло двое пожилыхъ господъ съ весьма бюрократическими признаками и геморроидальнымъ цвѣтомъ лицъ.

*

— А, знакомая лавка! Тутъ съ меня прошлой зимой шубу сняли, проговорилъ одинъ.

— Ошибаетесь, счелъ долгомъ разувѣрить хозяинъ.— У меня подобныхъ происшествій не бываетъ-съ.

— Толкуйте! я очень хорошо помню, что и вы тутъ были.

— Спрррраведливо, подтвердилъ другой и пошатнулся.

— Никакъ-съ нѣтъ. Это, вѣроятно, случилось въ другой лавкѣ. Тутъ ихъ пять.

— Можетъ-быть, можетъ-быть. На васъ претендовать тоже, что воду лить въ рѣшето. Давайте-ка водки.

Бюрократы выпили и удалились. Ихъ смѣнили двое молодыхъ офицеровъ.

— Нѣтъ, какъ хочешь, а мы далеки еще отъ истинной дороги прогресса, говорилъ одинъ.

— Съ какой точки будешь имѣть взглядъ.

— Конечно съ абсолютной.

— Абсолютнаго ничего нѣтъ. Дайте намъ водки.

— Абсолютнаго нѣтъ въ смыслѣ абсолютномъ, но возможно-абсолютное всегда существуетъ.

— Но какъ же ты опредѣлишь это возможное?

— Собственнымъ убѣжденіемъ опредѣлю.

— Это будетъ ерунда.

Значительно заложивши, офицеры вышли изъ клуба.

— Что-то нѣтъ твоего барина, сказалъ хозяинъ, обращаясь къ извощику.

— У барышень, надо думать, засидѣлся. Извѣстно: разговоровъ-то у нихъ побольше нашего будетъ.

— Не улизнулъ ли?

— Эвона! Не изъ такихъ, проговорилъ извощикъ, безпечно пуская клубы дыма.

Прошло еще съ полчаса. Хозяинъ послалъ слонообразную мебель въ тотъ домъ, куда отправился герой.

— А барина-то твоего въ другой разъ у барышень вовсе и небыло. Во всемъ переулкѣ ни одной пролетки нѣтъ, доложила слонообразная мебель.

— Батюшки! вскричалъ извощикъ, мгновенно вытрезвившись. — Сейчасъ зарѣжусь пойду!

— Отпустите-ка шеледочекъ пару, Штепанъ Андреичъ, да капуштки, суетливо говорила сильно запыхавшаяся мамзель.

— Поди ты къ черту и съ селедками! не менѣе суетливо отвѣтилъ ей хозяинъ. — Запирай лавку, Семенъ, продолжалъ, онъ выталкивая на улицу извощика, который съ отчаяніемъ запустилъ руки въ волосы и кричалъ:

— Ой родимые мои! Удушусь сейчасъ.

Публика поспѣшно улепетывала изъ клуба. Между тѣмъ уже совершенно разсвѣло.

— Слушай-ка, стой! сказалъ Дебоширинъ, подавая мнѣ выигранные имъ пять рублей, — ты постарайся нынче нанять себѣ квартиру.

— Да ты на эти деньги самъ можешь устроиться, отвѣтилъ я.

— Будетъ глупости городить! нетерпѣливо закончилъ Дебоширинъ.—Развѣ не знаешь, что я привыкъ ужъ!

ПЕРЕДЪ ПАСХОЙ.

Я живу въ такъ-называемыхъ комнатахъ *снебилью*. Вы, конечно, не знаете, что это за комнаты снебилью. Филантропія моя такого высокаго качества, что я отъ всей души желаю вамъ полнаго невѣденія этого милаго предмета. Скажу вамъ только, что тѣ комнаты, въ которыхъ я занимаю одну, особенно отвратительны. Но дѣло не въ томъ. Содержательница нашихъ комнатъ имѣетъ въ своихъ палестинахъ довольно хорошую репутацію, вѣроятно потому, говоря въ скобкахъ, что изо всѣхъ подобныхъ содержательницъ, какихъ только я знавалъ когда либо, она самая вздорная и грязная баба, а ея клѣтки снебилью—самыя дрянныя, самыя темныя, самыя разрушающія. Можете, слѣдовательно, очень легко представить себѣ, сколько люда втискалось въ эти клѣтки, потому что, какъ вамъ самимъ извѣстно, стремленіе къ грязи у русскаго человѣка природное...

И вотъ съ самой Страстной недѣли всѣ помышленія этого люда были главнымъ образомъ направлены къ

тому собственно, что какъ бы это раздобыть финансовъ, необходимыхъ для пріобрѣтенія болѣе или менѣе громадной бутылки съ тѣмъ веществомъ, безъ котораго намъ и праздникъ не въ праздникъ.

Сотни мастеровыхъ, населяющихъ подземелья дома, гдѣ живу я, только, кажется, тѣмъ и заняты были во всю недѣлю, что таскали изъ откупной конторы эти ужасающія саженныя бутыли, при видѣ которыхъ невольно припоминалась старинная пѣсня:

«Кому чару пить,
Кому распивать?»

Военное офицерство, помѣщающееся въ верхнихъ этажахъ нашего дома, въ три жилы, что называется, турило изъ своихъ аппартаментовъ неотвязныхъ кредиторовъ, отзываясь тѣмъ, что ему самому будто бы жалованья къ празднику не выдали; между тѣмъ какъ деньщики онаго офицерства возились съ бутылями, подкрашивая ихъ жженнымъ сахаромъ, стручковымъ перцемъ и, почти ежеминутно тайно пробуя сами, явно давали пробовать своимъ господамъ эту замысловатую влагу, никакъ, по-видимому, не желая разстаться съ мыслью, чтобъ ихъ военная, деньщичья, такъ сказать, досужливость не могла улучшить адскаго зелья.

Въ то же время и статскіе майоры и прапорщики, которыхъ тоже очень много въ нашихъ клѣткахъ спебилью, надѣли ватные халаты и вмѣсто хожденія по комнатѣ и посвистыванія, чему эта публика любитъ всецѣло отдаваться въ свободное время, теперь глубомысленно черезъ самыя чистыя тряпочки процѣживали

въ графины праздничный нектаръ, пробовали его, миролюбиво и усладительно покрехтывая, и давали пробовать своимъ кредиторамъ.

Я такъ долго бѣдствую въ меблированныхъ комнатахъ, что ихъ жизненныя картины не могли не опротивѣть мнѣ до безконечности; но прежде эти картины все-таки чѣмъ-нибудь да разнообразились, и я не столько изъ любви, сколько изъ тяжкой необходимости каждый день созерцать ихъ, все кое-какъ мирился съ ними. Но на нынѣшней Страстной недѣлѣ это постоянное, неизбѣжное подкрашиванье и улучшеніе откупнаго матеріала нашими жильцами, вынуждали меня чаще обыкновеннаго запирать на ключь мои пенаты и уходить отъ нихъ на грязную мостовую, на дождь и холодъ, пренебрегая возможностью насморка или утонутія въ импровизованныхъ болотахъ, обыкновенно украшающихъ московскія улицы въ началѣ всякаго весенняго сезона.

Но, справедливый Боже! мои пенаты тосковали безъ меня на замкѣ, я тосковалъ на улицахъ безъ моихъ пенатовъ, а между тѣмъ картины, выгнавшія меня изъ дома, были тѣже и на улицахъ. По нимъ ходили и ѣздили не люди, какъ въ обыкновенное время, а громадныя бутыли. Съ безстыдствомъ холопа, случайно попавшаго въ господа, задирали они кверху свои зеленыя головы, заткнутыя толстыми пробками, толстымъ и длиннымъ туловищемъ своимъ совершенно загораживая отъ вашей наблюдательности людей, сгибавшихся подъ ихъ тяжестью, такъ что рѣшительно невозможно было видѣть по лицамъ этихъ людей, послѣднихъ ли

деньжонокъ стоило имъ пріобрѣтеніе толстыхъ бутылей, или суммъ у нихъ осталось еще на столько, чтобы на праздникахъ пріобрѣсть еще толстѣйшія.

Такъ какъ я не видѣлъ лицъ людей, то кромѣ, что терялся общій интересъ уличнаго шатанія, я не былъ въ состояніи и отвѣтить себѣ на только что высказанный мною вопросъ, а разрѣшеніемъ этого вопроса я не могу не интересоваться, потому что впечатлѣнія среды, меня родившей, на столько сильны во мнѣ, что я не могъ никогда окончательно забыть ихъ. Въ этой средѣ, помню я, глубоко бывали огорчены, если купленную къ празднику бутыль грѣшнымъ дѣломъ успѣвали распробовать на Страстной еще, а на самый праздникъ не смогали купить другую, и огорченіе это, по моему крайнему разумѣнію, было весьма и весьма натурально, потому что въ такое свободное время, какъ праздничное, чѣмъ же и займетесь, если не будете пить! Подтверждаю это авторитетомъ знакомаго человѣка.

Въ далекой глуши, на моей родинѣ, живетъ нѣкій маститый старецъ, весьма грамотный однодворецъ. Съ высоты своей жизненной мудрости онъ отзывается такъ о занятіяхъ приличныхъ празднику:

— Ежели таперича писаніе читать станешь, спасенія для души малость изъ эстова выйдетъ, потому на такое время и безъ того черти-то всѣ въ адъ посажены; дѣло какое—грѣхъ дѣлать; разговаривать мнѣ съ вами съ дураками—не объ чемъ. Что же я таперича дѣлать долженъ? Долженъ, слѣдственно, я выпивать для тово, чтобы сердце у меня празднику радовалось и въ веселіи

славословило. Вѣрно ли я говорю? Обращался онъ къ поучаемымъ.

— Это точно, Митрій Захарычъ, съ глубокимъ вздохомъ, до самой ясной очевидности доказывавшимъ общее умиленіе сердецъ, отвѣчали поучаемые.

Конечно, у Митрія Захарыча, знаю я, была всегда возможность раздавить одну бутыль и тотчасъ же послать за другою. Веселье сердца у него, слѣдовательно, постоянно поддерживалось и славословіе не прекращалось; но скажите же вы мнѣ на милость, что осталось дѣлать тому человѣку, который купилъ бутыль на Страстной, долго и тщательно подкрашивалъ ее, настаивалъ разными наборами, замазывалъ ее глухо-на-глухо тѣстомъ, грѣлъ въ вольномъ духу и вдругъ, по искушенію, всю бутыль употреблялъ еще до праздника? Спрашиваю я весь крещеный міръ, что оставалось дѣлать такому человѣку, когда онъ при всѣхъ стараніяхъ, при всѣхъ подходахъ къ друзьямъ и знакомымъ, рѣшительно не могъ добыть другой бутылки.

Такой пассажъ, не знаю какъ на кого, а на меня бы подѣйствовалъ гибельнымъ образомъ: сначала я принялся бы тосковать, ругаться, пробовалъ бы заложить нѣчто изъ зимней одежды, и такъ какъ ростовщики, цѣлуясь въ это время съ своими бутылями, дѣла не дѣлаютъ, то я, право, поднялъ бы на себя руки, потому что тутъ у меня были бы два разсчета и оба одинаково вѣрные: одинъ тотъ, что двухъ смертей не будетъ, одной не миновать, а другой: если ужъ умирать, такъ

о Святой, потому что, по легендѣ, всѣ умершіе въ это время въ рай попадаютъ...

Я не простилъ бы себѣ такую шутку, еслибы не имѣлъ основанія шутить такимъ образомъ. Она была бы зла и неумѣстна, еслибы въ самомъ дѣлѣ не видалъ я, что въ праздники особенно бурливо ревутъ и волнуются волны водочнаго моря, если бы въ самомъ дѣлѣ не зналъ я, какъ море это безнаказанно пожираетъ столько народа, котораго никто не научилъ еще, что праздничныя удовольствія вытекаютъ совсѣмъ не изъ этого гибельнаго моря, текущаго развратомъ и смертью.

Но, говоря безъ лиризма, общій результатъ впечатлѣній, навѣянныхъ на меня Страстною недѣлею, былъ тотъ, что въ субботу вечеромъ уже я отправился въ откупную контору и пріобрѣлъ тамъ полведерную бутыль. Такимъ образомъ, какъ видите, начавши за здравіе, я свелъ за упокой, ибо, рекомендуя себя вниманію публики, я, Jean de Sizoy, по чести долженъ сказать, что я вовсе не такой человѣкъ, который бы долгое время могъ противостоять господствующимъ нравамъ. Подтрунивая надъ господами, которые подкрашивали и подцвѣчивали свои бутыли, я оказался больше ихъ достойнымъ всякаго сожалѣнія, потому что у меня не осталось времени ни подкрасить водку, ни процѣдить ее, а тѣмъ паче настоять и нагрѣть. Слѣдовательно я долженъ былъ употреблять ее именно такою, какою она вышла изъ рукъ матери-природы, т. е. отца-откупщика. Изъ такого оборота дѣла, пожалуй, кто-нибудь выведетъ то правоученіе, что надо быть снисходительнымъ къ

слабостямъ ближнихъ. У меня же на этотъ счетъ довольно давно выведено такое правило: трудно человѣку удержаться отъ выпивки тогда, когда выпиваетъ все, что̀ около него существуетъ и движется...

Sapienti sat! Онъ, т. е. sapiens, непремѣнно изъ всего мною сказаннаго выведетъ то заключеніе, которое выведетъ; я же иду дальше, если только я не лишился способности идти дальше, потому что, понимается, полведерная бутыль свое дѣло сдѣлала.

...Почти полночь. Въ комнатахъ *снебилью* тишь. Всѣ разошлись по заутренямъ. Всегда темный корридоръ нашъ слабо освѣщенъ чуть-чуть мерцающей изъ-за угла лампадкой. Кто на столько ведетъ одинокую жизнь, что и въ эту ночь сидитъ одинъ дома, тому мало сказать скучно, потому что отъ того смертнаго томленія, того съ каждой минутой болѣе и болѣе гнетущаго изныванія души, которое неминуемо объемлетъ одинокаго человѣка, нельзя обозначить этимъ словомъ.

Мнѣ въ эту минуту скучно именно такъ, какъ сказалъ я, потому что я сижу одинъ. Мнѣ вспоминается мое прошлое, когда я не былъ одинъ. Сельская церковь, думаю я, иллюминована теперь общими стараніями прихода; на улицахъ веселая, дѣтски-радующаяся жизнь. Предъ образами ярко горятъ свѣчи прихожанъ, еще ярче блестятъ имъ въ глаза парчевыя ризы священниковъ. Мой десятилѣтній дискантъ валдайскимъ колокольчикомъ звенитъ съ клироса, заглушая доморощенный хоръ.

Ба! что это такое необыкновенно теплое вдругъ охва-

тило всю грудь мою, залило сердце и волной хлынуло въ глаза? Я давно не испытывалъ такого ощущенія. Во время оно за нимъ слѣдовали слезы. Что же дѣлать, если нѣтъ теперь слезъ, какъ нѣтъ людей, съ которыми я былъ не одинъ.

Одинъ! Что такое одинъ? А вотъ что: въ комнатахъ снебилью я задолжалъ теперь сто сорокъ рублей восемнадцать копѣекъ. Отопру я сейчасъ же вотъ этотъ столъ, возьму изъ него свои документы и сейчасъ же уйду изъ квартиры, отряхнувши прахъ съ сапоговъ моихъ. Пойду на право, никого не встрѣчу, кто бы сказалъ мнѣ: приходи поскорѣе; пойду налѣво—тоже... И такъ до гроба!..

Тяжесть ночной думы объ одиночествѣ можетъ быть впрочемъ значительно облегчена скрежетаніемъ зубовъ, не театральнымъ, а настоящимъ, царапаньемъ своими ногтями своей груди, а главное, — стараніемъ увѣрить себя, что нѣтъ худа безъ добра...

— Безпомощное положеніе бѣднаго, одинокаго человѣка вызываетъ у него энергію, которая, еслибы онъ былъ обезпеченъ, могла бы, пожалуй, совсѣмъ не проявиться, слышалъ я недавно.

Это очень хорошо-съ... «Съ» прибавляю я здѣсь съ тою именно цѣлью, чтобы какъ можно учтивѣе похвалить это правило.

— Когда говоришь съ какимъ нибудь бариномъ, вразумляла меня покойница-мать (а правило слышалъ я отъ одного очень состоятельнаго барина), — говори всегда: слушаю-съ, сударь-съ! Такъ съ господами говорить, ми-

лый ты мой, политика требуетъ. Перенимай что тебѣ хорошіе люди скажутъ, а мы съ отцомъ послѣднія жилы изъ себя вытянемъ, да учиться тебя отдадимъ. Ты тогда у насъ самъ бариномъ будешь.

Бѣдная! Ученье мое дѣйствительно порвало у васъ съ отцомъ послѣднія жилы, хотя я и не знаю, чему я выучился, точно также какъ не знаю того, кто теперь послѣ смерти отца будетъ пахать ту наслѣдственную полосу, которую я долженъ былъ пахать послѣ него?

Какія однакожъ странныя думы иногда забираются въ голову, какъ нежданно и повидимому непослѣдовательно вызываютъ онѣ одна другую! Наслѣдственная полоса! Наслѣдственный садъ! Снѣгъ на моей полосѣ растаялъ теперь, весенній разливъ досыта напиталъ ея землю: ждетъ она теперь, чтобы теплое солнце весеннее согрѣло ее, назябшую зимними холодами, ждетъ, чтобы пріѣхалъ пахарь хозяинъ и бросилъ сѣмена въ ея теплыя нѣдра. Говорю: ждетъ еще всего этого моя полоса, потому что въ настоящую минуту такъ же пусто, такъ же грустно и молчаливо на ней, какъ вотъ въ этой комнатѣ. А садъ? Ранняя нынче весна, и надо полагать, что дорожки его просохли уже; но вѣрно и то, что тихо и пусто теперь въ немъ, какъ тихо и пусто на полосѣ. Какъ, я думаю, испугались и забѣгали зайцы, пріютившіеся въ немъ на зиму, когда увидѣли, какъ на сельской колокольнѣ запылало зарево праздничнаго освѣщенія! Я какъ будто слышу даже, какъ шуршатъ они въ непроходимомъ вишнякѣ, стараясь укрыться въ его разрѣженной морозами чащѣ. И думается мнѣ, что

и садъ, запущенный вслѣдствіе моего ученья разнымъ наукамъ, ждетъ теперь, когда кончится обѣдня и взойдетъ свѣтлое, праздничное солнце. Не пусто будетъ тогда въ немъ, потому что выбѣгутъ въ него въ это время рѣзвыя дѣти, такія же красивыя и цвѣтущія какъ были, припоминаю я, красивы и цвѣтущи молодые вязы, что росли въ четырехъ углахъ нашего сада.

Вотъ передо мной и вязы, подъ тѣнью которыхъ я, мои братья и сестры игрывали когда-то. Такъ! это именно стоятъ теперь передо мною стройные стволы деревьевъ, которыя росли вмѣстѣ со мною; это ихъ зеленые листья, что бывало вѣчно шепчутся межъ собой и заставляютъ задумываться. А вотъ за чертой, которую дѣлали вязы, и родное село. Я живо вижу его тихую улицу. Черезъ пятнадцать лѣтъ я не забылъ ни одной лачужки.

Прошлое, прошлое мое! Картины твои все тѣ же, какими онѣ были когда-то. Гдѣ же люди, которые ихъ оживляли? Вѣдь безъ людей онѣ мертвы.

— Умерли люди, умерли! говоришь ты мнѣ, старина.

— Всѣ умерли?

— Всѣ.

— Хорошо-съ! Это очень хорошо-съ! А полоса моя, а садъ мой, вязы, село,—все это живо еще, все это, разсчитываю, не измѣнилось?

— Разсчитывай. Все это не измѣнилось, все это живо.

— Спасибо, старина, спасибо.

Громъ кремлевскихъ пушекъ прокатился въ этотъ моментъ по московскимъ улицамъ. Но думы мои, испу-

гавшись этого грома, не вдругъ отлетѣли отъ меня. Я осмотрѣлся. Передо мной за столомъ сидѣлъ мой сосѣдъ по комнатамъ снебилью, выгнанный изъ службы,—талантливая натура. Полведерная неподкрашенная бутыль нагло возвышалась на столѣ, уменьшенная впрочемъ болѣе нежели на четверть.

Я бросился къ открытому окну. Въ глаза мнѣ наказывающей молніей блеснула иллюминація Ивана Великаго, въ лицо пахнулъ холодный ночной вѣтеръ. Сотни колоколовъ таинственно говорили съ сурово-молчавшею ночью о воскресеніи Вѣчнаго Свѣта, разгоняющемъ всякій мракъ... Въ тысячѣ мѣстъ тысячью громовыхъ голосовъ раздавалось громовое пушечное эхо.

— Съ прра-а-здникомъ! бормоталъ мнѣ полусонный и совершенно пьяный сосѣдъ.—Фыпьемъ, лю-бе-е-зный дрругъ!

Я не могъ отвѣчать ему, потому что языкъ мой не слушался меня. Мою душу и голову жегъ огонь сознанія, что въ эту ночь я гнусно наругался надъ святыми заповѣдями отца и матери.

Стали они передъ глазами моими, эти простые, столько любившіе, столько страдавшіе люди; головы свои сѣдыя склонили къ чахлымъ грудямъ и плачутъ... Молча плакали они, но мнѣ понятно было, что они хотѣли сказать мнѣ: «Обманулъ, ты насъ, Ваня! Обманувши, въ гробъ силою вколотилъ», слышалось мнѣ въ мертвенно-унылой тиши комнатъ *снебилью*...

МОСКОВСКАЯ ТАЙНА.

I.

На Спасскихъ воротахъ бьетъ двѣнадцать часовъ московскаго, слѣдовательно, ранняго лѣтняго утра. Бой часовъ, впрочемъ, поглощается громомъ экипажей, криками кучеровъ и вообще шумнымъ смятеніемъ той столичной дѣятельности, отъ которой невыносимо страдаетъ голова, сама не привыкшая ежедневно толочься въ этой безустанной толчеѣ такого множества разносортныхъ, разнокалиберныхъ физіономій съ крайне интересными оттѣнками многоразличной суеты, манящей ихъ, какъ сказано Островскимъ, куда-то и зачѣмъ-то, подъ предлогомъ обдѣлыванія самыхъ безотлагательныхъ дѣлъ.

Острая, ѣдкая пыль облаками летаетъ въ раскаленномъ воздухѣ, бѣлыми тучами спускается на тощія деревья московскихъ бульваровъ, воровски прокрадывается въ окна домовъ, плотно повидимому закрытыя непроницаемыми сторами, и, толстыми слоями улегшись на

каменныхъ тротуарахъ, служитъ для пѣшеходовъ какимъ-то громаднымъ полотномъ, по которому, самымъ понятнымъ для наблюдательнаго глаза образомъ, выводится безчисленное множество узорчатыхъ іероглифовъ о людской суетѣ,—и звѣнящими саблями военныхъ, и глухо-стукающими по тротуарнымъ столбамъ палками мирныхъ гражданъ, и, хотя до невѣроятія широчайшіе кринолины дамъ болѣе или менѣе сметаютъ іероглифы, но все таки ихъ еще остается настолько, чтобы можно было безъ особеннаго затрудненія прочитать главную тему, изображаемую ими, что дескать vanitas vanitatum et omnia vanitas!..

Въ это время всеобщихъ попыховъ, въ это время неизбѣжной надобности, представляющейся каждому пѣшеходу, раскрыть ротъ и бѣжать сломя голову, расталкивая направо и налѣво ближнихъ, взманенныхъ своей собственной суетой бѣжать и смачивать влагою, въ маломъ количествѣ сохранившейся еще на языкѣ, изсушенныя палящимъ солнцемъ губы,—въ это, говорю, время, серьозно и неторопливо, какъ и всякому бравому служивому надлежитъ, шелъ себѣ по одной изъ самыхъ шумныхъ московскихъ улицъ, заложивъ руки за спину, отставной надворный совѣтникъ и ордена св. Станислава третьей степени кавалеръ, Петръ Ѳеофилактовичъ Зуйченко, вчера только пріѣхавшій изъ тѣхъ благословенныхъ странъ, которыя нѣкій мой пріятель называетъ однимъ именемъ: *изъ-пидъ Пилтавы*.

Я не буду рисовать вамъ характера моего героя, потому что настоящій очеркъ пишется собственно съ цѣлью

подражанія *Парижскимъ Тайнамъ*, гдѣ, какъ всякому, кромѣ впрочемъ нашихъ уѣздныхъ барышень, извѣстно, разсказывается только, какъ принцъ Рудольфъ Герольштейнъ разыскивалъ по Парижу красивыхъ, но опаленныхъ безжалостнымъ солнцемъ камелій и возвращалъ ихъ къ прежней цвѣтущей жизни, посредствомъ безалабернаго осыпанія нѣмецкимъ золотомъ. Извѣстно всякому, какъ осыпаніе золотомъ подѣйствовало, напримѣръ, на мосье Шуринера и его злоехидную Сову, какъ извѣстно и то, что кромѣ этихъ росказней о подвигахъ принца, особенной вѣрной рисовки характеровъ въ *Парижскихъ Тайнахъ* не имѣется, хотя уѣздныя барышни въ этомъ случаѣ и разногласятъ со мной. Онѣ, сказать въ скобкахъ, прочитавъ сію многознаменитую сказку, непремѣнно начинаютъ думать, что вотъ-вотъ въ какой нибудь Глуповъ затѣшется знаменитый иностранецъ и осыплетъ бѣдныхъ, но благородныхъ, приказницъ своими неистощимыми богатствами для того собственно, чтобы бѣдныя, но благородныя приказницы безотлагательно могли выполнить влеченія своихъ нѣжныхъ сердецъ, стремящихся къ законному вступленію въ бракъ съ гарнизонными офицерами, которые въ свою очередь—чорррть меня ссовсѣмъ поберри! — постоянно шатаясь и тяжело вздыхая подъ окнами оныхъ приказницъ отъ законнаго брака однако весьма пугливо ретируются, ибо де имъ — канальльство! — карьеръ нужно сдѣлать: съ купчихи какой нибудь, для обезпеченія военному человѣку необходимаго, тысячъ десять или даже двадцать не мѣшало бы сколотить!

Но какого чорта будетъ дѣлать въ Глуповѣ принцъ фонъ-Герольштейнъ! Еслибы даже онъ и сдѣлалъ Глупову честь своимъ посѣщеніемъ, даю честное слово, онъ скоро бы уѣхалъ оттуда въ какое нибудь другое мѣсто, потому что Глуповцы, какъ мнѣ извѣстно, ничѣмъ теперь не занимаются, какъ только взаимнымъ оплевываніемъ по рецепту господина Щедрина. Слѣдовательно мое мнѣніе относительно того, что въ *Парижскихъ Тайнахъ* есть разсказъ про подвиги какихъ-то куколъ, въ которыя съ такимъ удовольствіемъ играютъ наши уѣздныя Маріи, и нѣтъ разсказа про людей дѣйствительныхъ, вѣрно. Теперь не натурально ли съ моей стороны будетъ, ежели я для вящшаго и успѣшнѣйшаго подражанія Еженю Сю, не стану рисовать надворнаго совѣтника Зуйченко, какъ дѣйствительнаго человѣка *изъ-пидъ Пилтавы*, а просто разскажу о его необыкновенныхъ московскихъ подвигахъ, до того необыкновенныхъ, что въ нихъ, какъ и въ подвиги Рудольштейна, пожалуй никто не увѣруетъ, кромѣ уѣздныхъ барышень.

Итакъ изъ того благодатнаго края, гдѣ въ ожиряющемъ изобиліи растутъ пузатые кавуны и цвѣтутъ дули, груши и сливы, т. е. изъ Хохландіи, Петръ Ѳеофилактовичъ въ первый разъ пріѣхалъ, въ первопрестольную столицу. Всѣ тѣ уличные предметы, мимо которыхъ мы съ вами, читатель, какъ истинно-цивилизованные столичные джентельмены, прошли бы, такъ сказать, не пошевеливъ даже озабоченно сдвинутыми бровями, въ высшей степени привлекаютъ любознатель-

ное вниманіе господина надворнаго совѣтника Зуйченко.

Съ завидной способностью степнаго орла, который прямо и долго смотрится въ ясное солнце, Петръ Ѳеофилактовичъ впивается своими любопытными глазами въ громадный куполъ храма Спасителя, который льетъ отъ себя цѣлое море ослѣпляющихъ золотыхъ лучей. Смотрится въ это свѣтлое море Петръ Ѳеофилактовичъ до того задумчиво и сосредоточенно, что тѣ пронзительные крики, которыми молодые шалуны разнощики, для ради шутки, думали развлечь зазѣвававшагося барина, тѣ въ состояніи потрясть гору въ ея основаніяхъ озлобленные тычки, которыми дѣловые, съ быстротою молніи стремящіеся куда-то люди, обыкновенно сталкиваютъ съ своей дороги праздныхъ зѣвакъ, едва-едва могли вывесть его изъ задумчиваго до столбняка созерцанія московской святыни.

Идетъ Петръ Ѳеофилактовичъ, а широкія картины широкой столицы, переливающимися волнами, хлещутъ ему въ глаза, привыкшіе видѣть однообразный зеленый фонъ степной растительности; непрерывное гудѣнье бѣгущей, кричащей, скачущей жизни, бьетъ ему въ уши. На лицѣ его ясно написано ошеломляющее впечатлѣніе, которымъ непремѣнно поражаетъ всякаго пріѣзжаго степняка громадное столичное цѣлое. Очевидно было, что это цѣлое охватило все его существованіе до такой степени, что отдѣльныя частности его, какъ бы маленькія придорожныя птички, неуловимо-быстро мелькали передъ его глазами такимъ же сбивающимъ съ толку полетомъ, какимъ въ полѣ роятся оживленныя черныя точки пред-

разсвѣтнаго мрака; роились онѣ передъ Петромъ Θеофилактовичемъ и не давали ему возможности сообразить какіе именно звуки изъ этого громко хаотическаго жужжанья всего болѣе терзаютъ его уши, какія именно лица изъ всей толпы, неутомимо снующей передъ нимъ и за нимъ, особенно поражаютъ его.

— Какъ пройти къ Иверской Божіей Матери? освѣдомляется наконецъ Петръ Θеофилактовичъ у сѣраго воина, важно стоящаго на углу улицы.

— Направо отсюда, потомъ налѣво по Тверской, съ Тверской направо и прямо, отвѣчаетъ сѣрый воинъ.

— А я-то на что, ваше превосходительство? суетливо спрашиваетъ Петра Θеофилактовича близъ-стоящій извощикъ. — Разбодрилъ бы я для вашего сіятельства своего жеребца: живо бы къ мѣсту доставилъ; обѣщаетъ онъ, проворно загораживая Петру Θеофилактовичу дорогу своимъ калиберомъ.

Но его сіятельство обходитъ калиберъ и направляется направо по рецепту сѣраго воина.

— Экой чортъ толстый? Двугривеннаго пожалѣлъ, скупендяй эдакой! Небось вспаришься, когда дороги-то самъ не знаешь.

Петръ Θеофилактовичъ, неизмѣнно привыкшій видѣть въ Хохландіи удовлетворяющее самыя пылкія ожиданія почтеніе къ его солидной фигурѣ съ эмалевой кокардой на лбу, строго наморщивается и идетъ на извощика съ цѣлью проучить грубіяна; но грубіянъ хлещетъ вожжами по костистымъ бокамъ своей клячи и, мгновенно скрываясь въ ближній переулокъ, оретъ во все горло:

— Пробѣжись-ка за мной, медвѣдь! промни бока-то! Извощики, стоящіе на углѣ, поощряютъ рацею своего благопріятеля до безобразія веселымъ хохотомъ.

— Скоты! шепчетъ покраснѣвшій какъ ракъ Петръ Ѳеофилактовичь, и скорымъ маршемъ идетъ отыскивать часовню Иверской Божіей Матери.

Неотступно преслѣдуя Петра Ѳеофилактовича, я имѣлъ случай видѣть, какъ благоговѣйно простирался онъ ницъ на каменномъ помостѣ часовни, какъ становилъ мѣстнымъ иконамъ толстыя свѣчи, какъ одѣлялъ заранѣе приготовленными копѣйками цѣлую армію нищихъ, стремительно окружившую его при выходѣ изъ часовни. Однимъ словомъ, по порядку и безъ поразительныхъ скачковъ Петръ Ѳеофилактовичь проходилъ всѣ тѣ фазы столичной жизни, которыя неминуемо долженъ пройдти всякій провинціялъ, посѣщающій столицу въ первый разъ. Я видѣлъ, какъ онъ искренно прослезился и далъ серебряный гривенникъ обыкновенному человѣку Иверскихъ воротъ, когда обыкновенный человѣкъ подкатилъ къ нему своей франтовитой военной побѣжкой и, изгибаясь змѣемъ, понесъ ему свою обыкновенную, тысячу разъ каждый день повторяемую, исповѣдь:

— Бѣдный офицеръ! Жертва злобной судьбы! Голодное семейство, больная жена, умирающія дѣти! М—с—вый г—с—дарь! страждущее человѣчество взываетъ о помощи! Богъ за все заплатитъ сторицей. Мерси боку!

Видѣлъ я, какъ долго не сходила слеза съ лица Петра Ѳеофилактовича, когда онъ пристально смотрѣлъ

вслѣдъ обыкновенному человѣку, который полнымъ галопомъ потащилъ добытый гривенникъ въ полпивную, гдѣ сосредоточивались всѣ жизненныя надежды его, т. е. больная жена и умирающія дѣти.

Наконецъ Петръ Ѳеофилактовичъ вытаскиваетъ серебряную луковицу—наслѣдіе предковъ, смотритъ на нее и отправляется въ ближайшій трактиръ, не столько съ цѣлью заморенія червячка, сколько для приблизительнаго сравненія чужеземныхъ ресторановъ съ *Горот*'ами *Парижс*'ами и *Аршавами*, благополучно процвѣтающими на его благословенной родинѣ. И вотъ три рюмки выпиты Петромъ Ѳеофилактовичемъ съ обычнымъ прикрехтомъ, вылетѣвшимъ такъ-сказать изъ всего живота, бифстекъ съѣденъ до-тла, тарелка аккуратно вычищена оставшимся хлѣбомъ, и я имѣю удовольствіе видѣть какъ до сихъ поръ озабоченное лицо моего героя расцвѣчивается пріятной улыбкой, ибо *Вѣдомости Московской Городской Полиціи* почтительно докладываютъ ему слѣдующее: Пріѣхавшій изъ Риги дѣйствительный статскій совѣтникъ Штруль, изъ Хохландіи надворный совѣтникъ Зуйченко», et caetera, не такъ уже занимательные.

Красивый молодой человѣкъ въ самомъ злобномъ пиджакѣ, завитой и раздушенный, въ лазурныхъ, какъ небо, перчаткахъ, султаномъ развалившись на сосѣдней кушеткѣ, одной рукой граціозно дѣйствуетъ зубочисткой, а другой не менѣе граціозно шалитъ своей изящной часовой цѣпочкой, конечно золотой. Ненарушая нисколько пріятнаго впечатлѣнія, которое непремѣнно долж-

ны производить на всякаго его пріятныя эволюціи, онъ въ то же время наблюдательно посматриваетъ на Петра Ѳеофилактовича и даже, какъ-будто соображаетъ, что именно знаменуетъ его пріятная улыбка. Наконецъ онъ беретъ съ своего стола нумеръ какой-то газеты и элегантнымъ шагомъ человѣка,налощившаго въ своей жизни не одинъ паркетъ, подходитъ къ углубившемуся въ чтеніе о пріѣзжающихъ Петру Ѳеофилактовичу.

— Прошу извинить! говоритъ ему молодой нобль самымъ симпатическимъ голосомъ, дѣлая въ высокой степени фешнебельный поклонъ.—Сколько я вижу, вы изволили до конца прочитать вашу газету, не угодно ли вамъ помѣняться на мою?

Петръ Ѳеофилактовичъ вскакиваетъ со стула и своимъ поклономъ и шарканьемъ старается изобразить нѣчто подобное поклону и шарканью деликатнаго незнакомца.

— Покорно благодарю! лепечетъ онъ ни къ селу ни къ городу.—Сочту за честь! Извольте.

И при этомъ, когда онъ подавалъ франту *Вѣдомости*, я видѣлъ какъ лицо его дѣвственно краснѣло, а руки пугливо дрожали.

— Очень вамъ благодаренъ! отвѣчаетъ прекрасный незнакомецъ.—Прошу о продолженіи вашего интереснаго знакомства. Баронъ Гюббель къ вашимъ услугамъ, рекомендуется онъ, присаживаясь къ столу Петра Ѳеофилактовича.

— Государя моего надворный совѣтникъ и ордена св. Станислава третьей степени кавалеръ, Петръ Ѳеофилактовичъ, сынъ Зуйченко! важно и торжественно

называетъ въ свою очередь себя Петръ Ѳеофилактовичъ.

— Ахъ, Боже мой! радостно восклицаетъ баронъ — такъ вы отецъ ротмистра Зуйченко, моего лучшаго друга? Я съ нимъ въ одномъ полку служилъ. Позвольте обнять васъ.

— Не имѣю, государь мой, дѣтей мужескаго пола ни единаго даже. Было двѣ дочери у меня: Митродора и Степанида, но и тѣхъ, по благой Промысла волѣ, въ цвѣтущихъ лѣтахъ схоронилъ.

— Ахъ, Боже мой! снова молится лучшій другъ ротмистра Зуйченко,—скажите, какое несчастье!

— Истинно несчастье, государь мой, ибо на старости лѣтъ не имѣю существа, руку помощи мнѣ подать могущаго.

— Ахъ, какое несчастье! Какое несчастье! самымъ скорбящимъ тономъ растягиваетъ чувствительный баронъ фонъ Гюббель.

— Богъ даде, Богъ и отъя! сказано въ книгѣ Іова многострадательнаго. Его святая воля надъ нами! Никогда мы ея не прейдемъ, слабыми и ограниченными существами въ своемъ естествѣ будучи.

Баронъ жалостно оперся локтемъ одной руки о столъ, а другою драматически взъерошивалъ свои завитые волосы.

— Истинную правду вы изрекли, Петръ Ѳеофилактовичъ, сказалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ.—Слабы и смертны мы всѣ.

Настала продолжительная пауза. Баронъ закрылъ лицо своими лазурными перчатками и, судя по его послѣдней

фразѣ, раздумывалъ должно быть о слабости и смертности человѣческой, а Петръ Ѳеофилактовичъ, болѣзненно моргая своими слезящимися глазами, и на него и на все окружавшее смотрѣлъ такъ внимательно, какъ будто отыскивалъ въ трактирной толпѣ человѣка, который бы послѣ ранней смерти дочерей его Митродоры и Степаниды, могъ достойнымъ образомъ подать ему на старости лѣтъ руку помощи.

— Да! какъ бы съ просонья вдругъ воскликнулъ баронъ, азартно пожимая руку своего новаго друга — вы истинный философъ! Я уважаю и должнымъ образомъ цѣню ваши благородныя правила. Ботъ даде, Богъ и отя! Вотъ наше единственное утѣшенье и подпора во всѣхъ ударахъ судьбы. Прошу васъ, достойный Петръ Ѳеофилактовичъ, сдѣлать мнѣ честь откушать со мной.

Петръ Ѳеофилактовичъ выросталъ въ своихъ собственныхъ глазахъ. Первый шагъ, который онъ сдѣлалъ въ столицѣ, привелъ его къ знакомству съ человѣкомъ, фамилія котораго магически подѣйствовала на него, обывателя *изъ-пидъ Пилтавы*. Въ его головѣ зароились разныя счастливыя предположенія, которыя основывались на аристократическомъ знакомствѣ съ высокороднымъ барономъ. «Кто знаетъ, думаетъ про себя Петръ Ѳеофилактовичъ, можетъ быть баронъ, по великому знакомству своему съ разными высокими сановниками, мѣстечко мнѣ схлопочетъ какое-нибудь?»

— Государь мой! отвѣчаетъ онъ барону, парадно поднимаясь съ своихъ креселъ,—въ особенную честь и

таковое же удовольствіе раздѣлить съ вами трапезу вмѣняю себѣ.

Высокородный фонъ Гюббель въ отвѣтъ на эту рацею отлилъ и свою пулю не менѣе круглаго и удовлетворительнаго свойства.

— Моей неопытной юности пріятно воспользоваться мудрыми правилами такого благоразумнаго и искусившагося въ жизни мужа, какъ вы, говорилъ баронъ, совершенно по дѣтски выпучивъ свои глаза на мудреца *изъ-пидъ Пилтавы.*

Такимъ образомъ, послѣ всѣхъ этихъ фразъ, доказывающихъ отличное знакомство обоихъ собесѣдниковъ съ любезной книжицей *О прикладахъ, како пишутся комплименты разные*, баронъ заказалъ обѣдъ съ такими неестественными блюдами, къ которымъ Петръ Ѳеофилактовичъ не зналъ какъ и приступить. При каждомъ появленіи новыхъ тарелокъ, онъ мучительно ломалъ голову, придумывая, что бы такое спросить у своего юнаго друга съ формально-дипломатическою цѣлью отдалить жгучую минуту прикосновенія къ блюду до тѣхъ поръ, пока благородный собесѣдникъ его собственнымъ примѣромъ не покажетъ ему, при помощи какого столоваго орудія, нужно прикасаться къ этому блюду.

Баронъ не скупился на уроки. Онъ ясно видѣлъ плебейскую хитрость Петра Ѳеофилактовича и граціозно дѣйствовалъ въ его назиданіе ложкой, ножомъ и вилкой. Петръ Ѳеофилактовичъ безъ шутокъ засматривался на тѣ поистинѣ восхитительные пріемы, съ которыми баронъ обращался съ замысловатымъ обѣдомъ, такъ

что, по моему крайнему разумѣнію, пріемы эти въ тысячу разъ были восхитительнѣе пріемовъ, отличавшихъ нѣкогда усопшихъ предковъ барона въ то время, когда они, конные и пѣшіе, ручнымъ и дальнимъ боемъ защищали честь и имущество знаменитѣйшей, по ихъ мнѣнію, фамиліи бароновъ фонъ Гюббель, непобѣдимыхъ рыцарей безукоризненнаго герба кабаньей головы въ грязной лужѣ съ золотой подписью по латыни: Asinus asinum fricat.

Но всякому времени свое. Извѣстно, что наше поколѣніе противъ прежняго обмелѣло, поэтому и неудивительно, что въ старину граціозно пили и граціозно давали въ зубы, не удивительно и то, что нынѣ граціозно пьютъ и не имѣютъ силенки, хоть бы и безъ особенной граціи заѣхать въ физику; слѣдовательно, еслибы дѣло шло о правильномъ опредѣленіи, когда было лучше на свѣтѣ, теперь или встарину, я бы безъ затрудненія отвѣтилъ, что и въ старину и теперь. Но вѣдь всякій, кто только прочитаетъ эти строки, безъ сомнѣнія на столько грамотенъ, что непремѣнно увидитъ, что я такъ-сказать зарапортовался, и что только та необыкновенная гибкость, съ какою я владѣю словомъ, помогла мнѣ отъ старыхъ временъ, отъ гербовъ, перейти къ обѣду, которымъ угощалъ Петра Ѳеофилактовича обязательный баронъ фонъ Гюббель.

И такъ я очень радъ, что раздѣлался съ старинными временами и продолжаю.

Портвейнъ и лафитъ, ошеломившіе своей дикой цѣнностью Петра Ѳеофилактовича, развязали ему языкъ на-

конецъ, по крайней мѣрѣ настолько, что онъ пересталъ въ разговорѣ съ барономъ цитировать лучшія мѣста изъ книги *О прикладахъ, како пишутся комплименты разные* и заговорилъ простою рѣчью.

— Очень, очень радъ я, баронъ (позвольте узнать ваше имя и отчество), что имѣлъ честь познакомиться съ вами. Я пріѣхалъ сюда по весьма для меня важному дѣлу.

— Право? спрашиваетъ баронъ.

— Да, я теперь на васъ, какъ на каменную гору надѣюсь. Вы мнѣ, батюшка, Христа ради, помогите! Ужъ, пожалуста, будьте отцомъ, заставьте за себя вѣчно Бога молить.

— Не просите вы меня, умоляетъ въ свою очередь баронъ—все, что могу, я радъ для васъ сдѣлать безъ всякихъ просьбъ.

— Будь благодѣтель! фамильярничаетъ съ юношей Петръ Ѳеофилактовичъ. — Эхъ! Пуншику бы выпилъ теперь.

— Пуншу! командуетъ баронъ.—Какое же у васъ дѣло въ Москвѣ?

— Да что, батюшка, мѣсто пріѣхалъ искать. Знакомыхъ, можете себѣ представить, во всей Москвѣ ни единаго человѣка. И подъѣхать, то-есть, чтобы попросить тамъ кого слѣдуетъ, совсѣмъ некого.

— Ну, еще это бѣда не бѣда, говоритъ баронъ — съ этимъ-то мы какъ-нибудь сладимъ. Какое же мѣсто вамъ нужно!

— Да хоть бы какое-нибудь дали, все бы въ сласть

было! острить Петръ Ѳеофилактовичъ, смакуя другой стаканъ пунша.—Не до горячаго намъ, братецъ ты мой, лишь бы только ротокъ попарить.

Баронъ снисходительно слушалъ разные дружелюбные эпитеты, которыми удостоивалъ его разгулявшійся Петръ Ѳеофилактовичъ, думающій въ это время о томъ, какой необыкновенно милый человѣкъ его новый знакомый.

«Что же такое? думаетъ онъ чуть не въ слухъ. Это ничего, что онъ аристократъ. Я самъ изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей. Опять же я старикъ и надворный совѣтникъ, а у него небось и перваго чина еще нѣтъ. Усенки-то у него еще не выросли.»

И ему начинаетъ казаться, что баронъ непремѣнно обидится на него, если онъ не станетъ обходиться съ нимъ по-родительски.

— Напрасно ты, другъ мой любезный, виномъ меня такимъ дорогимъ угощалъ. Я тебя давеча еще хотѣлъ побранить за это. Ты, милый, береги денежку про черный день, самымъ поучающимъ тономъ приказывалъ барону Петръ Ѳеофилактовичъ.

— Что дѣлать, Петръ Ѳеофилактовичъ! Привычка. Впрочемъ очень вамъ благодаренъ, отвѣчаетъ баронъ съ пріятной покорностью милаго ребенка ученика.

— Нужно бросить дурныя привычки, дружокъ! Прикажи-ка, братецъ, мнѣ еще стаканчикъ пуншику-то. А ежели ты меня для перваго знакомства угостить хотѣлъ, я тебѣ впередъ сказываю: не люблю я этихъ винъ. Я матушку россійскую люблю. Я за нее за матушку страдаю, а люблю. За нее меня изъ службы новый губер-

наторъ вонъ вытурилъ. Какъ узналъ, что я запиваю (я, братецъ ты мой, по году, по два не пью, да ужъ когда закучу, такъ чертямъ тошно! Ты не смотри, что я старикъ. Это ничего! Мнѣ въ это время удержу нѣтъ)... такъ какъ только онъ узналъ, что я запиваю, и говоритъ: «Подавайте отставку: вы пьяница». Я и вышелъ, потому я было не хотѣлъ выходить, а онъ и говоритъ мнѣ: »Ну, такъ я самъ васъ выгоню». Они, новые-то, всѣ такіе!.. Чортъ съ ними! Я пью, я и дѣло знаю. Опять же я рѣдко пью...

— Это ничего, Петръ Ѳеофилактовичъ, утѣшаетъ баронъ.—У меня дядя есть князь. Онъ хоть и не служитъ теперь, но ему только слово стоитъ сказать, такъ вамъ какое угодно мѣсто дадутъ. Я къ вамъ завтра пріѣду и повезу васъ къ нему.

— Вотъ и отлично! Вотъ и молодецъ! въ необыкновенномъ восторгѣ кричитъ Петръ Ѳеофилактовичъ. — Дай я тебя поцѣлую за то, что ты насъ стариковъ уважаешь. Че-ла-э-къ! Графинъ водки сюда. Выпьемъ съ тобою, другъ!

— Извините, Петръ Ѳеофилактовичъ, не могу: послѣ обѣда не пью.

— Выпей, выпей пожалуста! Я тебя поцѣлую за это. Всю, всю, всю пей. Молодецъ! Эй ты, машинистъ! обращается Ѳеофилактовичъ къ трактирному лакею.—Будетъ тебѣ чертовщину-то играть. Поставь русскую!..

Трактирная зала оглашается разухабистою: *Вдоль да по рѣчкѣ, вдоль по Казанкѣ.* Петръ Ѳеофилакто-

вичъ пускается въ азартный плясъ, а баронъ поставляетъ ему деликатно на видъ, что это не хорошо.

— Молчи, молокососъ! Развѣ не видишь, что я запилъ? Ты заѣзжай за мной завтра, а теперь мнѣ удержу нѣтъ.

II.

На другое утро Петръ Өеофилактовичъ проснулся съ больной головой. Голова рѣшительно хотѣла у него лопнуть, потому что, не говоря уже про изящнаго барона фонъ Гюббеля и паровъ выпитаго вчера вина, въ ней роились густыя толпы какихъ то странныхъ призраковъ, которыхъ Петръ Өеофилактовичъ видѣлъ какъ-будто гдѣ-то и когда-то, но когда и гдѣ именно, онъ припомнить рѣшительно не былъ въ состояніи. Отдаленнымъ, но тѣмъ не менѣе потрясающимъ громомъ въ больной головѣ моего героя раздавался музыкальный гулъ трактирной машины, играющей *Вдоль да по рѣчкѣ*; неясно припоминались какія-то новыя знакомства съ какими-то новыми людьми, обниманія и цѣлованія съ ними, увѣренія этихъ людей въ всегдашней и неизмѣнной дружбѣ, которую будто бы почувствовали они къ Петру Өеофилактовичу при первомъ взглядѣ на него. Припомнилась ему потомъ темная, темная ночь, суровыя груды зданій, мрачно-накрытыя ею, лихая ѣзда по какимъ-то улицамъ, кривымъ

и длиннымъ, услужливые извощики, ярко освѣщенные подъѣзды какихъ то домовъ, громъ оркестровъ, какія-то воздушныя, влекущія феи, какіе-то люди разнаго званія, поющіе подъ эти оркестры, любезничающіе съ этими феями, а наконецъ, во главѣ всей этой длинной шеренги воспоминаній, припоминался Петру Ѳеофилактовичу самъ, Петръ Ѳеофилактовичъ, буйный и кутящій до отрицанія всякаго, по его же словамъ, удержу.

— Господи! наконецъ воскликнулъ онъ. — Что же это я дѣлаю? старый я шутъ! Пріѣхалъ за дѣломъ, да на первый же день и запьянствовалъ. А съ хорошимъ было человѣкомъ познакомился: и мѣсто бы, можетъ быть, онъ мнѣ схлопоталъ. Теперь баронъ смотрѣть-то не станетъ на меня, на пьянаго дурака.

Но слава и честь барону! Это былъ вѣрный другъ, добрый товарищъ. По пословицѣ легокъ на поминѣ, онъ, едва только Петръ Ѳеофилактовичъ окончилъ свою противъ себя филиппику, весело влетѣлъ къ нему въ трехъ-аршинный номеръ, завѣдываемый нѣкоторой ярославской солдаткой Марѳой, стремившейся главнымъ образомъ къ той цѣли, чтобы жильцы ея клѣтокъ величали ее не иначе, какъ мадамой, или по крайней мѣрѣ Марѳой Ивановной.

— Поздненько изволите вставать, Петръ Ѳеофилактовичъ. — Васъ ужъ тамъ невѣсты заждались, шутитъ баронъ.

— О-охъ, батюшка! Простите вы меня, Христа ради! Что я тамъ набѣдокурилъ, хоть убейте меня сейчасъ,

стараго дурака, ничего не припомню, умирающимъ голосомъ отзывается Петръ Ѳеофилактовичъ.

— Что это вы, Петръ Ѳеофилактовичъ? Какъ вамъ не стыдно извиняться передо мной? Велика бѣда покутить, когда хочется. Я вотъ молодой человѣкъ, да такъ иногда накуралесишь, что самому стыдно въ зеркало на себя посмотрѣть. Быль молодцу не укоръ, Петръ Ѳеофилактовичъ! А вы вотъ лучше всего поправляйтесь поскорѣе. Вечеромъ нынче мы съ вами къ дядюшкѣ отправимся. Я ужъ ему толковалъ объ васъ.

— О-о, Господи! протягиваетъ Петръ Ѳеофилактовичъ.—Чѣмъ мнѣ только благодарить васъ?

— Да вотъ когда нибудь мы съ вами въ трактиръ отправимся, хохочетъ баронъ, — такъ вы мнѣ еще гопака вашего протанцуете. Вотъ вамъ и благодарность вся. А вы это чудесно дѣлаете:

«Черевикамъ що купыла,
Лихо трепку задамъ».

И каблуками хлопъ, хлопъ... Чудо, что такое! Истинно по-казацки.

— Не вспоминайте ужъ лучше! стыдливо проситъ Петръ Ѳеофилактовичъ, и въ тоже время, ободренный дружескимъ тономъ барона, моментально распоряжается вызовомъ изъ темныхъ предѣловъ неблированныхъ комнатъ нѣкоторой кривой бабы для того собственно, чтобы она мгновенно летѣла въ погребъ за полштофомъ желудочной.

Совершая возложенную на нее экспедицію, кривая баба подала барону великолѣпный поводъ сравнить ее

съ несчастнымъ сэромъ Джономъ Франклиномъ, и хотя острота эта весьма мало подходитъ къ моему разсказу, тѣмъ не менѣе я никакъ не могу умолчать про нее, потому что всѣ кривыя бабы, прозябающія въ неблированныхъ комнатахъ, ни болѣе ни менѣе, какъ въ нѣкоторомъ родѣ Франклины. Смѣлость такого сравненія васъ можетъ-быть очень удивитъ, но я желаю вамъ лучше удивляться смѣлости, съ которою я сдѣлалъ это сравненіе, нежели собственнымъ опытомъ испытать тѣ горестные факты, которые у меня, жителя неблированныхъ комнатъ, вынудили его. Мое отступленіе отъ разсказа, надѣюсь, будетъ прощено мнѣ, когда я скажу, чѣмъ именно я руковожусь въ этомъ случаѣ. Меня побуждаетъ къ отступленію высокогуманная цѣль: съ одной стороны прошумѣть на всю Москву, что въ нашихъ комнатахъ *снебилью* процвѣтаетъ такое гнусное варварство, которое рано или поздно непремѣнно умерщвляетъ всякаго жильца, что кривыя бабы, составляющія ихъ прислугу, пропадаютъ, какъ пропалъ сэръ Джонъ Франклинъ, по цѣлымъ днямъ, ежели вы будете имѣть наивность послать ихъ куда-нибудь на четверть часа. Покусывая ихъ моимъ обличеніемъ, я, слѣдовательно, съ другой стороны подвигаю кривыхъ бабъ къ болѣе скорому и толковому исполненію ихъ обязанностей, чему я, какъ плебсъ, обязанный жить въ комнатахъ *снебилью*, главнымъ образомъ, служу съ дѣтства и буду служить до самой могилы...

— Гдѣ тебя черти носили? азартно спрашиваетъ

Петръ Өеофилактовичъ кривую бабу, когда она ставитъ на столъ желудочную.

— Гдѣ носили, тамъ тапері меня нѣтъ, гнѣвно отвѣчаетъ баба

— Ты у меня впередъ скорѣе ходи, а то я тебѣ, вмѣсто полтинника, какой ты съ меня вчера содрала, шлыкъ на сторону свороч̇у.

— Посклизнешься неравно на моемъ шлыку-то, носъ разобьешь! бормочетъ баба, благоразумно впрочемъ направляясь къ дверямъ.

— Ахъ ты, каналья эдакая! Да я тебя сейчасъ! Ты грубіянить еще тутъ вздумала, кричитъ Петръ Өеофилактовичъ, бросаясь вслѣдъ за ней, такъ-сказать, съ жаждой крови.

— Потише кричи: халатъ лопнетъ, заканчиваетъ баба, скрываясь въ непроницаемомъ мракѣ длиннаго пахучаго корридора, непремѣнной принадлежности всѣхъ вообще комнатъ *снебилью*.

Петръ Өеофилактовичъ послѣ трехъ рюмокъ настойки едва-едва могъ забыть оскорбленіе, нанесенное ему кривою бабой; баронъ хохоталъ во все горло, увѣряя, что на эту дрянь не стоитъ обращать вниманія, и убѣдительно предлагалъ ему исключительно заняться поправленіемъ къ вечеру своего здоровья, чтобы можно было достойнымъ образомъ, не роняя себя лицомъ въ грязь, представиться дядюшкѣ князю.

— А ну, какъ запахъ отъ этой штуки къ вечеру-то не пройдетъ? боязливо спрашиваетъ Петръ Өеофилактовичъ.

— Ничего! успокоиваетъ баронъ.—Онъ вѣдь старикашка, и не услышитъ ничего. Только вотъ, что я вамъ скажу, Петръ Өеофилактовичъ. Любитъ дядя очень въ карты играть, такъ вы, ежели онъ пригласитъ васъ, отъ игры не отказывайтесь. А въ случаѣ, ежели проиграете, вотъ вамъ деньги, заплатите. Онъ это очень любитъ.

Петръ Өеоѳилактовичъ въ восторгѣ отъ своего юнаго друга.

— Да къ чему это вы, баронъ, мнѣ деньги даете? Мнѣ, право, совѣстно. Я, ежели проиграю, могу свои заплатить.

— До этого-то я васъ не допущу, — свои то проигрывать. Не за тѣмъ я васъ везу къ князю. Другое дѣло, ежели вы у него что-нибудь выиграете, тогда такъ.

Послѣдовала благородная борьба великодушныхъ сердецъ, результатомъ которой было, что баронъ всучилъ таки Петру Өеофилактовичу довольно толстую пачку депозитокъ для игры съ старикашкой княземъ.

— Ну такъ смотрите же, будьте готовы, говоритъ баронъ.—Вечеромъ я за вами заѣду.

Дѣйствительно этимъ же вечеромъ Петръ Өеофилактовичъ, предводимый милымъ барономъ, съ болѣзненно-замирающимъ сердцемъ шагалъ по широкой освѣщенной лѣстницѣ его сіятельства князя Рангоутъ-Брызгачова.

— Дядюшка, рекомендуетъ баронъ сѣдому величественной наружности старику Петра Өеофилактовича,—

мой лучшій другъ Петръ Ѳеофилактовичъ Зуйченко. Поручаю его, дядюшка, вашему доброму вниманію.

— Очень радъ! говоритъ князь тономъ Юпитера-милостивца.

Затѣмъ Петру Ѳеофилактовичу предстоитъ высокая честь усѣсться въ креслахъ напротивъ высокаго сановника, которому, по словамъ барона, стоитъ сказать одно только слово и Петра Ѳеофилактовича пошлютъ кормиться на какое угодно мѣсто.

Исполнивши процессъ возсѣданія съ тою ловкостью, которая такъ привлекательна въ медвѣдяхъ и такъ смѣшна въ людяхъ, Петръ Ѳеофилактовичъ находится вынужденнымъ приставить свой носовой платокъ ко рту и нѣсколько покашлять самымъ впрочемъ мягкимъ, вызывающимъ на пріятную бесѣду, кашлемъ.

Князь заводитъ съ ними дружескій разговоръ, изъ котораго Петръ Ѳеофилактовичъ узнаетъ, что предупредительный другъ его баронъ насказалъ о немъ своему могучему дядюшкѣ весьма много пріятныхъ вещей, успѣвшихъ заранѣе пріобрѣсть ему все расположеніе благороднаго вельможи.

— Вы мнѣ поскорѣе напишите подробную записку какъ, гдѣ и чего вы желаете, говоритъ князь.—Я скажу объ васъ моему кузену князю Петру: онъ все сдѣлаетъ для васъ.

Петръ Ѳеофилактовичъ благоговѣйно кланяется сидящему передъ нимъ идолу, а идолъ, молчаливо принимая отъ него эти поклоненія, все въ большій и боль-

шій священный трепетъ повергаетъ душу поклонника своей торжественной, гордой осанкой.

— Вотъ это, Петръ Ѳеофилактовичъ, говоритъ баронъ, оттащивши его отъ князя,—важная особа, хоть и не аристократъ. Съ Дибичемъ покойникомъ большіе друзья были. Онъ у главнокомандующаго всѣми частными дѣлами, какъ хотѣлъ, управлялъ. Теперь онъ преимущественно литературой занимается. Умъ у него, скажу я вамъ, какъ у Вельзевула какого. Такъ и жжетъ. Весь аристократическій свѣтъ его ужасно боится.

— Какъ же его фамилія? спросилъ Петръ Ѳеофилактовичъ, не безъ страха посматривая на старое, сгорбленное существо, которое въ буквальномъ смыслѣ разсыпалось передъ княземъ, заставляя его неистово хохотать.

— Ѣдемъ мы, князь, говоритъ старичишка, ужасающій аристократическій свѣтъ,—по Категату. Только вдругъ откуда не возьмись крокодилъ, ширины, докладываю вамъ, по крайней мѣрѣ, какъ наша Ходынка, и при этомъ такой длинный, что напримѣръ, стоя у его хвоста, вы никакъ бы не могли видѣть его голову. Вдругъ этотъ гигантъ беретъ нашъ пароходъ на спину и плыветъ вмѣстѣ съ нами. Можете себѣ представить, что мы были ни живы, ни мертвы на спинѣ этого шалуна. Наконецъ къ вечеру мы освоились съ нашимъ положеніемъ на столько, что общество, по моему предложенію, сходило съ парохода гулять по крокодилу. Какъ островъ какой-нибудь, весь онъ лѣсомъ и камышами поросъ. Французъ одинъ ѣхалъ съ

нами, такъ тотъ нѣсколько строфокамиловъ застрѣлилъ на немъ. Ахъ, князь! Еслибъ вы только слышали, какія тутъ смѣлыя предположенія выводилъ я, откуда бы могъ взяться на Категатѣ крокодилъ съ строфокамилами на спинѣ!

— Вы вотъ небось думаете, старикъ дичь поретъ, говоритъ баронъ Петру Ѳеофилактовичу. — Ничего не бывало! Это, изволите видѣть, онъ на дняхъ воротился изъ-за границы и теперъ этою аллегоріей непремѣнно хочетъ выразить какое-нибудь политическое намѣреніе какого-нибудь государства.

— Неужели? спрашиваетъ порабощенный Петръ Ѳеофилактовичъ.

— Вѣрно, отвѣчалъ баронъ.

Вечеръ для Петра Ѳеофилактовича кончился интереснымъ знакомствомъ съ Вельзевуломъ и проигрышемъ князю довольно круглой суммы, которую онъ съ важностью богатаго собственника сейчасъ же и выложилъ на столъ изъ пачки, данной ему предусмотрѣвшимъ этотъ пассажъ барономъ.

Попалъ такимъ манеромъ нашъ Петръ Ѳеофилактовичъ въ знать и возблаженствовалъ, потому что, ежели онъ проигрывалъ князю, за него платилъ баронъ, говоря, что онъ на чужой сторонѣ, что ему нужно деньги беречь, какъ заѣзжему человѣку; а ежели слѣпая фортуна подвозила Петру Ѳеофилактовичу, онъ клалъ денежки въ свой собственный карманъ, ибо рыцарь баронъ никакъ не соглашался не только брать ихъ всѣ,

но даже и отъ половинной части постоянно отказывался.

— Ваше счастье, Петръ Ѳеофилактовичъ, говорилъ онъ. — Старикашкѣ князю этого добра дѣвать некуда, а вамъ пригодится.

Петръ Ѳеофилактовичъ благоразумно соглашался и добрымъ друзьямъ своимъ *изъ-пидъ Пилтавы*, спрашивавшимъ у него, каково идутъ его дѣла, по почтѣ отписывалъ, что дѣлишки его, слава Богу, очень, очень хороши, и что полученіе мѣста почитай-что совсѣмъ на чеку.

Но всему бываетъ конецъ.

Однимъ прекраснымъ утромъ, когда въ нѣкоторомъ смыслѣ вся природа радовалась и ликовала, баронъ фонъ-Гюббель въ необыкновенной тревогѣ врывается къ Петру Ѳеофилактовичу, сладко мечтавшему въ это время о мѣстѣ старшаго чиновника особыхъ порученій въ одной изъ хлѣбнѣйшихъ губерній.

— Батюшка, Петръ Ѳеофилактовичъ, спасите! говоритъ баронъ, не то шутя, не то серьозно. — Старичишко-то мой безпутный что надѣлалъ вчера? Одному пріѣхавшему помѣщику десять тысячъ на честное слово до нынѣшняго дня пробухалъ. Четыре-то я досталъ кое-какъ (съ самаго утра какъ угорѣлый мечусь по знакомымъ, и какъ на грѣхъ ни одного шута дома не застанешь), а шести ближе недѣли нигдѣ не добыть. Нѣчъ ли у васъ свободныхъ, Петръ Ѳеофилактовичъ? Мы бы съ старика проценты какіе угодно вамъ счистили.

У Петра Өеофилактовича было ровно шесть тысячъ, нажитыхъ имъ на различныхъ должностяхъ, отлично ревностное исполненіе которыхъ сдѣлало его надворнымъ совѣтникомъ и ордена св. Станислава третьей степени кавалеромъ.

— Помилуйте, баронъ! Какіе тутъ проценты, говоритъ Петръ Өеофилактовичъ.—За честь почту. Только зажился я очень у васъ въ Москвѣ, скучно безъ дѣла мнѣ старику. Вы ужъ, пожалуста, баронъ, попросите князя-то. Конечно, я это не къ тому рѣчь веду, чтобы то-есть тово... вы извините... Я всегда съ удовольствіемъ, лепеталъ Петръ Өеофилактовичъ, направляясь къ желтой пузатой шкатулкѣ, которую онъ, по своей необразованности, всегда называлъ щекатункой.

— Я ему старому отдыха теперь насчетъ вашего мѣста не дамъ. Я ему теперь всѣ уши прожужжу, а то вѣдь онъ сопѣть любитъ, горячился баронъ.

Желтая шкатулка раскрыла свои вмѣстительныя нѣдра. Петръ Өеофилактовичъ, счастливый сознаніемъ, что и онъ наконецъ дѣлается полезенъ своему доброму другу, вынимаетъ улежавшіяся пачки кредитокъ и вручаетъ ихъ барону. Баронъ увѣряетъ его, что онъ черезъ недѣлю привезетъ ему деньги не иначе какъ съ процентами, и послѣ крѣпкаго лобзанія, послѣднимъ цѣлованіемъ оставляетъ Петра Өеофилактовича на жертву ярославской солдатки — съемщицы неблированныхъ комнатъ, претендующей на званіе мадамы, и ея угрюмой сподручницы кривой бабы.

Сейчасъ сказалъ я «послѣднимъ цѣлованіемъ» на

томъ основаніи, что шеститысячнымъ займомъ кончилось знакомство Петра Өеофилактовича съ интереснымъ барономъ фонъ Гюббелемъ. Послѣ этой исторіи мы видимъ ихъ совершенно на разныхъ дорогахъ. Петръ Өеофилактовичъ, очень долгое время озабоченной походкой человѣка, отыскивающаго потерянное, каждый день подходитъ къ великолѣпному подъѣзду князя Рангоутъ-Брызгачова, гдѣ на его смиренный звонокъ обыкновенно выскакиваетъ серьезный швейцаръ съ неизбѣжною фразою: «его сіятельство изволили выѣхать», или: его сіятельство не изволятъ принимать.»

— А баронъ дома? нерѣшительно спрашиваетъ Петръ Өеофилактовичъ.

— Я вамъ въ прошлый разъ докладывалъ, что баронъ изволили уѣхать за границу, строго извѣщаетъ швейцаръ и громко хлопаетъ рѣзною дверью подъѣзда.

Долго смотрѣлъ на эту исторію сосѣдній дворникъ, и вотъ однажды, отпустивши Петра Өеофилактовича на нѣкоторое разстояніе отъ княжескаго дома, дворникъ подбѣгаетъ къ нему и ведетъ такую рѣчь:

— Напрасно, ваше благородіе, вы ходите сюда. Здѣсь, судырь, страшные надувалы живутъ. Они себя князьями и графами величаютъ, только все это они, мошенники, врутъ. Старикъ отъ самъ, который что княземъ себя называетъ, точно что дворянинъ, а около него такіе, самые что ни есть сквозные мошенники. Къ нимъ такъ-то иной день человѣкъ сто приходятъ звонить. Не вы одни!

Петръ Өеофилактовичъ скоро покорился своей участи,

— Богъ даде, Богъ и отъя! сказалъ онъ и смирно сталъ у Иверскихъ воротъ въ ряды обыкновенныхъ людей этихъ воротъ, и порой вы можете видѣть и слышать, какъ важно подходитъ онъ къ какому-нибудь проходящему и съ сознаніемъ своего достоинства начинаетъ говоритъ:

— Государь мой! помощью своей милостивой мошенническаго и безтыднаго обмана жертву осчастливить соблаговолите.

А въ другое время, ежели вамъ это нравится, полюбуйтесь на него въ сосѣдней полпивной, гдѣ онъ, блистая своими мѣдными пуговицами на изношенномъ вицъ мундирѣ, кутитъ на собранные гроши, такъ что ни содержатель полпивной, ни его прислуга, ни даже самъ полицейскій ундеръ не могутъ безнаказанно подступиться къ надворному совѣтнику и ордена св. Станислава третьей степени кавалеру Петру Ѳеофилактовичу Зуйченко.

Баронъ фонъ Гюббель, раззнакомившись съ Петромъ Ѳеофилактовичемъ, не раззнакомился однакоже съ нами. Мы и теперь не упускаемъ его изъ вида. По послѣднимъ извѣстіямъ изъ большаго свѣта, арены его подвиговъ, слышно, что князь Ранготъ-Брызгачовъ, утомившись своей многотрудной дѣятельностью, ухитрился выйти въ болѣе свѣтлое море другихъ спекуляцій, на первый взглядъ весьма честныхъ и полезныхъ, мѣсто же свое—атамана мошеннической шайки—передалъ своему юному другу барону фонъ Гюббелю, который впрочемъ на самомъ

дѣлѣ есть не кто другой, какъ безпаспортный рижскій мѣщанинъ Карлъ Гильзъ.

Есть надежда, что сей Карлъ или Карлушка достойнымъ образомъ замѣститъ князя Рангоутъ-Брызгачова, ибо на его офиціальномъ вечерѣ, который князь давалъ всей своей шайкѣ по случаю передачи имъ Карлушѣ своихъ атаманскихъ регалій, послѣдній сказалъ слѣдующій назидательный спичъ:

— Господа! По настоящему я долженъ былъ бы начать мою рѣчь торжественной клятвой, что мой методъ веденія нашихъ общихъ дѣлъ будетъ такого, такъ сказать, безпромашнаго свойства, что никогда не затемнитъ блеска этихъ регалій, которыя сдѣлалъ мнѣ честь передать мой уважаемый предшественникъ князь Рангоутъ-Брызгачовъ. Но я не начну моей рѣчи такой клятвой, потому что, смѣю думать, и безъ моей клятвы всѣ вы единодушно увѣрены, что промаховъ съ моей стороны быть никогда не должно. Поэтому я вамъ скажу только то, что скажу. Вамъ всѣмъ извѣстно, что я очень и очень малограмотенъ, но во всякомъ случаѣ не на столько, чтобы отказываться отъ какой нибудь сдѣлки даже и по книжной торговлѣ. На дняхъ я такъ и поступилъ, то-есть не отказался отъ сдѣлки, предложенной мнѣ однимъ здѣшнимъ книгопродавцемъ. Поясняя въ чемъ именно состояла эта сдѣлка, я долженъ сказать вамъ, что я просто-на-просто, по счастливому теченію судебъ, заграбасталъ у него книгъ рублей на тысячу. Но сила не въ этомъ! Въ числѣ книгъ, подброшенныхъ мнѣ благопріятствующей судьбою, было

сотни три экземпляровъ сочиненій какого-то господина Павлова. Нѣсколько такихъ экземпляровъ, какіе побольше поизмялись, я оставилъ себѣ собственно для ради домашняго обихода. Мучимый однажды безсонницей, я схватилъ первое, до чего съ кровати могла достать рука моя, и досталъ повѣсть означеннаго Павлова, озаглавленную *Милліонъ*. Тамъ случайно дочитался я до такой великолѣпной мысли: «Я отдамъ На растерзаніе мое тѣло, я оскверню мою душу какимъ хотите порокомъ, я спою съ кругу весь міръ, я пожалуй пойду въ герои добродѣтели, ежели это вамъ нравится, только заплатите мнѣ.» Отнынѣ, господа, это мой девизъ. Господа! Заканчивая мою рѣчь, я спрашиваю васъ, справедливы ли послѣ того всѣ надежды, которыя вамъ угодно было возложить на меня?

Общество въ полномъ энтузіазмѣ. Общество поощряетъ громкими ура слова своего юнаго патрона; князь же, какъ истинно великій человѣкъ, подошедши къ Карлушѣ, возлагаетъ свою руку на его голову и произноситъ:

— Другъ мой! Будь всегда такимъ. Смолоду я самъ былъ такой же. А теперь усталъ, теперь хочу отдохнуть...

ЗАПИВОХА.

I.

Намѣреваясь сейчасъ, какъ можно рельефнѣе, вылѣпить для васъ такъ часто встрѣчающійся въ Москвѣ типъ человѣка, подверженнаго запою, — я для того, чтобы освѣтить должнымъ свѣтомъ его больную голову, сокрушенную губительной тяжестью того вѣнка, который налагаетъ на нее не древній, изящный Вакхъ, а просто-на-просто всероссійскій кабакъ; — для этого я прежде всего изображаю гостиную Онисима Григорьевича Столешникова, временнаго московскаго купца, занимающагося устройствомъ загородныхъ пикниковъ, подрядами на свадебные, похоронные обѣды, и вдобавокъ снабжающаго бѣдный людъ деньжонками подъ залогъ и за умѣренные проценты, какъ назидательно разсказываютъ объ этомъ поучительныя «Вѣдомости Московской Городской Полиціи.»

Изображать гостиныя подобнаго рода людей намъ не привыкать стать; рисуя ихъ принадлежности, вовсе не

*

заботишься о тонкости и нѣжности штриховъ, какими гг. Зотовымъ и ихъ послѣдователямъ необходимо было чертить тѣ благовонные будуары, гдѣ въ таинственномъ и возбуждающемъ на всякую поэзію полусвѣтѣ, на удобно пригнанныхъ для этой поэзіи кушеткахъ и козеткахъ, полулежали различныя princess'ы и comtess'ы. Съ видомъ прогнанныхъ чрезъ водоочищающую машинку Марсовъ стояли въ тѣхъ гостиныхъ безусые корнеты Ледины и Гремины, — стояли и говорили тѣ, если можно такъ выразиться, маркизски-умныя рѣчи, отъ которыхъ во время оно такъ сладко надрывались бриллльянтовыя сердчишки нашихъ барышень, и которыя лично мною названы «глупыми до разврата». Писать про такія нѣжности,—я не умѣю. Для серебрянаго рейсфедера, которымъ непремѣнно малевалась сія умилительная пошлость, слишкомъ грубы ручищи Ивана Сизого.

— Что же такое? Всякій человѣкъ въ своей сферѣ дѣйствовать должонъ! сказалъ недавно въ кабакѣ одинъ прогорѣвшій купецъ, когда ему объяснили, что вотъ онъ теперь прогорѣлъ и сидитъ въ кабакѣ, а компаньонъ его пріобрѣлъ и валяетъ теперь шампанское въ сосѣднемъ трактирѣ.

Должнымъ образомъ постигая глубокій смыслъ этого изрѣченія, я смиренно дѣйствую въ своей сферѣ и говорю, что гостиная Онисима Григорьевича была совсѣмъ въ другомъ родѣ: она, говоря грамматическими опредѣленіями г. Греча, есть ничто иное, какъ необходимая принадлежность тѣхъ каменныхъ съ деревянными антресолями домовъ, которыхъ такъ много на московскихъ

дѣвственныхъ улицахъ. Я не имѣю въ виду планировать вамъ передній и задній фасады самаго дома, потому что выстроило его тщеславіе человѣка, который добился наконецъ въ свою долгую, трудолюбивую жизнь того счастья, какое у французовъ опредѣляется многозначительнымъ словомъ: *мѣщанское счастье*, а у насъ не менѣе многозначительной пословицей: *себѣ при жизни, про свое доброе здоровье, опосля смерти—за упокой души*, — добился, говорю, и оборудовалъ себѣ домъ, Господу-Богу на славу, добрымъ людямъ на удивленье и крѣпкую зависть!.. Слѣдовательно, много ихъ такихъ домовъ, пугающихъ воображеніе, не настроенное спеціально на достиженіе мѣщанскаго счастья, своими красными, растреснувшимися кирпичами, тусклыми окнами, завѣшенными въ постороннe-наемныхъ квартирахъ грязными юбками, заставленными ситцевыми подушками, съ облѣзлыми собаками у разбитыхъ, какъ бы бомбами, калитокъ и проч. и проч. Повторяю: много ихъ такихъ домовъ, краснорѣчивѣе чѣмъ Писемскій характеризуетъ нигилистовъ, говорящихъ про себя: меня выстроило *мѣщанское счастье* съ тѣмъ, чтобы посредствомъ меня грабить и убивать и безъ того ограбленную и убитую столичную бѣдность...

И такъ я проведу васъ мимо этой обыденной домовой физіономіи, не рекомендуя ее вашему вниманію. Въ наши глаза и безъ того ежесекундно мечется слишкомъ много и горя и пошлости,—горя, тѣмъ невольнѣе разнимающаго на горькій смѣхъ, что оно отъ себя зависитъ, — пошлости, тѣмъ безлогичнѣе мирящей васъ

съ собой, чѣмъ ваша логичность болѣе прирождена вамъ и, чѣмъ честнѣе она развита въ васъ, потому что пошлость эта не отъ себя зависитъ...

Конечно, вы теперь поняли, что и гостиная Онисима Григорьича не составляетъ нити завязки моего романа и, если я иду туда и веду васъ съ собою, такъ дѣлаю это во первыхъ для того, чтобы, какъ говорится, ловчѣе подъѣхать къ самому дѣлу, а во-вторыхъ главнымъ образомъ для того, чтобы въ этомъ купеческомъ домициліи, сравнительно съ нашей постоянно-колеблющейся и, какъ уже сказано, взбаломученной почвой, гораздо рѣже и тише обуреваемомъ, отдохнули глаза, заслѣпленные до рѣжущихъ и кровавыхъ слезъ безалаберной толкотней русскаго базара, на которомъ, по его собственной пословицѣ, *все съ рукъ сходитъ*,—и успокоилось сердце, изнывшее отъ страшныхъ воплей многоразличныхъ жертвъ, попавшихъ *какъ нибудь*, *ненарокомъ,* подъ тяжелыя, ухорски раскатившіяся базарныя колеса...

Тишина поразительная царствуетъ въ этой гостиной, точно также, какъ и на улицѣ, на которую смотритъ она своими двумя окнами, таже тишина. Яростное чириканье двухъ бо́льшихъ, воробьиныхъ стай, на смерть разодравшихся, вѣроятно, за исключительное обладанье дѣвственной улицей, даже какъ бы усиливаетъ всеобщую, мертвую неподвижность мѣстности.

Безъ конца долго, а особенно посытнѣе поѣвши, можно сидѣть на мягкомъ креслѣ подъ окномъ въ столешниковской гостиной и оттуда молчаливо и непод-

вижно, какъ каменная статуя, смотрѣть на эту улицу съ деревянными домами, на бабъ, лица которыхъ пылаютъ пожаромъ двѣнадцатаго года, съ мокрыми вѣниками подъ мышками, бредущихъ по травѣ; на разношерстныхъ котятъ, цѣлыми гнѣздами обитающихъ въ этой травѣ и, наконецъ, на молодаго еще, и потому нѣсколько дурковатаго будочника, который, кажется, для того и жительствуетъ въ будкѣ, чтобы сражаться съ кошачьими стаями и угощать нюхательнымъ табакомъ маленькихъ дѣвчонокъ и ребятишекъ.

Обнимаетъ человѣка во время такого смотрѣнія какая-то сладкая, отрѣшающая отъ всякихъ мірскихъ попеченій, дрема. Смотришь, смотришь такъ-то, а онѣ— эти обыденныя, заученныя наизусть картины, все идутъ,—идутъ такъ тихо, такъ плавно, что непремѣнно изъ самой глубины души созерцателя вытянутъ такія смирныя рѣчи:

— Господи! да изъ чего же это люди бьются-то на бѣломъ свѣтѣ? Изъ-за чего же это они другъ друга ѣдятъ? Сѣли бы вотъ такъ-то, сложили бы ручки, да и сидѣли; — поглядывали бы посмирнѣе на тишину-то господнюю. Чего бы имъ лучше этого блага!..

Но бьется сердце, даже самое смирное, противъ жизненной всасывающей тины до тѣхъ поръ, пока можно биться, пока есть въ немъ силы и горячая кровь! Рѣдкаго разумѣется не засасываетъ тина; но тѣмъ не менѣе, если мы согласимся съ Расплюевымъ—всякую битву называть игрою, то конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ должны сказать и то, что эта игра есть самая азартная

изъ всѣхъ игръ, какую только приходится человѣку разыгрывать въ этой жизни.

Я потому собственно распространяюсь на эту тему, чтобы вы, введенные мною въ гостиную Столешникова, не испугались ея тишины и не спросили бы меня:

— Да зачѣмъ же вы привели насъ сюда? Здѣсь и жизни-то нѣтъ никакой. Что мы тамъ смотрѣть будемъ?

Тутъ-то вотъ и начнется моя заслуга, какъ нравоописателя, когда я разувѣрю васъ въ вашей ошибкѣ, разсказавъ вамъ, что въ этомъ, повидимому, окаменѣломъ царствѣ была игра, угомонившая человѣка,—каковъ былъ этотъ человѣкъ до своего угомона, какъ и что именно угомонило его, и чѣмъ наконецъ онъ живетъ теперь, смутно предчувствуя, что вотъ-вотъ скоро эту смирную, всегда одно и тоже показывающую улицу, поразнообразитъ погребальная процессія, съ уходомъ которой покончится все — и не будетъ тогда ни воздыханій о своей жизни, проведенной у *косящета окна*, ни печалей о томъ, что люди ѣдятъ другъ друга,—печалей, какъ вы уже видѣли, непремѣнно налетающихъ на голову, полюбившую процессъ глядѣнія на однообразныя картины дѣвственныхъ улицъ.

Съ этой точки зрѣнія я и отрекомендую сейчасъ Маѳу Петровну, жену Онисима Григорьича, которая прежде всего бросается въ глаза, при входѣ въ гостиную. Эта еще достаточно свѣжая, но молчаливая и часто вздыхающая о чемъ-то старуха, хоть и рѣдко когда въ настоящее время о чемъ нибудь разговариваетъ, но

намъ, надѣюсь, она, безъ особенныхъ просьбъ съ нашей стороны, распишетъ должнымъ образомъ и свою гостиную, и ту жизненную игру, какую она сыграла въ ней.

— Что этой у меня силы было, что красоты, когда я невѣстой считалась, страсть! Такъ обыкновенно начинаетъ разсказъ про свою жизнь Марѳа Петровна, когда человѣкъ умѣющій натолкнетъ ее на этотъ разсказъ. Бывало, въ крещенскіе морозы, какія подруги къ обѣднѣ въ шубкахъ идутъ, какія въ салопахъ, а я себѣ качу въ одной ватной шимовочкѣ—и щоки у меня, пожалуй, что всѣхъ алѣй были. И возилась я въ это время неустанно отъ ранней зари до поздней ночи за какимъ нибудь дѣломъ, потому сталкивало меня что-то съ мѣста, ежели случаемъ сѣсть приходилось, — жилы во мнѣ такъ и говорили всѣ. Нечего ежели дѣлать, такъ полы мыть принималась,—какъ стеклушко у насъ были полы завсегда. И было для меня это время самое трудное, потому и на яву и во снѣ все это тебѣ женихи представляются, все это тебя тревожитъ что-то и въ сумленіе вводитъ... Грѣшница передъ Богомъ! Видючи такъ-то, какъ тамъ иные прочіе по сосѣдству женъ-то за косы таскаютъ, такъ я мужиковъ этихъ никогда очень-то не жаловала, а тутъ взмолилась: Господи! молъ, да пошли же Ты мнѣ мужа какого нибудь,— все бы мнѣ съ нимъ, можетъ, полегче стало. Мечешься, мечешься, бывало, по постели-то, а въ спальнѣ жара страшная, духота, тишь! Всю тебя эдакъ разморитъ,— не приведи Царица Небесная! Такъ я теперича полагаю, что эта боль всѣмъ болямъ голова!..

— Но только, что же вы думаете, милые вы мои? вскрикивала всегда старуха въ этомъ мѣстѣ. Думаете вы небойсь, по молодости по своей, что замужство лучше? И сейчасъ мнѣ умереть на семъ мѣстѣ, — ничуть не лучше! Боль эта молодая, точно что унимается немного, а чтобы, т. е. насчетъ этого счастья, чтобы очи твои завсегда на милаго человѣка, какъ въ дѣвкахъ хотѣлось, глядѣли, такъ это и думать не моги... Случаемъ ты его огорчишь, случаемъ онъ тебя озлобитъ— и выходятъ отъ этого такія бѣды, что жизни не радъ, потому какъ замужъ то выдешь, спасенья-то тебѣ ни откудова и нѣтъ ужь, въ дѣвкахъ-то, хоша и болишь, хоша и скорбѣешь, а все же надѣешься на что-то... Такъ-тось!

— Не подумайте вы одначе, что я это про себя говорю, старику своему въ судъ и смѣхъ. Грѣхъ такъ-то и мнѣ говорить, и вамъ думать. Въ судъ-то я рѣдко, когда говаривала, да и то, когда еще молода была, зелена, не знала, какъ тяжело на людскихъ головахъ наши сплетни садятся. И безъ моихъ словъ вамъ извѣстно, а безъ этого я бы и рѣчи такой не вела, какой у меня мужъ. Пьетъ онъ у меня, буянитъ пьяный, дерется, ежели подъ руку подвернешься, — все это вы видите и знаете; но того вы не видѣли и не знаете, что въ тридцать-то годовъ всякихъ думъ мы съ нимъ одною согласной душой передумали, что всякихъ дѣлъ одной силой передѣлали. Про добро-то про это людямъ и говорить-то не подобаетъ, потому добро рѣдкій кто переймется, а перенимаютъ все больше худо одно. Истинно!

— Полагаешь ты, другъ сердечный, легко мнѣ было мужнины качества сносить, когда я не могла въ толкъ-то взять, раскусить-то мозговъ не имѣла, отчего онъ пьетъ, отчего буянитъ и зачѣмъ дерется. Сосѣдки бывало придутъ, такія же, какъ и я, молодыя, говорятъ: тебѣ, говорятъ, безпремѣнно надо, Мароа, на своего идола въ фарталъ идти жаловаться. Мы на своихъ ужъ ходили. Знатно съ нихъ тамъ по три серебра на мировую счистили. Пришли оттуда, кряхтятъ — и вотъ ужъ кой день отъ нихъ словечушка не слыхать... Богъ только берегъ, а то вѣдь чужихъ — глупыхъ разговоровъ наслушамшись, въ фарталъ сбиралась съ жалобами не одинъ разъ.

— Стерпѣла же вотъ — ничего, — безъ фарталовъ прошло кое-какъ, потому мужъ трудится, мужъ тѣломъ и душой за семью болитъ. Взять хошь бы моего старика: кто знаетъ, какъ онъ тамъ столъ сдалъ? Можетъ его баринъ какой нибудь пьяный ругательски обругалъ. Можетъ онъ его—этотъ самый баринъ—лакеемъ выругалъ и къ щекѣ подступалъ ни за что, ни про что, такъ, значитъ, таперича по вашему-то, ежели глава дома, на какой, можетъ, онъ день и ночь кровь свою проливаетъ, пришодчи въ свой домъ, и сердца ни на комъ ни должонъ отводить? Какъ же?..

— Понять это, избави Господи, сколь много время требуется,—иные всю жизнь до такихъ понятіевъ не доходятъ — и умираютъ отъ этого въ жестокихъ мукахъ... А я, слава Богу, скоро съ тычками мужниными помирилась, — помиримшись, стала дѣтей ждать.

Думаю такъ-то: погоди, молъ, маленько, станешь ты у меня пить и буянствовать, когда я тебѣ ангельчика безгрѣшнаго принесу. При думѣ такой, ей-Богу, страсть какъ сама радовалась? И онъ ничего, — недѣльки на двѣ послѣ перваго ребенка затихъ, а потомъ опять, кажется, еще лютѣе воевать пошелъ. Да оно чему тутъ удивляться, на что тутъ сердиться то? Лишняя забота прибавилась,—онъ и завоевалъ лютѣе, — вотъ и все. Хорошо, что теперь-то это все постигаешь, а тогда-то куда тяжело сносить было!..

— Вынянчила дѣтей, выростила, а они выросши-то, прочь отъ матери, потому мать необразованная. Развѣ она ихъ разговоры какіе ученые перейметъ? Гдѣжъ ей перенять!..

— И сѣла я тогда, други сердечные, вотъ у этого окошка въ великой тоскѣ, словно бы кукушка какая горемычная, и задумалась крѣпко-на-крѣпко. Въ чемъ же, думаю про себя, Господи, я утѣху себѣ теперь найду? Безъ ничего вѣдь, молъ, Боже Ты мой, вѣкъ свой я доживаю и никакъ себѣ въ понятіе не возьму, зачѣмъ это я, грѣшница, на бѣломъ свѣтѣ жила, зачѣмъ сама сокрушалась и другихъ сокрушала!

— И тогда-то вотъ, какъ я раздумывала такимъ манеромъ, невидимо кто-то въ душѣ у меня и заговоритъ: что ты это такое, баба, неподобное говоришь! Достаткомъ васъ съ мужемъ Богъ наградилъ. Помогай, шепчетъ, своимъ достаткомъ бѣднымъ,—и взяла я это себѣ въ умъ—и стала помогать. Ну и точно,—дѣлала я, не потаюсь съ правдой моей, великія добродѣтели.

Только что же? Чѣмъ вы думаете за мои добродѣтели отплатили мнѣ? Извѣстно, чѣмъ они платятъ за добродѣтель-то? Потому я и не скажу ничего объ этомъ. Чтожъ такое? Зачѣмъ мнѣ говорить? Люди-то—братья наши, — они по образу и подобію божьему созданы, значитъ про нихъ, какъ объ звѣряхъ дикихъ, говорить невозможно, пытаму грѣхъ»...

Цѣлые тридцать лѣтъ играла такимъ образомъ въ своей безмолвной гостиной Марѳа Петровна и, какъ говорится, досыта наигравшись, молчитъ теперь, рѣдко когда раскрывая ротъ.

— Богъ съ ими совсѣмъ! почти единственною фразой встрѣчаетъ она въ нынѣшніе годы свои, всякую новость, какъ бы она ни была поразительна, и при этомъ махнетъ рукою съ тѣмъ видомъ, какой бываетъ у человѣка, говорящаго: «ну, господа! моя пѣсенка спѣта. Пойте теперь вы свои пѣсни, ежели голоса есть.»

И сидитъ теперь Марѳа Петровна у окна гостиной, словно бы какой сказочный сидень Илья Муромецъ, вставая только для того, чтобы попить чайку, да пообѣдать,—сидитъ и не сводитъ глазъ съ тихихъ, однообразныхъ картинъ своей улицы. Какая-то тусклая неподвижность, какъ на только что замерзшемъ прудѣ, лежитъ на ея лицѣ и очевидно, что глаза ея, хоть и смотрятъ на что-то, но ничего не видятъ,—склоненная на бокъ голова, хоть и напоминаетъ позу человѣка во что-то вслушивающагося, но тѣмъ не менѣе можно подтверждать какой угодно клятвой, что купчиха не слышитъ даже тихаго шопота своихъ двухъ взрос-

лыхъ дочерей, которыя тоже сидятъ въ гостиной и шепчутъ:

— И вижу я во снѣ, милая Паша, нонѣшнею ночью,— говоритъ старшая младшей,—быдто стою я у калитки, а они—офицеры-то—и выѣзжаютъ изъ-за угла на бѣлыхъ коняхъ, всѣ въ золотѣ, съ саблями. И принялась я сейчасъ этихъ офицеровъ стыдиться!... Такъ-то стыжусь, такъ-стыжусь,—страсть!... А они мнѣ быдто и говорятъ: милая барышня, говорятъ, какихъ такихъ вы родителей дочь будете? Я имъ въ отвѣтъ: на что это, молъ, знать вамъ, господа кавалеры?—Такъ, говорятъ, очень мы вами прельстились и желаемъ съ вами знакомство завесть. Въ ту-жъ минуту, видя ихъ такое нахальство, стала я имъ презрѣніе свое показывать, а они смѣются... И только же, милая моя Паша, что тутъ вышло опосля, ужъ и въ умъ не возьму,—принялась я, быдто, по французскому разговаривать съ ними. Такъ это часто, такъ часто разговариваю, такъ и сыплю. А офицеры, послушамши такого моего по французскому разговора, говорятъ: видимъ мы теперь, барышня, всю вашу образованность,—извините-съ!—А сами руки всѣ до одного человѣка подъ козырьки и саблями эдакъ фить, фить,—честь, значитъ мнѣ все равно какъ начальнику, отдали!...

— Вотъ такъ сонъ! удивлялась младшая сестра. Антиресно было бы знать, что онъ такое обозначаетъ собою и какихъ намъ перемѣнъ надоть ждать?

— А я ужь къ Машенькѣ Распушилиной бѣгала, рекомендовала сновидица, — у ней сонникъ есть, такъ

я справлялась: значится тамъ, въ сонникѣ, что по французскому съ господами офицерами во снѣ говорить, для молодой дѣвицы знаменуетъ *отъ родителей или старшихъ родственниковъ быть очень битой, такъ что, пожалуй, до уродства, а для почтеннаго торговца оный же сонъ великую прибыль знаменуетъ*.

— Неужто такъ-таки и сказано?

— Такъ и сказано.

— Ну хорошаго-то въ этомъ мало. Жди теперь отъ тятеньки трепки,—безпремѣнно пьяный придетъ.

— Чего кромѣ ждать? А я, милая Паша, какъ было обрадовалась-то! Проснулась когда, такъ и то все радуюсь, — все думаю: вотъ, молъ, до какого счастья довелось дожить, по французскому, молъ вдругъ въ одну ночь выучилась. А въ спальнѣ-то, Пашенька, такая-то жуть, такая-то духота,—не приведи Господи! До самаго до свѣта не могла я послѣ своего сна заснуть, потому что все *они* представлялись мнѣ, какъ это *они* ѣдутъ, ѣдутъ, а въ рукахъ у нихъ сабли наголо, позади ихъ солдаты въ трубы трубятъ и въ барабаны бьютъ... Какъ есть война!...

Но ничего не слыхала старуха изъ дочерниныхъ разговоровъ объ офицерахъ, потому что въ противномъ случаѣ сонъ, какъ говорится, въ руку бы дался, если не по отношенію къ почтенному торговцу, какъ объяснялъ сонникъ, такъ по крайней мѣрѣ, по отношенію къ молодой дѣвицѣ.

— Насчетъ ежели теперича, когда дѣвица до закону

про мужчинъ начнетъ разсуждать, то я этого терпѣть не люблю, — обыкновенно говаривала Марѳа Петровна, равнодушная ко всему остальному. И такъ бы я эдакую дѣвицу сейчасъ же за косы и давай возить, потому не ея короткому разуму такія дѣла рѣшать.

Итакъ въ столешниковской гостиной царствовалъ только одинъ едва-едва разслушанный мной разговоръ дѣвицъ, да витала невидимая дума Марѳы Петровны, сидѣвшей у окна въ своей обыкновенной неподвижности.

Тишь и благодать были полныя!

Разборчивѣе всѣхъ живыхъ людей, бывшихъ въ гостиной, разговаривали толстобрюхіе, косорылые и косоглазые амуры, пузатыя лиры и кривые роги изобилія, которые пущены были по потолку покоя художнической рукой хозяйскаго пріятеля — маляра Григорья Звѣрева. Летая по бѣлому фону потолка, все это порой какъ бы собирается въ тревожныя, совѣщающіяся о чемъ-то кучки, — шепчутся о чемъ-то въ этой всевыдающей тишинѣ,—слышно даже, какъ шуршитъ паутина, которую стряхиваютъ амуры съ своихъ рыжихъ, кудрявыхъ головъ, и въ уши Марѳы Петровны летитъ сверху слѣдующій разговоръ:

О чемъ это? Что это она думаетъ? Вѣдь цѣлый день она такъ-то сидитъ, — съ видомъ глубокаго недоумѣнія на пузатомъ лицѣ спрашиваетъ у корзинки съ фруктами нѣкоторый крылатый мальчуганъ, съ колчаномъ за плечами, полнымъ оперенныхъ стрѣлъ.

Корзинка съ фруктами продолжаетъ быть задумчи-

вой, и ежели бы у ней была голова, такъ она непремѣнно закачала бы ею отприцательно: дескать, не могу знать, о чемъ это она такъ сильно раздумалась.

— Вишь, вишь какіе! думаетъ при этомъ сама Марѳа Петровна. Про хозяйку начали растолковывать,—и при этомъ на ея лицѣ примѣчается даже что-то въ родѣ улыбки. Говорила Онисимъ Петровичу: Онисимъ, молъ Петровичъ! Не расписывай, молъ, потолка, потому все это кумирскіе боги—идолы, а оно такъ и вышло,—вотъ они ужъ и заговорили.

— Эхъ вы! отзывался снизу на верхнюю рѣчь тяжелый, старомодный диванъ какимъ-то толстымъ, совершенно-медвѣжьимъ голосомъ. Давно ли вы здѣсь летаете-то, что думаете разгадать хозяйскую думу. Я вотъ ужъ который годъ здѣсь стою, да и то этой думы не знаю.

— Такъ, такъ, милый! поддакиваетъ ему хозяйка. Заступайся за меня,—я тебя сама покупала, когда еще молода была. Двадцать пять рублевъ, по тогдашнему на ассигнаціи, бѣлой бумажкой я за тебя заплатила. Заступись!

— Спуску не дамъ, хозяйка! Молчи только, успокоивалъ диванъ. Я ихъ—короткохвостыхъ—всѣхъ до единаго распугаю.

— Мы имъ покажемъ себя, энергично вторятъ дивану, разставленныя около него массивныя шестеро креселъ, совершенно по-гусарски, подпираясь при этихъ словахъ въ бока своими изогнутыми ручками.

— Вамъ-то себя и показывать-то! вдругъ зазвенѣли

изъ стекляннаго шкафа чайныя, столовыя и дессертныя ложки, заложенныя нѣкогда Онисиму Григорьичу отставнымъ штабъ-ротмистромъ Полведерно-Бубновымъ. Такой ли вашъ фасонъ, чтобы показывать себя? продолжали спрашивать ложки, видимо принимая сторону роговъ изобилія, амуровъ и проч.

— Фа-ас-ссонъ! презрительно и въ одинъ голосъ восклицаютъ диванъ и стулья. О чер-р-ти! Сами-то вы очень фасонисты! Тоже старье вѣдь!...

— Такъ, такъ, милые! уже, такъ сказать, осязательно улыбаясь, говоритъ хозяйка. Не выдавайте,— рази они моложе васъ? Рази я подъ нихъ тоже не сама деньги выдавала, двадцать годовъ тому назадъ? Такіе же и они, какъ вы.

И тутъ предъ оловянными выпученными глазами Марѳы Петровны начинается ожесточенная и въ высокой степени суматошная битва между низомъ и верхомъ, т. е. между диваномъ и креслами съ одной стороны, и между амурами, лирами и рогами изобилія съ другой. Вотъ одно кресло съ легкостью птицы взлетѣло на потолокъ и брыкнуло задней ногой по корзинкѣ съ фруктами такъ, что нѣсколько апельсиновъ скатилось на полъ. Марѳа Петровна подняла одинъ, попробовала,—кисло и горько до отвращенія. Она бросила апельсинъ вверхъ и вышибла глазъ амуру,— амуръ закрылъ свою толстую рожицу пухлой ручонкой и застоналъ отъ боли. Диванъ протяжно и басовито хохоталъ надъ страданіями маленькаго, и какъ говорила Марѳа Петровна, кумирскаго бога, — до тѣхъ

поръ хохоталъ, пока божокъ въ свою очередь не слетѣлъ съ потолка и съ ожесточенною яростью не вцѣпился въ волоса насмѣшника,

— Что же это? Что же это такое? вопрошаетъ наконецъ Мареа Петровна, уже совсѣмъ пробуждаясь и вставая съ кресла.

Но никто не далъ ей удовлетворительнаго отвѣта. Амуры присмирѣли и, какъ въ день своего рожденія, продолжали летѣть куда то, распростерши крылья и плутовски улыбаясь. Диваны и кресла, его обставлявшія, угрюмо додумывали свои медвѣжьи думы, а серебряныя ложки блистали изъ мрака запыленныхъ шкафныхъ оконъ безмолвною, но тѣмъ не менѣе свѣтлой надеждой, вѣроятно, на то, что вотъ-вотъ придетъ сюда старый хозяинъ ихъ, отставной штабсъ-ротмистръ Полведерно-Бубновый, съ громкимъ смѣхомъ вытащитъ изъ боковаго кармана только что выпонтированную пачку ассигнацій и выкупитъ у Столешниковой свое дворянское наслѣдственное серебро...

Все, по прежнему, стояло на своихъ обыкновенныхъ, неподвижныхъ ногахъ,—тишина, видимыми, толстыми слоями носившаяся по гостиной, снова защемила сердце купчихи, взбудораженное немного той фантастической возней неодушевленныхъ предметовъ, до которой часто досиживается и додумывается человѣчество, за отсутствіемъ дѣйствительныхъ жизненныхъ потрясеній.

— Господи! Чтоже это за тоска такая? съ долгимъ зѣвкомъ спрашиваетъ Мареа Петровна. Хошь бы чаю напиться,—штоли?...

*

— Только во снѣ и увидишь что нибудь хорошее,— раздавался тихій, дѣвичій шопотъ вмѣстѣ съ ни къ кому необращаемымъ разговоромъ матери. А днями такая тебя тоска ѣстъ!... Хошь бы тятенька поскорѣе запивалъ, — все бы, можетъ, онъ какъ въ прошлый разъ, привелъ съ собой для компаніи поручика Свистюкова. Вѣдь есть же на бѣломъ свѣтѣ эдакіе мужчины пріятные!

И такъ вотъ по какому нетреволненному озерку покачусь я съ вами смотрѣть дальнѣйшее жизненное теченіе столешниковскаго дома. Смотрите же, не пугайтесь, когда это, съ перваго взгляда маленькое и тихое озерцо, превратится дальше въ бурно-ревущее и никакими плотинами не сдерживаемое море, — когда на его необъятно-разлившихся водахъ покажутся острова изъ тины и грязи, сплошь покрытые непроходимыми, дикими порослями и особенно тогда, когда изъ этого дремучаго лѣса раздадутся отчаянные безпомощные крики жертвъ, которыхъ неумолимо пожираетъ тамъ гибельный порядокъ вещей...

II.

Неизвѣстно, какъ долго продолжалась бы эта тишина въ купеческомъ домѣ, если бы не случилось слѣдующаго обстоятельства, по поводу котораго выходитъ наконецъ на сцену глава фамиліи, самъ Онисимъ Григорьичъ Столешниковъ.

Однимъ лѣтнимъ утромъ, самъ глава, напившись пораньше чаю, ушолъ куда-то изъ дому на раннюю работу. Остальное семейство, т. е. барышни и Марѳа Петровна, сошедшись въ гостиной, единогласно разсказывали другъ другу, что какъ молодое, такъ и старое поколѣніе, какъ бы, заранѣе сговорившись, увидали въ прошлую ночь, что, будто, иду я, милыя мои, по улицѣ, по какой подлинно, не упомню, и набѣжала, будто, на меня чорная, расчорная собака. Набѣжамши, выпучила на меня свои бѣльмы собачьи и говоритъ человѣческимъ голосомъ, такимъ страшнымъ голосомъ: Ты, говоритъ, куда это? а? Рази эдакъ то можно женщинѣ по улицѣ шататься?—И съ этимъ словомъ,

хвать меня, проклятая, за ляжку, такъ, быдто, кровь, самая что ни есть красная, ручьемъ эдакимъ рѣзвымъ и полилась.

Не нужно было даже справляться и въ сонникѣ, что означалъ сей всеобщій сонъ. Всегда онъ безоблыжно показывалъ скорое свиданіе съ ближними родственниками. Положили поставить самоваръ и дожидаться этого свиданія.

— Кто же это такое будетъ у насъ? нѣсколько разъ озабоченно спрашивала старуха, дуя на чайное блюдечко. Ума не приложу.

— Антиресно узнать, какой такой родной къ намъ припожалуетъ, въ свою очередь втихомолку раздумывали дѣвицы. Ужъ не женихи ли какіе? Ахъ, какъ бы Господь посылалъ поскорѣе. Лестно бы изъ эфтой тюрьмы куда нибудь хоша вырваться. Сейчасъ умереть, за любаго урода, безо всякихъ разговоровъ, пойду...

Какъ бы отгадывая тайныя, семейныя желанія, въ гостиную ввалилось нѣкоторое крестьянское существо женскаго рода, очевидно, изъ подъ Ярославля, костюмированное въ какъ бы нарочно придуманныя, синія лохмотья, съ котомкой за плечами изъ перестроеннаго на новый ладъ стараго солдатскаго ранца. Ввалившись въ комнату, существо это съ улыбкой, въ одно и тоже время изобразившей и глубокую преданность и глубокую радость, доставленную свиданіемъ съ Маѳой Петровной и ея дочками, проговорило:

— А вотъ и мы къ вамъ! Небойсь, не ждали гостей-

то? Вслѣдъ затѣмъ женское существо изъ подъ Ярославля принялось освобождать себя отъ котомки и синихъ лохмотьевъ, потомъ громко и жалобно зарыдало и, такъ сказать, сквозь рыданія пропустило такого рода объявленіе.

— А мы вѣдь, сестрица милая, опять погорѣли! Семь однихъ лошадей сгорѣло, три коровы, что теперича коробья разнаго!.. Вотъ, въ чемъ видишь, осталась, а мужики, сейчасъ околѣть, безъ рубахъ по сосѣдскимъ печамъ укрываются...

— Н-ну д-аа! Знаемъ мы васъ! Который годъ ужъ ходишь такъ, — на погорѣлое съ брата дерешь, — съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ подумала Марѳа Петровна, лобызаясь съ гостьей.

А гость—была сестра Онисима Григорьича, дѣйствительно обитавшая въ одномъ изъ селъ Ярославской губерніи. Она черезъ каждые два года путешествовала отъ родимыхъ пенатовъ въ Москву къ своему единоутробному братцу для того, чтобы выпросить у него, хоша по крайности, пятидесятную, подъ тѣмъ благоприличнымъ видомъ, что, акибы, на погорѣлое мѣсто. Извѣстна она была въ семействѣ единоутробнаго братца подъ немногосложнымъ именемъ сестры Татьяны, оставшейся въ крестьянствѣ, которой, по этому случаю, непремѣнно нужно было помогать не только деньгами, но и, главнымъ образомъ, тѣми отрепьями, какія скапливались въ семействѣ въ два года отдыха отъ ея визитовъ.

— Что же это такое, милая сестрицушка, за пожаръ

былъ, — страсть! докладывала Татьяна, присаживаясь къ самовару. И Богъ ее вѣдаетъ отъ чего это и какъ загорѣлось. — Сказываютъ: все это виндерцы подпаливаютъ. И кой ихъ лѣшій ухитряетъ только на такія дѣла!..

— Н-ну д-да! Разговаривай по субботамъ про виндерцевъ-то. Сама-то ты и есть виндерскій раззоритель,— думала Марѳа Петровна, слушая трагическій разсказъ Татьяны, пришествіе которой такъ удачно напророчилъ сонъ прошедшей ночи.

— Ну что братецъ? Какъ онъ тутъ поживаетъ? Все ли въ добромъ здоровьи?

— Да что братецъ? Братецъ, извѣстное дѣло, работаетъ, рукъ не покладываетъ, потому семья. Пить ѣсть надо, обуться, одѣться, капиталъ заплатить,—отвѣчала хозяйка многознаменательной аллегоріей.

— А мы тамъ прослышали,— развивала гостья разговоръ,—купцы ваши проѣздомъ у насъ въ избѣ останавливались, такъ они сказывали, что, будто, онъ пьетъ, а то бы, говорятъ, богаче вашего брата, можетъ, во всей Москвѣ не было бы, потому очень онъ къ торговлѣ всякой ретивъ и способенъ.

— Что правда, то правда! подтвердила Марѳа Петровна слухъ, занесенный изъ Москвы на дальнюю сторону. Одно горе у насъ: запивойство это проклятое. Столь много оно къ намъ въ домъ зла приноситъ, одному Богу извѣстно.

Разговоръ, попавши сразу въ такъ глубоко прото-

ренную русскими людями колею, дѣлался съ каждой минутой живѣе и дружелюбнѣй.

— Лѣчила бы ты его, милая сестрицушка, умиленно совѣтывала ярославка. Первое дѣло: молитва тутъ оченно помогаетъ, другое...

— Лѣчила ужъ всячески. Сколько капиталу на этихъ лѣкарей да лѣкарокъ потрачено, — плотину, кажется, можно было бъ тѣмъ капиталомъ смостить. Нѣтъ, ужъ вѣрно терпи, авось Господь за грѣхи на томъ свѣтѣ зачтетъ.

— У насъ вонъ у деревенскихъ-то — такъ ведется: ежели какой мужикъ очень наляжетъ на это винище, міръ сейчасъ соберется, да своимъ судомъ его отлупцуетъ какъ слѣдуетъ, ну и ничего: иные, слава Богу, скоро послѣ этого въ память приходятъ и перестаютъ... У васъ вѣдь, небойсь, такъ-то нельзя?

— Кто же на такое лѣкарство изъ образованныхъ людей согласиться можетъ? съ большой досадой спросила у ярославской тетки старшая барышня, которую вмѣстѣ съ безчисленнымъ количествомъ разныхъ моральныхъ совершенствъ, украшало еще и то глубокое убѣжденіе, что она всякій субъектъ, одѣтый по нѣмецки, считала образованнымъ.

— Извѣстное дѣло, ктожъ изъ господъ купцовъ, али бы теперича изъ дворянъ пойдетъ на такое дѣло. Я это такъ только къ слову сказала, какъ у насъ по селамъ дѣлается... Я вотъ въ прошломъ году отъ одной странней богомолки самое вѣрное средство слышала, такъ хотѣла про него сказать. Кто вѣдь ее знаетъ-то?

Сдѣлается — и поможетъ. Богомолка сказывала: дюже, говоритъ, хорошо; я, говоритъ, на многихъ пытала.

— Что же? Какъ? любопытно освѣдомлялась Марѳа Петровна, готовая на всякую жертву для пріобрѣтенія вѣрныхъ рецептовъ отъ запоя.

— Возьми, говоритъ, ты гвоздь двухтесный, распали его до бѣла...

— А потомъ въ крещенскую воду его опустить и той водой поить больнаго девять зорь утреннихъ, девять вечернихъ,—подсказала хозяйка.

— Такъ точно! подтвердила гостья, опечаленная невозможностью услужить чѣмъ нибудь благодѣющему семейству.

— Это мы знаемъ, — на одномъ приказномъ наша кухарка это средство пробовала. Больше трехъ зорь не выдержалъ, на четвертую такъ начесался, и такъ онъ эту самую кухарку исколотилъ, на силу отняли. А ты, говоритъ, съ гвоздя? Когда протрезвился, такъ лечиться больше не пожелалъ, потому, сказываетъ, за что же я ее бить буду — кухарку-то?.. Она, говоритъ, рази въ этомъ виновата?.. Мы ужъ на Онисимѣ Григорьичѣ и не стали пробовать,—побоялись,—опасно должно быть.

— Нѣтъ, сестрицушка,—богомолка про это, т. е., очень чтобы про буйство-то ничего не говорила. Сказывала только, что нѣтъ, быдто, того лѣкарства лекше и пріятнѣе.

— Не знаю, а что у насъ смертоубійство изъ него вышло, такъ это вѣрно я тебѣ сказываю. Мнѣ что же врать-то!

— Извѣстно, зачѣмъ врать,—переспросила ярославка, впадая въ уныніе, конечно, отъ того, въ эту минуту пришедшаго ей на память обстоятельства, что, вотъ, дескать, знаютъ же люди издавна, что врать незачѣмъ, а все врутъ, и что она, — эта самая ярославская Татьяна, — идетъ по такому противорѣчивому пути, прытче, можетъ, всѣхъ людей на свѣтѣ.

Такого рода умственной работой Татьяниной головы, а не чѣмъ либо другимъ, я объясняю и себѣ и вамъ, что въ это время Татьяна глубоко вздохнула и со смиреніемъ, поистинѣ, дѣлающимъ честь ея христіанскимъ чувствамъ, проговорила:

— Ахъ, и грѣшники же всѣ мы великіе, братцы мои,—бѣда! Какъ только еще Господь Богъ Батюшка нашимъ сквернамъ терпитъ?

— Такая грѣховность положенія, а равно какъ и неуспѣшность рецепта *съ гвоздя* произвели между присутствующими тяжелую и продолжительную паузу, которая была прервана Мароой Петровной, никогда очень скоро не покидавшей своей любимой темы о запойной жизни и о многоразличныхъ средствахъ, предлагаемыхъ доброжелательнымъ людомъ въ изцѣленіе отъ ней.

— Были у насъ, голубушка Татьяна, лекаря-то, не хуже вашихъ, да такъ и отошли ни съ чѣмъ. Одинъ такой приходилъ старичокъ отъ Крымскаго моста, и на человѣка-то на настоящаго не похожъ, впереди его котъ сибирскій шолъ, большущій эдакій котище съ усами такими ли страшенными. Ужь Богъ знаетъ, кто изъ добрыхъ людей лекарю этому сказалъ про наше не-

счастье, только онъ къ намъ и приди,—черный такой весь, мозглявый, глаза, какъ свѣчки свѣтятся, и говоритъ тихимъ такимъ шопотомъ. Пришелъ и зашепталъ мнѣ: «слышалъ, говоритъ, про васъ. Ежели хочешь, чтобы я вамъ помогъ, отпирай казну. Мнѣ, говоритъ, казны много надо, потому помощь не отъ меня...

— А Онисимъ Григорьичъ страсть какъ не любитъ этихъ лекарей. Я потому и сказала старику: «можешь ли ты вылѣчить его не видя?» Улыбнулся онъ въ это время, красныя десна оскалимши, и зашепталъ мнѣ со смѣхомъ: ахъ ты, говоритъ, баба дура, а еще купчиха! Рази не видишь, что я не глядя могу все знать, потому на что же я вотъ эту штуку при себѣ за всегда содержу?» Тутъ онъ показалъ мнѣ на кота, а онъ у ногъ его лежитъ, и такъ-то ластится, такъ-то мурлычетъ громко, — ужасъ меня тогда не малый взялъ!..

— Принялся лекарь послѣ такихъ своихъ словъ выдѣлывать съ котомъ разные фокусы. Говори, Василій, — шепчетъ ему, — знаешь ли ты ея хозяина? Котъ сейчасъ разъ къ нему наплечо, приложилъ морду къ уху и замурлыкалъ. Матушка, говорю, Царица Небесная! Что же это такое у меня въ домѣ творится? Ничего, говоритъ, не смущайся. Отслужи послѣ насъ молебенъ съ водосвятіемъ... Тутъ сейчасъ онъ положилъ кота на земь и сказалъ мнѣ: «у твоего хозяина, шепчетъ, волосы бѣлые, брада рыжая, окладистая, ротъ открытый, а въ желудкѣ у него сидитъ червь, напущенъ по злобѣ чернымъ человѣкомъ, знаешь, говоритъ,

какой на каждомъ шагу скверныя слова изъ себя изрыгаетъ!..

— Тутъ я и вспомнила кухмистера Петра Петрова, онъ черный такой, аки уголь, и злобу на насъ еще съ тѣхъ поръ имѣетъ, какъ мы его въ крестные отцы къ нашей Аграфенѣ не взяли, потому онъ изъ лакеевъ и все это, идолъ, при гостяхъ ли, такъ ли, все это онъ никакъ удержаться не можетъ, чтобы *энтихъ*, поганыхъ словъ не говорить...

— Ну что, спрашиваетъ лекарь, послѣ моего раздумья, — вспомнила? Домекнулась, про кого я тебѣ слово сказалъ?

— Домекнулась, говорю.

— Ну такъ поняла теперь, что мы съ Васильемъ всякую для васъ помочь оказать можемъ.

— Поняла.

— Ну такъ бѣжи же проворнѣе въ сундукъ за казной.

Побѣжала я это за казной, какъ онъ приказывалъ, и выношу ему изъ спальни четвертную — новенькая такая бумажка, такъ и шуршитъ въ рукѣ. Поглядѣлъ онъ сперва на бумажку, потомъ на меня, улыбаючись, взглянулъ изъ подлобья, и говоритъ коту: «посмотрика, Василій, чѣмъ насъ за наши благодѣянія благодарятъ? Говоритъ такъ-то, а самъ бумажкой-то коту ноздри щекочетъ. Батюшки мои! Какъ этотъ котище окрысился въ это время! Сроду я такой злющей гадины не привидывала. Какъ зафыркаетъ, какъ зафыркаетъ, шерсть на немъ какъ на свиньѣ встала,

а самъ такъ-то ли сурьезно головой на меня рыжей повелъ...

— Чтоже, спрашиваю я, мало что-ли?

— Да кажись, что шубы-то на такія деньги-то не сошьешь? Это мнѣ лекарь-то въ отвѣтъ сказалъ, а самъ все смѣется, такъ что смѣхъ этотъ меня за одинъ разъ и въ ознобъ и въ жаръ бросилъ.

— Побѣжала я опять за казной, — еще принесла четвертную и ему подала. Только тутъ онъ ужасти какъ разгнѣвался: обѣ бумажки на полъ онъ шваркнулъ и за шапку, а самъ все шепчетъ: «имъ на цѣлую жисть благодѣяніе дѣлаешь, а они тебѣ все равно какъ нищему»...

— Подняла я съ пола обѣ бумажки и сейчасъ же летомъ достала сто серебра и вручила ему. Повеселѣлъ и сказалъ: «вижу, говоритъ, твое усердіе.» Подалъ онъ мнѣ тутъ синенькій пузыречикъ съ какой-то желтой водой и сталъ совѣтъ давать: «каждую пятницу, говоритъ, давай ты мужу по семи рюмокъ очищенной, въ каждую рюмку наливай по семи капель этой воды—и дѣлай это семь пятницъ. Ежели еще не очень туда запущенъ ему червь — въ желудокъ то— такъ, можетъ, онъ къ вечеру первой пятницы выдетъ. Это, говоритъ, бываетъ часто, а ежели онъ крѣпко засѣлъ тамъ, такъ послѣдняя пятница окажетъ себя безпремѣнно.» Простился онъ тутъ со мной и ушолъ,— котъ за нимъ побѣжалъ. Я еще ему говядины такой-то большой кусокъ дала.

— Стала я мужа этимъ самымъ снадобьемъ подчи-

вать. Тошнитъ его, но малость. Думаю: обманулъ старый шутъ. Только гляжу, на четвертую пятницу не вытерпѣлъ Онисимъ Григорьичъ, закричалъ: «бѣжите, говоритъ, за батюшкой-попомъ, душа у меня съ тѣломъ зачинаетъ разставаться. Прибѣжала я къ нему, а червь-то и ползетъ по полу, такъ-то скоро ползетъ, зеленый весь, съ усами,—ползъ, ползъ такъ-то, да въ щель подъ полъ и юркнулъ. Слава Богу, думаю вышло. И прошло послѣ этого случая такъ надо полагать, мѣсяца два,—все крѣпился старикъ — не пилъ. Благодарила я тутъ Бога много, что сто рублей даромъ не пропали. Только чтоже? Сижу я такъ-то однажды подъ окошкомъ и вижу,—видимо-не-видимо подъѣхало къ нашему крыльцу колясокъ, линеекъ, дрожекъ, а впереди съ какимъ-то офицеромъ въ каретѣ *самъ* пріѣхалъ. И ввалила вся эта компанія въ покои, у каждаго въ рукахъ кулекъ съ винами, и загайгакала. Это онъ, милая ты моя Татьянушка, съ одной свадьбы купеческой, на какую столъ подрядился готовить, всѣхъ до одного человѣка—приказныхъ молодыхъ, офицеровъ,— они вѣдь любятъ на даровщинку-то попьянствовать,— къ себѣ притащилъ. И пошла тутъ такая пыль, такое горлодерство — бѣда. Я и говорю ему:

— Опомнись, вѣдь у тебя дочери невѣсты. Гони ты ихъ вонъ. Молчитъ, голову свѣсилъ. Я къ приказнымъ:

— Говорю имъ: такъ и такъ, господа! Какъ вамъ будетъ угодно, а вы ступайте отсюда, не соблазняйте старика, потому я его вылѣчила. Большія, сказываю имъ, деньги заплатила, чтобы изъ него червя запойна-

го выгнали— и сама я своими глазами видѣла, какъ онъ изъ него вышелъ и подъ полъ уползъ. Дайте же, пожалуйста, все пристаю къ нимъ,—покой старику.

Смѣются приказные, глядя на мои слезы.

— Тутъ мы, говорятъ, хозяйка ни въ чемъ не причинны, потому рази другой червь въ немъ завесться не могъ? А вино, говорятъ, мы свое пьемъ. Значитъ ты бы лучше намъ дочерей показывала, потому слышали мы, у васъ денегъ много, такъ можетъ, и женился бы кто...

Топанье и раздѣванье въ передней прервали въ этомъ мѣстѣ разговарившуюся Марфу Петровну. Въ гостиную вошелъ *самъ*, веселый такой, радостный.

— Что? спросилъ онъ, шутливо относясь къ Марѳѣ Петровнѣ. Небойсь все про мужа судачила? Эка старая! До сихъ поръ не отвыкла еще мужа всякому человѣку расхваливать...

— Ба! Сестрица милая! вдругъ воскликнулъ Столешниковъ, примѣтивъ наконецъ гостью. Какими судьбами ты къ намъ залетѣла? Ну-ка давай, милая, поцѣлуемся.

— Братецъ-голубчикъ! отвѣтила на это братнино привѣтствіе стономъ и слезами Татьяна. —А вѣдь мы опять погорѣли!..

— Опять?.. Переспросилъ съ ласковой и разгадавшей всю суть дѣла улыбкой, Столешниковъ. — Ну, авось Богъ милостивъ! Давай-ка, старуха, обѣдать.

III.

— Ну, что, сестра, спрашивалъ Онисимъ Григорьичъ Татьяну въ то время, когда Марѳа Петровна вообще съ кухаркой накрывала на столъ,—какъ тамъ у насъ въ деревнѣ-то? Все ли она тѣмъ же концомъ съ краю стоитъ? А? Али инымъ повернулась? Ха, ха, ха! басовито и покровительственно посмѣивался разбогатѣвшій братъ надъ бѣдной, оставшейся, по фамильному выраженію, въ крестьянствѣ, сестрой.

— Да теперича, братецъ родимый, ежели отъ вашей милости никакого намъ бѣднымъ блага не выйдетъ, такъ она, можетъ, до коихъ поръ безъ конца совсѣмъ простоитъ, — деревня-то — потому вашему здоровью понятно, небойсь, что дворъ родительскій съ краю стоялъ, отшучивалась въ свою очередь Татьяна, и не давая въ тоже время брату забыть про ея горькую нужду.

— Ну, ну, Господь съ тобой! На вотъ возьми, пристраивай съ мужемъ конецъ къ деревнѣ, добродушно отозвался Онисимъ Григорьичъ, при чемъ онъ вынулъ

изъ пузатаго бумажника крупную ассигнацію и подалъ Татьянѣ.—Какъ пойдешь домой, еще на гостинцы ребятишкамъ дамъ, а эту зашей въ рубаху, чтобы, оборони Богъ, не выронить какъ нибудь.

Видя такую добродѣтель, ярославка съ громкимъ воплемъ и обильными слезами бросилась въ ноги сначала братцу, потомъ сестрицѣ, а наконецъ заурядъ и и милымъ племенушкамъ.

— Кормилицы вы наши, благодѣтели! вопила она, тщетно желая отдавить кому нибудь изъ благодѣтелей хоть одну ножку своимъ низкопоклоннымъ лбомъ. Онисимъ Григорьичъ ни подъ какимъ видомъ не допускалъ ее осуществить это намѣреніе.

— Сестра! говорилъ онъ, поднимая ее съ пола,—не грѣши, не человѣкамъ подобаетъ земное поклоненіе, а Господу одному.

Подали обѣдъ, вслѣдствіе чего жалобная сцена прекратилась.

— А что, старушка Божья, отнесся Онисимъ Григорьичъ къ женѣ, сидя уже за столомъ,—ты бы намъ для ради свиданья съ сестрой водочки поставила бездѣлицу, винца бы какого тоже малость прихватила, потому и самой на радостяхъ не мѣшаетъ.

— Охъ, Онисимъ Григорьичъ! простонала Мароа Петровна,—боюсь я, какъ бы ты не того...

— Оставь пустое разговаривать-то, съ прежнимъ благодушіемъ сказалъ старикъ. — Что мнѣ съ одной, али съ двухъ рюмокъ подѣлается? Богъ милостивъ... Вотъ, сестрица, не покидаетъ меня несчастье мое,—

слышала, небойсь, какое? Знаешь? Что ты будешь дѣлать! И къ лекарямъ разнымъ ходилъ, и къ Батюшкѣ Врачу небесному за Его великою помощью прибѣгалъ,—не снимаетъ Господь креста. . Заслужили, должно быть, ну и терпи...

При послѣднихъ словахъ старикъ совсѣмъ измѣнилъ свой шутливый тонъ. Говоря ихъ, онъ какъ будто сильно боялся и стыдился чего-то, вслѣдствіе чего голова его печально склонилась надъ тарелкой, а правая рука, вооруженная вилкой, безсознательно чертила что-то по бѣлой скатерти, вѣроятно, о великости того несчастья, про которое сейчасъ говорили.

— Крѣпиться надоть, братецъ милый! посовѣтовала Татьяна съ тяжкимъ вздохомъ.—Къ Господу-Богу взывать.

— Крѣпимся, на сколько нашихъ слабыхъ силъ хватаетъ,—съ еще большею печалью въ голосѣ отозвался братъ.—Семьѣ обида, своему здоровью разстройка, дѣламъ убытокъ, а передъ Господомъ грѣхъ!.. И замолить того грѣха — не замолишь, потому въ пьянствѣ все...

— Что и говорить, братенюшка, про этотъ грѣхъ? Извѣстно, нѣтъ его больше.

— Н-ну, будетъ про это! закончилъ Онисимъ Григорьевичъ, какъ бы убѣдившись, что словами дѣлу не поможешь.—Выпей-ка вотъ, а потомъ я за тобой.

Какая-то пріятная теплота бросилась въ стариковскую голову послѣ первой рюмки. Горячая кровь яркимъ румянцемъ показалась на морщинистомъ лицѣ и

мягкими, ласкающими волнами заходила по утомленному тѣлу. Вспомнилось почему-то въ это время Онисиму Григорьевичу его давнишнее деревенское житье-бытье: работая надъ супомъ, видитъ, посѣдѣвшій теперь старикъ, какъ онъ маленькимъ мальчишкой, отрепаннымъ, босымъ и голоднымъ бѣжитъ съ салазками по только что выпавшему, ярко бѣлому снѣгу, — рѣзкій осенній вѣтеръ жжетъ ему лицо, по которому текутъ какія-то горячія и соленыя слезы, лохматитъ и безъ того шаршавые волосенки...

— Слава Тебѣ, Боже нашъ, молится про себя Онисимъ Григорьичъ. Не такъ у меня дѣти воспитывались: нужи такой, какъ я, они по Твоимъ великимъ милостямъ, не узнали да и не узнаютъ, пожалуй;—вмѣстѣ съ этой безмолвной думой хозяйская рука-владыка дотянулась до графинчика съ настойкой и угостила довольную своимъ положеніемъ хозяйскую думу второю рюмкой.

— Выпей-ка и ты, сестра, по другой,—лучше ѣсть будешь. Маρѳа! Ты что же не подчуешь гостью-то и сама не пьешь! Скупа она у меня больно, сестра! Такая скопидомка—бѣда! снова зашутилъ старикъ.

— То-то, милый братецъ,—посмѣивалась Татьяна—видючи, какъ она у тебя на добро жадна, я уже и ложки на столъ не покладываю. Вишь, молъ, какая скупящая!..

Засмѣялись обѣ женщины—и выпили. Онисимъ Григорьичъ продолжалъ шутку тѣмъ, что выпилъ третью подъ тѣмъ предлогомъ, что ему, хоша онъ и старикъ,

а отъ бабъ ни подъ какимъ видомъ отставать не приходится.

— Да и веселѣе какъ-то съ бабами-то завсегда,— добавилъ онъ, и принялся за жаркое. Тутъ опять взметнулась въ немъ тяжелая дума о прошломъ: вспомнилось ему десять лѣтъ *въ мастерствѣ*, — десять длинныхъ, какъ сто вѣковъ, лѣтъ, — во время которыхъ нѣсколько разъ отъ побой и старшихъ и сверстниковъ *вспухала* и снова опадала проломляемая и *для лучшаго понятія* и такъ просто *одной шутки ради*, голова, — неоднократно мѣнялось лицо, принимавшее на себя многоразличные узоры многообразныхъ товарищескихъ трепокъ и хозяйскихъ лупцовокъ и даже самая шкура, какъ у рака весной, линяла въ одну недѣлю. какую нибудь несчастливую, раза по два, а иной разъ и по три.

— Господи, твоя воля! Вотъ каторга-то была! рѣшительно можно сказать, что безъ малѣйшаго удовольствія отдавался Онисимъ Григорьичъ этому воспоминанію, потому что на лицо его въ эту минуту снова легли какія-то мрачныя тѣни. Дивлюсь, продолжалъ думать старикъ,—какъ это только животъ свой я сберечь ухитрился?

Новая рюмка, выпитая хозяиномъ, заставила обѣдающихъ боязливо переглянуться другъ съ другомъ. Марѳа Петровна протянула была трепещущія руки къ графину, чтобы убрать его со стола.

— Погоди, Марѳушка,—съ нѣкоторой досадой вос-

противился *самъ* этому намѣренію. Вотъ допьемъ, тогда уберешь, видишь, ужъ немного осталось.

Затѣмъ встало въ умѣ хлопотливое, купецкое житье, грѣшное, обманное житье, съ вѣчными заботами, съ напрасной божбой...

— Охъ, дѣтки, дѣтки! покачивая головой, мысленно восклицалъ Онисимъ Григорьичъ. Много для васъ я на свою душу грѣховъ взялъ!...

Графинъ былъ въ это время окончательно порѣшенъ и послѣднія блюда уже не существовали для хозяина. Досиживая обѣдъ, онъ уже ни къ чему не прикасался, ни съ кѣмъ не говорилъ, а только помахивалъ головой, изрѣдка улыбался чему-то и шепталъ что-то, извѣстное и понятное ему одному.

— Началось! шепнула Марѳа Петровна Татьянѣ. На грѣхъ тебя Богъ къ намъ принесъ...

И дѣйствительно, въ это время можно было сказать, что началась самая суть той съ вида тихой жизни, какую я показывалъ вамъ вначалѣ, потому что лишь только кончился обѣдъ, какъ Онисимъ Григорьичъ, ограничивавшійся доселѣ однимъ безмолвнымъ думаньемъ, заговорилъ — и заговорилъ громко и повелительно:

— Марѳа! Вотъ тебѣ три серебромъ, пошли взять рому ямайскаго, да самоваръ вели становить. Да смотри, чтобы ромъ не какой нибудь былъ,—за эту цѣну можно хорошаго достать. Плохимъ головы вамъ вымою... За васъ хлопочи, а вы нѣтъ чтобы удовольствіе какое доставить старшому... Эхъ вы!...

Домашніе, какъ бы заслышавъ приближеніе бури, присмирѣли: разговоры, за минуту передъ тѣмъ оживлявшіе молчаливую гостиную, замерли, свѣтлыя, или покрайней мѣрѣ, старавшіяся быть свѣтлыми отъ тятенькиныхъ шутокъ лица, омрачились предчувствіемъ какой-то бѣды. Все смолкло, кромѣ свѣтлаго самовара, неистово бурлившаго на столѣ,—густой паръ, валившій къ потолку изъ его широкаго, жестянаго горла, совсѣмъ скрылъ своими сизыми тучами зеленорозовые колеры, которыми въ такомъ изобиліи покрыты были амуры, лиры и рога изобилія. Все въ комнатѣ посѣрѣло отъ клубовъ самоварнаго дыма и печально нахмурилось, а по стекламъ такъ даже потекли зигзагами крупныя слезы.

— Ахъ и народъ же у насъ въ Москвѣ подлецъ сталъ, Татьянушка! какимъ-то стонающимъ басомъ говорилъ сестрѣ Онисимъ Григорьичъ, доливая трехрублевымъ ромомъ полстакана чаю. Теперича ты вотъ глядишь на меня и, небойсь, думаешь, разбогатѣлъ братъ, счастливъ сталъ. Какъ же? Держи карманъ шире. Ежели бы, т. е. я отъ крестьянской работы не отучился, сейчасъ бы въ деревню ушолъ, все бы это заведеніе дурацкое вотъ имъ бросилъ. При этомъ старикъ грозно взглянулъ на жену и на дочерей, и какъ бы уже окончательно выходя изъ своего дома на трудовую, деревенскую жизнь, сказалъ имъ:

— Нате вотъ, разживайтесь отцовскимъ добромъ съ легкой руки. Отецъ-то его, можетъ, потомъ да кровью пріобрѣталъ, а вамъ даромъ достается. Разживайтесь.

Очень смѣялся. Онисимъ Григорьичъ, когда говорилъ эти слова, кланялся вставши со стула, какъ барышня молодая, съ присѣстомъ, и ручкою дѣлалъ.

— Разживайтесь, разживайтесь! Я не пожалѣю, я себѣ съ помощью Создателя и добрыхъ людей, еще наживу, — д-да! Вотъ вы то какъ безъ отцовской головы пробавитесь, увидимъ, а не увидимъ такъ услышимъ. Такъ-то.

— Что это, братецъ, заговорилъ ты все эдакое неподобное? осмѣлилась спросить Татьяна. Рази они могутъ безъ родителя своего жить?

— Ты еще ихъ не знаешь, Татьяна! Тебѣ ихъ скоро раскусить никакъ невозможно, — съ громкимъ и злымъ смѣхомъ отзывался Онисимъ Григорьичъ. Теперича вотъ эта самая старуха: ты не гляди, что она такая смирная. Въ ней и не сочтешь, сколько бѣсовъ насажено. Видишь, видишь, какъ она на меня бѣльмы-то выпучила, ровно съѣсть хочетъ. Она всю жизнь добивалась заѣсть меня, да нѣтъ! не на такого напала!.. А дочери: онѣ денно и нощно о моей смерти Бога молятъ, потому какъ только я протяну ноги, сейчасъ онѣ маршъ за офицеровъ за мужъ... И пойдутъ тогда эти офицеры добро мое къ дѣвкамъ возить, да въ карты проигрывать. Нѣтъ, погоди, шалишь! Молоды еще, въ Саксоніи не бывали! Я вамъ дамъ офицеровъ. Н-ну, дѣлайте мнѣ пуншъ, шельмы! Сдѣлали? Теперь вонъ! Чтобы вашего ду-у-ху не пахло здѣсь, — я одинъ буду.

— Н-у, сестрица! шептала Марѳа Петровна Татьянѣ. Запримѣтила я: коли вотъ онъ поначалу раскуражится

такъ-то, такъ весь запой будетъ куражный, съ буйствомъ и дракой. Берегись теперь, а то какъ разъ затрещиной пожалуетъ. Намъ не впервой, ты смотри не обидься.

Но долголѣтняя опытность Марфы Петровны въ дѣлѣ распознанія тѣхъ примѣтъ, по которымъ она опредѣляла заранѣе характеръ запоя своего мужа, нынѣ обманула ее. Вмѣстѣ съ наступленіемъ вечера,—мрачное настроеніе духа Онисима Григорьича измѣнилось на тихое. Бесѣдуя въ потьмахъ съ клокочущимъ самоваромъ и ромовой бутылкой, хозяинъ вдругъ принялся скорбѣть и тужить о томъ, что онъ такъ безвинно обидѣлъ жену и дочерей.

— Все это ты дѣлаешь, подлая! ругалъ онъ бутылку, колотя пальцемъ по ея преступному горлышку. Все ты!—Марѳуша! Поди убери ее, проклятую отъ меня, чтобы она меня не соблазняла. Дѣти! Идите сюда. Видите, вотъ сестра моя, а ваша тетка пришла къ намъ. Такъ подобаетъ намъ теперича сидѣть всѣмъ вмѣстѣ и съ веселіемъ разговаривать.

Принялся послѣ этого старикъ горько плакать, просить у всѣхъ прощенія, — обѣщалъ, что онъ уже теперь ничего хмѣльнаго въ ротъ не возьметъ и въ тоже время убѣдительно просилъ жену и дочерей, чтобы онѣ налили ему послѣднюю изъ своихъ рукъ. Выпивши изъ рукъ жены, онъ вынималъ изъ бумажника деньги, дарилъ ихъ Марѳѣ Петровнѣ на гостинцы и съ ласкою и со слезами говорилъ:

— Дура, возьми! Ты думаешь, я для тебя что нибудь пожалѣю, что-ли!

Тоже онъ выкидывалъ съ дочерьми, Татьяной и даже съ кухаркой. Дворникъ, кучеръ и нѣкоторый бѣлоголовый и растрепанный парень, обучавшійся у Столешникова оффиціантскому дѣлу,—всѣ до одного человѣка были призываемы имъ изъ кухни въ гостиную, всѣ до одного изъ устъ самаго хозяина выслушали убѣдительныя просьбы простить ему, ежели онъ ихъ чѣмъ обидѣлъ.

— Убей меня Богъ на семъ мѣстѣ, божился хозяинъ, кланяясь въ ноги своимъ подручнымъ,—ежели я теперича на счетъ этого вина... Ни, ни!

— Мы ваше степенство, очепно этому рады! отвѣчали подручные валяющемуся въ ихъ ногахъ хозяину. Мы, можно сказать, объ этомъ денно и нощно Господа-Бога молимъ.

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи одно: уже не шумѣлъ, а тихо такъ, какъ бы молитвенно, говорилъ хозяйскій голосъ. Нѣтъ ты мнѣ одно скажи, Лукаша! Прощаешь ты меня, или нѣтъ?

— Прошшаю! отвѣчалъ великодушно Лукаша, валясь въ свою очередь въ хозяйскія ноги.

— Ну, ежели прощаешь, такъ получи на гостинцы!.. Т. е. ты я знаю: пить любишь... Пей! Теперича ничего...

— Много вашей милости благодарны. А что ежели насчотъ питья, такъ это напрасно, — отрезонивалъ никогда не сознающійся въ своей лжи русскій человѣкъ.

Темная ночь пришла, кухонные субъекты ретировались во свояси. На стѣнныхъ часахъ, въ краснодеревомъ футлярѣ, пробило одиннадцать. — Подали ужинъ.

— Ну, милые вы мои, сказалъ Онисимъ Григорьичъ, какъ бы совсѣмъ отрезвившись. Баста. Простите по христіански, что я пошутилъ съ вами немного. Вѣдь, ей же ей! я не пьянъ. Я только это васъ пробовалъ: думалъ, что вы всѣ меня бить приметесь.

Такъ наконецъ, промахнувшійся передъ гостьей Онисимъ Григорьичъ, вздумалъ маскировать свой промахъ, не желая показать сестрѣ, что онъ когда нибудь серьезно запиваетъ.

— Ахъ и шутникъ же вы братецъ! воскликнула Татьяна, всплескивая руками, — и затѣмъ она, обращаясь къ Марѳѣ Петровнѣ, сказала:

— А я думала, что онъ заправду.

— Вотъ то то и есть, что городской теленокъ умнѣе деревенскаго мужика, — сказалъ Онисимъ Григорьичъ, стараясь изъ своего посинѣлаго, подергивавшагося лица, сдѣлать лицо трезвое, хорошее, какое бы не конфузило его предъ сестрой, оставшейся въ крестьянствѣ.

Такимъ образомъ московско-купецкія приличія были соблюдены — и сестра крестьянка, волей-неволей, подумала, что это *они такъ только*, что такія шутки, по великому ихъ богачеству, кажинный день у нихъ въ домѣ бываютъ.

— Н-ну и кончено! съ видомъ непоколебимой рѣшимости воскликнулъ Онисимъ Григорьичъ, поднимаясь изъ ужина и крестясь на блиставшія золотомъ, сере-

бромъ и разноцвѣтными каменьями иконы. Благодарю тя, Господи, яко насытилъ мя еси земныхъ Твоихъ благъ,—молился онъ, икая, какъ слѣдуетъ, съ закрытіемъ правой ладонью грѣшныхъ устъ. Ничего, ребята, не робѣйте,—къ утру, какъ слѣдствуетъ, будемъ въ лучшемъ видѣ. Вся эта фанаберія, какъ сонъ пройдетъ...

— Ну и слава Богу! усердствовала Татьяна, крестясь.

— Такъ-то лучше! подтвердила Марѳа Петровна. Спаси тебя Богъ и помилуй.

— Тол-ль-лько ты, Марѳуша, какъ теперича я тебѣ по душѣ сказываю, — снова заговорилъ Онисимъ Григорьичъ съ добродушнѣйшей улыбкой,—послѣднюю мнѣ налей, ротъ пополоскать, потому я теперича въ тихости и скромности, какъ передъ Богомъ!

— А мы было уже спать собрались, — отвѣчала жена, покорно наливая требуемую, послѣднюю рюмку. Пей, Онисимъ Григорьичъ, да будетъ ужъ, пора и тебѣ на спокой. Ей Богу! что толку-то? самымъ убѣдительнымъ и ласковымъ образомъ упрашивала Марѳа Петровна, имѣя въ виду расположить супруга къ мирному и безбуйственному отшествію въ постелю.

— Да не буду же больше, право не буду! наставительно обѣщался хозяинъ. Вотъ на зло этому мерзавцу не буду больше,—прибавилъ онъ сердито, указывая на стеклянный шкафъ, въ который Марѳа Петровна предусмотрительно запрятала и водку и бутылку съ непоконченнымъ ромомъ.

Дочери, въ свою очередь, подходя къ отцу и, цѣлуя у него ручки, говорятъ:

— Тятенька! мы тоже отходимъ ко сну-съ!

— Отходите, отходите,—прощайте.

Мать въ это время принимается изъ за плечей мужа многозначительно моргать дочерямъ и онѣ, какъ нельзя болѣе знакомыя съ этимъ морганьемъ, усаживаются на полу, чтобы какъ можно лучше изловчиться стащить сапоги.

— Только мы, тятенька, передъ сномъ разуемъ васъ, — поддѣлываются дѣвушки подъ отцовскую милость, — позвольте намъ, тятенька, сапожки съ васъ снять. Мы потихоньку, чтобы у васъ головка не заболѣла, раскачамшись.

— Охъ вы, разбойницы! ласкалъ ихъ отецъ. Ну, ну, разувайте; а потомъ,—обѣ вы мнѣ одну махонькую на сонъ грядущій налейте, — я изъ вашихъ рукъ выпью—и сейчасъ же спать, — Ей-Богу! наливайте-ка!

— Ну теперь: его же царствію не будетъ конца,— шепнула Марѳа Петровна Татьянѣ въ передней. Запилъ на бѣду! ты не гляди на него, какъ это онъ смиренствуетъ,—это все такъ: блезиръ одинъ.

— Ты бы его, голубушка-сестрица, на спокой какъ нибудь уложила. Онъ бы, можетъ, сномъ отошелъ.

А между тѣмъ Онисимъ Григорьичъ положилъ на столъ побѣдную голову и задумался. Жена стояла около него, подперши ладонями щеки въ самой слезливой позѣ.

— Ну что же, Онисимъ Григорьичъ! иди спать.

— Погоди, погоди, Марѳуша! дай подумаю, — ты

ступай себѣ спи. Только, милая ты моя, какъ пойдешь спать, поднеси мнѣ, пожалуйста.

Жена попробовала было возразить, но мужъ самъ перебилъ ее и сказалъ:

— Не нужно, не нужно! это я такъ пошутилъ... Ты полагаешь, Маршуша, что я съ *нимъ* не слажу? слажу, будь оно проклято! не хочу, не буду пить,— вотъ тебѣ и все? пойдемъ-спать!

— Эхъ ты, подушка, подушка, бормоталъ Онисимъ Григорьичъ уже на постелѣ. Много я съ тобой кой о чемъ въ свою жизнь передумалъ... И тутъ мечется ему въ зажмуренные глаза бывшій когда-то хозяинъ Ѳома Ѳомичъ. Стучитъ Ѳома Ѳомичъ толстымъ костылемъ о звонкій полъ, скрежещетъ отъ злости зубами и кричитъ на трепещущаго ученика:

— А, мошенникъ! А, разбойникъ! Ты меня срамить вздумалъ? ты на вчерашнемъ ужинѣ капитану Подтыкаеву мороженое напередъ князя Чингалищева подалъ. Вотъ тебѣ за это! вотъ помни — и костыль Ѳомы Ѳомича ходилъ по плечамъ и спинѣ Онисима Григорьича такъ хлестко, что тѣ плечи и спина такъ и трещатъ подъ нимъ.

— Экой дьяволъ какой! тьфу! до сихъ поръ никакъ забыть не могу. Какъ вспомню про него, такъ это сейчасъ и тянетъ меня къ водкѣ,—отплевывается отъ стариннаго хозяина Онисимъ Григорьичъ.

— Да спи ты, Онисимъ! шепчетъ Марѳа Петровна. Когда тебя угомонъ возьметъ? натужься: усни!

— И натужусь, Марѳа! Ей-Богу, натужусь! вотъ

же сказалъ, что не хочу пить—и не пью—и не буду, потому я своему слову, ты знаешь, завсегда господинъ.

Марѳа Петровна, ободренная этими словами, крѣпко заснула, а Онисимъ Григорьичъ продолжалъ молчаливо восторгаться тою мыслью, что вотъ онъ сказалъ, что не будетъ пить—и не пьетъ.

— Да нѣтъ! гдѣ *ему* со мной совладать? впрочемъ не выпить ли мнѣ напослѣдяхъ? крѣпче усну послѣ. Небойсь, шутъ *его* подери, одной-то не задолѣетъ!..

— Да нѣ-ѣ-тъ! не обманешь, бѣсъ, не надуешь! не буду! тьфу! и тутъ въ головѣ Онисима Григорьича поднялась такая кутерьма, такая белиберда, что хоть топиться, такъ въ ту же пору: стекольчатый шкафъ съ водкой, манилъ его къ себѣ тусклымъ свѣтомъ своихъ стеколъ, — амуры налетѣли на него съ потолка, трепещутъ надъ его головой своими крыльями и шепчутъ: ступай, Онисимъ Григорьичъ, пей, выпей рюмочку, послѣднюю, да засни. Толстый диванъ и криворукіе кресла совсѣмъ осиплыми густыми басами совѣтуютъ, съ худо скрываемыми, неуклюжими улыбками, тоже самое; а своя собственная воля идетъ въ разрѣзъ со всѣми этими совѣтами, а внезапно появившійся откуда-то Ѳома Ѳомичъ, стучитъ костылемъ, грозится и кричитъ такъ громко, что голова Онисима Григорьича въ дребезги, кажется, разлетѣться готова.

— А мошенникъ! а разбойникъ! ты ужь пить выучился?..

— О Господи! шепчетъ Онисимъ Григорьичъ, отжени врага; а самъ въ это время потихоньку, чтобы не разбудить жены, всталъ съ постели на ципочкахъ, пробирается по комнатамъ къ стекольчатому шкафу, воровски отворяетъ его и затѣмъ слышится во тьмѣ спящаго дома какое-то булькапье, крехтанье, отплевыванье и шопотъ:

— Боже, Боже ты мой! не попусти врагу вдосталь обидѣть меня... Баста! теперь больше не буду...

На другой день раннимъ утромъ Марѳа Петровна и Татьяна разомъ вошли въ гостинную. Въ ней, раздѣтый и разутый сидѣлъ за круглымъ столомъ Онисимъ Григорьичъ, поникнувъ головой къ столовой доскѣ. Передъ нимъ стоялъ штофъ водки, ромовая бутылка и стаканъ, налитый вполовину ромомъ, вполовину водкой.

— Онисимъ Григорьичъ! Онисимъ Григорьичъ! окликнула его жена.

— А т-ты ч-чорртъ! только и могло слетѣть съ посинѣлыхъ губъ Онисима Григорьича въ отвѣтъ Марѳѣ Петровнѣ.

— Братецъ милый! завопила Татьяна. Рази можно такъ-то ругаться?

— А ты чорррртъ! былъ и ей одинаковый отвѣтъ. А? ты опять погоррѣла!.. заговорилъ братъ, сверкая и злясь воспаленными глазами. Ты опять брата обманывать пришла. Пойду вотъ сейчасъ взлѣзу на крышу, да оттуда внизъ головой и брошусь, потому рази съ вами—съ обманщиками—можно жить?..

Съ этимъ словомъ Онисимъ Григорьичъ выбѣжалъ изъ гостинной, живо забрался на крышу и заоралъ во все горло: крраулъ!

Въ домѣ по этому случаю поднялся крикъ, а по всей дѣвственной улицѣ сплошной хохотъ...

ГРАФЧИКЪ.

I.

Полдневное лѣтнее солнце, такъ сказать, насквозь пронизывало одну московскую биржу, необыкновенно пыльную и раскаленную. Лихачи-извощики, стоявшіе на ней, то и дѣло обмахивали своихъ вспотѣвшихъ рысаковъ густыми, волосяными хвостами.

— Нну, чтобъ тебя чортъ взялъ! Задурилъ опять! слышались, по временамъ, въ этой удушливой тишинѣ досадливые возгласы; затѣмъ раздавались то тяжелая столбуха, обрушенная извощичьимъ кулакомъ на лошадиную морду, то храпъ самой лошади, то звонкое бряцанье ея франтовской сбруи изъ накладнаго серебра.

— Алешка! Что тебя лѣшіе-то, идола, обуяли? Что ты, ровно волкъ всегда на лошадей накидываешься? Гляди: прогонитъ тебя хозяинъ, потому я когда нибудь безпремѣнно на тебя разозлюсь — и все ему разскажу. Помнишь, лѣшій, какъ ты зубы разбилъ въ кровь пѣгенькому жеребчику?..

*

— Поди къ чертямъ, да тамъ имъ и разсказывай,— угрюмо отвѣчаетъ Алешка.

— Ахъ! взываетъ кто-то. Хорошо бы теперича на рубь-цѣлковый съѣздить. Сичасъ бы въ трактиръ до самой-то, что ни есть вечерней зорюшки закатился.

— А-а-ахъ, ахъ! тоскуетъ еще чей-то ротъ, смачно и широко позѣвывая. Съѣздишь нынѣ скоро-то, чорта съ три!.. Обопрѣешь тутъ, на жарѣ на такой стоявши, а потомъ ужь, може, и позовутъ къ кому за полтинникомъ на три часа.

— Д-дила, братцы мои! Куда только это всѣ деньги подѣвались. Какъ есть ни у кого денежки нѣтъ ни единой! Все-то норовятъ въ долгъ да на шаромыгу,— наровитъ тебя нонича всякъ человѣкъ какъ нибудь объѣхать, да объегорить.

— Ну ужь тебя-то объѣдешь, — тебя-то и объегоришь-то, — съ горькимъ смѣхомъ выразился молодой парень, самый, должно быть, лихой изъ лихихъ всей биржи, потому что одѣтъ онъ былъ въ тонкаго сукна кафтанъ, опоясанъ широкимъ, канвовымъ поясомъ, съ серебряной серьгой въ лѣвомъ ухѣ и въ бархатной шапкѣ съ великолѣпнымъ разваломъ.

Подпершись одной рукою въ бокъ, а другою поигрывая красивымъ кнутомъ, парень обернулся къ дядѣ, плакавшемуся сейчасъ на то, что, будто, всякъ наровитъ его объѣхать и объегорить, и, задирательно поглядывая на него, продолжалъ:

— Кто тебя обманетъ тому и вѣку-то всего только что семь сутокъ останется!

— Ну ты, чертина! отвѣтилъ дядя. Што ты ко мнѣ привязываешься завсегда. Ай тебя, стервеца, отецъ съ матерью давно за космы не таскали, што ты все къ старымъ людямъ пристаешь?

— Не ругайся: горло прорву. Не люблю я такихъ старыхъ-то... Мошенство въ тебѣ одно, да слезы... Сказалъ: не люблю, такъ ты и молчи знай, когда я тутъ... Безъ меня, што хочешь бреши...

— Ишь ты, ишь ты владыка какая нашлась,— злобно, но сдержанно ворчала рыжая, но уже облысѣлая голова. Ужь и слова сказать при немъ не моги...

— Пог-говори у меня! закипая и синѣя отъ прилива лихости на неправду, протяжно сказала бархатная шапка. Идемъ, ребята, въ харчевню чай пить. Коего тутъ шута на жарѣ дѣлать?

— Въ самъ дѣлѣ пойдемъ, ребята! Лучше лаиться-то, штоли? Затѣмъ всею гурьбой потянулись синіе армяки въ харчевню — и биржа опустѣла. Остались на ней только сѣрые столбы неистово крутящейся пыли, да благородные рысаки, потупившіе красивыя, гордыя головы въ зеленыя колоды.

На сосѣдней колокольнѣ уныло пробило часъ. Палящія солнечныя молніи ливнемъ лились на улицу съ ярко-вызолоченныхъ крестовъ и этой колокольни и около нея стоявшихъ церквей,—лились онѣ такъ стремительно, какъ пламя пожара и, казалось, толковали шумной столицѣ, что дескать: ну-ка, выди-ка кто, попробуй! Небойсь, человѣче, вдоволь попаришься...

И столица, какъ бы понимая эти рѣчи, была очень

тиха въ это время. Рѣдко, рѣдко какой нибудь безпокойный, вѣроятно, потому что бѣдный, перебѣжитъ биржу легкимъ развальцемъ, съ зажмуренными глазами и съ раскрытымъ, задыхающимся ртомъ, который тяжело пышалъ такими пламенными словами:

— Вѣдь вотъ и Москва, вотъ и столица; а улицъ все-таки полить не догадаются... А деньги, братцы мои, и — ихъ какія на эту самую Москву засажены — бѣда!..

II.

И вотъ въ такую-то пору, когда лихачи всего менѣе могли ожидать добычнаго сѣдока, изъ-за угла биржи съ стекляннаго подъѣзда, со строгимъ, хотя и не особенно ливрейнымъ швейцаромъ, быстро соскочилъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати двухъ, небольшаго роста, но коренастый, на короткихъ, толстыхъ ногахъ, дѣлавшихъ его весьма похожимъ на медвѣдя. Одѣтый въ дорогую, отъ самаго лучшаго портнаго, но страшно смятую и вываленнную въ пуху жакетку, онъ тѣмъ не менѣе былъ рѣшительно безъ всякой покрышки на всклокоченной головѣ! Скорый бѣгъ и безкартузность этого человѣка тѣмъ болѣе удивляли наталкивавшихся на него, что на его жилетѣ болталась толстая, золотая цѣпочка отъ часовъ.

— Вотъ, должно, купецъ какой нибудь запилъ; али, можетъ, кто отъ отцовской лупки бѣжитъ... про себя предполагали прохожіе.

Но на угреватомъ лицѣ молодаго человѣка ничуть нельзя было разобрать, отъ чего, и за чѣмъ и куда онъ бѣжитъ. Освѣщенное свѣтомъ здоровенной выпивки, оно сіяло какими-то безсмысленными красновато-свѣтлыми лучами и машинально стремилось куда-то, что только отчасти давало право наблюдательному человѣку предполагать, что этому лицу дѣйствительно нужно стремиться, бѣчь, уходить — и только.

— Я съ вами пог-твор-рю опосл... тихонько бурлила жакетка, обрывая слова на послѣднихъ словахъ. Др-ржать; в-зать себя, не поволл... Я чл-э-къ обр-рзвынный, а онъ кто?..

При этомъ вопросѣ на безсмысленномъ лицѣ бѣжавшаго промелькнуло даже что-то въ родѣ улыбки, похожей на улыбку всякаго смертнаго.

— Я тр-пѣлъ, я долго тр-пѣлъ. Поди ты теперь потр-пи!..

Ватага разнаго народа, подъ предводительствомъ усастаго швейцара, вывалилась въ это время изъ стекляннаго подъѣзда и стремительно погналась за жакеткой, выкрикивая на разные голоса:

— Петръ Ѳедосѣичъ! Петръ Ѳедосѣичъ! Воротитесь, ради Господа Бога. Мы вамъ дома всякое удовольствіе предоставимъ... Чего только ваша душа пожелаетъ...

Были въ этой ватагѣ, и, такъ называемые въ Москвѣ, хозяйскіе молодцы, въ длинныхъ до пятъ нанковыхъ сюртукахъ, въ русскихъ большихъ сапогахъ, съ серьгами въ ушахъ,—были и лакеи во фракахъ, съ часами. Неслось все это за моимъ героемъ во весь

карьеръ, такъ что стонъ заходилъ по тихой улицѣ. Сзади этой, во весь опоръ проскакавшей кучки, остались даже какія-то пузатенькія старушки, въ полинялыхъ ситцевыхъ платьяхъ, въ повязкахъ. Сложили онѣ на своихъ животикахъ коротенькія ручки и, видя, что уже нѣтъ, не догнать имъ этой стремительной бури, пронесшейся жаркой улицей, что куда же ихнимъ старымъ костямъ угоняться за этою бурей, онѣ громко и съ обильными слезами вопили всѣ:

— Матерь Божія! Заступи и помилуй! Что мы теперь, сироты, дѣлать будемъ?

— Что такое? Что такое? вскрикивали магазины и лавочки, быстро распахиваясь.

— Что тамъ такое, не пожаръ ли? чего Боже избави! расхлопывались окна домовъ, ослѣпляя людскія глаза своими молнiйными отблесками.

— А, ха, ха, ха! хохоталъ кто-то изъ третьяго этажа. Да это опять графчикъ, Петръ Ѳедосѣичъ Свистунщиковъ запилъ, отца изъ дома проводивши. Молодецъ! Вишь какъ улепетываетъ. Его теперь не только что домашней ордой, а семью стаями гончихъ угнать нельзя.

И точно, что никакими гончими нельзя было догнать Петра Ѳедосѣича Свистунщикова. Какъ заяцъ, напуганный легкой ранкой, несся онъ впереди своихъ преслѣдователей, закинувши назадъ голову, съ громкими, молящими воплями:

— Извощикъ! Извощикъ! Подавай живѣй, озолочу! Андрюшка! Чортовъ сынъ, гдѣ ты? Подавай!

Но уже усатый швейцаръ настигаетъ его прямо съ тылу. Онъ уже готовится схватить хозяина за жакетку,—другой молодецъ, красный весь отъ натуги, оленемъ летитъ въ перерѣзъ, взявши черезъ проходной дворъ...

— Гибнетъ Свистунщиковъ! хохочутъ лавочки, магазины и окна.

— Сс-пасс-си-и! дишкантами вопіютъ пузатенькія старушонки, подвигаясь, сообразно съ своими костями, къ самому мѣсту дѣйствія.

— Из-зво-ощи-икъ! Андр-рю-юшка—уб-бью! во всю грудь реветъ Свистунщиковъ — и бацъ кулакомъ въ ѣдало ужаснаго швейцара. Угрюмое, сплошь заросшее мрачными, черными волосами ѣдало веселѣетъ, какъ будто, отъ этого баца, потому что серьозный подбородокъ швейцара окрасился въ это время тоненькими кровяными струйками.

— Р-разъ! съ хохотомъ орутъ лавочки, магазины и окна. Петръ Ѳедосѣичъ! Гляди, гляди: молодецъ-то съ боку къ вамъ подбирается,—рекомендуютъ зрители.

— Д-два! грохочетъ толпа въ тактъ, другой оплеухѣ, которую закатилъ Свистунщиковъ подбиравшемуся съ боку молодцу.

— Ат-тлична хорошо! Бис-спадобно! поощряетъ улица.

— Молодецъ! Теперь уйдетъ безпремѣнно!

— Не уйдетъ,—задніе сейчасъ схватятъ...

По всей вѣроятности, задніе схватили бы Свистунщикова, если бы тридцать пролетокъ, запряженныхъ

отличными, застоявшимися на жарѣ рысаками, не двинулось бы на преслѣдователей съ страшнымъ громомъ, ругательствами, понуканьями, взмахами кнутовъ и проч.

— Ваше сіятельство! Ваше сіятельство! Со мной, со мной пожалуйте! бурлили извощики, загораживая купчика отъ его оравы храпящими лошадиными мордами.

Лысый дядя, жаловавшійся недавно на общее оскудѣніе въ родѣ человѣческомъ денегъ и правды, уже встаскивалъ было Петра Ѳедосѣича за рукавъ въ свою пролетку; но самымъ лютымъ образомъ подскакавшій въ эту минуту молодой Андрюшка хватилъ кулакомъ въ лобъ лысаго дядю, такъ что онъ опрокинулся навзничь въ свой экипажъ и повезъ, вмѣсто лакомаго сѣдока, самого себя, — живо вздернулъ Петра Ѳедосѣича къ себѣ, щелкнулъ языкомъ—и завалилъ такъ, что, по общему громкогласному отзыву глазѣвшей улицы, всѣхъ чертей стошнило отъ того, какъ онъ завалилъ.

Очень это была оживленная картина!

Одинъ сѣдой, сморщенный и сгорбленный монахъ стоялъ у ближней часовни, поставленный въ ней для присмотра за неугасимыми лампадами и свѣчами,—такъ того монаха вся Москва знаетъ ужъ лѣтъ тридцать и ни разу не видала, чтобы онъ когда нибудь разсмѣялся. Вѣчно, бывало, стоитъ онъ въ ярко-освѣщенной, рѣшотчатой двери часовенки и шепчетъ помертвѣлыми дрожащими губами тихія, неразборчивыя молитвы; а и у него, когда онъ смотрѣлъ на эту свалку, говорятъ, показалась, какъ бы тихонькая улыбочка, обнажившая беззубыя, стариковскія десны...

III.

Съ каждымъ кварталомъ все пуще и пуще забиралъ Андрюшкинъ рысакъ, съ каждымъ шагомъ, все выше и выше задиралъ онъ граціозную голову и дѣлался чертѣе и чертѣе. Сыпались искры изъ подъ его звонкихъ копытъ--и все встрѣчное до столбняка засматривалось на эти недогоняемые, широкіе и, какъ мгновеніе, быстрые шаги сѣраго въ яблокахъ, — на Андрюшку, натянувшаго зеленыя шолковыя возжи, и по временамъ наклоняющагося, то на тотъ, то на другой бокъ, съ цѣлью во всей точности разузнать, не сбивается ли съ шагу рысистый красавецъ, и не смѣется ли улица этимъ *сбоимъ*, если бы таковые, на его Андрюшкинъ великій срамъ, на лицо оказались.

Но какъ буйнымъ вѣтромъ снялся съ мѣста рысакъ, такъ и теперь несется и безъ сбоя, и безъ малѣйшей потери огня, которымъ дышало его упругое, благородное тѣло, такъ что давно уже промелькнули всѣ эти

«будки, бабы,
«Мальчишки, лавки, фонари,
«Дворцы, сады, монастыри,
«Бухарцы, башни, огороды.
«Купцы, лачужки, казаки,
«Аптеки, магазины моды,
«Балконы, львы на воротахъ
«И стаи галокъ на крестахъ».

Все это, говорю, давно промелькнуло и осталось назади, а ни рысакъ, ни Андрей, ни Свистунщиковъ, ни даже на единую іоту, не осрамились Все шло своимъ чередомъ: Петръ Өедосѣичъ. замирая, кутилъ, а Андрей жогъ и заработывалъ деньгу.

Жар-рь ихъ! изрѣдка только покрикивалъ купецъ въ пьяномъ просоньи на Андрея, какъ бы натравливая его на необозримыя враждебныя арміи.

— Будьте спокойны-съ, серьезно отвѣчалъ лихачъ, могу сказать, что ежели всю биржу на ноги поднимутъ, такъ и то на задахъ оченно далеко останутся... Эфто я вамъ, какъ передъ Богомъ съ!...

— М-лладецъ—Андрейка! Я тебя за это озолочу.., Да что же это я, въ самомъ дѣлѣ, дремаю? На-ка вотъ тебѣ покамѣстъ красную бумагу...

—Много благодарны Петръ Өедосѣичь! отвѣчалъ лихачъ, поворачиваясь къ сѣдоку, для того чтобы принять десятирублевку.

Послѣдовала нѣкоторая незначительная пауза, не между сѣдоками, а, такъ сказать, замолкъ на нѣкоторое время, дѣйствительно, жгучій шагъ рысака. Жеребецъ

пошелъ во время этого разговора шагомъ, жадно внюхиваясь въ загородный воздухъ.

— Ты что же остановился, расподлая ты душа! заоралъ Петръ Ѳедосѣичь, вкатывая оба кулака прямо въ лицо обратившемуся къ нему извощику. Ты думаешь, я счету деньгамъ не знаю? Ты бери деньги, а ко мнѣ рожей оборачиваться не смѣй. Слышишь?..

— Слушаю съ! отвѣчалъ Андрюшка, отлично знавшій съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, — и за тѣмъ онъ съ глубокимъ вздохомъ сказалъ:

— За что только карать изволите? Мы ли вамъ не слуги?

— Мл-ладецъ! За это я тебя нагр-ржу. Полѣзай ко мнѣ въ пролетку, вмѣстѣ поѣдемъ. Я тебя за твой отвѣтъ, можетъ, еще пуще полюбилъ, ты развѣ это можешь понимать?..

Андрюшка залѣзъ въ пролетку — и тутъ же они принялись съ Петромъ Ѳедосѣичемъ любезно другъ друга въ уста сахарныя цѣловать и долго ли, коротко ли они такимъ образомъ ѣхали, только Петръ Ѳедосѣичъ, не *стерпѣмши*, принялся Андрюшку опять колотить и, когда тотъ, по прежнему, покорно спрашивалъ его: за что, де, карать, изволите? Свистунщиковъ опять-таки по любви, положилъ ему палецъ на губы и сказалъ:

— Мал-лччи! Тссъ! Шельма! Я знаю за что. Ты меня Петромъ Ѳедосѣичемъ вздумалъ знать? Не люблю. Зови меня графчикомъ, вашимъ сіятельствомъ теперича меня называй, потому я трпѣлъ! Надоѣло!..

— Слушаю-съ! Согласился Андрей, взлѣзая на козлы. Куда теперь прикажете?

— Поѣзжай въ городъ, назадъ. Вѣдь теперича слѣдъ потеряли? А?

— А теперича, ежели по нашимъ слѣдамъ меделянскихъ пустить... заговорилъ было Андрей.

— Тс-съ! Мол-лчать! Я тр-рпѣлъ—и ты теперича тр-пи!

— Слушаю, ваше сіяе-е-естьо?.. браво закончилъ Андрей, круто и франтовито поварачивая въ городъ уже немного вспѣненнаго рысака.

IV.

Въѣхали снова въ Москву, удивляя и озлобляя своей красой проходящихъ. Петръ Ѳедосѣичь, уже нисколько не страшась, что его накроютъ по горячимъ слѣдамъ, вальяжно развалился въ пролеткѣ и ревѣлъ во все горло:

Мил–лыя гор–ры,
Къ ффамъ возвратился!

Это былъ его любимый мотивъ.

— Ваше сіяс-ство! перебилъ Андрей одну его любимую руладу. Вотъ тутъ у меня въ кабачкѣ одинъ другъ есть,—не прикажете ли вы завернуть?

Говоря это, Андрей нисколько не обертывался лицомъ къ графчику, что, по условію, должно было служить къ ихъ общему согласію; но однако же два дружные кулака Петра Ѳедосѣича все-таки впились ему въ спину, приговаривая:

— Такъ ты меня, шельма, по кабакамъ возить станешь?

— А я какъ капиталъ вашъ хочу сберечь—и опять же здѣсь рябиновая ежели, разлюли малина! отозвался Андрей, словно каменный, ничуть не чувствуя, что спина его трещитъ отъ могучихъ купеческихъ натисковъ.

— Подъѣзжай, коли такъ! Я тебя за твою выдумку озолочу. Только я это не люблю — въ кабаки заходить,—заговорилъ съ большою душой Свистунщиковъ. А ты вотъ какъ, Андрюша, сдѣлай: си-час-съ вы мнѣ оба съ сидѣльцемъ по стаканчику изъ кабака вынесите, и кэ-э-къ станите подходить къ пролеткѣ, сичасъ на колѣни предо мной, я вамъ за это по золотому... Я вѣдь, Андр-шка, тр-пѣлъ...

— Слушаю-съ, ваше сіяс-ство!

Вышли изъ кабака Андрей съ цѣловальникомъ,—въ рукахъ у нихъ по подносу было, на подносахъ по рюмкѣ стояло, — и, по купеческому наказу, оба стали они предъ пролеткой на колѣни и съ поклонами Петра Ѳедосѣича подчивали.

— Пей самъ, Андрей, и садись! поподчивалъ Свистунщиковъ своего кучера, а потомъ сталъ пить рюмку сидѣльца и, лишь только выхлебнулъ ее, какъ сейчасъ бросилъ ее въ лицо угощателю и заревѣлъ:

— Пшо-олъ, Андрей!

Андрей взвился — и слѣдъ простылъ, а Свистунщиковъ, сидя бормоталъ:

— А вѣдь тр-пѣлъ! Ну и вы теперь потр-пите!

V.

Опять жжетъ рысакъ — и опять Андрюшка кажетъ видъ, столь знающій по своей части и столь серьезный, что встрѣчные господа дворяне съ какою-то даже злобою шепчутъ про него:

— Ужь сманю же я этого мер-рзавца отъ хозяина. Ничего не пожалѣю, а сманю. Да ужь я же его, подлеца, и проберу тогда... Небось, каналья ты эдакая, я съ тебя сурьезы-то твои тогда посшибаю...

А Андрюшка чуть только улыбнется, когда мимо него проѣдетъ какой нибудь древній родъ и, словно бы отгадывая думу древняго рода, дрогнетъ немного красными губами—и въ этомъ дрожаніи губъ разбиралось:

— Когда это *тогда-то* будетъ? Должно быть когда чортъ умретъ...

— С-стой! командуетъ Петръ Ѳедосѣичъ: Пить хочу.

— Въ трактиръ, али-бо куда? спрашиваетъ Андрей.

— Квасу!—и живо, словно бы не рысакъ сталъ, а стали, какъ листъ предъ травой, предъ пролеткой *па-*

латка съ *инжиромъ* съ *жамками,* съ орѣхами, съ бутылками кислыхъ щей, съ кренделями, печеными яйцами, *легонькимъ* и печонкой. Хозяинъ этой палатки, длиннобородый такой мужикъ, снялъ шапку и освѣдомлялся съ большою политикой:

— Ччиво прикажете-съ?

— Всево давай, рявкнулъ Петръ Ѳедосѣичъ,—а затѣмъ приказалъ Андрюшкѣ:

— Слушай... Какъ я его шарахну, сичасъ же валяй! Я его изо-всей мочи дербану, и ты изо всей мочи валяй!..

— Слушаю-съ, ваше сіяс-ство! отвѣчалъ благодушно Андрей, натягивая возжи и умирительно пощелкивая языкомъ бунтующему рысаку.

Опять таже исторія.

Только что поднесъ нашей пролеткѣ длиннобородый хозяинъ палатки инжировъ, яицъ, огурцовъ и бутылку съ квасомъ, какъ все это полетѣло ему въ бороду, въ лицо, въ голову, въ шапку, а потомъ по обыкновенію, раздался возгласъ:

— Я тр-пѣлъ! Потр-пика ты теперча...

Отплевываясь, утираясь и даже тихомолкомъ поругиваясь, хозяинъ медленно уходилъ къ своей палаткѣ, а рысакъ, по прежнему летитъ, Андрюшка серьезничаетъ, а Петръ Ѳедосѣичъ упорно настаиваетъ на томъ, что дескать:

— Тр-пите,—я трп!..

VI.

Отецъ Петра Ѳедосѣича былъ родомъ изъ тѣхъ странъ, куда по пословицѣ Макаръ телятъ не гонялъ. Кто его родилъ, онъ теперь нисколько не помнитъ. Помнитъ онъ только, что когда онъ еще былъ Ѳедоской и былъ не въ Москвѣ, а тамъ, гдѣ-то, такъ въ это время кто-то, старый, престарый, говорилъ ему:

— Ишь ты, какой горемычный, Ѳедоска: ни роду у тебя, ни племени нѣтъ. Небойсь, жаль тятьку-то съ мамкой! Небойсь, тоже плачешь объ нихъ?..

— А что по нихъ плакать-то? Еще мнѣ одному-то лучше, потому иному мальчишкѣ тятька-то съ маткой въ лѣсъ не велятъ ходить, а я сичасъ куда хошь. Въ лѣсъ такъ въ лѣсъ, а то вонъ туда побѣгу, тамъ, пожалуй, цѣлый день просижу...

— Дурашка! сказалъ ему на это старый-престарый. Ты слушай-ка, что я тебѣ разскажу: Москва, вонъ люди добрые говорятъ, есть. Вся изъ золота, стоитъ на краю моря, а въ ней церквей однихъ сорокъ сороковъ.

Говорятъ: въ ней отъ одного конца до другаго сто верстъ...

— О-о?

— Такъ-то! увѣрилъ его старый-престарый.—Туда бы намъ съ тобою махнуть? А?

— Побѣжимъ, что же намъ тутъ?

Помнитъ Ѳедосѣй Иванычъ, что старый улыбнулся чему-то въ это время, всталъ и пошолъ.

Шли, шли они, — училъ-училъ его старый дорогою рукавицы шить и потомъ пропалъ куда-то. Тутъ онъ одинъ пошолъ — и шолъ тоже долго, такъ что пухъ на верхней губѣ началъ показываться, — нѣжный такой...

— Били меня въ это время, въ острогъ сажали, допрашивали о чемъ-то, строго допрашивали, давали кому-то сколько-то разъ на поруки, съ порукъ опять прогоняли, Христа-ради просилъ, иные подавали, иные ругались и—опять били, дол-лга, ахъ какъ дол-лга шло это дѣло!.. Одначе тутъ я, долго ли, коротко ли, пришелъ въ Москву...

Такъ самъ Ѳедосѣй Иванычъ въ теперешнее уже время, ежели когда выпьетъ немножко, разсказываетъ про свое прошлое житье-бытье закадычнымъ друзьямъ-купцамъ.

А закадычные друзья-купцы, слушая эти разсказы, жестоко прослезялись глазами своими, ибо были выпивши, и лопотали спьяну пріятелю:

— Ахъ! Сколь много ты эфтого самаго перенесъ! Ахъ! сколь это можно сказать, съ твоей стороны очень

не дурно!.. Потомъ пріятели выпучивали на него безсмысленныя бѣльмы и говорили:

— Ну, Ѳедосѣй Иванычъ, ты теперича, сичасъ околѣть, другъ мнѣ! Выпьемъ...

— Да не б-буду, да не хочу ужъ я больше! Я вѣдь это тебѣ такъ только разсказывалъ, а не токма что... отвѣчалъ Ѳедосѣй Иванычъ, душевно вскидывая и по природѣ и по выпивкѣ добрыми глазами на благопріятеля. Я вѣдь это такъ, чтобы ты зналъ, какъ я терпѣлъ и за то меня полюбилъ...

— Н-ну чортъ съ тобой, ежели не хочешь, — бормотали купцы даже въ пьяномъ видѣ, а потомъ, когда отрезвлялись съ добродушныхъ, ничего не жалѣвшихъ для друга вечеринокъ Ѳедосѣя Иваныча, толковали про него—одни такимъ образомъ:

— Хорошо тебѣ, расподлецъ ты эдакой, съ десятью-то милліонами...

А другіе друзья, когда ихъ кто нибудь спрашивалъ:

— Да что же это за Ѳедосѣй Ивановъ такой? Какими такими кочергами онъ съ неба звѣзды хватаетъ? отвѣчали:

— Никакихъ тутъ у него кочерегъ нѣтъ, а просто заграбилъ. Можетъ, онъ даже человѣка какого нибудь богатаго убилъ, чортъ его знаетъ?.. Чужая душа потемки...

— Такъ, такъ,—это часто бываетъ!..

— Третьи, ежели ихъ спрашивали о Свистунщиковѣ старикѣ, смѣшками отдѣлывались,—разсказывали одну общую легенду про всѣхъ русскихъ купцовъ:

— Видишь ли, милый. Я ужъ сколь хорошо знаю этого Свистунщикова, ужъ на что лучше! Видишь ли, какъ онъ, это, пришелъ изъ своей Сибири, сичасъ же въ Соборъ—и тамъ, слушай, по секрету сказываю: съ блюда пятакъ укралъ. Жрать это ему — скверному— страсть какъ хотѣлось!... И онъ сичасъ—шельма эдакая, аки бы что кладетъ на блюдо, сичасъ взялъ и пятакъ этотъ стянулъ... А? Каковъ?..

— Только что же ты думаешь? Пожралъ онъ на эти деньги, или нѣтъ?

— Неужто нѣтъ? пугливо освѣдомляется слушатель.

— Вотъ тото и есть, что не пожралъ! Купилъ онъ на эти деньги иголокъ—и пошолъ... Иголки продалъ, наперстковъ купилъ, потому барышъ, — чтожъ ему?.. Наперстки продалъ, за тесемки принялся... И такъ онъ торговалъ три года. Ты думаешь, я вру? Мнѣ что же врать-то! Люди ложь, и я тожъ, а сказывали кто его знаетъ, что онъ не бе-ез-зъ колдовства, потому во всѣ эти три года онъ ни капельки хлѣбца на свои деньги не съѣлъ, а иные говорятъ, что и воды даже (на что уже вода у насъ дешева! Чив-во дешевле, ха, ха, ха!) такъ капельки не пилъ...

— Нне-п-илъ!.. А, а, а?..

— Да вотъ такъ-то! Понимай какъ знаешь. Да еще сказочка-то далече не вся!..

— Нни-фс-сяя?..

— То-то и есть, что не вся! докладывалъ съ знаменательной улыбкой другъ Ѳедосѣя Ивановича. Послѣ

этихъ годовъ знаешь, сколько у него денегъ въ наличности оказалось?—Мил-л-ліонъ на ассигнаціи!

— Милліонъ на ассигнаціи?

— Д-дда-а!..

— Ббо-ожже!..

И даже въ то время, когда Ѳедосей Иванычъ имѣлъ не милліонъ, а пять на ассигнаціи, однажды сказали ему *завѣрное*, что вотъ, молъ, какъ друзья ваши, Ѳедосѣй Ивановичъ, про васъ разговариваютъ; такъ онъ, всегда веселый и ласковый, нахмурился въ это время грозною тучей, ударилъ себя въ грудь мощными руками и громко и ропотно взмолился:

— Гос-споди! Я ли не терпѣлъ, я ли не любилъ?..

И, какіе домочадцы сквозь щели дверныя могли слышать это, такъ они такъ сказывали про хозяина:

— Походили, походили они по горницѣ, тяжко-тяжко задумавшись, и головку на грудку склонили, потомъ на колѣни упали и съ горькими слезами воскликнули:

— Друзи мои и искренніи мои, отдалече мене сташа!..

— Съ тѣхъ поръ, — досказывали домочадцы,—они такими и стали грозными!.. Аки буря завсегда все ломаетъ,—не подступайся! И на счетъ деньжонокъ тоже, въ эфто именно, а не въ какое либо другое время ихъ подлай бѣсъ скупости обуялъ. Прежде просты были, и—ихъ какъ просты!..

Не взлюбило купецкое сердце такого обмана отъ *дружьевъ* и принялось оно съ великими подходами

отыскивать, разузнавать, разспрашивать людей, говорящихъ завѣрное: кто имъ про это разсказывалъ?—Гдѣ же и когда именно рука моя грѣшная на церковныя деньги пала?.. съ великой тоской спрашивало это сердце.

Потомъ принималось съ собой,—однимъ—тихо раздумывать:

— Можетъ, это такъ! Можетъ, это они такъ только, въ шутку... Все-таки они, надо полагать, любятъ меня, потому... Боже! Рази я не дѣлалъ имъ тово и тово?.. Рази я что нибудь жалѣлъ?.. Нѣтъ, это что же? Это неправда...

И такъ сомнѣвался, такъ скорбѣлъ Ѳедосѣй Иванычъ, что однажды взялъ *вся своя* и отослалъ потихоньку въ Соборъ, чтобы никто про это дѣло не зналъ и не вѣдалъ. Поспокойнѣе сталъ послѣ этого, только, начитавшись иногда на сонъ грядущій Чети-Минеи, онъ на постели своей, сквозь сонъ, вскрикивалъ:

— Да я вѣдь опять торговать буду! Думаю объ этомъ завсегда! И слаще всего мнѣ дума эта... Въ чернецы не пойду!.. Ннѣ-ѣ-тъ! Не достоинъ, не достоинъ, потому къ земному у меня очень еще много охоты...

— Ѳедосѣй Иванычъ! Ѳедосѣй Иванычъ! будили его прислужники, когда онъ во весь голосъ кричалъ о своемъ послѣднемъ нежеланіи. Проснитесь, сударь... Вопите оченно...

Што? Што? злобно вскрикивалъ Ѳедосѣй Иванычъ, просыпаясь. Что тебѣ нужно-то,—дьяволу? Никогда хо-

зяину спокою не дадутъ, а хозяинъ за нихъ, можетъ, всею душою страдаетъ... Вамъ вѣдь, чертямъ, пить, ѣсть надо добыть...

Уходили тогда всѣ отъ него—и пуще онъ озлоблялся и думалъ:

— Вотъ всѣ и ушли... Небойсь, я до обману ихняго не бросалъ ихъ!..

Женился Ѳедосѣй Ивановичъ на какой-то обѣднѣвшей купеческой дочери. Приданаго за ней ничуть не было, такъ какъ взялъ онъ ее за одну красоту. И принялся онъ ей такой разговоръ разговаривать:

— Вѣдь вотъ твои родители, хоша и обѣдняли, а все же купцы. Тебѣ и во снѣ не приснится, что я перенесъ... Я вѣдь все, что худаго въ свѣтѣ есть, на своей шкурѣ вынесъ. Гляди же ты у меня, баба, ежели что...

И такъ онъ женѣ часто объ этомъ разсказывалъ, что молодая, при всемъ томъ, что сначала полюбила было его побѣдную голову, взяла однажды да и ушла въ недалекую прогулку съ проходившимъ мимо развеселымъ офицеромъ,—ушла и наказала кухаркѣ:

— Смотри, чтобъ у меня ни слуху, ни духу Ѳедосѣю Ивановичу... Вотъ тебѣ за это рубь серебра.

А Ѳедосѣй Иванычь всегда кухаркѣ по два на серебро давалъ — и воцарились въ семействѣ ложь и драка смертельныя.

Въ гробъ вогнали купецкую, *взятую за красоту* дочь, эти ложь и драка. На буйное, самое безпардон-

ное пьянство навели они Ѳедосѣя Иваныча — и сгубили навсегда малолѣтняго Петра Ѳедосѣича.

Послѣ смерти матери, малолѣтняго Петю окружили цѣлыя толпы и своихъ и иноплеменныхъ учителей, самыхъ, что ни на есть дорогихъ и лучшихъ. Къ стеклянному подъѣзду то и дѣло подлетали въ лихихъ пролеткахъ, то какой нибудь игривый, въ пухъ и прахъ разфранченный французъ, то толстый, съ вытаращенными глазами нѣмецъ въ шляпѣ, сдвинутой на затылокъ, то сурьезный приходскій батюшка.

Затормошенный въ конецъ различными уроками, моралями, прописями, отмѣтками, похвалами и порицаніями, Петя часто принимался умаливать отца, чтобы онъ уволилъ его хоть на денекъ, — на заводъ бы его отпустилъ, — потому садъ тамъ, на заводѣ-то, и рѣка...

— Потерпи, потерпи, миленькій! Помогутайся бездѣлицу, — этими словами осушалъ Ѳедосѣй Иванычъ робкія сыновьи слезы. Вѣдь это все тебѣ въ пользу пойдетъ опосля... Ты гляди, сколько я за тебя денегъ плачу — страсть...

Иногда, дѣйствительно, больно укалывало что-то сердце Ѳедосѣю Иванычу, когда взглядывалъ онъ на своего ребенка въ его классной комнатѣ. Большой круглый столъ стоялъ въ этой комнатѣ, — на немъ, словно въ лавкѣ канцелярскихъ принадлежностей, ворохами лежали прописи на разныхъ языкахъ, перья и гусиныя, и стальныя, карандаши, резинка, аспидныя доски, книги, въ которыхъ самъ онъ ни единаго даже

слова разобрать не можетъ. — Посмотритъ на все это старый купецъ — и припомнится ему далекое, смутно представляемое малолѣтство: широкія поля, дремучіе лѣса, свѣтлыя рѣки— и воля полная...

Тихо улыбался тогда Ѳедосѣй Иванычъ, глядя на смирнаго, хвораго сына и шепталъ про себя:

— Вотъ бы его теперича туда — въ нашу сторону... Какъ бы это онъ тамъ справился — любопытно?.. Въ самомъ дѣлѣ, не бросить ли все это?.. Грамоту бы одну оставить, да письмо, да на щотахъ... Вѣть вотъ, я же выросъ, — человѣкъ есть теперича безъ сидѣнія безъ эфтаго. Пра!.. Ай бросить?.. Брось-ка покамесь Пѣтушокъ, науку-то! Поѣдемъ съ тобой въ ряды. Ты у меня лошадью править будешь...

Ѣдутъ они съ сыномъ къ шумному городу — и ничуть ничего не видитъ и не слышитъ изъ всей этой суетливой, столичной жизни Ѳедосѣй Иванычь, потому что дума о сынѣ всего его обуяла собой.

— Ахъ ты отецъ, отецъ! шевелятъ губы Ѳедосѣя Иваныча неслышныя никому, кромѣ его, слова. Тоже отцомъ называется, а пользы своему дѣтищу не можетъ понять. Благо, достатокъ Господь послалъ, такъ учи, потому что же? Рази сынъ отъ у тебя такимъ же слѣпымъ долженъ быть, какъ ты? Вѣдь ты то про своихъ родителей и слухомъ-то не слыхалъ... Ну-ка скажи: гдѣ у тебя родители?.. Вотъ и нѣтъ ихъ — да и были-ль? Право? Нѣтъ, нѣтъ, Петя, — въ слухъ уже суетилъ онъ сына, — ступай-ка, ступай ка домой скорѣе — учись! Терпи, — я вотъ видишь терплю

же... У меня вонъ и родителей то не было, — такъ какъ я отъ этого терпѣлъ, уму непостижно!.. А у тебя, слава Богу, все готово, — учись знай. Все тебѣ родитель твой предоставилъ...

Съ горькими слезами поворачивалъ мальчикъ отцовскую двуколеску назадъ къ стеклянному подъѣзду, чтобы снова приняться за ученіе и терпѣнье, а Ѳедосей Иванычъ, обходя свои многочисленныя лавки, все думалъ:

— Ннѣ-тъ! Ежели онъ у меня, какъ слѣудетъ, науку произойдетъ, я ему тогда большой ходъ дамъ. Что въ самомъ дѣлѣ, все купецъ, да купецъ?... Я его тогда въ гусары, въ царскую гвардію отдамъ... Ей богу...

И разговаривая съ прикащиками, Ѳедосѣй Иванычъ въ такія времена до того даже доходилъ, что гдѣ, кого слѣдуетъ ругнуть бы надо, пристращать, а онъ все улыбается, потому что мерещутся ему все какія-то страшныя битвы. Гремятъ пушки, пѣхота, это, съ штыками движется, а тутъ пыль страшная поднялась, — и разбивая эту пыль золотомъ своихъ мундировъ, скачетъ на враговъ царская гвардія,—впереди же ея, всѣхъ храбрѣе, мчится онъ—Петруша—съ саблей наголо..

— За вѣру, царя и отечество! слышится отцовскимъ ушамъ командирскій голосъ сына.

— Вотъ такъ-то! Вполголоса говоритъ Ѳедосѣй Иванычъ. Вотъ тебѣ и купцы!..

— Чево-съ? освѣдомляется, стоящій противъ хозяина главный прикащикъ.

— Ззнай ты свое дѣло! громко уже вскрикиваетъ купецъ. И што только вы ко мнѣ завсегда пристаете?

— Слушаю-съ! отвѣчаетъ прикащикъ и ищетъ что-то подъ прилавкомъ, взглядываетъ на верхнія полки, подставляетъ даже скамеечку, какъ бы намѣреваясь достать оттуда что-то рѣшительно-необходимое, потомъ гулко встряхиваетъ гремучими косточками щетовъ и самъ вздрагиваетъ, потому что Ѳедосѣй Иванычъ тоже вздрогнулъ отъ этого неожиданнаго стука и почти съ плачемъ вскрикнулъ: Варваръ! Что ты со мной дѣлаешь? Когда ты мнѣ спокой дашь? и побѣжалъ вонъ изъ лавки.

— Что онъ, чортъ?.. спрашиваютъ другъ у друга сидѣльцы въ большомъ недоумѣніи.

— Должно, запилъ опять...

— Да вѣдь не слышно запаху-то...

— Да чортъ его услышитъ! Небойсь тоже заѣдаетъ чѣмъ. Ты, что-ль, одинъ заѣдаешь-то?..

Но не запилъ Ѳедосѣй Ивановичъ. Предъ его глазами, тотчасъ же послѣ битвы, въ которой такъ отличался его сынъ, пошла другая картина: чернымъ бархатомъ завѣшены мрачные церковные своды. Въ церкви стоитъ пышный гробъ, около гроба высокіе, серебряные подсвѣчники съ безчисленнымъ множествомъ восковыхъ свѣчей. Свѣтъ отъ нихъ льется на бѣлое, навсегда угасшее лицо его сына,—играетъ на орденскихъ знакахъ, которые на бархатныхъ подушкахъ разложены около гроба. Первый московскій хоръ пѣвчихъ надрываетъ души многочисленнаго сборища заупокойными

стихами,—наконецъ, будтобы, вышелъ дьяконъ и могучимъ, до неба долетавшимъ голосомъ, началъ испрашивать у Господа-Бога вѣчную память болярину Петру, на брани убіенному...

Стали купцы говорить про Ѳедосѣя Иваныча:

— Что это съ старикомъ Свистунщиковымъ дѣлается, братцы мои? Встрѣтилъ я его онамедни на Тверской: идетъ, рѣкой разливается—плачетъ...

— Что ты?—я его спрашиваю.

— Ахъ! Уйди, говоритъ, не до тебя мнѣ теперича!.. И вѣдь чудакъ какой! Съ такимъ это онъ сердцемъ сказалъ, словно бы я его по головяшкѣ кулакомъ ошарашилъ...

Такъ одна дума безпрестанно смѣнялась другою въ головѣ Ѳедосѣя Ивановича во все то время, въ какое выросталъ его единственный сынъ и наслѣдникъ, и сообразно съ тѣмъ какова была дума, дурная, или хорошая, отецъ-то грозилъ сыну, а подъ часъ даже и тяжелую руку накладывалъ, то ласкалъ его всячески, увольняя отъ ученья и позволяя дѣлать все, что только входило въ ребячью голову. Такимъ образомъ случилось-то, чему неизбѣжно слѣдовало случиться: какая-то унылая и почти всегдашняя покорность Петруши, вдругъ иногда, Богъ знаетъ почему, превращалась въ самую буйную удаль—и тогда, по выраженію приживальщиковъ богатаго купецкаго дома, отъ чертенка житья никому нигдѣ не было.

— Тятенька-то вонъ терпитъ!.. Ну и вы терпите,—оправдывался мальчуганъ предъ униженными и оскор-

бленными его буйствомъ. Тятенька у насъ одинъ,— онъ намъ всѣмъ хлѣба кусокъ добываетъ...

Минуло шестнадцать лѣтъ Петрушѣ — и тутъ онъ сошелся на дворѣ съ однимъ глупенькимъ паренькомъ изъ мѣщанъ, уже взрослымъ. По сиротству его купецъ у себя въ домѣ призрѣлъ.

— Ахъ, сударь! какъ-то заговорилъ паренекъ съ молодымъ хозяиномъ. Мы вѣдь съ вами тезки, — ей-богу.

— Какъ тезки?

— А такъ! Васъ вотъ теперича Петромъ Ѳедосѣичемъ величаютъ, а меня Петромъ зовутъ.

— Ну что же?

— Да то-то! У насъ вотъ тутъ по сосѣдству, у господъ, горничпая живетъ, Лизой звать, такъ онѣ вамъ кланяться приказали. Говоритъ: Петръ, а Петръ, поклонись своему барину молодому! Я въ него очення влюблена... Такъ и сказала и, какъ она тутъ отъ меня бѣжать принялась!..

— Это стыдно такъ разговаривать! строго, но почему-то стыдливо проговорилъ Петруша.

— А какой тутъ стыдъ? А, ей богу, ничего! завѣрялъ парень (бѣлокурый онъ такой былъ, угреватый, глаза большіе). Мнѣ вотъ самому тоже говорили, стыдно, а ничего! Я теперь вино, сударь, такъ-то пью, такъ-то я его полюбилъ, — бѣда! Я вамъ, пожалуй, поднесу...

Жара и пустота такая-то томили въ это время широкій, вымощенными плитами купеческій дворъ. Ни од-

ной души, кромѣ ребятъ, ни изъ одной щели не было видно. Въ тепломъ воздухѣ пахло какимъ-то тайнымъ, тайнымъ секретомъ, такъ что вздрагивалось молодому тѣлу и ходили по немъ то горячія, то холодныя струйки.

— А что, въ самомъ дѣлѣ,—подумалъ Петруша:— какое оно такое вино-то? И затѣмъ онъ уже въ слухъ сказалъ:

— Ну давай, подноси! Только, кабы намъ пѣсни съ него не заиграть? А?

— Эва! чего вы, сударь, боитесь? Это вотъ съ первака-то вамъ, будто, боязно маленечко, а то ничего, потому это все привычка...

Господи! Какъ же дралъ Ѳедосѣй Ивановичъ будущаго болярина Петра, когда узналъ про его первую выпивку!..

— Такъ дралъ, не приведи Мать-Царица Небесная! сначала съ ужасомъ разсказывала по сосѣдству купеческая прислуга; а потомъ, когда картина дранья представлялась разсказщикамъ во всей своей полнотѣ, такъ они хохотать даже принимались и договаривали: семь возовъ хворосту изстегалъ, семь шкуръ сразу споролъ... Вотъ какъ! ха, ха, ха!

Съ этого раза, словно бы, ополоумѣлъ Петръ Ѳедосѣичъ, даже ликъ у него, какъ наблюдатели изъ дворни увѣряли, совсѣмъ перемѣнился, — красный ликъ сдѣлался, какъ бы полымя какое,—свѣтлые и не очень чтобы большіе глаза расширились и стали словно изъ олова, — такіе стали, что вотъ пословица говоритъ:

глаза по ложкѣ, а не видятъ ни крошки... Все ходитъ, все шастаетъ по горницамъ, руки въ карманъ заложивши, какъ бы нѣмецъ какой — и только отецъ въ лавку, онъ сейчасъ же по черному крыльцу маршъ къ извощикамъ — и поминай какъ звали...

~~~~~~~~
~~~~~~~~

VII.

Усатый ундеръ, швейцаръ въ домѣ Свистунщикова, какъ самый расторопный и слѣдовательно довѣренный изъ всѣхъ слугъ, поставилъ на ноги всѣхъ чадъ и домочадцевъ, какіе только на лицо оказались, т. е. посадилъ ихъ всѣхъ на извощиковъ и отправилъ *во всякія теплыя мѣста*, гдѣ можно было, по его мнѣнію, отыскать Петра Ѳедосѣича.

— Въ Крымъ теперича ежели:—это первое дѣло,— командовалъ ундеръ: въ Италію опять заверни спернача, потому хоша тамъ и не столь пріятно, только господа тамъ тоже бываютъ. Оттуда, вы теперича туда, сюда съѣздите—Срѣтенку обходите—черрти! Развѣ вамъ денегъ не все равно балбесничать-то, что дома, что тамъ? Вѣдь запоретъ въ части хозяинъ, ежели вернется и этого самаго дьявола своего не увидитъ...

Пріѣдутъ наряженные усатымъ ундеромъ въ Италію, подкличутъ къ себѣ милаго человѣка и спрашиваютъ:

— У васъ Петръ Ѳедосѣичъ?

— Нну, ей же ей, нѣтъ! отвѣчаетъ съ крестомъ милый человѣкъ:—Вотъ глаза лопни! Разѣ бы я не сказалъ, штоли?

— А ты вотъ что, другъ, усовѣщеваютъ наряженные: ты по божьему,—вотъ тебѣ рубь-цѣлковый, сичасъ мы въ фарталъ бы...

— А коли рубь, такъ вотъ что: толичко вотъ сичасъ уѣхамши,—вотъ на эстоличко вы его не застали. И при этомъ милый указываетъ на самую маленькую часть своего ногтя.

— Право? спрашиваютъ у него,—послѣднее слово?

— Однова дыхнуть! Чтожь я, врать, что-ли, стану?

— Пшолъ въ Крымъ! кричатъ извощику наряженные, справляючи свой тяжелый нарядъ.

— Вотъ, ребята, походню отыскиваемъ! разговариваютъ они промежъ собой на извощикѣ:—Чортъ его сыщетъ...

А изъ Крыма съ бѣлой салфеткой на лѣвомъ плечѣ и въ бѣломъ фартукѣ бѣжитъ другой милый человѣкъ.

— Что, милый человѣкъ, спрашиваютъ его купецкіе слуги:—давно у васъ былъ Петръ Ѳедосѣичъ?

— А какъ бы тебѣ сказать — не соврать: — года съ три ужъ не былъ! отвѣчаетъ милый человѣкъ и скрывается во тьмѣ подвала, гдѣ помѣщается мелочная лавка, куда онъ стремился за солеными огурцами.

— Дѣло — дрянь! разсуждаютъ наряженные.

— Да коего чорта тутъ шататься? Поѣдемъ лучше домой.

— Што домой? Луччи ужъ ежели въ эфтотъ самый

трактиръ закатиться... По крайности, хоша не даромъ ѣздили...

— Ну дакъ такъ! что же намъ въ самомъ дѣлѣ? Страдать штоли?..

Вваливалась ватага купца Свистунщикова въ ярко-освѣщенный залъ, — и сѣдовласый буфетчикъ сейчасъ же подходилъ къ нимъ и спрашивалъ ихъ такими почтительными словами:

— Вы, господа купцы, отъ Свистунщикова будете, али изъ коихъ другихъ мѣстъ?

— Такъ точно, мы отъ Свистунщикова. Вамъ что угодно?..

— А вотъ вамъ отъ молодаго хозяина приказъ. Былъ онъ тутъ у меня недавно, такъ наказывалъ передать вамъ, потому какъ ихнее такое мнѣніе было, что, де, шелопаи мои меня безпремѣнно отыскивать будутъ.

«Прікасъ малатцамъ атграфа Пітра Фидосева, ежели вслучіе чиво и тятеньки кольскоро они пріѣхадчи такъ и сказать штобы неискалі самъ вірнусъ биспремѣнно потому мне деватся некуда всѣ насъ знаютъ и уважаютъ толька я ихъ типера ни боюсь оттерпелси съ мене будитъ а и съ канторы штобы тыщу рублевъ мне главный канторщикъ прислалъ черезъ Петра Семенова моево друга вотъ и все а тятеньки ежели они захочютъ чего сомной ни по закону, то я теперича самъ оченна строгъ сталъ ужь и то толька добрые люди міня удерживаютъ штобы я наднімъ немилостефъ своихъ не аказывалъ.»

Письмо заканчивалось безобразно расчеркнутою подписью: «Графъ Ѳидасеичъ Свисстунщикафъ».

— Вотъ ты тутъ и ищи его! Ай-да графчикъ!.. Да ну его къ чертямъ! Пей, штоли, ребята!

Этими словами и почти всенощнымъ хожденіемъ по хересамъ и горскимъ, закончили наряженные люди всѣ свои походы за пропавшимъ хозяиномъ.

ПРАЗДНИЧНЫЙ СОНЪ.

I.

Стояла свѣтлая морозная ночь, такъ сказать насквозь прохватившая улицу, угрюмую и до мертвенности пустую. Она щедро обсыпала ярко-блиставшимъ на мѣсяцѣ инеемъ кровли домовъ, которыя въ эту минуту охотно принимались тосковавшими по жизни глазами за рядъ сѣдыхъ стариковъ, то сильныхъ и бодрыхъ, отъ какихъ каждую секунду ждалось, что вотъ-вотъ они внушительно и строго заговорятъ съ этой тихой ночью о негодности нынѣшнихъ временъ и людей,— заговорятъ, и при этомъ сердито зашевелятъ гнѣвными, длинными бровями—то совсѣмъ слабыхъ, вдосталь покачнутыхъ временемъ старцевъ, безпомощно сгорбленныхъ, слезливо моргающихъ, отъ которыхъ не дождешься ни одного слова...

Гробовая тишина властительно разлилась по улицѣ— и ночь, сопровождаемая ею, медленно проходила, вселяя мучительно сладкій ужасъ въ сердца людей, спо-

собныхъ слышать ея каменную поступь и забывать все на свѣтѣ, при видѣ красоты этой, непостижимо-величественной ..

Изъ людей никто такъ не ходитъ!..

Шла, шла она — эта ночь — и вдругъ загудѣли московскіе колокола какими-то особенными, необыкновенно густыми и сдержанными басами, какихъ лѣтними ночами ни за что не услышишь.

И еще можетъ быть круги мѣдныхъ звуковъ не успѣли расшириться на столько, чтобы долетѣть до окрестныхъ селъ и деревень и сказать имъ: вставайте! Въ Москвѣ къ заутренямъ звонятъ, какъ уже ночь, хотя и было еще очень темно, совсѣмъ ушла, потому что въ это время по улицѣ замелькали человѣческія говорливыя тѣни — и, слѣдовательно, тутъ настало глупое царство человѣка...

II.

Морозное утро чуть забрезжилось. Плутовски и, какъ бы человѣкъ—охотникъ посмѣяться, однимъ глазкомъ подмаргивало и подкивывало оно неслышно-летавшему, по необыкновенно жгучему вѣтру, что, дескать подика, загляни-ка имъ подъ носы-то. Ежели очень разчихаются, ничего, пожелай имъ добраго здоровья, потому того требуютъ и политика и христіанскій обрядъ...

Смѣшливое утро сходило съ высокаго неба, сплошь зацвѣченнаго разноцвѣтными, морозными маревами.

Упалъ смѣхъ этого утра и на дѣвственную улицу. Упалъ—и раскатился надъ ней болѣе звонко и продолжительно, чѣмъ онъ раскатывался надъ другими сосѣдними мѣстами.

— Почемъ, молъ, нынѣшней зимой вы, ребята, дрова покупаете? явственно разбиралось, какъ подшучивало утро.

— Дрр-рова! Ннѣ-ѣ-тъ! Посиди маленько съ дровами-то! Небойсь, и такъ не умрешь—и безъ дровъ не издохнешь — обойдесси!..

Такія слова сказалъ нѣкоторый человѣкъ безъ картуза, въ опоркахъ, вмѣсто сапогъ и въ красномъ разводистомъ, хотя совершенно отрепанномъ халатѣ Онъ стоялъ на крыльцѣ единственной харчевни дѣвственной улицы и, осторожно постукивая въ ея еще запертую дверь, говорилъ:

— Отопри, Христа-ради! — иззябъ весь! А то др-р-рова!..

— Я тебя, ей Богу, пущать перестану. — послышалось сквозь харчевенную дверь: — что это на тебя угомону нѣтъ никогда?

— Пус-сти! умолялъ халатъ: — дѣло такое есть: — дрова вотъ вышелъ покупать, да рано еще!..

— Знаю я эти дрова! Ты бы вотъ, нескладный, праздники-то господскіе получше бы соблюдалъ.

— Да что же праздники? Я и то ихъ всегда... Будетъ — пус-с-сти!

Желѣзный болтъ загремѣлъ наконецъ въ харчевнѣ — и дверь отворилась.

— А ну-ка я погляжу, какъ онъ дрова покупать станетъ? смѣялось утро, все больше и больше налегая на дѣвственную улицу и освѣщая ее. Погляжу, погляжу я на это дѣло, — повторяло утро, разцвѣчаясь съ каждымъ своимъ словомъ все яснѣе и яснѣе, какою-то необыкновенно-доброй, какъ бы сквозь слезы смотрѣвшей улыбкой.

И, полагаю, что свѣтъ этого утра, упадая *на злыя же и праведныя*, говорилъ своей улыбкой и тѣмъ и другимъ такую рѣчь:

— Дѣлайте, дѣлайте, люди, что можете! Не смо-

трите на мой смѣхъ надъ вами,—не глядите, что я такое смѣшливое. Всѣхъ я васъ обойду ровно, всякаго въ точности огляжу, и когда смѣнитъ меня темная ночь, я уже буду говорить въ это время Царю Небесному про дѣла ваши,—Онъ воздастъ вамъ за тѣ дѣла, сами вы знаете какъ!

— Такъ воздастъ, —прибавляло утро,—что возрадуется добрый и заплачетъ злой.

— Встрѣчайте же меня, люди, каково бы я ни было; съ грозной бурей схожу ли я къ вамъ, или при тихомъ дыханіи утреннихъ вѣтровъ, убранное въ золото ближнихъ къ встающему солнцу облаковъ, бужу я уснувшій міръ, — встрѣчайте меня и радуйтесь, потому что тамъ, откуда я къ вамъ слетаю, зла нѣтъ и, слѣдовательно, я съ собой на землю его не вожу...

III.

Человѣкъ въ красномъ отрепанномъ халатѣ и безъ картуза, первый возмутившій тишину описанной сейчасъ ночи своимъ раннимъ стукомъ въ дверь харчевни, былъ Кузьма Сладкій — сапожный подмастерье, такая головица, про которыя говорятъ, что ихъ дѣло: убить да уѣхать.

Лютая головица задалась! Каблуки онъ у барскихъ сапогъ такіе вытачивалъ, что франты-заказчики смотрѣли на нихъ и вздрагивали. За одно только это дѣло хозяева и держали его, потому что держать безъ этого умѣнья рѣшительно силъ не было.

Мрачнымъ, небритымъ и необыкновенно чернымъ сидитъ Кузьма въ хозяйскомъ подвалѣ за своими каблуками—и никому по цѣлымъ недѣлямъ слова не скажетъ и только слышно, какъ это состукиваетъ онъ вонючую кожу въ красивые кружки, намазываетъ и намасливаетъ ихъ, обдуваетъ, подноситъ къ маленькому, чумазому оконцу и пристально всматривается, какъ убогій сол-

нечный лучъ, нищимъ забиравшійся въ это оконце, отражается и играетъ на его рукодѣльи.

— Готова работа, что ли? вбѣжитъ, бывало, хозяинъ съ спросомъ про какой нибудь № 43.

— Готово, отвѣчаютъ ребята,—только вонъ Кузьма каблуки отчищаетъ.

— Скорѣе, Кузя, голубчикъ,—взмолится хозяинъ:— прислали.

Шваркнетъ Кузьма сапоги на грязный полъ и прорычитъ: бери, да отваливай къ чорту,—снова застучитъ молоткомъ, заваксить и угрюмо опять замолчитъ до новаго спроса, сморщивши густыя, черныя брови.

Видятъ хозяева прилежанье Кузьмы и, какъ только артели предстоитъ двинуться къ обѣду, ежесекундно и судорожно дожидаемому постоянно голодными желудками, — хозяйка, наученная мужемъ, сейчасъ и манитъ Сладкаго за перегородку.

— Кузьма Иванычъ? ласково говоритъ она, подь-ка суды: дѣльцо у меня до тебя есть.

— Не пойду! отвѣчаетъ Кузьма по медвѣжьи.

— Чтожъ такъ?

— А такъ и не пойду! Думаешь, водки твоей не видалъ, что-ли?

— Да я не на счотъ эфтово, а вотъ, разговоръ такой...

— Што врешь-то! Жаль тебѣ всѣмъ поднесть, такъ ты меня одного потихоньку зовешь... Не пойду.

И не пойдетъ Кузьма Иванычъ, — ни за что и ни-

когда нельзя было упросить его пожаловать на потайную выпивку.

— Рази я краденый, что ли? справедливо разсуждалъ онъ въ такихъ разахъ.

Случалось, впрочемъ, что хозяева, избѣгая конфуза предъ артелью, говорили: да что же, Кузюшка, ты такъ полагаешь? какъ быдто, мы т. е. жадны. Мы и всей артели поднесемъ. Простоту нашу ты, кажется, видишь и знаешь. Будемъ всѣмъ сейчасъ подносить, потому чтожъ: рази вы намъ не всѣ любы?

У другихъ мастеровыхъ замирали сердца при такихъ хозяйскихъ рѣчахъ, а Кузьма, не мѣняя своего обычнаго, бычинаго вида, свое толковалъ:

— Знаю, все знаю! Только я ужь теперь пить не буду,—и при такихъ словахъ глаза его, всегда стеклянные и серьезные, загорались такимъ-то блескомъ ненависти, рѣшительно непонятно, къ кому и за что обращенной.

Пробовали нѣкоторые изъ хозяевъ, какіе, по новости, не знали Кузьмина нрава, въ навязъ его подчивать.

— Да выпей, Кузьма Иванычъ! приставали къ нему русскія, расщедрившіяся души: —Ну и скупы ежели были, не попомни—выпей! .

Хозяинъ, ежели былъ въ эту минуту въ заложеніи, такъ обыкновенно цѣловаться лѣзъ, а хозяйка стояла предъ капризнымъ подмастерьемъ съ почтительной улыбкой, съ вытянутой рукою, въ которой такъ заманивающе свѣтлѣлась эта здоровая, мастеровая рюмчища, прозванная: въ самую плипорцію.

И ежели такія приставанья длились больше того, чѣмъ можетъ ихъ вынесть ретивое сердце, такъ Кузьма съ большимъ стукомъ бросалъ на столъ кленовую ложку съ недохлѣбнутыми щами и уходилъ вопъ изъ дома, не показываясь обратно по цѣлымъ недѣлямъ. Пьянствовалъ онъ въ такія времена, по разсказамъ молодцовъ, такъ, что чертямъ тошпо дѣлалось.—И тутъ продѣлывалъ онъ всякія шутки, чтобы только показать хозяевамъ, что, дискать, ну васъ ко всѣмъ дьяволамъ и съ водкой-то вашей! Я и на свои могу обожраться до смерти.

И достовѣрно извѣстно, что во время Кузьминыхъ запоевъ, по дѣвственной улицѣ могли раздаваться только однѣ его, какимъ-то необыкновеннымъ горемъ и отчаяніемъ обуянныя пѣсни. — Бѣшенные взвизги только его одной гармоники, сопровождаемой разбойничьимъ свистомъ, гайканьемъ и топаньемъ заносились въ тихіе дома захолустья, потому что ни съ кѣмъ не сносилъ тогда нашъ молодецъ никакой супротивной встрѣчи: ни въ кабакѣ, ни *уродни*, ни на улицѣ.

— Держись крѣпше! оралъ Кузьма какой нибудь другой пѣснѣ, или гармоникѣ:—Расшибу, одинъ я по этой улицѣ пройтиться желаю...

Давались тутъ и Кузьмой и имъ самимъ получались самыя звѣрскія трепки. Съ трескомъ ломались такъ называемыя, девятыя ребра, никогда уже не появлялись на головѣ вырванные съ корнемъ вонъ волосы, а оставшіеся безвозвратно сѣдѣли,—безпощадно, словно зубами голоднаго волка, растерзывались нѣжные хрящи ушей,

скусывались носы, а деньжонки, или заработанныя у хозяина, или выканюченныя въ пьяномъ видѣ у хорошаго барина за хорошіе каблуки, или наконецъ даже своровванныя, уходили вмѣстѣ съ гармоникой, съ халатомъ и, пожалуй что, съ сапогами, къ будочникамъ, натолкнувшимся случайно на молодецкую сцѣпку.

Весь разбитый, ограбленный, возвращался Кузьма изъ какого нибудь квартала, послѣ многихъ дней разгула, къ своему сапожному сидѣнью, а мимо его пьяныхъ, блуждающихъ глазъ шедшія улицы, такъ то смѣялись надъ нимъ своими свѣтлыми стеклами, такъ-то разборчиво съ густыхъ вершинъ бульварныхъ деревьевъ сыпались на его побѣдную голову разныя ругательныя рѣчи, что, дескать: ахъ ты, Кузьма, Кузьма, сапожный ты мастеръ великій! Скоро-ль ты, Кузьма, пить перестанешь? Когда ты, Кузьма, какъ тебѣ быть подобаетъ, хорошимъ мастеромъ жить почнешь?

Извощикъ ѣдетъ и кажется Кузьмѣ, что этотъ дьяволъ извощикъ глядитъ на него раскраснѣвшимися отъ только что выпитаго чаю лицомъ и улыбается,—улыбается и только одни эти слова, чтобъ его чортъ взялъ! поматывая нечесанной, рыжей головою, толкуетъ:

— А-аххъ ты, Куззь-м-ма, Кузьма!...

— Што тебѣ за дѣло? кричитъ Кузьма, налетывая на наставника съ мощно-сжатыми кулаками.

— Но, но! кричитъ извощикъ, постегивая лошадь: Вишь лѣшій! Што ты грабить, што-ли!...

И извощичья гитара бренчитъ уже вдали отъ сапожника — и такъ-то насмѣшливо бренчитъ:

— Што чортъ? говоритъ гитара:—Што дьяволъ-пьяница, поймалъ? Нн-ѣ-тъ, шутовъ баранъ, околѣешь допрежъ подъ винной бочкой, а меня непоймаешь. Я тоже рѣзовъ, я тоже, можетъ, который годъ уже ѣзжу...

— Моли Бога, запивоха ты эдакой! покрикиваетъ извощикъ: — что вотъ утро тепереча раннее, городовые теперича по харчевнямъ спятъ, а то бы я съ тобою расправился, какъ быть надоть!...

И все, что только могъ завидѣть Кузьма около себя въ такую минуту, все это: и утренняя зоря, упавшая влажной росой на домы, на деревья и на него самого, и пильщики, встающіе на работу въ три часа, которые теперь сонною гурьбой идутъ мимо него, и гульливая дѣвица, возвращающаяся откуда-то,—все это кажется его глазамъ пляшущимъ на зло ему, смѣющимся и говорящимъ:

— Что, что взялъ? Ахъ ты ш-шу-у-това голова?..

Обѣими руками вцѣпился тогда Кузьма въ свои длинные волосищи, рвалъ ихъ и въ бѣшенствѣ кричалъ на всю еще сонную улицу:

— Н-нѣ-ѣтъ! Будетъ теперь! Теперь никогда я тебя, вр-аага, въ ротъ не возьму.

А хмѣльной подчасокъ, прислонившійся къ углу, слушая сквозь сонъ эти вскрикиванья, какъ-то особенно повелительно и вальяжно отвѣчалъ Кузьмѣ:

— Шторёшь, др-а-акъ? Счасъ тебя вфарталъ велю взять.

Будочникъ въ это время (говорю объ этомъ въ скобкахъ) видѣлъ сонъ, что онъ будто бы не будочникъ уже, а квартальный надзиратель, — отъ этого то онъ такъ повелительно и разговаривалъ этимъ тихимъ, прелестнымъ утромъ, дышавшимъ сладкими ароматами на вонючую въ остальное время, столицу...

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

IV.

Тѣ зароки, которые Кузьма Иванычъ, послѣ своихъ запоевъ, клалъ на свою душу, т. е. не пить чтобы ольше, въ ротъ его не брать, были столь страныш, что и пріятели, и хозяева Кузьмы, слушая его тяжкія на себя клятвы, вздрагивали и, ужасаясь сердцами, тихимъ шопотомъ, какимъ обыкновенно говоритъ человѣкъ въ большомъ испугѣ, разговаривали:

— Господи! Откуда только онъ такія слова беретъ?

Видѣлись тогда окружавшему пьяницу люду, черные, волосатые дьяволы, которые радовались Кузьминымъ словамъ, — громкій смѣхъ, вмѣстѣ съ смраднымъ пламенемъ, вылеталъ изъ ихъ широкихъ и зубастыхъ ртовъ, — безчисленной стаей вертѣлись и прыгали демоны около Кузьмы, восклицая: нашъ! нашъ! и потомъ, какъ бы въ подтвержденіе той правды, что Кузьма ихъ неотъемлемо, они съ разбѣга вскакивали къ нему на широкія плечи и оттуда все христіанское подло дразнили своими длинными, красными язычищами, опять

*

таки повторяя: что взяли? какъ вы ни старайтесь, а онъ нашъ!

И ужасъ суевѣрныхъ душъ, пораженныхъ такой картиной, доходилъ до самой высшей степени, когда Кузьма, все больше и больше разгорячаясь на своего лютаго врага — винища, съ каждымъ поворотомъ языка изрыгалъ все большія и большія страсти:

— Да распространѣли, да раздребезжи меня мать Царица Небесная, ежели я лишь каплю... покрикивалъ онъ, яростно вращая кровавыми отъ похмѣлья глазами: Да чтобъ мнѣ отца съ матерью въ глаза не видать... Чтобы съ мѣста съ этого мнѣ не сойдти,—сквозь бы землю провалиться...

Но нельзя было переслушать всѣхъ этихъ рѣчей—и потому, при всеобщемъ ужасѣ и молчаніи, всѣ садились на свои кадушки и снова принималась шипѣть дратва, крѣпящая сапоги, стучали молотки и визжали ножи и шилья, оттачиваемыя на шероховатыхъ подпилкахъ.

Наконецъ раскраснѣвшееся лицо постепенно блѣднѣло, волоса, вставшіе дыбомъ отъ злости, мало помалу укладывались и Кузьма, какъ и всѣ, садился на свое мѣсто. И видно было по усмирившемуся лицу подмастерья, что онъ сѣлъ не какъ другіе, что то и дѣло выскакивали, то въ харчевню, то поразговориться съ сосѣдской кухаркой, вышедшей вылить помои, а какъ бы какой двухъ-тесный гвоздь, вколоченный въ стѣну толстымъ молотчищемъ и здоровой рукой.

Сиднемъ какимъ-то, готовымъ, какъ Илья Муромецъ,

просидѣтъ *ровно тридцать лѣтъ и три года*, ввинчивался Кузьма Иванычъ въ свое мѣсто и ни-ни! Въ ротъ, т. е. чтобы, ни капли! И говорятъ тѣ, кто близко зналъ, что во время его молчаливаго отдѣлыванья каблуковъ, каждую минуту представлялась ему скрипучая дверь кабака, такъ широко растворяющаяся, такъ ласково зовущая. За дверью виднѣлась зеленая посуда, такъ заманчиво разставленная,—сладкій запахъ родного влеталъ въ раздутыя ноздри, — лихія и жалующіяся пѣсни такъ и били въ уши... а Кузьма ничего,—все сидѣлъ и постукивалъ и сглаживалъ и подносилъ къ окну свою работу.

Много времени такимъ образомъ проходило, такъ что мастеровые, выйдя за вороты вечернимъ празднымъ часомъ, толковали про Кузьму между собою:

— Вѣдь остепенится?...

— Нѣтъ, не остепенится, -сомнѣвались другіе, потому многіе видѣли своими глазами, какъ они на емъ верхомъ сидѣли... Хозяинъ въ свою очередь, позднею ночью разсуждаясь женой о дѣлишкахъ, тихо шепталъ ей:

— Кузьма теперича безпремѣнно къ первому числу прибавки потребуетъ, потому прилеженъ ужь очень, нельзя не прибавить. Охъ, дѣла Божьи! Ни какъ то тебѣ извернуться нельзя!..

— Небойсь, извернешься! Совѣтывила жена: Разочти, ежели прибавки запроситъ. Какой ему лѣшій повѣритъ, что онъ пить пересталъ,—посуди: онъ тебѣ такое колѣно выкинетъ.

— Такъ то вотъ вы, бабы, всегда нашему брату не вѣрите, — недовольно отзывался хозяинъ на женнино замѣчаніе:—Мало мы васъ лупимъ.

— Было бы за что! Есть кому вѣрить. Пьяницы, такъ вы споконъ вѣка пьяницами и будете.

— Ну молчи, чортъ! Никогда уснуть, какъ надо, не дастъ.

Бесѣда заканчивалась громкимъ, будившимъ ночную тишину ахомъ хозяйки, которой самъ поддалъ легонько въ бокъ на сонъ грядущій; а Кузьма все-таки не шолъ въ кабакъ, все-таки онъ удивлялъ и злилъ своихъ благопріятелей, какіе въ подпитіи тащили его въ кабакъ, покрикивая:

— Ежели ты, Кузьма, не пойдешь со мной—бѣда! Я съ тобой на смерть раздерусь, потому я тебя угостить хочу...

— Такъ ты теперича не пьеш-шь? Хор-р-рошо! Эфто прикрасно! Такъ ты, значитъ, такъ-то съ товарищами обращаться желаешь?.. Хыр-р-рошо!

Работалъ Кузьма и молчалъ. Пить ему страшно хотѣлось, такъ и звало что то. Говоритъ: иди! Кампанія тамъ вся! А онъ не шолъ. Зудѣли у него согнутыя въ крюкъ сапожной работою руки, чтобы исколотить всѣхъ пріятелей, но онъ не дрался и молчалъ.

— Подемте, ребята! Чортъ его знаетъ, что у него на умѣ? Можетъ, онъ и наши души хочетъ ему продать, кто его знаетъ.

Всѣ уходили —и оставался Кузьма одинъ, хозяйскіе ребятки къ нему подбѣгутъ, говорятъ:

— Дядя! Дай-ка ты у насъ извощикомъ будешь. И затѣмъ ребятишки сморщивали свои смѣющіяся, розовыя личики въ сурьезныя, барскія рожи и принимались орать:

— Звощикъ! Звощикъ!

Кузьма, впадая въ роль, назначенную ему несмысленными режиссерами, уходилъ въ самую глубь хозяйской горницы и оттуда, словно бы настоящій извощикъ, отвѣчалъ:

— Куда прикажете, ваше сіятельство?

— Къ маменькѣ клешной,—на Твелшкую...

— Въ кое мѣсто, сударь?—Тверская длинна!

— Ты еще лазговаривать що мной вздумалъ? сердился мальчуганъ, разыгрывая изъ себя сердитаго барина.

— Ахъ, ваше сіятельство! Какъ же нашему брату разговаривать съ вами? Посмѣю ли!.. Ну да пожалуйте три гривенничка,—ужь Господь съ вами!

Но входилъ кто нибудь въ оставленный наработавшимся людомъ подвалъ — и комедія кончалась. Кузьма опять сидѣлъ...

Такимъ манеромъ досидѣлся онъ до той самой предпраздничой ночи, конечные шаги которой были началомъ той московской правды, какую я сей часъ описываю.

Обрушилась эта ночь на Кузьмину трезвую голову большимъ горемъ. Свѣтлая и молчаливая спустилась она на рабочій подвалъ и весь его до конца повалила на грязный и мокрый полъ.

— Слава тебѣ, Господи! и говорили во снѣ, и думали всѣ эти чумазыя, навакшенныя лица:—Завтра, покрайности, цѣлый день что хошь, то и дѣлай. Можно завтра въ трактирѣ отсидѣться чудесно...

Цѣлая гурьба халатниковъ растянулась на полу—и только при тускломъ свѣтѣ лампадки, рвавшемся изъ хозяйской комнатки въ мастерскую, можно было распознать, что это живые еще, а не мертвые люди: до того были мертвенно-блѣдны лица ихъ и до того, смотря на неряшливую и сердитую смуглоту этихъ лицъ, казалось справедливымъ, что это не сонъ людей, а какая-то чума, которая внезапно налетѣла на весь городъ, сразу повалила его и обезобразила, и его, и живущихъ въ немъ мастеровыхъ своей смертной печатью.

Тишина въ смрадномъ подвалѣ ходила совсѣмъ слышными шагами,—полный мѣсяцъ, какъ бы нежеланный гость, который, по пословицѣ, хуже татарина, врывался своими золотыми волнами въ это исключительное жилище тусклыхъ трынокъ, семитокъ и пятачковъ и, какъ бы насмѣиваясь надъ нищетой подвала, говорилъ:

— Что это за бѣдность такая всегдашняя? Дай-ка хошь я ее позолочу немного...

И, ежели этотъ, озолотившій собою все ночное небо мѣсяцъ, охотникъ былъ разговаривать, то хорошо ему было, потому что никто въ это время не перебивалъ его. Только развѣ одно сонное кудахтанье трехъ кохинхинскихъ куръ, купленныхъ хозяиномъ для ради новости. Усѣлись они на брюхѣ одного молодца, кото-

рый свалилъ побѣдную голову въ уголъ мастерской къ самой двери, чтобы тотъ уголъ, насквозь прохваченный морозомъ, хоть немножко остудилъ его, тяпнувшаго бездѣлицу предпраздничнымъ вечеромъ,—усѣлись, говорю, гостьи изъ Кохинхины на этомъ брюхѣ и только однѣ ведутъ свой сердитый разговоръ съ сердитою, хотя и свѣтлою ночью.

Слышитъ Кузьма этотъ куриный разговоръ и понимаетъ его во снѣ такимъ манеромъ: снится ему, будто онъ имѣетъ свой домъ въ Чушкиномъ переулкѣ. Идетъ, будто, онъ — Кузьма сладкій—по тому переулку, а на немъ грязь страшная,—извощики завязли въ этой грязи и зовутъ будочниковъ на подмогу, а мальчишки, посланные *любезными родителями въ лавочку*, орутъ, утопая. Смѣется всему этому Кузьма такъ то ласково и смотритъ на ворота деревяннаго, съ ярко-зеленой жестяной крышею дома, а на воротахъ написано во первыхъ на золотой печати: — «Застрахованъ во 2. отъ огня обществѣ, а во вторыхъ», на желѣзной печати нѣкіимъ живописцемъ было изображено:

— «*Жены сапожнаго цѣха мастера Афимьи Сладкой. Сей домъ слободенъ атпастоіфъ*».

Шагаетъ Кузьма къ новымъ воротамъ — и деньжищевъ этихъ у него, изъ *города* полученныхъ, конца края, будто бы, нѣтъ. Такъ и шелестятъ, такъ и разговариваютъ:

— Ахъ, въ трактиръ бы теперь,—любезное дѣло!..

И видитъ Кузьма, что на его дворѣ ходятъ все куры, большія такія, голенастыя, словно бы, ненашин-

скія. Ходятъ тѣ куры по двору въ такомъ числѣ, что отъ перьевъ ихъ въ глазахъ рябило. И будто онѣ то и дѣло все на яйцы садятся—и въ туже минуту изъ тѣхъ яицъ выводятъ не цыплятъ, а все молодцовъ—и молодцовъ по сапожному мастерству.

Одѣты молодцы отъ рожденья прямо въ серпянковые халаты, въ опоркахъ, съ ременными обручиками на длинныхъ волосахъ. Весело встрѣчаютъ эти молодцы Сладкаго у воротъ и кричатъ ему:

— Здравствуй, хозяинъ! Дощечку мы вотъ вамъ положимъ сейчасъ, чтобы вы ножки не замарали.

А куры кудахтаютъ:

— Ко, ко, кко-о-о! Вотъ мы тебѣ, хозяинъ, сколько молодцовъ нанесли! Еще, ежели захочешь, сколько угодно представимъ; а жалованья имъ хочешь давай, хочешь нѣтъ: потому мы тебя любимъ.

— Это чудесно! всей душой радуется Сладкій: Артель здоровая будетъ—и все даромъ. Только, что же это я своихъ ребятъ не бью?..

И взялъ онъ, будто бы, пришедши домой, подтягъ—и принялся ребятъ стегать. А ребята, не взирая на крѣпкіе удары, говорили ему:

— Хошь ты насъ, хозяинъ, стегай, хошь не стегай, а мы изъ твоей руки не выдемъ:—не согласны, потому ты нашъ хозяинъ ..

— Кко-кко-о-о! хрипѣли сердитыми октавами кохинхинки: Мы изъ подъ твоей руки идтить не согласны.

— Накрывай обѣдать, Афимья! кричитъ Кузьма на

жену: Да пошли въ кабакъ за четыре копѣечки *мальчишечку* *) взять.

Небывалой, незнаемой еще никогда радостью — быть хозяиномъ, кончался Кузьминъ сонъ. Дальше зазвонили къ заутренямъ — и настоящая хозяйка будила остепенившагося подмастерья, толкая его ногой подъ бока:

— Кузьма Иванычъ! А, Кузьма Иванычъ! Проснись, ради Бога! Мужъ съ полночи, празднику обрадовавшись, въ трактиръ укатилъ. Поди-ка ты дровецъ искупи. Не на кого, кромѣ тебя, понадѣяться—пропьютъ. Получика вотъ полтора серебра.

Всталъ Кузьма Сладкій подъ обаяніемъ сладкаго сна и, встряхнувши длинными волосами, сказалъ втихомолку:

— Въ руку сонъ! Ишь какъ пріятно привидѣлось насчотъ хозяйства! Пойдука я на радостяхъ трахну. Потому недаромъ эти сны видятся: значитъ скоро буду хозяиномъ.

Въ это-то время онъ, первый и разогналъ ночную тишину своимъ стукомъ въ харчевенную дверь, а потомъ, когда улица сдѣлалась совсѣмъ свѣтлою, Кузьма сходилъ съ грязнаго крыльца харчевни съ мѣдными деньгами въ обѣихъ кулакахъ и, отчаянно поматывая кудлатою головою, бурлилъ:

— Куды мнѣ теперича, братцы мои? Что это я ни-

---

*) Мальчишечкой, мальчишкой и мальчикомъ въ Москвѣ называютъ шкаликъ.

какъ не придумаю. Къ хозяевамъ не пойду, — ну ихъ къ чертямъ! Говорятъ: поди, Иванъ, дровъ купи. А? Каково покажется?.. С-стой! Надумалъ куда идти: схожу-ка я къ Фомѣ въ полпивную: Фома мнѣ другъ, Фома мнѣ землякъ, — а я къ нему не схожу? Съ чикво такъ, пызвольте узнать?

Народъ валившій отъ раннихъ обѣденъ, давалъ просторную дорогу Кузьмѣ и говорилъ про себя:

— Вонъ оно! Кто празднику радъ, тотъ до свѣта пьянъ.

— Что, ребята, отошли обѣдни? громогласно освѣдомлялся мастеровой у встрѣчныхъ.

— Отошли! неохотно отвѣчали богомольцы.

— Нну, значитъ, съ пр-р-раздникомъ! поздравляла всякаго удалая голова и затѣмъ она вытащила изъ запазухи старую съ облѣзлой позолотой гармонику и раскатила на всю улицу:

«Р-р-ради гостя
«Рради, дру-у-гга-а!
«Оххъ!

~~~~~~~~
~~~~~~~~

V.

На одной изъ московскихъ улицъ, гдѣ каждую секунду въ три путающіеся ряда валятъ обозы съ хлѣбомъ, или скачутъ эти же самые обозы порожнякомъ, пущенные на Божью власть красными, бородастыми лицами, орущими во все горло не пѣсни, а такъ, чортъ знаетъ что,—гдѣ на каждомъ шагу можно видѣть лихачей-извощиковъ сцѣпившихся колесами,—гдѣ разбитыя, окровавленныя мордасы, въ видѣ классическихъ статуй, украшающихъ барскіе сады, торчатъ на каждой тротуарной тумбѣ, какъ нѣчто отдѣльно-живущее отъ своихъ владѣльцевъ, гдѣ наконецъ надъ всѣмъ этимъ буйно-пошлымъ гуломъ царитъ кулакъ будочника, приводящій все это такъ сказать къ одинакому знаменателю,—такъ вотъ на такой-то улицѣ, говорю, можно примѣтить уголъ, съ котораго сразу, въ обрывъ, начинается другая жизнь. Каменныя палаты, съ балконами, съ мрачными подъѣздами, съ важными швейцарами, по хамски относящимися съ этихъ подъѣздовъ

къ дневному теченію, вдругъ прекращались на этомъ углу и вмѣсто нихъ выстраивалось кособокое царство домишекъ, принадлежавшихъ, какъ говорили наворотныя надписи, то надворной совѣтницѣ Минодорѣ Пѣвцовой, то купчихѣ второй гильдіи *г-жѣ Лисафетѣ Марковни Сычуговой*, то цѣховому Гаврилѣ Разудалову.

Шли тутъ вывѣски, говорившія что «хоша я и сапожный мастеръ Иванъ Забубенный, одначе ты мнѣ задатку впередъ не давай—пропью; потому жизнь моя къ дьяволу не годится. Грязь и ржавчина залѣзли на эту вывѣску, разъѣли ея нѣкогда бѣлыя буквы, заворотили уголки, прорвали середку и такимъ образомъ на всегда опакостили мастеровую репутацію Ивана Забубеннаго.

Въ окнахъ, примазанные разжованнымъ мякишемъ чернаго хлѣба, пестрѣли ярлыки, говорившіе:

— Сдеса-тко адаеца палугла.

— Чісавой мастіръ Петра Раскудряіфъ.

А вотъ и знакомая харчевня; она ухитрилась таки съ своихъ всегдашнихъ гостей-лохмотниковъ содрать себѣ денегъ на золотую вывѣску. Бойко расписался на этой вывѣскѣ, живущій напротивъ харчевни *Іконописецъ Авдей Ликсандрычъ господинъ Ліксеіфъ художникъ изъ Пітенбурха*. Своей мастерской кистью *Авдей Ликсандрычъ* раскатилъ на харчевенной вывѣскѣ: *горатъ Растофъ фхотъ взаведенья*.

Пиво азартно кипѣло въ двухъ кружкахъ, модный самоваръ, въ видѣ помпейской вазы, щеголемъ подперъ руки въ боки; около него правильнымъ полукругомъ

стояли золотыя чайныя чашки, громадный графинъ толковалъ проходящимъ, что, де, прочтите-ка коли грамотѣ знаете, что на этой картинѣ написано.

А послушные проходящіе, изумляясь столичной росписи, читали поскладамъ:

— Эдакой скусъ! Опробуйка землячокъ!

Такъ начиналась дѣвственная улица, такъ она продолжалась, потомъ почти въ самомъ концѣ, круто и криво обрушиваясь подъ гору, какъ бы топила въ протекавшей здѣсь Москвѣ-рѣк ѣсвою безысходную нищету.

— Вотъ сейчасъ въ быстру рѣку брошусь! говорила она этимъ обрывомъ:—Ни дьявола своимъ мастерствомъ въ цѣлый вѣкъ незаработаешь, а только все винище одно жрешь и все это сказываешь себѣ: завтра, молъ, безпремѣнно отстану.

Работящая голь дѣвственной улицы, въ обыкновенные будничные дни угрюмая и до полнаго безмолвія смирная, теперь, *праздничнымъ слободнымъ дѣломъ*, вся высыпала на морозный день — и ржанье этихъ парней въ однихъ красныхъ рубахахъ, было столь вопіюще къ небу объ отмщеніи, что всякій *больной* человѣкъ, ежели проходилъ тутъ, такъ непремѣнно сердце его судорожно вздрагивало и онъ вскрикивалъ:

— Горло! что ты ржошь? Когда же ты, человѣческое горло, говорить станешь?

Барыня какая то-прошла — и порока-то въ ней было только всего, что на головѣ ея, вмѣсто шляпы огненнаго цвѣта, всегдашней на дѣвственыхъ улицахъ, —

шляпы съ такими же перьями, какія нѣкогда развѣвались на гекторовомъ шлемѣ, была надѣта, *какъ есть братцы, какъ на мужикѣ*, шапка, опушенная сѣрыми смушками.

И шла эта барыня, никого не трогая, тихо, хорошею поступью, черные глаза пристально смотрѣли подъ ноги. Очевидно было, что она понимала, что ей не слѣдуетъ ломать своихъ маленькихъ ножекъ, ради этой мостовой, вошедшей въ притчу во языцѣхъ—и вдругъ:

— Ха, хха, хха-а! громко раскатила улица по ея слѣдамъ.

Нельзя было не оглянуться на этотъ лѣшачій хохотъ и барыня оглянулась; а бойкая съ большими, выпятившимися зубами бабочка, манерно разглаживая свои напомаженные, выпущенные изъ подъ платка височки, закричала ей:

— Что глядишь? Ай не знаешь?.. Вмѣстѣ ѣзживали...

«Ай, барыня, барыня,
Сударыня барыня,
Чив-во тибѣ надомна?

Заорали на разные голоса молодцы — и закривлялись при этомъ и заломались, съ свойственной мастеровой *нацеѣ* граціей.

Ежели бы барыня въ мушковой шапкѣ вдругъ въ это время воротилась и топнувъ ногой на хоръ, закричала бы: какъ вы смѣете, расподлая эдакая мастеровщина, обращаться такъ съ благородною *женщиной?*

то я увѣренъ, праздничная, уличная картина непремѣнно измѣнилась бы. Шустрая бабочка съ висками, съ визгомъ убѣжала бы въ ворота, — за ней дали бы стрекача и ея рыцари.

Но прошла мимо барыня въ шапкѣ,—и чѣмъ дальше отходила она, тѣмъ болѣе густыя слова сыпались ей въ уши.

Уличная картина, слѣдовательно, ничуть не измѣнилась...

Идетъ офицеръ и, видно, что не пѣхтура какая нибудь, потому что за нимъ парадно выступаетъ тысячная пара, запряженная въ широкія сани, а на тротуарѣ, въ измѣшенномъ безчисленнымъ множествомъ ногъ снѣгѣ, лежитъ мастеровой. Вонъ и грязь около него.

Офицеру скучно. Забрелъ онъ сюда Богъ знаетъ зачѣмъ. Въ головѣ бродило что-то въ родѣ смутной надежды встрѣтить какую нибудь эдакую, съ глазками въ видѣ крупныхъ, зрѣлыхъ вишенъ, маленькую эдакую, канальство, при взглядѣ на которую, чортъ возьми, сразу взмахнулись бы въ высь поднебесную ослабшія тѣлеса.

— Ну тамъ платье,—юбочекъ ей этихъ бѣленькихъ накупить, чтобы ножка была видна,—идетъ безмолвно офицерская дума, погромыхивая палашищемъ:—Посадить въ сани, надвинуть на нее шапку-боярку—и смотрѣть: необыкновенно въ такія времена эти плебейки забываются. Сразу уже, отъ коровника то, онѣ въ амбицію

вламываются. Пріятно въ морозный день съ такимъ раздуханчикомъ загородную прогулку учинить!...

Тутъ вдругъ офицеръ почему-то проникся гуманными идеями, — сталъ онъ тогда мечтать о сближеніи сословій—и потому, увидя мастероваго въ снѣгу, онъ съ ласковою улыбкой, имѣвшей ободрить погибающаго брата, сказалъ:—Не сыро ли тебѣ здѣсь, любезный другъ? Петръ! Покинь лошадей: — пособи поднять человѣка!

Петръ—этотъ кучеръ, получающій тридцат цѣлковыхъ въ мѣсяцъ жалованья, въ бьющей по глазамъ зеленоватой шубѣ, въ бѣлыхъ замшевыхъ рукавицахъ до локтей, съ бородищей въ три сажени, только мимоходомъ взглянулъ на барина и, не улыбнувшись даже, натянулъ зеленыя возжи, съ серебренными наставками, отъ чего парадный шагъ рысаковъ сдѣлался еще параднѣе.

Ишь, чортъ, съ коихъ раннихъ поръ коньяку этого своего ломанулъ! шевельнулось въ кучерской душѣ на хозяйскую просьбу, а мастеровой, въ свою очередь, не поднимая головы съ холоднаго снѣга, забормоталъ:

— Не ссс-ыр-ро! Не сырро, раз-з....

— А? ты ругаться сталъ? крикнулъ офицеръ. Эй!

Необыкновенно скоро прибѣжалъ на этотъ зовъ пьяный, по случаю праздника, будочникъ и, сладко улыбаясь, спрашивалъ у офицера:

— Бить прикажете, ваше б — діе!, али прямо въ кутузку?

— Ваше в—діе! завопилъ оглядываясь мастеровой:

Не погубите! Тридцать человѣкъ дѣтей, семеро мастеровыхъ содержу... Безъ меня все погибнуть должно.

— Хха-а, хха-а! какъ за барыней въ шапкѣ снова зазвенѣло ребячье грохотанье и надъ этимъ пассажемъ. Что, небойсь, узналъ, какая она такая Кузькина мать то? хохотали молодцы надъ проснувшимся при видѣ густаго офицерскаго султана, пьянюгой:—Вы бы его, ваше б—-діе, въ морду...

— А не будетъ ли отъ вашего б — дія на чаекъ чего нибудь нашей артели? Потому, ей Богу, напрасно вы надъ нимъ смиловались: грубъ-съ оченно!... докладывала барину нѣкоторая удалая голова, отдѣлившаяся отъ кружка.

— Ска-а-тина! прошепталъ офицеръ, бросая, какъ кость собакѣ, рублевую ассигнацію удалой головѣ:—Поговори со мной...

Вслѣдъ за тѣмъ онъ бросился въ сани и сердито закричалъ своему великолѣпному Петру:

— Пшо-о-лъ, ска-а-а-тина!

Рысаки рванулись—и взвившаяся изъ подъ ихъ копытъ снѣжная пыль помѣшала барину разглядѣть и разузнать, какъ по улицѣ и надъ его гнѣвомъ, и надъ его милостью, за одинъ разъ загромыхало новое, праздничное:

— Хха-а, ххх-а! Побѣжимъ, ребята, теперича пиво жрать...

Кипитъ улица, гогочетъ, смѣется и плачетъ. Вмѣстѣ съ нею гогочетъ, смѣется и плачетъ и Кузьма Сладкій. Окончательно сшибенный съ ногъ безчисленнымъ

множествомъ шкаликовъ и косушекъ, онъ повалился теперь въ уголокъ огороднаго забора и будки, задралъ ноги къ верху, и оретъ безъ словъ:

— Нну-у, нну! Хто смѣлъ, наизжай....

Будочники собрались около него и со смѣхомъ спрашиваютъ:

— Што, Кузя, раздрѣшилъ?

— Раздрѣшилъ! отвѣчаетъ Кузя:—Бери въ фарталъ! Ничего не боюсь.

— Да нну тебя къ идоламъ и съ фарталомъ-то! досадуютъ будочники: — Хошь бы за полштофомъ послалъ, для ради праздника, а то—фарталъ!... Не свои рази?...

— За полштофомъ? Нич-чего! Это м-можно!.. Сыми халатъ—и валяй.... Я тебя люблю, ты мой фартальный....

А тутъ, по улицѣ, совершалось какъ бы нѣкое вавилонское плѣненіе: шли гурьбами какіе-то народы, въ чуйкахъ, съ свирѣпыми, красными лицами, шли и кричали во все горло, — ѣхали эти же самыя лица на извощикахъ по пятку въ каждыхъ саняхъ, тихимъ, манернымъ шагомъ — и тоже кричали! Были въ рукахъ, какъ у пѣшеходовъ, такъ и у ѣздоковъ, бабы въ красныхъ сарафанахъ, — пьяныя и орущія — и гармоніи въ золотыхъ бумажкахъ, тоже пьяныя и орущія...

— Фу, ты, Боже! восклицалъ одинъ будочникъ, подчуя стаканчикомъ лежащаго Кузьму:—Откуда только

такія силы берутся? Половодье словно... кушай, Кузьма Иванычъ.

Выкушивалъ Кузьма Иванычъ, а дѣвственная улица хмурилась все пуще и пуще,—грознѣе и грознѣе развертывались ея праздничныя картины.

Цѣлое море головъ бурлило около пойманнаго вора. Разное носильное отрепье висѣло у вора на лѣвой рукѣ, а правую, съ сжатымъ кулакомъ, онъ держалъ выше своей сѣдой, непокрытой головы, которая, въ свою очередь, возвышалась надъ головами всей толпы.

Воръ одѣтъ въ старый, истерзанный и коротенькій полушубокъ. Сѣдые, кольцоватые усы грозно висѣли по челюстямъ, — смуглыя, впалыя щоки злобно вздрагивали повременамъ. Очевидно привыкшіе къ стрижкѣ волосы встали дыбомъ—и такимъ образомъ этотъ человѣкъ весьма явственно изображалъ собою самаго лютаго, безсрочнаго ундера.

— Бей, бей! вопило сумасшедшимъ манеромъ пять сотъ голосовъ.

— Тррронь! тихо, но мрачно отзывался воръ, и при этихъ словахъ на лицѣ его нельзя было не увидѣть ни малѣйшаго движенія. Онъ былъ лютъ и серьезенъ, какъ можетъ быть, онъ былъ лютъ и серьезенъ когда пущалъ въ славныхъ битвахъ батальный огонь на угорѣлую вражью кавалерію...

— Да вѣдь ты же укралъ? раздаются несмѣтные голоса:—Ты же бѣдь у ей, у модистки то эфтой, изъ сундука сдулъ?

— Н-ну? спрашивалъ старый усачъ.

— Да что тамъ: нну? Ббей!

— Тр-ронь!...

Сзади стоявшій молодецъ изъ овощной лавки, хватилъ въ это время солдата кулакомъ въ спину и, проговоривши: ну вотъ и ударилъ, — что со мной сдѣлаешь? снова пугливо скрылся въ живую горластую стѣну.

— Кто вдарилъ! какъ звѣрь вскрикнулъ солдатъ, однимъ махомъ обрушиваясь на всю толпу: У-у-бью! Сказывай!

— Это вотъ онъ, дяденька, васъ.

— Он-нъ? Подь-ка, подди-и-ка ты суды, чортовъ сынъ!..

Парнишка завизжалъ какъ собака, когда солдатъ сталъ его бить своими длинными руками. Потомъ поглядѣлъ на него воръ, бросилъ и сказалъ:

— Да ну тебя къ чорту, молокососъ!

И опять посыпались изъ толпы вопросы:

— Дерется еще, словно правый! Вѣдь ты укралъ?

— Да ты вѣдь поймалъ, дьяволъ! треснувшимъ, но еще могшимъ командовать въ громѣ битвы, басомъ, вскрикивалъ солдатъ:—Поймалъ вѣдь, чортъ! отчаянно наступалъ онъ на отливающее отъ него море:—Такъ отбери отъ меня, или къ начальству веди. А самъ ты надо мной издѣваться не смѣй... А то, сейчасъ умереть,—убью.

— Да вѣдь ты укралъ?

— Да не укралъ, дьяволы! А такъ взялъ: шолъ и взялъ.

При этомъ старикъ, какъ бы съ намѣреніемъ заткнуть всѣ эти широкія пасти, бросилъ въ кучку краденыя отрепья и пошолъ выше лѣса стоячаго, ниже облака ходячаго.

— Ого, го, го! раздалось за нимъ уличное грохотанье.

— Я такихъ солдатовъ люблю, — бурлилъ совсѣмъ пьяный Кузьма:—Вотъ теперь я хозяинъ. Нну разбогатѣю, купцомъ буду. Сейчасъ я тогда такого старичка къ себѣ на житье возьму:—Будь, молъ, ты, скажу ему, у меня за мѣсто отца, старичокъ.

— Ахъ, нѣтъ у меня отца! плакался Кузьма:—Сроду я тятеньки своего не видалъ...

— Ну будетъ, Кузя: не плачь. Христосъ съ нимъ— съ родителемъ то! утѣшалъ Кузьму одинъ изъ угостившихся на его счетъ будочниковъ:—Посылай лучше, ежели деньги есть. Говорилъ это будочникъ — и тоже слезился.

Между тѣмъ, толпа, отвалившаяся отъ вора, накатила теперь на Кузьму.

— Да штоже, дру-угъ! отзывался Кузьма:—Идѣже я денегъ возьму, ты спроси? Я вотъ хозяинъ,—у меня, можетъ, артели одной человѣкъ сто, а денегъ все нѣтъ, пытаму времена нонѣ, аххъ, какія времена!...

И Кузьма заплакалъ — и будочникъ тоже сквозь слезы заговорилъ:

— Не ври, дьяволъ! Какой ты хозяинъ? Сейчасъ я тебя бить примусь, потому не люблю, когда брешутъ.

— Онъ нынѣ, чортъ, сонъ видѣлъ, ребята! бубнила толпа:—Бредитъ теперича.

— Хвати его въ морду то: може встанетъ.

— Сказывалъ въ кабакѣ: куры ему счастье напророчили.

— А куръ видѣть во снѣ, братцы мои, это безпремѣнно къ куреву какому нибудь. Бунтъ, али бо изобьетъ кто кого... Чья, значитъ, сила возьметъ. Бида какъ послѣ такихъ сновъ раздираются—въ кровь и часто даже до полусмерти.

— По буднямъ ежели, такъ такъ, точно дерутся, А въ праздники ничего—завсегда, почитай, сбываются.

— До обѣда сбываются, голова! Послѣ праздничныхъ обѣдовъ — не вѣрь.

— Такъ, значитъ, его брать надо,—къ вечернямъ скоро заблаговѣстятъ, а не токма обѣдъ... Гдѣжь теперь сбыться?..

— Тащи его, милый служивый. Забирай въ контору, а то, пожалуй, околѣетъ тутъ, — рекомендовала толпа бесѣдовавшему съ Кузьмой будочнику.

— Кузя! А Кузя, проснись, золотой! упрашивалъ будочникъ:—Проснись—и посылай, а то сейчасъ поташшу...

Но не просыпался Кузя, и только, болтая ногами, кричалъ совсѣмъ въ звѣриномъ образѣ:

— Я р-р-рази не хозяинъ? Разувай меня, клади на кровать, а то всѣхъ изобью...

Тогда потащили Кузьму въ кварталъ; а одинъ изъ его пріятелей, жившихъ съ нимъ вмѣстѣ, толковалъ провожавшей шествіе толпѣ:

— Тоже и я однажды сонъ видѣлъ (пьяный легъ и Богу, слѣдственно, за спанье не молился): Стоитъ, быдто, лѣсъ, дремучій такой, высокій, а чортъ меня по самымъ верхушкамъ того лѣса дремучаго подъ руку водитъ и смѣется—смѣется и говоритъ:

— Ты, говоритъ, русскай?

— Русскай! я ему говорю.

Ну такъ, говоритъ, — ты надъ этимъ лѣсомъ всю власть возьмешь апосля только... Ты, говоритъ, ему теперича полный хозяинъ:—руби его...

— Я сталъ рубить, быдто тотъ лѣсъ и проснулся,—проснулся и вижу диво: сижу въ фарталѣ. Говорятъ за буйство взятъ...

— Ахъ, батюшки! сокрушенно вскрикнула вдругъ какая то бабочка, которая вмѣстѣ съ другими провожала Кузьму на успокоеніе въ сибиркѣ: —Аххъ, батюшки! Видно мы только хозяевами то и бываемъ, что праздничными снами.

— Извѣстно, что по такимъ временамъ только! отвѣтилъ кто-то бабочкѣ, корявый и пьяный, игриво хватая ее за платье на груди:—Праздничный сонъ, сама знаешь, до обѣда только, а послѣ обѣда опять уже за работу нашему брату надо садиться...

НРАВЫ МОСКОВСКИХЪ ДѢВСТВЕННЫХЪ УЛИЦЪ.

Очеркъ

ПИСАНО, ПАМЯТУЯ О ПОГИБАЮЩЕМЪ ДРУГѢ.

I.

Иванъ Сизой, матушкѣ Москвѣ бѣлокаменной, по долгомъ странствованіи внѣ ея, здравія желаетъ,— всѣмъ ея широкимъ четыремъ сторонамъ низкій поклонъ отдаетъ.

Годъ слишкомъ шатался я по разнымъ мѣстамъ; а все нигдѣ не видалъ того, что я такъ люблю въ Москвѣ,—это ея глухихъ, отдаленныхъ отъ центра города, улицъ, которыя давно какъ-то я называлъ *дѣвственными*, съ ихъ, такъ влекущей къ себѣ сердце мое, поразительной и своеобразной бѣдностью.

Конечно, этого добра, т. е. бѣдности, намъ не занимать стать, и, какъ я сказалъ уже, больше года шатаясь по деревнямъ и селамъ, по городамъ и краснымъ пригородамъ, я имѣлъ таки не мало случаевъ видѣть голодъ и холодъ въ мѣщанскихъ хороминахъ,

молчаливое и безустанно работающее унынiе въ мужицкихъ избахъ; но это что же за бѣдность? Лица не московскiя, пораженныя этой болѣзнью, не живыя лица, а какъ-бы каменныя статуи, изображающiя собою безпредѣльное горе и я только плачу втихомолку, когда такая статуя окинетъ меня своими впалыми, безъ малѣйшаго признака слезъ, глазами. Плачу, говорю, и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко страдаю отъ той нравственной боли, которую всегда уязвляютъ мою душу эти глаза; ибо въ нихъ мои собственные глаза имѣютъ способность читать такого рода краснорѣчивую вещь:

— Ты, братъ, таво... не гляди лучше на меня, мнѣ и безъ тебя тошно. Мало ты мнѣ, другъ, утѣхи своимъ глядѣньемъ даешь. Ты бы тамъ иначе какъ-нибудь для меня порадѣлъ...

Такъ уродливо настроено въ этомъ случаѣ мое воображенiе, изъ котораго я имѣю развить свой очеркъ. Всякiй своею похотью влекомъ и прельщаемъ, слѣдовательно и я, какъ всякiй, имѣю свою похоть, т. е. болѣю при видѣ бѣдности немосковской, ибо она молчалива и убита, ибо трудно ей спророчить, когда она разбогатѣетъ и, хоть сколько нибудь, оживетъ. Напротивъ, бѣдность московскихъ дѣвственныхъ улицъ меня радуетъ даже, потому что она рычитъ и щетинится, когда ей покажется не очень просторно и не очень сытно въ ея темныхъ и тѣсныхъ берлогахъ, — въ каковыхъ движенiяхъ жизни я замѣчаю несомнѣнные признаки того, что бѣдность эта скоро поправится и разбогатѣетъ, хотя можетъ быть, и не вдругъ, хотя,

богатства ея будутъ далеко не тѣ, про которыя говорятъ, что они неисчерпаемы. Ну, да ничего! Намъ и это на руку: потому что голодному рту не до горячаго—ему бы только мало-мальски чѣмъ-нибудъ тепленькимъ порасправить свое изсохшее нёбо...

II.

Въ Москвѣ у меня бездна литературныхъ и университетскихъ друзей, которые меня весьма терпятъ и у которыхъ, слѣдовательно, я удобно могъ-бы сложить свой страннический посохъ, но, пославъ ихъ въ душѣ моей къ Богу въ рай, я по прибытіи въ Москву, направился прямо въ дѣвственную улицу, гдѣ жилъ мой старинный другъ, старый отставной унтеръ-офицеръ, у котораго я крестилъ троихъ дѣтей.

Въ дѣвственной улицѣ я не замѣтилъ никакой перемѣны. Въ сравненіи съ другими столичными улицами, она была тиха до мертвенности. Огни, свѣтлѣвшіеся изъ оконъ ея маленькихъ, деревянныхъ домишекъ, были похожи на гнилушки, которыя такъ уныло свѣтятся ночью изъ подъ печки деревенской избы. Единственные признаки жизни показывала только единственная харчевня дѣвственной улицы. Изъ ея тусклыхъ окошекъ, освѣщенныхъ какимъ-то красноватымъ свѣтомъ, порой вырывались какіе-то неясные звуки, по которымъ

рѣшительно нельзя было опредѣлить, поютъ-ли тамъ пѣсни, или плачутъ. Такіе это были смѣшанные звуки. И временемъ, когда какимъ нибудь гостемъ широко распахивалась харчевенная дверь, сердито и шумно взвизгивая на своихъ заржавѣвшихъ петляхъ, звуки дѣлались слышнѣе и тогда человѣкъ неопытный, случайно проходящій по дѣвственной улицѣ, непремѣнно-бы остановился противъ заведенія и пугливо прислушался къ этимъ звукамъ, потому что неопытному пѣшеходу въ нихъ бы заслышалось слово: караулъ,— слово, отчаянно-крикливо вырвавшееся изъ чьего-то горла, но остановленное на половинѣ своего излета и снова, какъ-бы, впихнутое въ это горло чьимъ-то лютымъ кулачищемъ.

Но я не счелъ этого звука за такой караулъ, ради котораго слѣдовало-бы остановиться около харчевни, потому что мнѣ коротко извѣстны обычаи дѣвственной улицы. Это былъ просто крупный разговоръ, который велъ закутившій мастеровой съ своею благовѣрной, пришедшей съ цѣлью вытащить благовѣрнаго изъ заведенія и отвести на спокой на фатеру.

— Пош-шолъ вонъ! кричитъ на жену повелительнымъ, горловымъ баритономъ, урѣзавшій здоровую муху кутила:—Пош-шолъ вонъ! повторяетъ онъ еще повелительнѣе, забывши въ подпитіи, что, ежели хочешь прогнать откуда-нибудь свою жену, чтобъ она не мѣшала молодецкому разверту, такъ нужно сказать ей вовсе не пошелъ вонъ, а: пошла вонъ.

Затѣмъ начинались плаксивые тоны жены:

— Иванъ Прокофьичъ! Что-же мы завра ѣсть станемъ?

— Объ этомъ ты не горюй! Что объ этомъ горевать,—объ ѣдѣ-то? Эхъ ты безстыдница! О чемъ нашла горевать? А? Гаврикъ! обращается кутила къ фамильярно улыбавшемуся половому — о чемъ она, дурища, горюетъ-то? Объ ѣдѣ, ха, ха, ха! Пош-шолъ вонъ! и затѣмъ мужъ, какъ глава надъ своей женой, употребляетъ даже нѣкоторую силу и пытается пропихнуть ее въ скрипучую дверь на тихую морозную улицу.

И такъ вы видите теперь, что серьезнаго караула въ харчевнѣ дѣвственной улицы быть не можетъ, потому, что въ концѣ концовъ, ежели караулъ слышится иногда изъ оконъ, веселящихъ улицу своимъ краснымъ и, примѣчено мною, какъ то злобно и насмѣшливо моргающимъ свѣтомъ, такъ вовсе нечего прислушиваться къ нему, потому что все это не болѣе, не менѣе, какъ свои отъ своихъ...

Исторію эту, съ цѣлью получить въ концѣ ея не зловредный караулъ, можно продолжать такимъ образомъ:

— Остались-ли деньги-то у тебя? Ай ужъ всѣ пропилъ? спрашиваетъ жена, усѣвшись наконецъ съ супругомъ за одинъ столъ около грязнаго, загаженнаго мухами графинчика изъ толстаго стекла съ мутной водкой.

— Какія, чортъ, деньги? Пропивать-то мнѣ нечего;— а это ужь я на сертукъ валю, — вотъ добрая душа, Гаврикъ, въ двухъ серебра принялъ, а домой я и въ твоемъ платкѣ какъ-нибудь дотащусь.

— Да вѣдь ты давича работу барину понесъ? Рази онъ тебѣ не отдалъ?

Мастеровой слезливо начинаетъ обыкновенный разсказъ про то, какъ часто понесешь работу къ барину и, какъ идучи къ барину, разсуждаешь, что вотъ де, сейчасъ получу деньги, прямо на рынокъ, искуплю тамъ говядины, — сапожки, можетъ, али штанишки какіе-нибудь старенькіе не попадутся-ли, а тамъ накуплю товару и валяй опять за работу. Чудесно! знай денежки огребай. Разсуждаешь такимъ-то манеромъ, а потомъ и не увидишь какъ очутишься въ кабакѣ.

— Онъ, говоритъ, баринъ-то: Иванъ Прокофьичъ! Ты съ меня деньги-то недѣльки двѣ пообожди. Знаешь, говоритъ, за мною не пропадетъ. Я ему говорю: знаю, что не пропадутъ, только ваше б-діе мнѣ деньги оченно нужно. Сами изволите знать: жена, дѣтей четверо...

— У меня, говоритъ баринъ и смѣется, — у меня можетъ дѣтей штукъ съ сорокъ найдется, да вѣдь я ни къ кому не пристаю. Приходи ужъ черезъ недѣлю, что съ тобой дѣлать, а теперь мнѣ нѣкогда, прощай. Съ тѣмъ отъ него и ушелъ, — добавляетъ мастеровой, возвышая голосъ,—а отъ него съ великой злости прямо въ кабакъ, а изъ кабака сюда, потому, что-же я завтра безъ денегъ стану дѣлать?

Послѣ этого крикливаго вопроса и начинается, что называется, самая катавасія, потому что кромѣ сюртука, принятаго добродушнымъ Гаврилой въ двухъ рубляхъ, чета начинаетъ валить еще на три рубля, ко-

торые съ большимъ удобствомъ олицетворяетъ истасканный шерстяной салопъ супруги.

— Видишь теперь, какая у меня супруга? спрашивалъ мастеровой у половаго, выставляя ему на видъ, собственно то обстоятельство, что супруга, съ видимою охотою, куликнула двѣ рюмки залпомъ, какъ-бы стараясь сразу сравняться съ своею главою. Сласть у меня супруга, сговорчивая. Она мнѣ ни въ чемъ никогда не перечитъ. Что я скажу, то и баста.

Супруга между тѣмъ не безъ граціи закусила двѣ рюмки солониной съ солеными огурчиками, а супругъ продолжаетъ.

— Мы съ ней двѣнадцать годовъ душа въ душу живемъ! Гаврилъ! слушай, я тебѣ разскажу, какъ я женился на ней. Она въ это время молодая была, и изъ лица не въ примѣръ теперешняго красивѣе; а князь, у кого она въ то время на содержаніи была, призываетъ меня и говоритъ: вотъ тебѣ, Иванъ Прокофьевъ, невѣста! Ты, говоритъ, съ ней не пропадешь, потому приданаго за ней даю сто рублевъ, акромя, говоритъ, постели и разныхъ вещей... Я ему и говорю: покорнѣйше благодаримъ, ваше сіятельство! Сказалъ такъ-то и женился; а она, шельма эдакая, цѣлый годъ послѣ законнаго брака шаталась къ нему, къ князишку-то своему. Вотъ она, Гаврилъ, какая извергъ у меня! Ты, Гаврилъ, не гляди на нее, что она такою смиренной глядитъ. Шельма она у меня преестественная, Гаврилъ! Ты думаешь, милый человѣкъ, черезъ кого я теперича погибаю? Черезъ нее, черезъ анаѳему! Вотъ

черезъ кого! У! Будь ты проклята! Возьму, вотъ, да какъ начну по мордѣ-то охаживать, — такъ не бойсь! Забудешь про княжество-то про свое!

Половой, слушая эти изліянія, мялся на одномъ мѣстѣ и насмѣшливо улыбался съ видомъ человѣка, который ежели-бы не стѣснялся своимъ лакейскимъ положеніемъ непремѣнно сказалъ-бы:

— Коммиссіи, право, эти женидьбы нашинскія!.. Что криво да косо, то Кузьмѣ-Демьяну... Всегда ужь нашему брату мастеровому, бѣдному человѣку—такую-то сволочь подсунутъ, цѣлый вѣкъ казнишься да страдаешь, глядя, какъ она кровныя мужнины деньги, на офицеровъ прохожихъ любучись, на чаяхъ да на кофіяхъ проживаетъ!.. Идолы — бабенки, — а паче тотъ идолъ, кто ихъ тонкостямъ этимъ научивши, нашему брату на шею наваливаетъ...

— Ты вотъ что,—отнеслась достаточно уже выпившая супруга къ мужу,—ты поменьше болтай, а то вѣдь за болтанье-то вашего брата по щекамъ лупятъ...

— Ну, ужъ ты съ этимъ дѣломъ, надо полагать, подождешь немного, по щекамъ-то. Право подождешь! сатирически предполагаетъ мужъ, выпивая приличный чину и званію столичнаго башмачника стакашекъ.

— Нѣтъ—не подожду, настаиваетъ супруга, выпивая тоже приличный стаканъ. Долго я тебя — пьянаго дурака—не учила.

— Врядъ-ли выучишь. Я тебя, пожалуй, поскорѣе поучу.

— Ну ужь это не хочешь-ли, вотъ чего? освѣдомляется

*

супруга, повертывая передъ очами возлюбленнаго послюнявленный кукишъ.

— А ты не хочешь ли вотъ чего? въ свою очередь любопытствуетъ супругъ, ухватывая супругу за жидкія космы.

Случайно отворенная въ это время дверь заведенія заскрыпѣла на своихъ петляхъ и изнутри кабака вылетѣло женски-визгливое — караулъ и басовитыя отрывистыя слова: вотъ тебѣ, шельма, вотъ тебѣ! Слышно было сдержанное хихиканье половаго Гаврилы, сопровождаемое протяжнымъ возгласомъ: охъ! И комедіанты же эти сапожникъ съ сапожницей! Право комедіанты! Эдакъ-то они у насъ цѣпляются другъ съ дружкой каждый божій вечеръ...

Но дѣвственная улица ничуть не была удивлена этими выкриками. До того, должно быть, она прислушалась къ нимъ, что даже тѣни вниманія не пробудили они на ея безжизненно-молчаливомъ лицѣ.

И кромѣ этой, другія, болѣе крикливыя, сцены разыгрывались на улицѣ, но и онѣ не дѣлали ея веселѣе, потому что противъ русскаго обыкновенія, онѣ не собирали около себя толпы проходящихъ зѣвакъ, дружный и шумливый говоръ которыхъ увѣрилъ бы человѣка, въ первый разъ занесеннаго въ этотъ край, въ томъ, что край этотъ вовсе не какое-нибудь заколдованное царство, осужденное могучимъ чародѣемъ на вѣчный и безпробудный сонъ.

— Кар-р-раулъ! Кар-р-раулъ! оретъ какой-то молодой голосъ въ непроницаемой темнотѣ уличнаго конца.

— Ты что-же это? спрашиваетъ крикуна хрипучій басъ будочника. Ты опять свои шутки шутишь? Мало я тебѣ онамедни шею за нихъ намылилъ? Ежели мало, такъ скажи, я тебѣ еще прибавлю.

— Дядюшка! да вѣдь скучно!—День-то деньской сидючи за работой, чего не придумаешь?.. Выбѣжишь когда на улицу-то украдкой, улица-то, сейчасъ умереть, свѣтлымъ раемъ тебѣ покажется,—ну тогда ты не вытерпишь и въ радости заорешь...

— То-то въ радости! Гляди: ты у меня инымъ голосомъ, пожалуй, вскрикнешь, какъ вотъ ножнами начну тебя по мягкимъ-то оторачивать... Уймись, парень! Ей-Богу, уймись!

— Не буду, дядюшка, однава дыхнуть, не буду, съ хохотомъ увѣряетъ прежній голосъ,—только теперича въ послѣдній разъ; позволь...

— Ну, парень, придется мнѣ, должно быть, съ моего мѣста встать... Разозлилъ ты меня, паренекъ! И за тѣмъ уличную тишину нарушаетъ какое-то шуршанье, словно-бы, какой одышливый и лѣнивый человѣкъ собирался въ дальнюю путь-дорогу.

— Кар-р-раулъ! снова изъ всѣхъ легкихъ трубитъ паренекъ, захлебываясь отъ хохота. Послѣ этого слышится легкое захлопыванье калитки и шлепанье босыхъ ногъ по оттеплѣвшему снѣгу.

— Экой парень разбойникъ! Удралъ ужъ,—говоритъ будочникъ съ прежнимъ сопѣньемъ и пыхтѣньемъ усаживаясь на покинутое было пригрѣтое мѣсто. Кажинный день такъ-то онъ меня безпокоитъ...

Поравнялись со мной какія-то двѣ, еще не очень пожилыя, женщины, съ вѣниками подъ мышками, съ узелками въ рукахъ, съ лицами, прорѣзывавшими даже ночной, ничѣмъ неосвѣщаемый мракъ дѣвственной улицы алымъ румянцемъ, которымъ, какъ пожаромъ, освѣщались ихъ пухлыя щеки.

— Что-же хороша нонича фатера-то у тебя? спрашивала одна подруга другую.

— Эдакая-ли фатера, чудесная,—страсть! отвѣчала подруга. Мы ее онамедни чудесно обновили. Пришелъ эфта, въ прошлое воскресенье *мой*, (у меня нынѣ столяръ), солдатика—пріятеля привелъ. Пришодчи, какъ слѣдуетъ, поздравили съ новосельемъ, водки полуштофъ солдатикъ-то изъ за обшлага вытащилъ, я имъ селедку съ лучкомъ оборудовала. Полштофъ выпили, другой послали, другой выпили, третій, а тамъ и за четвертымъ. И такъ-то, милая ты моя, всѣ мы нарѣзались тогда, не роди мать на свѣтъ Божій. Словно-бы безумные толкались. Нарѣзамшись, мой-то и сцѣпился съ солдатикомъ драться—я сейчасъ же къ своему на заступу пошла; а солдатикъ видитъ, что не совладать ему съ нами, взялъ да у столяра ухо напрочь совсѣмъ съ хрущомъ и оттяпалъ. Завизжалъ столяръ такъ-то жалостно и кровища изъ него хлестала, аки-бы изъ свиньи зарѣзанной. И дивись, милая, съ другой фатеры, ежели не въ нашей улицѣ, такъ-бы нашего брата за такую исторію знаешь-бы какъ въ шею турнули, въ три-бы шеи турнули; а нашъ хозяинъ (благородный у насъ хозяинъ-отъ!) хошь-бы словечушко вымолвилъ.

Ничего, говоритъ, Господь съ ими! На то говоритъ и праздникъ данъ человѣку ..

— У насъ, мать, по всей нашей улицѣ хозяева всѣ страсть какъ смирны,—подтвердила другая товарка. У меня тоже кажный праздникъ, почитай, и-ихъ какія кровопролитія сочиняютъ! Тоже одному молодчику, не хуже твоего, два пальца и половину носа скусили. Азарны эти мужики.

— Съ ними поводись только! Я ужь когда они такъ-то сцѣпятся, прямо имъ сказываю: да ступайте на дворъ, лѣшаки, тамъ говорю, просторнѣе. Такъ-то они у меня, милая ты моя, за всякое воскресенье ак-куратъ не на животъ, а на смерть, чешутся!..

— Это у нихъ истинно, что каждое воскресенье творится не упустительно, — сказалъ мнѣ, вдругъ вышедшій изъ-за угла мой старикъ—кумъ, къ которому я шелъ. Я тоже, признаться, поджидалъ его, потому что самъ онъ, тоже неупустительно, возвращался въ это самое время изъ кабака, въ которомъ обыкновенно онъ проводилъ лѣтніе и зимніе вечерки.

— Издали еще разглядѣлъ я тебя, — продолжалъ старикъ, обнимая меня, смотрю этта, и думаю: а вѣдь это *купъ* идетъ! По вечерамъ, т. е. огорошивъ въ кабакѣ полуштофъ и туго набивши носъ забористымъ зеленчакомъ, старикъ пріобрѣлъ способность выговаривать буквы *м* и *н* какъ *п* и *б*,—и потому въ такихъ случаяхъ онъ обыкновенно звалъ меня *купъ*, а ежели въ дальнѣйшемъ разговорѣ надобилось употреблять слово небо, онъ просто на просто избѣгая грѣха — сказать

небо, указывалъ рукою въ потолокъ — и всѣ это понимали, какъ нельзя болѣе хорошо.

— Откуда тебя Богъ принесъ? спрашивалъ меня старина, видимо обрадованный. Давно-ли?

— Прямо съ дороги и прямо къ тебѣ—отвѣтилъ я.

— Вотъ за это люблю, что не забылъ друга.

— Ну что тутъ, какъ у васъ? любопытствовалъ я. Новенькаго чего нѣтъ-ли?

— Чему у насъ новенькому быть? Спросилъ въ свою очередь кумъ, какъ-бы съ нѣкоторымъ унынiемъ. Все у насъ, другъ милый, по старому. Есть, что ли деньжонки-то у тебя? А то я, покуда лавки не заперты, что-нибудь изъ одежи-бы на угощенье спустилъ...

Есть,—утѣшилъ я старину,—и на счетъ одежи ты не безпокойся.

— То-то, ты гляди у меня: финтифлюшекъ то, знаешь небойсь? не очень-то я люблю, — и потомъ, прихвативши въ попутномъ кабакѣ нѣкоторый штофъ и въ попутной лавочкѣ два десятка соленыхъ огурцовъ, мы съ кумомъ благополучно спустились въ его плачевный подвалъ.

~~~~~~~~
~~~~~~~~

III.

Кумовъ подвалъ былъ разительно схожъ съ самимъ кумомъ. Оба они представлялись наблюдающему глазу немытыми и нечищенными отъ самаго ихъ сотворенія.

И дѣйствительно: кума погладили одинъ только разъ во всю его семидесятилѣтнюю жизнь и именно: погладили въ службѣ, и при всемъ томъ, что это глаженіе уже извѣстно какое бывало встарину, при всемъ томъ, что оно продолжалось не менѣе какъ тридцать годовъ, кумъ всетаки остался ничѣмъ болѣе, какъ саратовскимъ мужикомъ, который хотя въ волю насмотрѣлся разныхъ людскихъ хитростей, но изъ которыхъ тѣмъ не менѣе самъ онъ ни одной настолько не поинтересовался, чтобы изучить ее и въ свою очередь повеселить ею добрыхъ людей. Онъ даже не усвоилъ себѣ той кавалерской выправки, которая отличаетъ всякаго отставнаго солдата и, ежели у него и были длинные и густые, чернобурые усищи, такъ это были вовсе не тѣ бравые, на-

фабренные, такъ называемые, разусы, которые такъ ухорски закорючены на смѣющейся щекѣ разухабистаго военнаго дѣтины, а усы дугою, строгіе, молчаливые, хохлацкіе, такъ сказать, усы.

Чуть-ли еще не въ годъ кумовой отставки пришли въ Москву изъ глубины Дмитровскихъ дебрей толстые бревна, изъ которыхъ на живую руку былъ сметанъ домъ дѣвственной улицы съ своимъ подваломъ, пріютившимъ старика солдата. И такъ какъ всякому извѣстно, что каждый россіянинъ изъ самаго отличнаго матерьяла дѣлаетъ самыя скверныя вещи, то хозяинъ, сгубивъ столѣтнюю лѣсную красоту на построеніе своей безобразной домовины, глубоко задумался собственно надъ тою мыслью, что въ подвалъ-то, пожалуй, ни одного жильца не заманишь. Такъ поражены были даже невзыскательные глаза московскаго домохозяина, неуклюжестью подвала и какимъ-то гнѣвнымъ уныніемъ, воцарившимся въ немъ съ первыхъ дней его постройки!...

Опечалился хозяинъ при взглядѣ на дѣло рукъ своихъ до того даже, что сталъ служить молебены объ изгнаніи изъ хоромины нѣкоего, какъ онъ говорилъ, унывнаго духа, нагонявшаго на него оторопь; но, несмотря ни на что, духъ, вѣроятно въ видахъ покаранія хозяйскаго безобразія, испортившаго столько прекрасныхъ деревьевъ, изъ хоромины не выходилъ. Слышали даже сосѣдскія кухарки и разсказывали объ этомъ подъ секретомъ, что по ночамъ словно-бы плачетъ кто въ томъ подвалѣ, шепчетъ что-то неразборчивое и временами, рѣдко впрочемъ, хохочетъ чему-то...

Во время такого порядка вещей, когда хозяинъ окончательно уже отчаялся въ возможности заманить въ подвалъ какого нибудь жильца, къ нему пришелъ отставной солдатъ, старый такой молчаливый и даже какъ будто сердитый. Посмотрѣлъ на этого солдата хозяинъ и тутъ-же тихомолкомъ подумалъ: а! это онъ пришелъ ко мнѣ подвалъ нанимать! Лучше быть нельзя; а солдатъ, какъ только взглянулъ на подвалъ, сейчасъ же подумалъ: вотъ чудесная хата! Лучше требовать не возможно; а самъ подвалъ, какъ только его обозрѣли, угрюмо и почти неслышно прошепталъ: мало въ мои стѣны веселья этотъ солдатъ принесетъ! А мнѣ то и на руку, потому не охотникъ я музыкантить-то!... Такого жильца я долго жду! — и при этомъ, говорятъ, въ первый и послѣднiй разъ улыбнулись съ радости тогда еще новыя стѣны подвала, точно также какъ и у солдата очень что-то шевелились въ это время усищи, какъ-бы стараясь стрясти съ себя чужую, случайно налетѣвшую на нихъ и запутавшуюся въ ихъ непроходимой чащи улыбку!

Въ этомъ-то такъ сказать печально говорящемъ подвалѣ цѣлые двадцат лѣтъ тянулась печальная жизнь солдата. Въ пять лѣтъ моего съ этими интересными субъектами знакомства я не могъ подмѣтить ни въ томъ, ни въ другомъ ни малѣйшiй перемѣны, и какъ за годъ передъ настоящимъ моимъ посѣщенiемъ я оставилъ ихъ, уныло-серьезныхъ и гнѣвно-молчаливыхъ, точно такими-же нашелъ ихъ и теперь. Даже горемыки-жильцы подваловъ въ дѣвственныхъ улицахъ, навали-

вавшіеся на простого старика, какъ наваливаются осенніи листы на терпѣливую землю, были все тѣже, за исключеніемъ развѣ только одного отставнаго капитана, тѣмъ впрочемъ только и замѣчательнаго, что онъ нанялъ себѣ помѣщеніе на огромной кумовой печи, куда онъ втащилъ нѣчто въ родѣ кушетки, служившей ему постелью и вмѣстѣ съ тѣмъ сундукомъ. Капитанъ этотъ нисколько не характеризовалъ бы собою московскихъ дѣвственныхъ улицъ, если бы про него не разказывали съ божбой, что онъ никогда ничего не ѣстъ и не пьетъ, ибо никто ни разу не видалъ, чтобы онъ когда-нибудь удовлетворялъ этимъ простымъ требованіемъ человѣческаго организма. Кромѣ этого, заслуживавшаго вниманія обстоятельства, капитанъ бросался въ любопытные глаза тѣмъ еще, что не любилъ платить за квартиру, и, говоря настоящее дѣло, не любилъ даже и того, когда ему напоминали объ этомъ. Старый, разслабленный и поросшій весь, какъ бы какою щетиной, онъ по цѣлымъ днямъ молчаливо переѣзжалъ съ печи на кушетку и обратно, ничѣмъ не безпокоясь и никого не безпокоя; но какъ только кумъ заикался ему что, дескать, ваше вышебородіе, нельзя-ли, дескать, насчетъ недоимочки за фатеру, — капитанъ сначало призводилъ на печи какой-то необыкновенный шумъ, смѣшанный съ визгомъ и рычаньемъ, потомъ показывалъ съ печи свое обрамленное сѣдо-бурыми волосами лицо, оскаливъ зубы, и начиналъ воевать, т. е. бросалъ съ печи въ пріютившаго его человѣка чѣмъ ни попало.

— Зар-р-ряжай ружье! оралъ онъ старческимъ, но

азартнымъ голосомъ, Кладсь! Пали! Я васъ, черти! Р-р-рота, за мной! Д-дѣ ти, скорымъ шагомъ маршъ! Съ Богомъ!

— Ну, пошла писать, военная кость! съ хохотомъ толковали многочисленные кумовы жильцы, сбирая съ печи, изъ подъ капитанской храброй руки, различныя тряпки и горшки, мохотки и полѣшки.

— Будетъ, будетъ, ваше вышебородіе! Перестаньте только, Христа-ради! умолялъ кумъ жильца о прекращеніи батальнаго огня.

— Урра! Наша взяла! окончательно вскрикивалъ старый вояка, снова ныряя на неопредѣленное время въ запечное пространство.

— Оченно тронулись! такими словами рекомендовалъ мнѣ кумъ своего новаго жильца. Что будешь дѣлать съ бѣдностью? Иной разъ сунешь ему на печку-то щецъ, хлѣбца, не токма, что свои деньги... Выручишь ихъ, свои-то деньги, съ моими жильцами. Надоѣдаетъ временемъ только, — ужасти какъ! Раздразнятъ его башмашниковы ребятенки, такъ онъ цѣлый день, лежа на печи, ртомъ-то все такъ-то выдѣлываетъ: пу! пу! ппу! Артиллеріей, значитъ, по нимъ на дальнихъ разстояніяхъ дѣйствуетъ. Вотъ докуда спятилъ: по маленькимъ-то ребятишкамъ изъ пушекъ палитъ!...

— Ну, а изъ прежнихъ жильцовъ никто не съѣхалъ отъ тебя? спросилъ я.

— Изъ прежнихъ? Нѣтъ, никто. Здѣсь ужъ все такъ-то: какъ укоренится кто на какомъ мѣстѣ, такъ

ужъ, или съ этого мѣста прямъ въ гробъ идетъ, или, ежели онъ подхалюза какая, такъ фарталомъ прогоняютъ на другую фатеру. Кресты есть изъ такихъ то для нашего брата съемщика и-ихъ какіе тяжелые! потому нашъ братъ долженъ имъ потрафлять каждую минуту, чтобы только не доходили они до фартала, судиться-бы только не ходили, потому они къ этому дѣлу все равно, какъ къ кашѣ съ масломъ, привыкли...

И дѣйствительно: всѣ кумовы жильцы, которыхъ я зналъ у него прежде, жили у него и теперь, какъ-бы сговорившись умереть въ его темномъ подвалѣ. По прежнему надъ всѣмъ гвалтомъ крикливой подвальной жизни властительно царилъ назойливый голосище старой свахи Акулины, трехъаршинной бабы въ ужасающихъ всякую душу лохмотьяхъ и съ рыжею, жидковатою бородой. По прежнему эта ямщикъ-баба расшевеливаетъ во мнѣ уснувшую было глубокую антипатію къ ней тѣмъ, что къ каждому слову, съ которымъ она обращается ко мнѣ, прибавляетъ самымъ сладкимъ голоскомъ «ваше благородіе» и «сударь-баринъ», расчитывая этими словами взять меня на удочку и слизать съ меня полуштофъ сладкой водки, особенно ею цѣнимой. А вотъ и эта старая дѣвушка, неотходно сидящая въ кухнѣ на своемъ громадномъ, окованномъ желѣзными полосами сундукѣ. Какъ назадъ тому много лѣтъ застало ее на этомъ сундукѣ извѣстіе, что человѣкъ, любившій ее, уѣхалъ на родину жениться и увезъ ея кровныхъ сто двадцать рублей, такъ она

безъ малѣйшаго слова раскачнула тогда еще молодой головою, да такъ и теперь ею постоянно раскачиваетъ, — только теперь эта голова сокрушилась уже, замоталась и стала такая сѣдая, сморщенная, некрасивая.

— Здравствуй, Фаламѣй Ильичъ! говорю я старому пріятелю моему башмачнику, тоже кумову жильцу, который терпѣть не могъ, когда кто-нибудь называлъ его настоящимъ именемъ Варфоломея.

— Здравствуйте, сударь, Иванъ Петровичъ! радостно привѣтствовалъ меня Фаламѣй, вставая съ кадушечки, на которой онъ тачалъ башмаки, и лобызаясь со мной. Давно мы, сударь съ вами компаніи не водили. Вы что тутъ ерзаете, мазурики? обратился онъ къ своимъ многочисленнымъ ребятенкамъ, быстро откалупывая у нихъ на головахъ масла маслакомъ своего собственнаго большаго пальца правой руки.

Толпа ребятишекъ, неутомимо сновавшая и горланившая по подвалу, какъ и все подвальное, была въ свою очередь такою-же, какою я оставилъ ее, хотя примѣтилъ, что теперь она стала гораздо гуще, а слѣдовательно и неугомоннѣе, но и это обстоятельство нисколько не измѣняло кумова апартамента, потому что башмачникъ-Фаламѣй не задѣлялъ никого изъ дѣвченокъ и мальчишекъ, составлявшихъ молодое поколѣніе подвала, когда задавалъ имъ трепанца, и колупалъ масло, отчего молодое поколѣніе носило на своихъ головенкахъ одинаково чесавшіяся больнушки, отъ которыхъ слѣдственно ревѣло точно также и въ настоя-

щемъ случаѣ, какъ ревѣло за годъ передъ этимъ, ни на полтона даже не повышая и не понижая своихъ голосовъ.

Да, все обстояло въ подвалѣ по прежнему, потому что очень трудно такой жизни построиться на какой нибудь другой ладъ по той простой причинѣ, что подо всѣмъ этимъ прекраснымъ небомъ нельзя найдти лада, который былъ бы сколько нибудь хуже этого. И Господи! до того шло тамъ все по старому, что самъ я, какъ и прежде, обманулъ ожиданія ребячьей стаи, облѣпившей меня, потому что былъ внѣ всякой возможности дать что-нибудь на гостинцы этой малолѣтней, вѣчно голодающей братіи.

Уныло и молчаливо отошла отъ меня, какъ говорятъ поэты, розовая юность, а я, какъ и всегда, что особенно люблю, сталъ прислушиваться къ стѣнамъ подвала, которыя на сей разъ говорили мнѣ такъ:

— Ну что, Иванъ Петровичъ? Что кумъ ты мой золотой? Куда ходилъ? Что выходилъ? Э-эхъ ты, вѣтеръ степной, Иванъ Петровичъ! Право, вѣтеръ! Вотъ тебѣ отъ насъ первый привѣтъ. Думали мы, что ты гуляючи по хорошему Божьему свѣту, хоть чуточку поумнѣешь, хоть немножко посократишься, а онъ все такой-же... Что задумался-то? Глаза-то, что на насъ такъ пристально выпучилъ? Нечего на насъ пучить глазъ, потому узоры на насъ все тѣже...

Шептали мнѣ черныя стѣны эти слова съ какою-то особенно выразительною насмѣшкой, словно бы насмѣшкой этой они меня хотѣли образумить и наставить на истинный путь.

Такъ я помню въ старину, когда я былъ еще совсѣмъ малымъ ребенкомъ, старая бабка моя, смотря на разныя мои, какъ она говоряла, дурацкія, выходки, укоризненно и насмѣшливо покачивала своею сѣдою головою и говорила:

— Эхъ, дитя, дитя! не будетъ въ тебѣ пути...

До слезъ, бывало, пронимали меня эти многозначительныя бабкины слова. Открывши въ шопотѣ стѣнъ кумова подвала нѣчто схожее съ ними, я-бы тоже, вѣроятно, заплакалъ и теперь, ежели-бы давно уже разлишаяся по тѣлу моему злобная желчь не вытѣснила изъ меня всѣ безъ остатка мои горячія, искреннія слезы.

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

III.

— Вотъ за это я тебя, купъ, страсть какъ не люблю! этимъ восклицаніемъ вывелъ меня изъ моей задумчивости старикъ кумъ. (Назовемъ его давнишнимъ именемъ, пріобрѣтеннымъ имъ въ полку, гдѣ его прозвали Обгорѣлый). Такъ вотъ за это я тебя не долюбливаю,—повторилъ Обгорѣлый,—выпьешь ты, дружокъ, малость какую-нибудь и сейчасъ же задумаешься, лицо у тебя въ синія пятна ударитъ и словно-бы ты въ такія времена разорвать кого на мелкія части надумываешь: Право! Это мнѣ очень не по нраву. Выпейка, авось, можетъ, поотпуститъ тебя злоба-то твоя.

— Что-же это я все у тебя оглядѣлъ, увидалъ, что все на прежнихъ мѣстахъ стоитъ, сказалъ я, а про Катю не спрошу: гдѣ она у тебя?

— Помалчивай до поры до времени, съ какою-то плутоватою улыбкой, отвѣтилъ мнѣ кумъ. Мы тутъ такую-то крутую кашу завариваемъ и какъ есть, бра-

тецъ ты мой, къ самой кашѣ ты подоспѣлъ. Вотъ счастливый какой; а еще все судьбой свой недоволенъ.

А Катя, про которую я сейчасъ освѣдомлялся у солдата, была существомъ такого рода: во всѣхъ вообще дѣвственныхъ улицахъ существуетъ обыкновеніе распускать про всякаго человѣка, вновь основавшаго свой притонъ въ ихъ тишинѣ, молву, что будто у этого человѣка страсть сколько деньжищевъ и добрища всякаго врядъ-ли на три подводы уложишь. Конечно, этому, повидимому, странному обыкновенію, удивляться много не слѣдуетъ, потому что страсть поврать про чужія деньжищи и добрище свойственно всей гольтяпѣ вообще. Поэтому случаю, лишь только переѣхалъ солдатъ въ свой подвалъ, какъ сейчасъ-же про него вся улица, какъ въ трубу затрубила:

— Однихъ шинелей у него три, по секрету перешоптывались между собою сосѣдскія бабенки, — сапоговъ четыре пары, голенищевъ старыхъ видимо не видимо навалено. Кому копитъ? А? Скажи, пожалуста, кому копитъ, старый идолъ? даже съ нѣкоторымъ негодованіемъ вопрошала одна изъ бабенокъ. Околѣетъ вѣдь, старый шутъ; глазъ некому будетъ закрыть.

— Ты про шинели-то, да про голенищи не толкуй лучше — вступалась другая — а ты вотъ что послушай: видѣли у него бумажекъ денежныхъ вона сколько, и при этомъ бабенка, припрыгнувши, что-бы быть прослѣе, взмахнула рукой надъ своей головою, желая означить тѣмъ, сколько именно у идола солдатища было денежныхъ бумажекъ. Теперича, продолжала

*

она, видѣли у него также цѣлый сундукъ съ образами и всѣ-то они — батюшки мои — въ серебрянныхъ ризахъ у него разодѣты, всѣ-то въ серебрянныхъ...

На основаніи этихъ разсказовъ, одна согрѣшившая дѣвочка нѣкоторою темною ночью взяла и подкинула свою новорожденною дочку къ богачу-солдату.

— Она у него счастлива будетъ! разсуждала молодая мать. А то, поди-ка, изъ воспитательнаго дома кому еще на руки попадется...

— Вона сокровище какое Господь мнѣ, старому шуту, послалъ! сказалъ кумъ, вывертывая ребенка изъ разныхъ лохмотьевъ. То тридцать лѣтъ съ ружьемъ нянчился, а теперь вотъ съ чужой дитей придется понянчиться, а тамъ ужь вѣрно судьба за прялку меня усадитъ. Поворчалъ, поворчалъ Обгорѣлый такимъ образомъ, а все таки послушною нянькой усѣлся наконецъ за дѣтскую колыбель и своими пѣснями, пѣтыми хотя и на волчиный манеръ, выбаюкалъ себѣ такую прелестную дѣвочку, про которую многочисленные жильцы говорили, что объ ней все равно, какъ объ царевнѣ какой, ни въ сказкѣ нельзя сказать, ни перомъ написать.

Я совершенно не знаю, какимъ образомъ и для чего именно на тощей и такъ гибельно воняющей почвѣ подваловъ родятся существа съ головками, улыбающимися и цвѣтущими, какъ улыбаются и цвѣтутъ на холстѣ прелестныя созданія великихъ художниковъ,— не понимаю для чего даются этимъ существамъ бѣлокурые волосы,—кого въ томъ подвалѣ хотѣла природа

удоблетворить, творя этотъ гибкій, какъ наша стройная отечественная сосна, станъ; но знаю и сказываю о томъ обстоятельствѣ, что ундер-офицерскій подкидышъ, прозванный подвальнымъ горемъ царевной, про которую нельзя ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать,—былъ, есть и будетъ царевной моего одинокаго сердца.

Повинуясь могучимъ стремленіямъ нашего времени, я долгое время шатался въ кумовъ подвалъ, внося на сколько могъ, въ мерзость его запустѣнія понятія о иномъ, внѣподвальномъ свѣтѣ. Я много разъ примѣчалъ, какъ цвѣтущая, бѣлокурая головка, улыбалась, радуясь такому свѣту; но улыбка эта, дававшая мнѣ столько радостей, всегда же и глубоко мучила меня, ибо въ то время, когда въ ней зараждалась другая правда, ничуть не похожая на правду кумовой жилицы—бородатой свахи Акулины, самъ подвалъ въ этотъ моментъ, мнѣ казалось, начиналъ покачиваться, словно-бы жалѣя о чемъ, и, какъ-то сокрушительно улыбаясь, шепталъ мнѣ:

— Ахъ, Иванъ Петровичъ! Голова ты этакая болѣзная! Ну на что это намъ? Ну что мы съ этимъ добромъ подѣлаемъ? Помни ты мое вѣрное слово, Иванъ Петровичъ! Будетъ у насъ съ тѣмъ добромъ не въ примѣръ больше слезъ, больше и воздыханій.

И такъ крѣпко донялъ меня подвалъ такими словами, что я однажды сказалъ подвальному цвѣтку:

— Прощай, Катя. Ухожу изъ Москвы на родину,

хочу посмотрѣть, попрежнему-ли наша матушка—степь своей красотою сіяетъ.

Говорю такъ и смѣюсь, и она смѣется.

— Ой, отвѣтила она, не ходите, Иванъ Петровичъ! Люди, Иванъ Петровичъ, перемѣннѣе степи всегда бываютъ,—объ этомъ во всякой книжкѣ говорится, какую мы только съ вами читали.

Я даже хотѣлъ-было остаться, смотря на ту улыбку, съ которую Катя говорила о томъ, что люди измѣнчивѣе степи. Такъ много обѣщала эта веселая, добрая улыбка! Но къ счастію, или къ несчастію, подвалъ опять зашепталъ мнѣ:

— Ты что-же это, Иванъ Петровичъ, оставаться хочешь? Гляди ты у меня: я тебя *тогда* своими старыми стѣнами въ прахъ раздавлю...

Унося мою больную голову отъ гибели въ этихъ такъ мрачно глядѣвшихъ стѣнахъ подвала, я пошолъ. Пошолъ я куда глядѣли мои глаза и, когда, возвратившись назадъ, спросилъ у кума, гдѣ Катя? онъ только отвѣтилъ мнѣ, что я счастливецъ, подоспѣвшій къ весьма крутой кашѣ. Отвѣтъ, какъ видите, весьма замысловатыхъ и таинственныхъ свойствъ; но я, изучившій нравы дѣвственныхъ улицъ, сразу понялъ, по какому именно поводу и изъ какихъ крупъ заварилась эта крутая каша,—понялъ до того ясно, что мое сумасшедшее сердце снова дрогнуло и заныло отъ той страшной боли, которою подарило его это ясное понятіе о предстоявшей кашѣ.

— Да, куманекъ! снова повторилъ кумъ, задумчиво

разглаживая свои усищи. Признаться сказать: заварили хлёбово! Не знаю только какъ иному молодому народу придется его расхлебывать. Про себя не толкую, потому старъ я, значитъ, хлебывалъ въ волю... Вотъ какъ хлебывалъ — до крови!... Ну, а молодымъ какъ покажется не знаю и, ежели т. е. не Божья воля, такъ лучше-бы мнѣ скрозь земь провалиться, чѣмъ голубчику моему—дитѣ моей кровной — то кушанье изъ своихъ рукъ подносить...

— А вы, дяденька, не ропщите, пытаму судьба наша извѣстно отъ кого происходитъ... вмѣшался въ нашу бесѣду молодой, еще неизвѣстный мнѣ парень, въ синей чуйкѣ, въ смазныхъ сапогахъ и ситцевой красной рубахѣ, видимо мастеровой. Онъ былъ еще очень молодъ и потому сдѣлалъ старому солдату свое юное замѣчаніе весьма сконфуженнымъ тономъ и какъ-то неуклюже переминаясь на деревянномъ, выкрашенномъ черною краскою, стулѣ.

— Молчи ужъ ты. голова! сердито отозвался кумъ на замѣчаніе молодца. Мы у судьбы то въ лапахъ отъ люльки и по сю пору находимся, такъ мы ее лучше тебя не въ примѣръ понимаемъ, какая она до нашего брата милостивая. Кумъ! выпьемъ съ тобой, да не по рюмочкѣ, а по стаканчику, потому скорбитъ мое сердце. Охъ, какая лютая казнь одолѣла его у меня! Тебѣ, кумъ, объ этой казни своей прежде времени не скажу, потому пуще меня ты, пожалуй, винище жрать примешься. Знаю я тебя!..

Но я давно уже понялъ лютую кумову казнь и по-

тому съ яростію истаго плебея, пріученнаго и, слѣдовательно, привыкшаго топить горе въ стаканѣ, выжралъ стаканище, предложенный мнѣ солдатомъ, опустилъ мою голову, послушно склоняющуюся предъ всякимъ несчастьемъ и сталъ, по обыкновенію, прислушиваться къ тайному подвальному шопоту, а подвальный шопотъ на этотъ разъ былъ таковъ:

— Иванъ Петровичъ! глухо и печально шептали стѣны. Знаешь небойсь, ты нашу жизнь-то собачью? Вѣдь Катька-то у насъ задурила .. Вѣдь въ степь-то тебя чортъ понапрасну таскалъ... Можетъ она, Иванъ Петровичъ, эта самая Катька-то, такой бы женой была вѣрной, да доброй, да умной?...

А солдатъ въ то-же время съ тщетно сдерживаемымъ рыданіемъ говорилъ молодому парню — нашему собесѣднику:

— Выпей и ты, парень! Выпей сразу побольше, потому тебѣ паренекъ надо часъ свой великій въ полной аммуниціи встрѣтить!...

— А я, дяденька, какъ вы сами изволите знать,— заикнулся было молодой парень,—насчетъ хмельнаго нини, т. е. чтобы т. е. одну каплю когда—ни подъ какимъ видомъ...

— Будетъ, будетъ, женихъ, раздобары раздобарывать! грозно прикрикнулъ на него кумъ... Сами женихами бывали, знаемъ, поэтому, какъ это ни каплито ни подъ какимъ видомъ... Пей, говорю. И ты, кумъ, выпей! Повторимъ мы съ тобой, голова, потому

мы постарше и знать свое дѣло завсегда мы должны во всей полнотѣ.

И дѣйствительно: я давно уже зналъ свое горькое, всегдашнее дѣло — плакать и пить, и потому я съ еще большимъ азартомъ повторилъ громадный стаканище.

— Такъ-то вотъ лучше! проговорилъ кумъ, когда вся наша компанія хватила по стакану. Теперь, словно-бы, отлегло маленько, полегче, будто-бы, стало...

— Это точно, что будто полегче бездѣлицу! вступился молодой парень. Только, дяденька, вы теперь безпремѣнно меня поддержать должны, потому, какъ это она въ любви съ *нимъ* находится и какъ я долженъ съ ней отъ него подъ честный вѣнецъ идти,—и мнѣ это теперича вотъ въ какой ясности приставляется, — страсть! сердце у меня отъ эвтого приставленья во какъ зажгло!...

— Пей, парень, ежели приставляется,—командовалъ солдатъ. Когда маленечко ополоумѣешь, всегда лекше становится.

— Ну! прибавилъ старичина, внезапно озлобляясь,— ежели-бы *онъ* мнѣ попался когда, искрошилъ-бы я его въ мелкія дребезги. Хоронится завсегда, словно знаетъ, что я-бы его зубами изгрызъ.

— Нѣтъ — вотъ мнѣ-бы Господь когда нибудь подалъ его въ руки въ ночь какую-нибудь темную, я бы тово... прямо скажу: можетъ съ живаго врядъ ли бы и слѣзъ, — продолжалъ мастеровой солдатскую рѣчь.

— А кто это *онъ*-то? спросилъ я, чувствуя, какъ горячая кровь обливала сердце мое и душила меня,— чувствуя, что и я, даже не въ темную ночь, если-бы встрѣтился съ *нимъ*. такъ съ живаго тоже врядъ-ли бы слѣзъ съ него.

— Онъ-то кто? переспросилъ меня парень. Афицеръ одинъ... богатый—а я допрежь ее зналъ, какъ на родную мать издали глядѣлъ на нее и глазами своими ее любовалъ, —можетъ, ужь года съ три той моей великой любви прошло.

Въ это время за окнами послышался глухой стукъ московской пролетки, той шикарной, налощенной пролетки, съ фордекомъ, на которыхъ, такъ называемые московскіе извощики-лихачи катаютъ барынь, по народному говору, *вольнаго обращенія*, и вслѣдъ за этимъ стукомъ въ подвалъ вошла Катя, шурша толстымъ платьемъ изъ чернаго глассе, сіяя дорогой цвѣтистой шляпой и золотыми браслетами на ослѣпительно бѣлыхъ и маленькихъ ручкахъ.

— Банжуръ, дяденька! сказала она старому солдату какъ-то особенно разухабисто и фамильярно. Ахъ! Иванъ Петровичъ! обратилась она ко мнѣ — какими судьбами?

— Дитя мое, дитя мое! что ты съ нами съ горемычными сдѣлала? отвѣтилъ я съ громкимъ плачемъ пьянаго и, слѣдовательно, необыкновенно тонко чувствовавшаго сердца.

Потомъ я ужъ ничего не помню о той крутой кашѣ, которая варилась въ это время въ подвалѣ.

— Акулина! Акулина! кричалъ, какъ мнѣ помнится, мой кумъ. Бѣжи скорѣе за причтомъ, — я ужь всѣмъ имъ говорилъ, какая у насъ исторія. А вы держите крѣпче, а то вывернется, ускачетъ.

— Ты опять тутъ, ты опять пришелъ! кричала Катя, очевидно было и для меня пьянаго, на молодаго мастероваго. Я вѣдь сказала тебѣ, что не пойду за тебя.

— Рази лучше скверной дѣвкой-то быть? кричалъ въ свою очередь мастеровой. Опомнись, Катя, опомнись! вѣдь они надъ нашимъ братомъ потѣшаются только—господа-то...

— Иванъ Петровичъ! громко кричала мнѣ Катя, заступись за меня,—не давайте меня благословлять, сироту, поневолѣ... Будьте свидѣтелемъ: не хочу я за него идти...

Но я уже не могъ быть свидѣтелемъ для Кати въ томъ, что ее благословляютъ поневолѣ за немилаго замужъ, по многимъ причинамъ, изъ которыхъ самыя главныя были слѣдующія:

— Ну, ты теперь ея женихъ,—угрюмо бубнилъ солдатъ, — слѣдовательно все равно мужъ, — прибей ее, шельму,—чтобы она отъ закона не отказывалась.

— Какъ-же? истерически всхлипывала Катя. Погляжу я, какъ вы меня прибьете?

— А ты думаешь не прибьемъ? оралъ мастеровой. Ты думаешь, сердце мое не болитъ? Вотъ тебѣ, будь ты проклята! Я, можетъ, жизнь свою загублю, въ

церковь Божію съ тобой идучи, а ты въ такое-то время по злодѣѣ моемъ сокрушаешься.

Послышался звукъ пощечинъ и отчаянный крикъ женщины.

Молодецъ, Абрамъ! говорилъ солдатъ. Такъ ее и слѣдуетъ. Опосля слюбится...

— Но, повторяю, я ничему не могъ быть свидѣтелемъ въ это время, потому что сидѣлъ совершенно разбитый этою сценой, сидѣлъ я, а Катя кричала мнѣ:

— Подлецъ, подлецъ! что же ты не заступишься? Зачѣмъ-же ты иное-то всегда мнѣ говорилъ?.. Зачѣмъже въ книжкахъ твоихъ про заступу всегда слабому говорилось?

Сидѣлъ я, говорю, нѣмѣя отъ этихъ оскорбленій, а подвалъ мнѣ кромѣ всего этого свою рѣчь велъ:

— Видишь, Иванъ Петровичъ! Всегда я тебѣ толковалъ: уйди ты отъ насъ, потому будетъ у насъ отъ твоихъ словъ большое горе...

— Господи! взмолился старый подвалъ, какъ-бы подвижникъ какой святой, когда *только* эти слова *будутъ идти не мимо насъ*?...

— Охъ, горе! Охъ, горе! сокрушенно взывалъ мой старый кумъ. Но, можетъ, къ хорошему, можетъ, остепенится, — въ настоящій законъ и послушаніе Богомъ данному мужу войдетъ. Н-ну только, ежели *онъ* попадается мнѣ когда въ темномъ мѣстѣ...

— Съ Бог-г-гомъ, рр-ре-е-бята! командовалъ съ печи старый сумасшедшій капитанъ. К-л-ладсъ, п-л-ли! Въ ш-ш тыки на вр-рага! Ура!...

Такъ смертельно раздразнили его Фаламѣевы ребятишки.

Затѣмъ вся компанія безъ исключенія, вслѣдствіе выпивки, потеряла сознаніе и я уже ничего больше не помню...

〰〰〰〰

СЧАСТЛИВЫЕ ЛЮДИ.

I.

Раститеся, множитеся и наполняйте землю.

Книг. Бытія, гл. I.

Вечеръ. Съ неба, тихими, граціозно-волнующимися пушинками, падаетъ первый снѣгъ. Сквозь массу этихъ пушинокъ, какъ красавица изъ подъ вуали, свѣтлый мѣсяцъ любопытно посматриваетъ па далекую отъ него землю. Тишина и ласка, самыя успокоивающія, лежатъ въ это первозимнее время на душѣ человѣка, шатающагося по улицамъ.

Хорошее время, такое хорошее, что ради него я теперь и самъ пойду къ хорошимъ людямъ, и васъ поведу туда же, хотя дорога до нихъ, какъ ко всякому добру, очень далекая.

Путь намъ лежитъ сначала по тротуарамъ главныхъ

московскихъ улицъ. На тротуарахъ этихъ, съ какимъ то глухимъ, сердитымъ грохотомъ, обыкновенно характеризующимъ всякую ночную человѣческую дѣятельность, работаютъ лопаты, скребки и метлы дворниковъ. Въ ихъ группахъ часто слышатся злые возгласы на необходимость разметать, даже и ночью, улицу, которую завтра же замететъ новый снѣгъ,—слышатся откровенныя шутки съ запоздавшими женщинами, пересыпанныя раскатистымъ смѣхомъ,—дружескія, но тоже страшно-грохотливыя заигрыванія съ пріятелями извощиками, стоящими около тротуарныхъ тумбъ. Тутъ же происходятъ постукиванія пальцемъ по берестовой табакеркѣ, сладкія понюшки забористаго зеленчака и таинственные сговоры, что какъ бы, дескать, это на счетъ тово... раздавить на сонъ грядущій полштофишку, другую.

Характеръ этихъ улицъ, по которымъ идемъ мы къ счастливымъ людямъ, чисто *нѣмецкій*, особенно нелюбимый коренными жителями, въ длинныхъ чуйкахъ, въ суконныхъ барашковыхъ тулупахъ, съ длинными, серьезными бородами.

Изящныя, керасиновыя лампы освѣщаютъ большія зеркальныя окна магазиновъ, сплошь покрывшихъ своими золотыми французскими вывѣсками дома этихъ улицъ, — верхи громадныхъ магазинныхъ рамъ, какъ бы крыльями какой нибудь невиданной птицы, драпированы изнутри граціозными, бѣлыми занавѣсками,—у ресторановъ съ княжескими подъѣздами, стоятъ рѣшительно непьяные извощики-франты, прозванные Мо-

сквой лихачами,—и одѣты эти лихачи въ армяки изъ синяго сукна и подпоясаны канвовыми кушаками, а на головахъ у нихъ надѣты бобровыя шапки, съ заломистымъ верхомъ, затѣйливо разрисованнымъ золотымъ позументомъ.

Гурьбами стоятъ эти франты въ стеклянныхъ подъѣздахъ ресторановъ и меблированныхъ комнатъ, ведутъ они съ швейцарами солидные разговоры, покуривая изъ бумажныхъ крючочковъ, такъ крѣпко пахнущіе махорку и нѣжинскіе корешки,—тихо все и солидно на этихъ улицахъ и кажется бы, что истому москвичу, сочинившему пословицу, что, гдѣ, дескать, тишь да гладь, тамъ Божья благодать, должна бы вся эта обстановка придтись какъ нельзя болѣе по душѣ, однако на дѣлѣ выходитъ совершенно иначе.

И выходило именно вотъ какъ:

Идетъ кровный москвичъ, дѣловой, въ барашковой шапкѣ, съ бѣлокурой, тридцатилѣтней бородкой,—идетъ онъ тѣми поспѣшными, не терпящими ни малѣйшаго отлагательства шагами, которые обязываютъ бравую въ спокойномъ положеніи фигуру русскаго человѣка къ согнутію спины въ три погибели, къ одышкѣ, къ потной краскѣ на здоровомъ лицѣ и, главное,—къ какому то шопотливому, отрывочному разговору съ самимъ собой, въ родѣ:

— Ах-хъ, Боже Ты мой милосердый! Фу Ты, Господи! Да куда же это я? Д-да зачѣмъ?

И вотъ такой-то согнутой иноходью поспѣшаетъ куда-то москвичъ вмѣстѣ съ нами, *пы-сваму дѣльцу-съ*, *па бли-*

зости, такъ на минутую-съ, — и глубоко предался онъ этому быстрому, какъ бы на заказъ, отмѣриванью шаговъ, сопровождая свое шаганье неразговорчивымъ шопотомъ; какъ вдругъ, на всю улицу раздается звонкое ржанье стройнаго, бѣлаго рысака, стоящаго у подъѣзда,— затѣмъ послышалось нетерпѣливое топанье звонкой подковы о булыжную мостовую.

— Тише, дьяв-валъ! хладнокровно говоритъ угрюмая и, такъ сказать, игольчатая октава съ желѣзно-рѣшетчатаго крыльца ресторана.

Чего бы, казалось, проще такого обыкновеннаго вечерняго пассажа? Нѣтъ! Мимошедшій москвичъ вдругъ, почему-то останавливаетъ свою проворную поступь, снимаетъ шапку, отираетъ потъ съ лица краснымъ, ситцевымъ платкомъ и пристальнымъ мелькомъ оглянувши и рысака, бѣлая спина котораго такъ гордо рисовалась на вечернемъ уличномъ фонѣ, и ярко освѣщенный подъѣздъ, и саженныя стекла магазиновъ съ ихъ бѣло-крылыми драпри, снова обращается въ свое торопливое бѣгство и, не то съ досадой, не то съ злобою шепчетъ:

— Вотъ черти-то! И куд-ды же это я, братцы мои? Заччѣмъ? А? Вотъ дьявола, такъ дьявола!..

Бѣжитъ дальше москвичъ, говоря своей походкой, что его никтоже гонитъ, сами ся гоняху, и вдругъ:

— Миласливый государь! какъ листъ передъ травой выросла предъ нимъ какая-то бурая, въ дугу согнутая личность. Миласливый гасударь! Изъ бальницы... Седьмой день... Ни фкушаю, — вѣрьте слову благороднаго

человѣка!.. Находимшись при разныхъ должностявъ... Многіе инаралы и даже, можно сказать, графы...

— Да под-ди же ты! съ тоскою восклицаетъ москвичъ, стремясь дальше и дальше. О, Б боже!

— Мусью! возникаетъ предъ несчастнымъ другой образъ съ хриплымъ женскимъ голосомъ. А, мусью, пазвольте-съ на пару словъ...

— Гос-споди! Да што-же это я? Гдѣ? А?

Съ горки, на которую, по узкому тротуару, поднимается москвичъ, съ звонкимъ смѣхомъ, сопровождаемымъ нѣмецкими, ребячьими фразами, самымъ полоумнымъ манеромъ, скатываются съ глухимъ свистомъ желѣзныя салазки съ цѣлой кучей ребятишекъ, — и бацъ! Москвичъ падаетъ со всѣхъ ногъ *на холодный камень плитъ* и, приподнимаясь, крехчетъ:

— Ишь, дьяволята нѣмецкіе, разыгрались!

Съ быстро ускользавшихъ въ туманную даль желѣзныхъ санокъ, услышали между тѣмъ враждебную рѣчь, вслѣдствіе чего солидная улица немного побаловалась, отвѣтивши за оскорбленныхъ ребятишекъ звонкимъ смѣхомъ и нѣмецкимъ словомъ:

— О, рюссишь швейнъ!

Пойдемте же, и даже, въ случаѣ надобности, побѣжимъ за москвичомъ. Намъ съ нимъ по дорогѣ. Онъ, очевидно, бѣжитъ тоже къ счастливымъ людямъ, о чемъ я, какъ человѣкъ, достаточно знакомый съ Москвой, заключаю по направленію его стремительнаго курса.

Пошли улицы потемнѣе. Фонари, освѣщавшіе ихъ,

стояли другъ отъ друга на такомъ разстояніи, про которое говорятъ: колосъ отъ колоса, не слыхать человѣческаго голоса. Очевидно, они были поставлены для *близиру*—и они сами, какъ видно, очень хорошо понимали свою призрачную роль, потому что такъ плутовски подмаргивали и другъ другу и проходящему народу, что возбуждали въ наблюдателѣ цѣлый рой сомнѣній на счетъ того обстоятельства, что едвали это фонари и что чуть ли это не какіе нибудь кривые, плутоватые люди, подкивывающіе и подмаргивающіе, съ условленною цѣлью объегорить какого нибудь любезнаго благопріятеля.

Подославши къ воротной вереѣ соломки и закутавшись въ здоровый бараній тулупъ, въ самой нѣжной позѣ покоящейся одалиски, лежитъ около одного, по московски — орнаментнаго, дома, молодой дворникъ и дремлетъ сладкою дремой подъ эту тихую музыку пушисто летающаго снѣга. То откроетъ глаза дворникъ, то снова закроетъ ихъ, то вытянетъ ноги, то снова спрячется подъ теплый тулупъ и свернется калачикомъ. По временамъ, онъ споетъ что-то безсловное, напоминающее собой пѣсню сытаго кота,—иногда протяжно и сладко зевнетъ, перекреститъ уста и проговоритъ:

— О, Б-боже Ты мой Господи Милосердый! О, Господи Боже!..

— О, Б-боже Ты мой, милостивый! съ тоскою шепчетъ въ свою очередь бѣгущій впереди насъ коренной москвичъ. Куды? Зачѣмъ? О, Б-боже!

— Ха, ха, ха! раскатывается дворникъ съ своего

уютнаго сидѣнья. Вотъ, теперича, другъ любезный, тебѣ только девять разъ осталось шарахнуться. Не тужи. Эва! Сколько дровъ наломалъ, да еще съ обѣихъ сторонъ фонари... Ха, ха, ха!

— Да не будь ихъ чертей — фонарей эфтихъ слѣпыхъ, — я бы совсѣмъ не шарахнулся. Только тѣнь одна отъ нихъ. У насъ вонъ, въ нашей улицѣ, ни одного ихъ нѣтъ—и чудесно! Идешь такъ-то, — любезное дѣло! Ни разу не оступишься...

Говоритъ москвичъ такія слова и ожесточенно отряхаетъ шапкой снѣжную пыль съ своего тулупа; а фонари на едва-едва примѣтный моментъ ярко мелькнули своимъ колеблющимся свѣтомъ — и вдругъ опять померкли и серьезно сморщили лица, съ настойчивостью, основанною на твердомъ убѣжденіи въ своей невинности, показывая и улицѣ, и дворнику, и мимоѣдущимъ извощикамъ, что это: «не мы, не мы, — ей Богу-съ! Мы вотъ свѣтимъ, а дальше мы—ни, ни! Напрасно вы такъ про насъ полагаете. Это онъ, можетъ-съ пьяну шарахнулся, — д-дасъ!

И этой серьезной рожей фонарей были обмануты и улица и дворникъ, и москвичъ, и извощики.

Однако, шутка шуткой; но только, Боже мой, какъ нѣжно этотъ славный вечеръ, своимъ серебристымъ снѣгомъ, своей гармонической тишиною, будитъ и оживляетъ иныя, видимо начинавшія засыпать, человѣческія души.

Пойдемте тише, пользуясь этой, такъ внезапно налетѣвшей, мирной минутой. Будемъ благодарны ей и

станемъ смотрѣть на фонарь, какъ на фонарь, а не какъ на одноглазаго плута, котораго за его насмѣшки, безъ этой минуты, непремѣнно выругалъ бы и послалъ ко всѣмъ чертямъ...

Очень темны были улицы этой второй категоріи. Высились на нихъ гордые, барскіе дома, выстроенные *про себя*. Ихъ большія, такъ надменно смотрѣвшія окна, завѣшены шторами, сквозь которыя чуть чуть пробивался тотъ таинственный полусвѣтъ, при которомъ, по стариннымъ романамъ, княгиня Мери, пользуясь отсутствіемъ мужа, даетъ уланскому корнету Г. понятіе о высокомъ умѣ, необыкновенно-тонкомъ анализирующемъ самую глубь любви. Зло смотритъ на такіе дома человѣкъ голода и холода, проходя мимо ихъ большихъ, такъ крѣпко запертыхъ, лакированныхъ дверей; а я, напротивъ, даже люблю ходить мимо ихъ потому, что всегда въ позднее аристократическое послѣ—обѣда, передъ самымъ, такъ называемымъ, *аванъ суаре*, оттуда слышатся могучіе звуки дорогихъ піанино — и говорятъ мнѣ эти звуки о томъ, что разнообразныя страданія, сокрушающія родъ человѣческій, протискиваются и въ надменныя окна, защищенныя плотными шторами, и въ лакированныя двери, стрегомыя лакеями во фракахъ и въ голландскомъ бѣльѣ...

Таинственный полусвѣтъ, льющійся изъ оконъ, даетъ мнѣ возможность видѣть прелестные цвѣты, уголокъ громаднаго зеркала съ половиной портрета серьезнаго, генеральскаго, такъ сказать, лица, отражающагося въ немъ, — и вотъ я остановился на тротуарѣ и слушаю.

Слушаю, а изъ дома несутся ко мнѣ рыданія какого то необыкновенно великаго горя и все существо мое, прислушиваясь къ нимъ, д ожитъ нервической, страстно-сочувствующею дрожью...

Какъ прикованный стою я — и вотъ, по дивной волѣ артиста, въ головѣ моей крайне-спутаннымъ строемъ проходятъ многоразличныя людскія недоразумѣнія, — *проклятые*, отъ вѣка, безотвѣтные вопросы,—мысли, обязывающія человѣка на всегдашнее отметаніе отъ прекрасныхъ благъ земныхъ, — мысли, фатально влекущія въ могилу по такой дорогѣ, отъ хаотической пустоты которой леденѣетъ сердце и встаютъ суровымъ лѣсомъ молодыя кудри. — молодыя кудри, какихъ еще, можетъ быть, ни разу не лелѣяли нѣжныя женскія руки...

Вслѣдствіе этихъ представленій, сокрушительная истома по чужому горю зажгла душу мою своимъ необыкновенно-жгучимъ огнемъ: эта головка, что плачетъ теперь надъ дорогимъ піанино, является въ моемъ воображеніи несравненно прелестнѣе всѣхъ этихъ цвѣтовъ, стоящихъ на окнѣ, — я принимаюсь отгадывать настоящую причину грусти этой, видимо, назначенной для всякаго счастія птички. Быстро смѣнялись мои думы, нагоняемыя па меня звучавшими, какъ волны, октавами инструмента и ничего не могъ уяснить я себѣ до тѣхъ самыхъ поръ, пока настоящее лицо интересовавшее меня, не удостоило показаться мнѣ и товаркѣ моей — темной ночи, на минуту вырисовавшись въ окнѣ. Было оно интересно-блѣдно, аристократически-

сдержано, черные волосы обольстительно обрамляли его и проч. и проч.

Совсѣмъ не то разсчитывалъ я увидѣть, и обманутое ожиданіе сразу поселило во мнѣ какую-то странную увѣренность, что барыня эта играла такъ хорошо потому только, что была голодна. Я громко засмѣялся глупой мысли и пошелъ дальше, разсуждая на тэму, чортъ знаетъ откуда на меня налетѣвшую, что любого человѣка ко всему пріучить можно, даже крайняго идіота можно выучить быть умнымъ. Тутъ же подвернулось и доказательство этой истины.

— Медвѣдей выучиваютъ же плясать, — думалъ я и хохоталъ все громче и громче, такъ что одинъ бутарь вынужденнымъ нашолся объяснить мнѣ, что это довольно даже не хорошо для благороднаго господина, идти по улицѣ и грохотать по лошадиному.

Выслушавъ нотацію съ прирожденнымъ мнѣ смиренствомъ, я пустился въ самую глубь тѣхъ улицъ, граничащихъ съ заставами, на которыхъ совсѣмъ смолкаетъ крикливая, столичная жизнь. Ворота во всѣхъ домахъ плотно приперты толстыми засовами, окна закрыты ставнями и лишь изрѣдка около освѣщенныхъ кабачковъ, можно примѣтить какихъ нибудь двухъ, или трехъ друзей, въ ватныхъ халатахъ, тихо и задумчиво разсуждающихъ послѣ выпивки о необыкновенной тягости нынѣшнихъ временъ и о неизбѣжной надобности хватить еще малую толику, ради этого горестнаго обстоятельства.

Изъ будки, иногда начинающей, иногда замыкающей

собой подобныя улицы, льется на дорогу маленькій дрожащій огонекъ, который ежели и горитъ еще, такъ потому только, что въ будкѣ ночнымъ временемъ безъ огня быть, ни подъ какимъ видомъ, нельзя.

— Квартальный, пожалуй, вздумаетъ съ дозоромъ пойдти, — объяснительно покивываетъ огонечекъ улицѣ, какъ бы оправдываясь передъ нею въ томъ, что онъ освѣтилъ собой ея естественные виды, очевидно отвергавшіе всякое освѣщеніе.

Коренной москвичъ, руководящій насъ по дорогѣ къ счастливымъ людямъ, лишь только вступилъ въ эту тихую улицу, всю залитую луннымъ сіяніемъ, всю заваленную блещущими, снѣжными сугробами, какъ сейчасъ же измѣнилъ свою порывистую суетливую побѣжку на шагъ человѣка, который, видимо, дѣйствуетъ въ своей сферѣ. Вотъ онъ шутитъ дружескую шутку съ будочникомъ, сладко прикорнувшимъ на рѣзномъ балкончикѣ своего солдатскаго жилища: подкравшись къ стражу своей улицы на ципочкахъ, москвичъ сдергиваетъ съ него *кэпю* и изо всей силы швыряетъ ее въ далекія небеса. *Кэпя*, вѣроятно, не считая себя на столько заслуженною, чтобы навсегда застрять и успокоиться на одномъ какомъ нибудь изъ этихъ летающихъ по небу облачковъ, снова, черною галкой, спускается на землю.

Съ громкимъ хохотомъ оба друга стремятся захватить шапку въ свои руки. Искусно подбрасываемая москвичемъ, она перелетаетъ черезъ снѣжные бугры, черезъ низенькія лачужки, останавливается на деревьяхъ,

сучья которыхъ любопытно смотрятъ на эту игру — и, спугнутая съ нихъ ловко швырнутою палкой, снова летитъ по сугробамъ, иногда останавливаясь на нихъ и, слѣдовательно, вызывая тѣмъ самымъ разыгравшихся пріятелей къ новымъ, еще болѣе поразительнымъ состязаніямъ въ самомъ, такъ сказать, центрѣ снѣжнаго царства, т. е., другими словами, по уши въ снѣгу, разлетавшемся отъ этой борьбы милліонами серебряныхъ искръ.

Перебросивши наконецъ вражескую голову черезъ заборъ пустыннаго огорода, москвичъ издали кричитъ своему спорнику:

— Гдѣ тебѣ со мной, полицерія ты эдакая, несчастная? Хоть бы на счетъ куроцапства то умѣлъ обходиться, какъ слѣдствуетъ, а то эва! вздумалъ меня обороть. Ха, ха, ха!

Будочникъ, слушая эти разговоры, энергически царапался на высокій заборъ огорода, куда улетѣла его разнесчастная, солдатская голова.

— Ишь ты, вѣдь, куда угораздило его запустить,— безъ тѣни даже досады толкуетъ будочникъ. Чортъ вѣдь это его расхватываетъ, должно быть, на игру-то. Спалъ бы я теперь, да с алъ безъ него.

— Илю-ю-ша! раздается черезъ минуту голосъ чуть чуть уже виднѣющагося москвича. Находи поскорѣе фуражку-то свою, да приволакивайся ужинать поживѣе, — водочки поднесу, потому у меня сынишка менинникъ.

— Да какъ же я съ чисовъ-то, Миронъ Петровичъ?

кричитъ въ свою очередь будочникъ. Нельзя вѣдь съ чисовъ. Пожалуй, взыску какого бы не было...

— Вз-зыску? отзывается москвичъ. Эвося! махенькій, штоль? Вз-зыскъ! Приходи — знай...

Исполинскія собаки, разбуженныя этимъ дружескимъ переговоромъ, отвѣтили на него крикливымъ лаемъ и неистовой бѣготней по слѣдамъ москвича; но москвичъ, съ опытностію американскаго морехода, лѣпился подъ заборами, твердою ногою ступая по едва примѣтнымъ тропинкамъ, — храбро выходилъ по временамъ на самую средину улицы, отыскивая перенесенныя туда другимъ предшествовавшимъ ему храбрецомъ, едва примѣтные слѣдочки, — и только посвистывалъ, только посвистывалъ.

Такъ онъ былъ безбоязненъ среди этого безлюдья, среди этихъ сугробовъ, — такъ былъ увѣренъ въ томъ, что, ежели собачье чутье обманется и не узнаетъ въ немъ сосѣда — Мирона Петровича, — такъ непремѣнно самъ онъ — Миронъ Петровичъ — узнаетъ всякую собаку своего околодка и, судя по обстоятельствамъ, можетъ во всякую секунду, или приласкать ее, или взбутетенить, что одинаково обезопаситъ его, ни для какого смертнаго, кромѣ истаго москвича, не осуществимое путешествіе.

— Орелка! Косматка! Што вы, лѣшіе, аль своихъ узнавать перестали? покрикиваетъ нашъ руководитель, мощною рукой стуча въ тесовыя ворота. Собаки сознаются въ своей ошибкѣ радостнымъ визгомъ и фамильярными скачками на грудь и спину Мирона Петровича,

что составляетъ такую добрую, житейскую картину, что, пробиравшійся въ сосѣдній домишко на ночлегъ, забулдыга извощикъ, никакъ не можетъ ей не позавидовать и говоритъ:

— Ахъ, хозяинъ! Какъ это васъ собачки здѣшнія любятъ, — Ей Богу! Все равно, ваша милость, по всей по улицѣ здѣшней для всякаго человѣка вы замѣсто отца родного,—сичасъ умереть!

— Разговаривай, разговаривай по субботамъ, Митька! отвѣчаетъ москвичъ голосомъ, въ которомъ явственно слышатся недовольныя ноты. Ты бы вотъ мнѣ долгъ поскорѣе приносилъ, чѣмъ чаи-то по харчевнямъ расхлебывать. Такъ-то, другъ! Зубоскалить-то нечего. Насъ не удивишь, потому сами въ старину зубоскаливали...

— Ишь ты, хитрый какой! говоритъ тихомолкомъ извощикъ, благоразумно заглушая воротнымъ скрипомъ хитрое, хозяйское слово. Сейчасъ вѣдь узнаетъ, къ чему какой разговоръ человѣкъ подводитъ... А я, было, завтрашняго числа думалъ къ нему еще подкатиться на счетъ займу. Теперь не дастъ,—ни въ жисть не дастъ, хоть и не ходи! Ахм-ма!

Съ глухимъ гуломъ упала наконецъ воротная задвижка, отдернутая сѣдымъ дѣдомъ-дворникомъ, который, несмотря на зиму, былъ босъ и въ одной только ситцевой, полинялой рубахѣ, да въ пестрядинныхъ штанахъ. Зоркимъ, серьезнымъ взглядомъ оглядѣвши хозяина, онъ спросилъ его:

— Пошто полуночничаешь? У насъ тутъ душа не

на мѣстѣ, — все про тебя думаемъ: какъ бы, молъ, головушка-то наша разудалая опять въ трактиръ не качнула?

— А ты, дѣдушка, не думай,—пошутилъ москвичъ,— потому, думаютъ-то, знаешь кто? Индѣйскіе пѣтухи... Такъ-то!

— Ну, ну, проходи! сердито перебилъ дѣдъ и затѣмъ, помолившись на крестъ сосѣдней церкви, ушелъ во дворъ неторопливою, важною поступью, и въ то время, когда москвичъ уже изъ самаго нутра своего дома продолжалъ звать будочника—Илюшу на сынишкины аменины, дѣдъ глухо и неразборчиво ворчалъ:

— Банкетчики—черти! Эхъ! плачетъ матушка-палка по эфтому по народу! Съ какой радости?..

— Счасъ, счасъ, Миронъ Петровичъ! Сею сикундой сберусь,—въ послѣдній разъ откликнулся будочникъ, и послѣ этого отклика мы, о читатель, остались съ тобой въ этой пустынной улицѣ, залитой луннымъ сіяніемъ, заваленной снѣжными сугробами, рѣшительно одинокими и безпомощными, потому что, несмотря на нашу съ тобой охоту знать счастливыхъ людей и вести съ ними пріятное знакомство, мы, на дорогѣ въ такое желанное царство, луннымъ свѣтомъ залюбуемся, передъ снѣжными горами остановимся, собакъ лютыхъ испугаемся...

II.

Когда я, читатель, одинъ иду къ хорошимъ людямъ, я дохожу до нихъ также легко, какъ пришелъ сейчасъ истый москвичъ въ свой собственный домъ. Я и съ будочникомъ побалуюсь, я и собакъ поласкаю, ежели онѣ смирны; а ежели злы, то даже и побью ихъ, не смотря на то, что отъ гуманства этого, которое во мнѣ понасыпано, я бы въ пропасть всей головой моею готовъ во всякое время шарахнуться безъ малѣйшаго разговора. Снѣжные сугробы, или даже грязь по колѣно, меня тоже нисколько не останавливаютъ на моей дорогѣ, потому что я такую пѣсню знаю, которая говоритъ, что

«Черезъ черную грязь перепелицей».

Но ты, читатель, всегда былъ, есть и будешь для меня тяжелой обузой, потому что ты ежегодно тратишь шестнадцать съ полтиной на какую нибудь газету, или журналъ, выписка котораго обязываетъ всѣхъ твоихъ

друзей твердо вѣровать въ то, что ты человѣкъ цивилизаціи, другъ прогресса и т. д Друзья съ благоговѣніемъ просятъ у тебя почитать журнальчика, или газетки,—ты снисходительно даешь имъ оные и тутъ же сообщаешь имъ, что Гарибальди.. что земная кора... питанье опять... соціальность... терпимость и...и чортъ тебя знаетъ, о чемъ ты, съ чужаго голоса, нагородилъ въ разныя минуты своей жизни, чего совсѣмъ не городятъ въ тѣхъ улицахъ, гдѣ мы находимся съ тобой въ данную минуту и куда, по настоящему, ходить тебѣ рѣшительно не за чѣмъ; но ты въ послѣдніе дни твоего существованія очень prиналегъ на всѣ эти Петербургскія, Московскія, Варшавскія et caetera Трущобы, и такъ какъ роли политика, натуралиста, соціалиста и, наконецъ, порицателя, или поощрителя различныхъ внутреннихъ мѣропріятій тебѣ демонски опротивѣли, то ты, вспомнивши золотое время твоего *невозвратно минувшаго дѣтства*, захотѣлъ, на старости лѣтъ, еще разъ порисоваться въ роли знаменитѣйшаго принца Герольштейнскаго и пошелъ ты по этому случаю вмѣстѣ съ авторами различныхъ трущобъ по столичнымъ кабакамъ для ради изученія падшей братіи. Авторы-то кое какъ выкарабкались изъ кабаковъ, конечно не всѣ, и правда, что съ достаточнымъ угарцемъ, потому что быть въ огнѣ и необжечься—нельзя, но тебя то—непривычнаго человѣка—тамъ либо исколотили на смерть, либо самъ ты запился въ нихъ, не могши сладить съ своимъ ретивымъ, которое до конца изомлѣло и сокрушилось отъ того крѣпкаго буйства, какому предава-

лись кабачные, погибающіе люди на порогахъ своихъ видимыхъ могилъ...

Вотъ почему ты для меня обуза, читатель, на этой улицѣ. Воротись лучше назадъ отъ дѣйствительности, которой ты брезгаешь до отвращенія, или боишься до смерти. Вернись, говорю. Слышишь, какъ будочникъ Илюша, только что сейчасъ по ребячьи игравшій съ москвичомъ, пристально всматривается въ насъ съ тобой и, совсѣмъ, какъ настоящій часовой, грозно вскрикиваетъ:

— Кто идетъ?

А эти собаки? Обличаемыя каждымъ номеромъ московскаго «Развлеченія», онѣ тѣмъ не менѣе не перестаютъ пробирать незнакомыхъ пѣшеходовъ, безпокоящихъ ихъ мирную жизнь въ тихой улицѣ.

Видишь, какимъ бѣшеннымъ стадомъ и съ какимъ неистовымъ лаемъ мчатся онѣ на насъ. Бѣжи!

Бѣжи и не связывайся съ этимъ извощикомъ, который вдругъ, ни съ того, ни съ сего, строго и бранчиво принимается уличать тебя въ полунощничествѣ и въ шарамыжничествѣ; легкимъ подсвистываньемъ натравливая собакъ на то, чтобы онѣ согнали тебя съ ихней улицы.

— Часовой! кричишь ты, справедливо полагая, что будочникъ Илюша сейчасъ прольетъ за тебя всю кровь и сразится съ собаками не на животъ, а на смерть. Бѣдный! Иы сильно ошибаешься.

— Проваливай, проваливай! отвѣчаетъ на твой крикъ Илюша и, за тѣмъ, суетливо начинаетъ соваться въ

разныя стороны, разговаривая промежъ себя, что «ахъ ты, братцы мои, — куд-ды это ддубину я тутъ положилъ? Аххъ! Хорошо бы это вдоль ногъ ему запустить...

— Здравствуй, Илюша! привѣтствую лично я стража тихой улицы. Какъ живешь-можешь?

— А здорово, баринъ? Кто это съ тобой приходилъ сейчасъ?

— Да это такъ, Илюша! Это читатель.

— Читатель? Какой такой? Нонѣ самъ знаешь какъ стр-рог-га!

— Ну тебя къ лѣшимъ! Ты на именины, что-ль, къ Мирону Петрову собрался? Я вѣдь слышалъ, какъ ты съ нимъ переговаривался. Я самъ тоже къ нему.

— Къ самому?

— Нѣтъ! Я къ прачкѣ — къ Петру Александрову. Дома скучно стало. Дай, молъ, схожу поболтать.

— Такъ, такъ! совсѣмъ уже ласково подтверждаетъ Илюша. Вмѣстѣ, значитъ, пойдемъ. Я тебя черезъ заборъ подсажу, а то у нихъ экую рань ворота всегда запираютъ; такъ чтобы не стучать, не безпокоить, потому дѣдъ у нихъ — дворникъ — и сердитый какой на счетъ безпокойства... Такъ-то облаетъ...

— Зачѣмъ безпокоить? И такъ, какъ нибудь, перескочимъ, — нынѣ снѣгъ, мягко; авось, не разшибемся.

— Извѣстно, не хрустальные. Только што же это тебя въ нашихъ краяхъ давно не видать? Я думалъ — ты пропился, али бы околѣлъ; а у насъ тутъ безъ тебя какія исторіи пошли, — бѣ-дда!

— Ну?

— То есть, просто смѣхъ! На комедію не ходи. Миронъ Петровъ-то, слышь? Любовницу полюбилъ, а жена за нимъ, съ мастеровыми (она ихъ виномъ за себя заступаться подкупаетъ), кажинную ночь по улицѣ съ дубьемъ, словно вѣдьма, бѣгаетъ. Нагонитъ такъ-то его,—тр-рахъ этимъ самымъ дубьемъ по спинѣ; а онъ ей говоритъ: здравія желаю, ваше высокоблагородіе! Словно солдатъ на смотру, — вотъ, шутъ-то! А самъ такъ и раскатывается: ха, ха, ха! Я это тоже сижу здѣсь и смѣюсь. Заб-бава!

— Да, точно, смѣшно! согласился я.

— А того смѣшнѣе, какъ эта самая женщина,— снова заговорилъ и залился звонкимъ, добродушнымъ смѣхомъ Илюша,—какъ она заразъ мужа и со слезами умаливаетъ, чтобы онъ хоша не грохоталъ-то надъ ней, а сама все его дубьемъ, дубьемъ... Дай ты, умаливаетъ, сердцу моему, хошь въ этомъ разѣ, облегченье какое нибудь, т. е. это выходитъ, чтобы грохотать-то онъересталъ.

— Что же это, они часто у васъ такъ-то?

— Говорю: каждую ночь полоскаются. И теперь вотъ, того и гляди, сбѣсятся. Да вѣдь это что? У насъ чего другаго нѣтъ, а побоищевъ этихъ—сколько угодно. Ты вотъ зналъ, можетъ, востроносую дѣвицу, какая жила у прачки — Петрухи, съ учителемъ-то? Да ты и учителя-то знаешь, — я васъ съ нимъ часто въ прошломъ году въ кабакахъ выдывалъ.

— Ну?

— У ихъ тоже исторія—и смѣху въ этой исторіи малость. Ахъ, жаль парня,—ни за грошъ пропадаетъ, а парень добрый.

— Да въ чемъ дѣло-то? Я обоихъ ихъ зналъ,— люди оба хорошіе, жили дружно.

— Дружно! съ какой-то унылой ироніей воскликнулъ Илюша. Было, можетъ статься, когда, да сплыло; а теперича, бабъ этихъ самъ шутъ не разберетъ, въ какую она погибель его шарахнула. Видишь, ему это— учителю-то,—слышь? мѣсто какое-то на городѣ вышло. На желѣзку я его провожалъ, чемоданчикъ это, подушки, сакъ-вояжъ съ книжками, — все это въ пролетку я ему выносилъ—и она тутъ же—востроносаято—провожать его ѣдетъ,—и, т. е. я тебѣ говорю: плачетъ, рѣкой разливается и, словно бы даже, какъ въ помраченіи ума, металась и вскрикивала. Слышу, толкуетъ она ему: ты это, говоритъ, нарочно къ мѣсту ѣдешь, — отвязаться отъ меня, какъ ни на есть, захотѣлъ; потому ей это въ привычку было, — не въ первый разъ. Самъ знаешь, когда ежели къ примѣру, гысспада офицера по полкамъ своимъ разбираются, такъ бросаютъ ихъ—дѣвокъ то—безъ всякихъ эфтихъ церемоніевъ,—ну, ей это, значитъ, и въ привычку. А онъ ей свое толкуетъ: я, говоритъ, не прапорщикъ. И точно что это онъ правду сказалъ, потому онъ совсѣмъ штатскій... Сколько разъ говорилъ я тебѣ, сказываетъ онъ ей, — за тѣмъ и ѣду, чтобы и тебѣ, и себѣ спокой доставить какой нибудь, чтобы не мыкаться намъ больше съ тобой по бѣлу свѣту. Утѣ-

шаетъ онъ ее такъ-то, а мнѣ пятіалтынный въ руки, потому душа человѣкъ. Укатили. Смотрю, посмотрю: къ вечерку эдакъ возвращается моя барышня. Спрашиваю: проводили? Проводила, говоритъ, и смѣется; а изъ за угла — о чтобъ тебя черти забрали! — ужъ и выглядываетъ хахаль какой-то, — рукой, эдакъ, поманиваетъ, — поскорѣе, значитъ, не замѣшкайся! На что меня смѣхъ разбираетъ, такъ вѣдь истинно по тому случаю, что въ тотъ же день... Это послѣ слезъ-то, такъ-то вы, барышня? спрашиваю. Послѣ шести-то годовъ вы эдакъ-то? Смотритъ на меня и хохочетъ, аки безумная какая! Моя, говоритъ, теперь воля. Куда хочу, туда и пойду. Одна, говоритъ, осталась; ха, ха, ха! И то года съ три я видалъ: гулять, бывало, пойдетъ съ самимъ, или одна по надобности куда нибудь, — всегда это такъ тихо, степенно, — всегда, бывало, ласково такъ поклонится; а тутъ, примѣчай куда пошло! Какъ почнетъ приплясывать моя барышня, какъ загорланитъ на всю улицу пѣсню:

«Съ кѣ-ѣмъ хочу, съ тѣмъ и гуляю!!.»

Ну, ей Богу же, баринъ, — продолжалъ Илюша, — и перекрестился глядя на нее, потому-вижу, дѣвка-то выпивши. Хотѣлъ было ее тутъ же въ фарталъ отправить, да думаю: ежели, молъ, умный человѣкъ съ нею не сладилъ, я тутъ при чемъ? Ай, правду должно пословица-то говоритъ: не сдѣлаешь пана изъ хама!..

— Иные дѣлаютъ... замѣтилъ было я, но Илюша заговорилъ съ большою живостью, какъ бы пригото-

вляясь жестоко спорить со мною, и поэтому я замолчалъ.

— Нѣтъ вить, какая тварь-то! Воротившись ко мнѣ, сейчасъ четвертакъ подаетъ; говоритъ получи, да смотри, не очень болтай, потому учитель — забери его душу самъ дьяволъ — жениться на мнѣ похотѣлъ. А впрочемъ, посмѣивается, ежели и проболтаешься сдуру, такъ онъ не повѣритъ... Какъ, говоритъ, знаешь!.. Такая тварюха бѣдовая,—и опять заплясала и опять загорланила. Плюнулъ да ушелъ въ будку. Такъ это даже злость меня на эту мразь проняла...

— Ну будетъ, Илюша. Твоихъ исторій всѣхъ не переслушаешь. Снимайся съ часовъ поскорѣе, да и пойдемъ.

— Да что съ нихъ сниматься—съ часовъ-то! Взялъ, да и пошелъ. Вотъ-те и вся не долга! А на счетъ исторіевъ, точно что... Въ волю всего насмотришься, потому слышь, прошло-ль еще двѣ недѣли, учитель-то и примахнулъ сюда, да все это по ночамъ около дома и шастаетъ. Узналъ я его, и прямо ему съ бацу: такъ и такъ, молъ! Малый хорошій, думаю, отчего ему всей правды не сказать—пущай, молъ, развяжется съ тварью необузданной. Знаю, говоритъ, — мнѣ сердце про все разсказало... Пойдемъ—умоляетъ—Илюша, въ кабакъ. У меня во всю жизнь только и добраго было, что она. Пропьемъ же все, говоритъ, вдосталь, чтобы за одно ужъ, чтобы и помину ни о чемъ не оставалось. И вотъ уже, сударь мой, съ мѣсяцъ, какъ этотъ самый учитель по сосѣдскимъ кабакамъ шастаетъ безустанно. Пьетъ, спаси его Богъ, до идольской смерти... Докла-

дывалъ квартальному... Тотъ сказалъ: поприсмотри, Илюша, попристальнѣе, потому тутъ дѣло не безъ опаски... Запахнетъ, пожалуй, чѣмъ нибудь не хорошимъ. А ей—востроносой-то—велѣлъ сказать, чтобы она подальше куда нибудь отъ Мирона Петрова, на другую фатеру перебиралась; только она на этотъ счетъ внѣ силъ, — видно не очень шарамыжничествомъ-то люди разживаются. Д-дасъ! Жаль, жаль, учителя-то, — ей Богу! потому гибнетъ хорошій человѣкъ замѣсто мухи, самой паскудной! И дьяяв-в-алъ, штоли, какой, ее взбунтовалъ, шутъ ее, прости Господи, знаетъ! Ахъ, бабы! Ах-хъ, б-ба-абы! Н-ну!

— Это точно, Илюша; бываетъ иногда, что ты сказалъ сейчасъ на счетъ дьяволовъ. Соблазняютъ...

— Какой тамъ иногда, судырь! Такъ надо полагать, что они завсегда такими манерами бабенокъ этихъ разжигаютъ, потому самъ я... Вотъ разскажу, благо къ слову пришлось: родимшись, это, я, въ Нижегородской губерніи, женился: Женимшись, вдругъ отъ пріятелевъ отъ своихъ докладъ получаю: ты, спрашиваютъ, что знаешь, Илья?—А что, говорю? А самого такъ въ сердце что-то и шаркнуло. Должно, учитель-то правду сказалъ: мнѣ, говоритъ, сердце обо всемъ разсказало. Да-да! Пріятели-то мнѣ и говорятъ: а знаешь ли ты, милый человѣкъ, Фому краснорядца? А сами: гро-о-о, гра-а-а—такъ и раскатываются. Раскусимши это, домой я сейчасъ же побегъ. Бѣгу, земля подо мною гормя горитъ. Прибѣгши: кэ-эккъ развернусь, ддэ-эккъ х хвачу... Такъ-то-сь!...

— Ну и чтожъ?

— Да ничево! На другой день въ губерню махнулъ, всю ночь тайно въ овинѣ проплакамши; а въ губерніи себя въ охотники объявилъ,—прямо, значитъ, въ царскую службу... Гыс-спада инералы сказали мнѣ: молодецъ, говорятъ! Гуляй! Ну, я вотъ и гуляю... Побѣжимъ, баринъ, одначе; поздновато, быдто, становится,—пожалуй, именинъ не застанемъ...

Тутъ Илюша заперъ на замокъ будочную дверь и ключъ припряталъ въ потаенное мѣсто, извѣстное только ему и товарищу.

— Товарищъ-то у меня, шутъ его побери, несуразенъ больно. Ужо, къ полюбовницѣ пошодчи, сказалъ: до завтрева не жди. Только раньше знаю: безпремѣнно раздерутся, какъ черти, и сюда спать прибѣгутъ. Для того и ключъ оставляю. Н-ну, жизнь!..

III.

И вотъ мы съ Илюшей, наконецъ, въ самомъ царствѣ этой, какъ онъ выразился про нее, «н-ну жизни»,—въ домѣ Мирона Петрова, очевидн онедавно выстроенномъ, потому что домъ такъ привлекательно бѣлѣлъ на ночномъ фонѣ своими гладко выструганными бревнами, а жестяная ярко-зеленая крыша такъ гостепріимно звала къ себѣ. Изъ всѣхъ оконъ мелькали тѣ дрожащіе, какъ будто постоянно переносимые съ мѣста на мѣсто, тусклые огоньки, какіе бываютъ отъ сальныхъ свѣчей.

— Мы всѣ здѣсь! вскрикнулъ въ темныхъ сѣняхъ надъ самымъ моимъ ухомъ голосъ, принадлежавшій прачкѣ — Петру Александрову—цѣли моего далекаго путешествія. Насъ всѣхъ со всего дома вообче сбилъ хозяинъ на имянины къ своему сыну. Онъ у него надъ всѣмъ имуществомъ законный наслѣдникъ. Пойдемъ, Иванъ Петровичъ, и ты къ нему. Гуляй! И затѣмъ, прачка, сдѣлавши нѣсколько пьяныхъ варіацій изъ че-

го-то, отъ роду моего не слыханнаго мною, схватилъ меня подъ мышки и потащилъ куда-то по кромѣшно-темной лѣстницѣ съ такой быстротой и таинственностью, съ какими злой духъ увлекаетъ въ адъ грѣшныя души.

— Тро-тро-то-та! благодушнѣйшимъ, но безсмысленнымъ старческимъ голосомъ выводилъ онъ свою арію, блаженно хихикая и ласково тиская меня такъ, что даже временами я ощущалъ на моей лѣвой щекѣ прикосновеніе его небритыхъ устъ, обдававшихъ меня жаркимъ спиртуознымъ паромъ.

— Порядочно, должно быть, нынѣ заложилъ? спрашивалъ я у старика, просто, ради дружескаго разговора; но избѣгая, впрочемъ, мѣстоимѣній, потому что старикъ по такимъ временамъ дѣлался необыкновенно обидчивъ. На знакомаго, который ему начиналъ говорить *ты*, онъ, въ качествѣ стариннаго камердинера какого-то знатнаго московскаго барина, страшно принимался кричать въ томъ родѣ, что какъ-де ты смѣешь тыкать меня музланъ необузданный? А? Гдѣ ты такой политикѣ научился, мерзавецъ? у-у-у! Принималъ онъ въ это время гордую позу своего бывшаго повелителя, опрокидывалъ назадъ сѣдую, гладко выстриженную головенку, а руки, по барски, закладывалъ въ изорванные штанишки, запущенные въ голенищи, что, все въ сложности, очень шло къ его добренькому личику и къ бѣлому жилету, въ который онъ неуклонно облекается, вотъ уже, какъ я его знаю, четыре года. Но съ другой стороны, трудно было рѣшиться въ эти

минуты почествовать его и политичнымъ—*вы*,—потому что онъ тогда залился бы горючими, стариковскими слезами и, благородно негодуя на васъ, сказалъ бы вамъ: ты мнѣ больше не другъ! Сколько-лѣтъ мы были съ тобой на *ты*, а? сколько? И тутъ случалось, что онъ, хотя и въ безсильномъ азартѣ, но все же бросался на своего обидчика съ поднятыми кулачишками, съ раскраснѣвшимся личикомъ и съ глазами полными слезъ.

— Тро-три-трэ-э-трру-у! снова восклицалъ онъ, отыскивая дверь, ведущую въ нутро той бездны, въ которую мы сошли съ нимъ. А изъ бездны уже явственно доносился до насъ глухой, смѣшанный гулъ одной изъ тѣхъ демонскихъ пирушекъ, которыя вдругъ, нечаянно какъ-то, какъ бы сами собой, устроиваются въ различныхъ сферахъ трудящагося, но все таки бѣднаго, міра, заставляя этотъ, бѣдный и финансами и головой, міръ, своими результатами думать, что злые духи устроиваютъ эти безалаберныя оргіи на погибель ему—рабочему человѣку,—на погибель отца его съ матерью, дѣтямъ—и наконецъ, на погибель его мастерства, только только что начинавшаго было разрастаться и радовать хозяйское, изстрадавшееся, сердце...

— Ну-ка я оттворю, Павелъ Александрычъ,—сказалъ я, тоже избѣгая мѣстоимѣній.

— Погодди-и! Тро-рро-ро-р-ру-у! снова заоралъ онъ— и, наконецъ-то, изъ бездны, сопровождаемый хохотомъ пирующихъ, послышался такой же отзывъ:

— Тр-ру-у, та, та! Вслѣдъ затѣмъ дверь отворилась

прямо на насъ съ такою силой и быстротою, какъ будто говоря намъ:

— Вы к-кудда?

Мы не испугались этого окрика—и на насъ пахнула волнистая туча сѣдыхъ паровъ, какъ бы какой послѣднiй, но самый заколдованный сторожъ, не пускающiй храбрыхъ въ наши сказочныя царства,—и мы вошли. Ярче всего блестѣло, какъ бы золотое, брюхо мѣднаго самовара на бѣлой, какъ снѣгъ, салфеткѣ, покрывавшей столъ. Потомъ дружелюбно закивала и заморгала намъ съ прачкой—пара сальныхъ свѣчей въ мѣдныхъ подсвѣчникахъ, — потомъ засвѣтлѣлись чайныя чашки своимъ уродливымъ золоченьемъ, — наконецъ въ уши наши ударилъ тотъ стозѣвный, русскокутящiй говоръ, называемый гомономъ или галдой,—и въ заключенiе, надъ всѣмъ этимъ, какъ шумъ прорвавшейся плотины, царило металлически-свирѣпое шипѣнье громаднаго самовара.

— Добро пожаловать! вскрикнулъ хозяинъ, Миронъ Петровичъ, позируя передъ нами новенькой ситцевой рубашкой, изукрашенной по бѣлому полю черными мушками, плисовыми штанами, заткнутыми въ козловые сапоги, а главное—длиннымъ, суконнымъ жилетомъ, по которому тонкою змѣйкой, вилась длинная часовая цѣпочка изъ такъ называемаго новаго золота.

— Гляди, хозяинъ, — закричалъ прачка,—какого я тебѣ дорогаго гостя привелъ! Тро-ро-о-трээ!

— А-а? протянулъ, въ несказанной радости, Миронъ Петровичъ. Сколько лѣтъ, сколько зимъ..

— Мирону Петровичу!.. попривѣтствовалъ въ свою очередь я владыку дома, подавая ему руку—и владыка дома сейчасъ же закричалъ:

— Жена! Иванъ Петровичъ пришодчи... Пожаловали... Въ кои-то вѣки...

Какъ бы по щучьему велѣнью, послѣ этихъ хозяйскихъ словъ, стала предо мной супруга Мирона Петровича съ подносомъ въ рукахъ и, ласково улыбаясь и кланяясь, подчивала меня:

— Извольте-ко! Съ дорожки-то, выкушайте...

— Ну-ко,—ну-ко-сь! торопливо упрашивалъ хозяинъ. Въ самъ дѣлѣ, съ дорожки-то... Теперича если съ морозцу-то... Ну-ко-съ!

Я выпилъ.

Подносъ плавно обернулся ко мнѣ своимъ другимъ угломъ.

— Ну-ко-сь! Ну-ко! Вторительную... хе, хе, хе!

— Миронъ Петровичъ! Подождите, голубчикъ! Закусить нужно.

— Послѣ эфтой ужъ закусите, — мягкимъ тономъ упрашивала хозяйка. Безъ того и къ столу не пущу.

— Вотъ это такъ! Вотъ это по нашему. Такъ и не пускай, потому ты здѣсь, одно слово, хозяйка...

— А то кто же! Ты безъ меня-то пропалъ бы совсѣмъ... Кушайте-ка!

Я вступилъ во вторительную.

— Бѣжи-ка, Миронъ Петровичъ, за пирогомъ поскорѣе,—приказала супруга. Они вотъ выкушаютъ у меня еще третью, да ужъ тогда и закусятъ.

— Ха, ха, ха! радуясь изобрѣтательности своей половины, раскатился Миронъ Петровичъ и, стремглавъ, бросился за пирогомъ, съ которымъ черезъ секунду и сталъ передо мной, какъ листъ передъ травой.

— Ну-ко-сь! Всю, всю, всю! подталкивала мою руку гостепріимная хозяйка и, такимъ образомъ, помогла ей опрокинуть въ горло третью рюмку. Всю, всю, всю! Нечего на кудри-то оставлять. Вы и такъ у насъ кудрявы. Ну вотъ,—такъ-то лучше! Теперь и въ компанію милости просимъ, гостекъ дорогой!

— Такъ-то лучше! подсмѣивался тоже и Миронъ Петровъ. А то захотѣлъ домъ безъ троицы строить?..

Та ласка, съ которою ввалили въ меня сразу три громадныхъ рюмки померанцевой водки, принудила мой организмъ съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ смотрѣть на все окружавшее меня. Теплота и комнаты, и влитаго въ меня спирта, разлилась по всему моему тѣлу, и, расположивши глаза мои къ самому розовому созерцанію, поминутно вызывала на мои губы нѣжнѣйшія улыбки. Сознавая, такъ сказать, милую неуклюжесть этихъ улыбокъ, я въ одно и то же время и старался спугивать ихъ съ моихъ губъ, и сердился на себя—зачѣмъ спугиваю, конечно, съ отличною основательностью разсуждая при этомъ на слѣдующій глубокомысленный манеръ:

— Къ чему тутъ сдерживаться? Это міръ не такой!.. Все здѣсь такъ беззлобно, такъ просто... Веселятся люди эти рѣдко, да за то отъ души...

Улыбка, нѣжнѣйшая, паче только что согнанной мною,

снова, алымъ розаномъ разцвѣтала на губахъ; а хозяйка, какъ бы отгадывая мои молчаливыя думы, уже стояла передо мною съ своимъ фатальнымъ подносомъ, на которомъ, вмѣстѣ съ дымящимся чаемъ, блестѣла и новаа рюмка.

У насъ просто, — отвѣчала въ ладъ мнѣ угостительница. Кушайте ка, — и когда я протянулъ было руку къ тому углу подноса, на которомъ стоялъ чайный стаканъ, она граціозно повернула подносомъ и рука моя, вмѣсто чая, схватилась за рюмку.

— Передъ чайкомъ-то! Прошу покорно.

— Ну-ко-сь, ну-ко-сь! по своему обыкновенію, торопливо подсказывалъ хозяинъ. Ну-ко, ну-ко! Вотъ и я съ вами для компаніи...

— Тебѣ-то не довольно ли будетъ? спрашивала хозяйка, повертывая передъ сожителемъ своимъ подносомъ такимъ манеромъ, что рюмка, какъ молнія, мелькала только передъ носомъ сожителя, а въ руки ему, какъ привидѣніе, не давалась.

Эти супружескія эволюціи производили въ гостяхъ наипріятнѣйшаго качества дружественный хохотъ.

— Ха, ха, ха! Хи, хи, хэ, э, э! раздавалось въ разныхъ углахъ комнаты сдержанное грохотанье, покрываемое нѣсколько насмѣшливыми трубными возгласами прачки Петра, выкрикивавшаго свое обыкновенное: тру-ру-ро-ри-дри!

— Ну, будетъ ужъ тебѣ! ласково упрашивалъ хозяинъ. Совсѣмъ ты меня нонѣ, дѣвка, измучила.

— Ну бери, да смотри ты у меня! это послѣдняя.

— Дѣло! плутовски подмигнулъ хозяинъ. Послѣдняя у попа жена. Такъ ли я говорю, Иванъ Петровичъ?

— Такъ! согласился я, стоя съ рюмкою въ рукахъ. Хозяинъ чокнулся со мною — и мы выпили; а прачка Петруха, точно какъ бы нарочно для сей цѣли нанятой трубачъ, оттрубилъ это выраженіе нашей дружбы сугубо-варьированнымъ маршемъ.

Пошло круговое подчиванье, сопровождаемое супружескими понуканьями въ обыкновенномъ родѣ, что: ну-ко, ну-ко-ся, по всей, по всей!

— Да, милые, — вырывался чей нибудь утружденный голосъ,—вѣдь я ужъ пятую. Сейчасъ умереть,— не въ моготу!

— Вона! вскрикнулъ хозяинъ. Сичасъ уже и считать принялся. Безъ пяти просвиръ обѣдня-то рази служится? А? хе, хе!

— Ахъ, забавники! Ахъ, потѣшники! согласно гудѣлъ хоръ гостей въ похвалу этихъ присловій и подносеній.

— Мы потѣшники! многозначительно хмыкалъ хозяинъ, соглашаясь съ комплиментомъ гостей своей способности потѣшать ихъ.

— Кого же намъ и забавлять-то, какъ не дорогихъ гостей,—добавляла хозяйка. Рази они у насъ часты— гостьбы-то?... Нѣтъ, по нонишнимъ временамъ часто-то не разгостишься...

— Гдѣ разгоститься! Нѣтъ, нонѣ времена-то... съ нѣкоторою жесткостью въ мягкомъ голосѣ продолжилъ

будочникъ Илюша хозяйкинъ протестъ противъ нынѣшнихъ временъ.

Трое рослыхъ, съ громадными, мозолистыми руками столяровъ, жившихъ въ работѣ у Мирона Петровича, и которые, какъ гости не главные, давно уже безъ *рѣчей*, сидѣли вмѣстѣ съ Илюшей въ дальнемъ углу комнаты теперь, при словѣ — нынѣшнія времена, тоже заявили свое присутствіе, съ какою-то скорбною отчетливостью заговоривши въ одинъ голосъ:

— Нонишнія времена-то, ежели, къ примѣру, правду-то матушку говорить... Нѣ-ѣтъ! Въ ихъ не зарадуешься... Не съ чего...

— Кушо-кось! берись, дядя Трофимъ! дядя Микитъ! Качни-ка во славу Божію! подскочила и къ этой полузабытой группѣ угостительная хозяйка, какъ бы утѣшая ее въ ея прискорбіи по случаю негодности разнесчастнаго нынѣшняго свѣта.

— Ахъ, ваше степенство! Мать ты наша! Бизъ тебя што бы наша за жисть? какими-то тягучими, такъ сказать, рабскими басками взывали столяры, вливая въ себя, въ нѣкоторомъ родѣ, предлагаемое.

Хозяинъ, между тѣмъ, на разные манеры прыгалъ предо мной съ своимъ, еще несмысленнымъ наслѣдникомъ, поднималъ его на рукахъ къ самому потолку, агукалъ, заставлялъ плясать русскую,—при чемъ и родитель, и я, и сидѣвшая съ нами какая-то старушка-купчиха, очевидно самая почетная гостья, изображали изъ себя тилиликающихъ губами разныя варьяціи музыкантовъ; а ребенокъ, повинуясь отцовскимъ рукамъ,

семенилъ ножками и блаженно улыбался. Я, — трудно мнѣ въ этомъ признаваться печатно, — улыбался еще блаженнѣе...

— Наслѣдникъ-съ, Иванъ Петровичъ! взывалъ Миронъ Петровъ, лаская ребенка. Какъ есть — законный наслѣдникъ! Все для него... А-аххъ, милый баринъ! Одна только утѣха и есть!.. Он-нъ!

— Ну тоже эфти наслѣдники... вступилась въ нашъ разговоръ почетная старушка. Тоже ими, Миронъ Петровичъ, я тебѣ прямо скажу, подождать надо-ть хвастаться-то... Я вотъ вамъ разскажу про наслѣдника-то про одного,—пообѣщалась старушка, обращая свою рѣчь ко всей компаніи. Была я, голуби мои, вотъ тоже по нонишней ѳсени въ гостяхъ у одной — у богатой. И вижу я: входитъ въ залу баринъ какой-то, молодой еще, съ черной съ эвдакой козлиной бородкой, въ золотыхъ очкахъ. Поддевка, этта, на емъ, ангелы вы мои, такая коротковостая, что какъ только онъ, этта, спиной обернется, такъ всѣ со смѣху и покатываются. Я и спрашиваю: чей это, молъ, баринъ такой? Какъ его по прозвищу величаютъ? А мнѣ и говорятъ: да развѣ ты не узнала? Вѣдь это не баринъ, а Петька Колѣнкинъ, у какого, говорятъ, въ городѣ двѣ лавки. Я и вспомнила, какъ это при матери его еще — при покойницѣ (дружье мы съ ней были — водой не разольешь!) я его за вихры дирывала. Вспомнила я это и говорю ему: что же это ты, Петька,—расканальинъ сынъ—заспѣсивился? Поди-ка ты, молъ, сюда,—я тебѣ, по старой памяти, волосья-то твои напомаженные своею

рукою завью. А онъ — разбойникъ — (силы небесныя! тому ли, какъ вспомнишь, злодѣя эдакого отецъ съ матерью учивали?), а онъ — разбойникъ — подошелъ и смѣется. А? Надъ старымъ-то чековѣкомъ—вертитъ, вертитъ вотъ эдакъ, золотые мои, хвостомъ-то своимъ— и смѣется. Я ему и говорю: что же это ты, Петрушка, или забылъ, какъ съ вашимъ братомъ старые люди за такія дѣла расправляются? И все нѣтъ тебѣ отъ него— отъ паскудника — почтенья! А все это смѣхъ одинъ, все смѣшки,—такъ это на губахъ бѣгаютъ одни смѣшки, милые мои; а нѣтъ тебѣ ни единаго слова. Вотъ они какъ эти наслѣдники-то!

— Ай, ай, ай! удивились гости Мирона Петровича великой обидѣ старушкиной.

— Вотъ такъ-то, продолжала старушка. Ну, признаться, я ужъ тутъ и не вытерпѣла: бросилась такъ-то на него, вцѣпилась одной рукою въ кудрясы-то, а другой по щекѣ да по щекѣ... и что же, голуби вы мои? Бросились, этто, растаскивать насъ, — тащутъ такъ-то меня отъ него, говорятъ: будетъ вамъ, тетенька, будетъ, Марья Петровна! А я то не пускаю, потому и замерла-то я, и учить-то, безъ родителевъ, чувствую, надо; а онъ тоже шумитъ, какъ не въ терпежь-то ему пришлось: возьмите ее, старую дуру! Вырвался—отошелъ и опять вѣдь его—Искаріота—опять таки въ прежній смѣхъ вдарило. Стоитъ и смѣется,— смѣется и говоритъ: какихъ звѣрей не видалъ, эдакихъ не пришлось посмотрѣть. Вотъ тебѣ и наслѣдникъ, — какъ бы пропѣла старушка, преимущественно

обращаясь къ Мирону Петровичу, — и за тѣмъ заговорила съ новымъ одушевленіемъ:

— Послѣ того нашлись добрые люди, шепнули мнѣ: что вы, Марья Петровна, съ эфтимъ олухомъ царя небеснаго связываетесь? Вѣдь на него всѣ давно рукой махнули, потому онъ все книжки читаетъ—и фанаберіи этой ученой, словно бы чортъ, набрался. Скоромное жретъ... Матерь Божія! вскрикнула я, услышамши это—и опять на него. Что же это ты, молъ, Петька, дѣлаешь? И тутъ вѣдь не допустилъ, — такой клятой! Уперъ ручищами въ это самое мѣсто,—прямо таки въ грудку наставилъ — и говоритъ: будетъ, будетъ, старъ человѣкъ, а то вѣдь въ судъ потащу... Какъ услышала я это, терпѣла, терпѣла все отъ него, а тутъ ужъ и заговорила: будь же ты отъ меня, отъ нынѣ и до вѣка, анафема проклятъ! Родители, если бы твои видѣли теперича, они бы тоже съ тобой—съ разбойникомъ—сдѣлали. Вотъ это дѣло! онъ мнѣ въ отвѣтъ послалъ — и опять засмѣялся... И вѣдь, ангелы вы мои, что пуще всего душу-то воротитъ во мнѣ? Вѣдь сердца-то этого въ немъ (когда бьешь вотъ кого нибудь, такъ видишь, что злится на тебя человѣкъ), вѣдь этого въ немъ, вотъ бы въ камнѣ ровно, ни чуточки нѣтъ. Такой то проклятый! Въ кого уродился только?..

— Ну-съ, такъ вотъ тебѣ и наслѣдникъ! закончила наконецъ словоохотливая старушка свой длинный разсказъ, снова обращаясь къ Мирону Петровичу.

— Д-да! задумчиво произнесъ хозяинъ, осоловѣлы-

ми глазами пристально вглядываясь въ головку, сидѣвшаго у него на колѣняхъ, сына, какъ бы стараясь навѣрное отгадать, наберется ли впослѣдствіи его наслѣдникъ такой же фанаберіи, какой набрался распроклятый Петька Колѣнкинъ.

Какая-то тяжелая пауза царила въ комнатѣ, — одна изъ тѣхъ паузъ, когда люди, ажитированные разговоромъ о какомъ либо особенно-интересномъ предметѣ, вдругъ почувствуютъ, что тэма исчерпана до конца.— и долго сидятъ они тогда, молча, съ взволнованными лицами,—до тѣхъ поръ сидятъ, пока кто нибудь изъ общества поумнѣе снова не зажжетъ еще болѣе одушевленнаго спора какой нибудь новою мыслью, хватающей предметъ съ болѣе широкой стороны.

Тоже было и съ нашей паузой. Ее прервалъ хозяйскій выкрикъ, обращенный къ женѣ:

— Ну-ко-сь! Ну-ко-сь, Матренушка! И магическій подносъ снова пошелъ въ кругокомнатное путешествіе.

И какъ послѣ поэтическаго молченія, производимаго въ благородныхъ обществахъ до конца исчерпанною мыслью, вновь закипаетъ оживленный, блещущій остроумными искрами споръ, такъ и у насъ, послѣ хозяйскаго ну-ко-сь, ну-те-ко! закипѣли разговоры, если и не особенно поражавшіе глубокомысленностію опредѣленій такой вещи, какова, примѣрно, любовь и т. п., за то, человѣкъ, всегда и на все смотрящій строгими, задумчивыми глазами, — этотъ человѣкъ съ высокимъ лбомъ и горячимъ сердцемъ, спрятаннымъ въ тихую, сдержанную, но всегда истинную рѣчь, могъ бы найти

въ нашихъ разговорахъ стремленіе униженнаго человѣчества къ далекому отъ него небу. Могъ бы найти, говорю, ибо я имѣлъ случай видѣть, какъ у такихъ людей, отъ подобныхъ нашему разговоровъ, разглаживались широкія и угрюмыя морщины, бороздившія ихъ высокіе лбы, — видалъ, какъ ихъ строгіе глаза зажигались страстнымъ огнемъ любви ко всему живому, — и потомъ я слышалъ, какъ сердца ихъ горячѣе бились, вслѣдствіе чего развязывались ихъ тихія, сдержанныя рѣчи.

— Нуте-кось! Ну-кось! покрикивалъ хозяинъ. Теперь, слава Господу! Дѣлишки мои поправляются. Вотъ онъ, законный-то наслѣдникъ!... Матренушка! Поднеси намъ съ хозяиномъ-то—съ молодымъ!

Матренушка съ улыбкой, не допускавшей съ ея стороны даже и тѣни прекословія, поднесла обоимъ хозяевамъ.

— Иванъ Петровичъ! Сударь! крикнулъ ко мнѣ хозяинъ. Давай выпьемъ вмѣстѣ за наслѣдника. Что осовѣлъ-то скоро? Рази это по барски?..

Столяры, сидя въ темномъ углу, давно уже порывались хлестануть по свойски какую нибудь эдакую «калинушку съ малинушкой», если бы ихъ не останавливалъ прачка Петръ Александровъ, который, переставши трубить, вдругъ принялся говорить по божественному.

— Микитушка! приставали два столяра къ третьему, вали! — и Микитушка валилъ какимъ то горло-

вымъ, какъ бы недоумѣвающимъ, что онъ именно дѣлаетъ, теноромъ:

«Калинушку-у съ малинушкой.»

И лишь только двое подпѣвалъ зажмурили было глаза, чтобы такими же горловыми и недоумѣвающими унисонами пустить, что

«Ва-ад-да п-па-анялла,»—

какъ ихъ въ тужъ минуту прервалъ громовымъ, но безалаберно-пьянымъ голосомъ прачка-Петруха.

— Не подобаетъ! заревѣлъ онъ на пѣвуновъ, принимая свою горделивую позу, съ заложеніемъ рукъ въ штанишки. Нынѣ время какое? Кто насъ угощаетъ? Тру-тра-тре-дри-дра!.. Вы, милые, знайте политику... Безъ ней какъ же возможно?

— Пьемъ, штоли, баринушка? говорилъ мнѣ Миронъ Петровъ. Матреша! Поднеси! Илюша! Иди сюда. Ты насъ, въ случаѣ чего, не лови... Пей!

— Зачѣмъ ловить, Господи? Ай мы какіе, конфузился Илюша. Мы рази тоже не понимаемъ?

— И не смѣй ловить! вдругъ подскочилъ прачка, изображая при помощи своихъ, заложенныхъ въ карманы брюкъ, ручонокъ, индѣйскаго пѣтуха. Неподобаетъ! Рабъ неключимый!.. Какъ ты смѣешь, мерзавецъ? Гдѣ ты такой па-алитикѣ научился?

— Ахъ, Петръ Александрычъ! Петръ Александрычъ! добродушно улыбаясь, потрепалъ его Илюша по плечу. Ч-чуденъ ты, Господь съ тобой!

— Я-то? Я чуденъ, Илья! Ты со мной не шути! походкой Цезарей отошелъ величественный прачка отъ шутки будочника.

«Ва-ад-да па-ан-нялла...»

смѣлѣе и смѣлѣе раздавалось въ темномъ углу столяровъ.

— Пра-ас-сти жена ты эфту мою глупость, т. е. къ примѣру, ежели на счотъ любовницевъ, — растягивалъ хозяинъ, — ты мнѣ ее прости, — сейчасъ умереть, потому у насъ съ тобой все за едино!...

— Ды я тебѣ... ды я тебѣ... вскрикнула необыкновенно-весело и необыкновенно игриво Матренушка, взмахиваясь на мужа кулакомъ; ды я тебѣ все...

— Нѣтъ, стой! стой! неожиданно вошелъ въ общую рѣчь заклятый врагъ Петьки Колѣнкина — Марья Петровна. Мужъ! Мироша! Поцѣлуйся съ женой... Ей Богу, смерть люблю!...

— Мож-жна! И что только мнѣ лѣшему въ умъ взошло? Какую мнѣ такую еще барыню нужно? спрашивалъ Миронъ Петровъ, любовно со свѣчей осматривая лице жены и цѣлуя его. Баринъ! А? Гляди-ка: бireж-жливая!.. Я за ней въ приданое деньгами одними четыреста рублевъ получилъ... Ей Богу!

Съ страшнымъ любопытствомъ, какъ будто бы въ первый разъ смотрѣлъ на какой нибудь невиданный предметъ, я взглянулъ на лице Матренушки — и увидалъ въ немъ сразу и рано-умершую мать, и рано-погибшую сестру — и напрасно страдающаго брата...

Лице отца встало тоже въ этотъ моментъ предо мною,— испитое такое лице, болѣзненное... Простонало оно что-то и быстро исчезло, такъ что я не успѣлъ поцѣловать дорогаго образа. Страшно кружилась въ это время голова моя, но я потеръ себѣ лобъ рукою и вспомнилъ, что Матренушка необыкновенно походитъ на гравюру, изображавшую святую великомученицу Варвару, приложенную къ житію ея, по которому я когда-то учился грамотѣ. Такое кроткое, покорное лице изображено было на этой гравюрѣ,—тихое и печальное. Въ книжкѣ святая увѣнчана была вѣнцомъ, блиставшимъ яркими лучами, а въ рукѣ она съ тѣмъ величіемъ, съ какимъ цари носятъ свои скипетры, держала виноградную лозу.

Я хотѣлъ было вскрикнуть:

— Мученица!

Но мой пафосъ былъ разбитъ съ каждой минутой все больше и больше расширявшейся пѣсней столяровъ:

«На ту пору ме еня ма-ать родила...»

Будочникъ-Илюша, пригорюнивши лѣвою рукою свою раскраснѣвшуюся щеку, пустилъ верха поразительно-звонкою фистулою:

«Ах-хъ на тту-у пор-ру разнесча-астна-е...»

Какой-то молоденькій мастеровой, красивый брюнетъ, съ необыкновенно-угрожающимъ лицемъ, до настоящаго времени совсѣмъ непримѣтный, теперь всталъ и покрылъ «Илюшины верха» могучей, словно бы изъ груди медвѣдя вылетѣвшей, октавой.

Взволновалась эта октава, почуявши, что тутъ ея

власть, тутъ ея сила, какъ волны широкой рѣки въ половодье, когда, противъ всякихъ музыкальныхъ правилъ, сочла себя обязанною затянуть слѣдующую строфу пѣсни:

«Р-рр-аз-знис-частну-о...»

— Аххъ! Мма-атть рradила!» подхватилъ своей фистулой Илюша, фистулой, которая очевидно, веселясь и играя, вела за собой тенорные, горловые унисоны трехъ столяровъ...

Звонкій дискантъ, въ красномъ фартукѣ,—немного, кромѣ фартука, видно было еще выпуклое плечо,—перебилъ могущество октавы, и самовольно захватилъ себѣ роль запѣвалы.

«Разнисч-ча-а-стно-е...»

прозвенѣлъ этотъ дискантъ, какъ полевая даль звенитъ въ іюльскую жарынь,—и замеръ, залитый моремъ тѣхъ варьяцій, которыя дѣлалъ Илюша, поглощенный тенорами столяровъ и октавой мальчика съ черными волосами и угрожающимъ личикомъ.

Старушка Марья Петровна тихо всхлипывала, утирая пестрымъ платкомъ свои маленькіе глазки; а прачка-Петруха старался изъ всѣхъ силъ попасть въ стройное согласіе хора уже не своимъ умѣньемъ трубить, а болѣе или менѣе плавнымъ движеніемъ рукъ.

— Под-днесси! кричалъ хозяинъ Матренушкѣ; но лице Матренушки горѣло, какъ раскаленный уголь,—

по немъ ручьями текли какія-то, если можно такъ назвать ихъ, нѣжно улыбавшіяся слезы.

Сидя на стулѣ и согнувъ голову на правое плечо, она, въ свою очередь, отзывалась мужу:

— Ним-магу! Ним-маггу! Ха, ха, ха! Подноси самъ. Я васъ всѣхъ люблю...

— Иванъ Петровичъ! Ну-ко-сь! подмигивалъ мнѣ Миронъ Петровъ на ведерную бутыль, стоявшую въ углу. Подлей-ка, милый человѣкъ, — видишь, баба-то захмѣлѣла. Да и самъ-то я, признаться, не такъ чтобъ... Другому кому этой радости повѣрить никакъ невозможна!...

Въ столяровскомъ углу невѣдомо откуда появилась отдѣльная свѣча. Оттуда уже раздавались удалецкіе «ахи и охи», характеризующіе «*камаринскаго*». Виднѣлся оттуда быстро кружащійся красный фартукъ съ выпуклымъ плечемъ, да ясный и грубо-грозный лобъ, съ котораго, то и дѣло, сбрасывалась черная, какъ вороново крыло, прядь волосъ...

Старушка Марья Петровна все плакала,—и очевидно было, что слезы доставляли ей большое наслажденіе. Матренушка, голову которой въ это время обнималъ мужъ, шептала:

— Да Господь съ тобой!.. Мнѣ что?... Нѣ-ѣтъ! Ты меня прости! Многимъ я тебѣ досаждаю...

Басовитый шепотъ хозяина слышался затѣмъ,—тихій такой шепотъ, изъ котораго ничего нельзя было разобрать...

— Нѣтъ, какъ передъ Господомъ, — какъ будто

рыдала вслѣдъ за этимъ шепотомъ жена, — мнѣ все равно!.. По мнѣ — какъ Господь тебѣ на душу пошлетъ...

Я, дрожавшими руками, наливалъ водку изъ ведерной бутыли въ большой графинъ—и мнѣ, въ это время, казалось, что звонкое булькане переливаемой жидкости есть ничто иное, какъ стеклянныя клавиши, которыя, какъ всякому извѣстно, устроиваются въ садахъ волшебниковъ подъ фонтанами... Фонтанъ, капля за каплей, бросаетъ на стеклянныя клавиши свои свѣтлыя слезы — и клавиши поютъ отъ этихъ слезъ; а тутъ дремлютъ вѣковыя рощи, въ клумбахъ смѣются благоухающія розы, очевидно, невиданныя; волшебныя птицы съ разноцвѣтными крыльями поютъ въ освѣщенномъ солнцемъ саду,—и вотъ, на парѣ бѣлыхъ какъ снѣгъ лебедей, запряженныхъ въ раковину, слетѣла къ фонтану, у котораго, будто бы, я сидѣлъ, задумчиво жалуясь на мою печальную жизнь, волшебница Добрада и сказала мнѣ: Смертный! Ты свободенъ!..

— Што, Миронъ Петровичъ, Илюша здѣсь? разогналъ мои мечтанія торопливый голосъ нѣкоторой усатой личности, облеченной въ пальто полицейскаго солдата.

— А, миленькій, здравствуй! отозвался начинавшій было засыпать Миронъ Петровичъ. Ну-ко-сь!..

— Ты чого? Што тамъ такое? съ неменьшею торопливостью освѣдомлялся Илюша.

— Да што, братецъ ты мой, вѣдь избила меня *моя-*

то! Какъ ты говорилъ, такъ и случилось: слово за слово, рюмка за рюмкой...

— Ну, это не важно суть,—отвѣчалъ Илюша, снова становясь передъ столярами въ позицію хороваго заправлялы.

— Ну-ко-сь! Ну-ко, Митя! Кушо-ко! приставалъ хозяинъ къ усастой личности. Кушо-ко-сь, Митя! Да въ случаѣ чего ежели мы съ супругой что,—мо-о-три!..

— Будьте спокойны!

— Ра-аб-бъ! Сма-атр-ри! приставалъ къ Дмитрію и прачка-Петруха; но на него никто не обращалъ ни малѣйшаго вниманія.

— Какое тамъ ловить? уминая за обѣ щеки пирогъ, спрашивалъ Митрій. Меня-то самого какъ бы... Ей Богу! Насилу убегъ... Вотъ какъ припугнула! Слышь, Илюха: бѣгу я такъ-то отъ моей, а тутъ, на уголку-то, знаешь, около огороду-то? снѣжокъ этими самыми золотарями ссыпанъ, такъ въ снѣгу-то, учитель—пріятель-то твой—съ своей тоже сидитъ — и тутъ у нихъ разговоры... Тутъ разговоры... Я ихъ сюды притащилъ,—надо въ часть, потому, должно полагать, кончинъ балъ!.. Совсѣмъ, должно быть, на счотъ ежели головы закружились...

— Дьяволъ! закричалъ Илюша, моментально отрезвившись. Ты зачѣмъ же ихъ сюда-то тащилъ? Рази не знаешь, какой былъ наказъ на счотъ ихъ?.. Изб-бави Б-боже! Чтобы какъ можно тише... ну ежели, избави Господи!.. И Илюша стремглавъ бросился къ двери.

Вновь пришедшій солдатъ стоялъ выпучивши глаза. Компанство было нарушено.

— Да иди же, иди, — умолялъ Илюша кого-то за дверями. Ид-ди!

— Ни с-мѣю. Тамъ гас-спада!

— Нич-чево! взывалъ Илюша. Не взыщутъ. Што это только ты затѣваешь всегда съ этимъ Митькой, — все бы тебѣ, дьяволу, палкой, а?

— Ни м-магу! Прасти!

— Ид-ди! И въ слѣдъ за тѣмъ въ комнату влетѣла еще молодая, но въ несказанныхъ отрепьяхъ женщина и закричала:

— Это меня, Илюха... Я ни с-сама...

— Мил-лая! Ну-ко-сь! Мы объ васъ довольно даже наслышаны... Давно! подчивалъ ее хозяинъ водкой изъ громаднаго стакана. Нас-слѣ-ѣдникъ!...

— Поздравляю! тянула женщина и свою рѣчь и хозяйскую водку изъ стакана. Ее облѣпили—и красный фартукъ, съ выпуклымъ плечомъ, которое теперь почему-то было еще выпуклѣе, — и грозный лобъ молодаго мастероваго, и много много другихъ личностей, которыхъ настоящія физіономіи до сихъ поръ скрывались въ непроглядной тьмѣ комнатныхъ тумановъ. Изъ суетливой толпы этихъ лицъ слышался шопотъ: да что это, Митюхина, штоль? Митюха! Твоя, штоли?

— М-мая! пугливо отвѣчалъ Митюха. Такая бѣдовая! Сказываю: насилу убегъ...

— Напрасна! Напрасна! Это ты, милая, такъ-то

поступаешь нихрашо, — раздавались укоризненные голоса.

Молодая женщина стояла, какъ пойманный звѣрь, съ безцѣльно-выпученными глазами и какъ-то особенно безсильно опустивъ внизъ свои драчливыя руки... Прачка-Петруха, выразительно-молча, тоже рисовался передъ ней въ своей горделивой позѣ, запрокинувши къ потолку свою головенку и заложивши руки въ штанишки...

Ждалось, что вотъ-вотъ, вмѣсто разудалой пѣсни, Содомомъ и Гоморрой загудитъ сей часъ по всей горницѣ разудалая, смертельная драка...

— Отъ—ттоп-пота ккоп-пыт-тъ—ппыль—ппо-пполю ннес-сется! пробарабанило новое существо, входя въ комнату тѣмъ пьяно-церемоніальнымъ маршемъ, которымъ входятъ на сцену многообразные «Любимы Торцовы», подготавливая этимъ маршемъ эффектное: «Быть, или не быть» Островскаго: «Съ пальцемъ девять, съ огурцомъ пятнадцать».

Вошедшая такимъ манеромъ личность была остаткомъ *добраго, стараго университетскаго времени.* Не было вещи, которой бы этотъ человѣкъ не зналъ: говорилъ онъ чуть ли не на десяти языкахъ, былъ тонкій знатокъ классической музыки, а главное, онъ былъ народникъ, самый экстатическій; и все это въ себѣ онъ понималъ какъ нельзя болѣе хорошо, и все это онъ, съ страшнымъ цинизмомъ, на какихъ-то, для самыхъ близкихъ ему людей, неуловимыхъ основаніяхъ, топталъ въ грязь, заходя, примѣрно, послѣ изящныхъ

обѣдовъ въ кабаки, съ цѣлью выпить на пятачекъ водки и поѣсть печонки.

Когда его спрашивали: отъ чего ты, Алексѣй, ничего не дѣлаешь? онъ обыкновенно, балуясь, отвѣчалъ:

«Дѣвка да чарка сгубили...»

Проговорилъ онъ свою входную фразу съ добродушной улыбкой, которая ясно сказала всѣмъ: ну, ребята, нахлестался я здорово, — взыскивать съ меня теперя нечего...

Изъ за плеча этого человѣка выглядывалъ сладко-улыбавшійся Илюша, за которымъ, въ свою очередь, виднѣлась красивая, съ вздернутымъ, вострымъ носикомъ, женщина, не смотря на зиму, безъ платка на головѣ и въ какой-то ваточной, обтерханной кацавейкѣ.

Илюша съ какою-то таинственною радостью подмигивалъ и подмаргивалъ на вошедшаго гостя всей компаніи, какъ будто давая знать ей, что вотъ, дескать, человѣкъ-то, братцы мои! Вотъ, его-то намъ только и недоставало...

— Илюша! вдругъ обратился новый персонажъ къ будочнику. Ты гдѣ насъ нынѣшнюю ночь пріютишь — безпріютныхъ? А? Вотъ этотъ болванъ-то хотѣлъ въ часть отправлять. Ты этого не дѣлай, потому мы помирились...

— За-ч-чѣмъ намъ дѣлать эфти пустяки, Ликсѣй Иванычъ? запѣлъ Илюша. Переночуете въ будкѣ понича-то; а завтра, Богъ дастъ, насчетъ фатерки похлопочимъ, какъ нибудь... общими силами...

— Такъ, такъ! согласился учитель. Ахъ ты, душа-человѣкъ! говорилъ онъ, обнимая и цѣлуя Илью. Это мы завтрашняго числа съ тобой оборудуемъ въ тонкости.

— Обид-дѣлъ! Обиж-жаютъ! Люди добрые! Обижаютъ меня, — вдругъ завопилъ прачка-Петруха, поникая на столъ оскорбленною головою. Ты что же, Ликсѣй Иванычъ? Ты со мной такъ-то поступаешь? Ты сколько годовъ у меня прожилъ, — перечти? Ну ко-сь? спрашивалъ Петруха, огненно подвигаясь къ нему и принимая свою картинную позу.

— Ахъ, милый! обрадовался учитель. Да я тебя и не примѣтилъ. Почеломкаемся, — и они обнялись. Прачка при этомъ почему-то грустно зарыдалъ.

— Комната эта сам-мая... рыдалъ прачка... твоя-то... не заннята еще... Пустая стоитъ...

— Ликсѣй Иванычъ! А, Ликсѣй Иванычъ! вдругъ явился хозяинъ съ подносомъ. Ну-те-ко, другъ!

— Вотъ это добре! похвалилъ Алексѣй Иванычъ, взявши рюмку съ подноса и пристально въ нее всматриваясь. Это дѣло!

— Ликсѣю Иванычу! Аххъ, Ликсѣй Иванычъ! обступили учителя и трое столяровъ, и красный фартукъ, и молоденькій мастеровой съ вихрами на грозномъ лбу и многія другія лица, трудно примѣчаемыя въ сѣрой мглѣ комнатныхъ тумановъ.

— Гдѣ Матренушка? громыхнулъ учитель, все еще всматриваясь въ рюмку. Матренушка, гдѣ ты? Иди, выпьемъ съ тобой!

Матренушка, при звукахъ этого голоса, живо покинула свою полуспящую позу и тоже бросилась къ учителю, говоря:

— А, золотой! Гдѣ пропадалъ?

— Выпьемъ, другъ сердечный! меланхолически отозвался учитель, одной рукой отставляя въ сторону рюмку, а другой крѣпко обнимая хозяйку и цѣлуя ее,— отъ чего смѣшались слезы, текшія по ихъ заплаканнымъ лицамъ.

— Вотъ это по нашему, похваливалъ хозяинъ. Вотъ это я люблю. Не говоря дурнаго слова, — сейчасъ, хлопъ, чужую жену за шиворотъ, — и ужъ цѣлуетъ. Вотъ такъ-то!..

— Молчи, рабъ неключимый!.. вдругъ воскликнулъ Прачка. Ты не пан-нимаешь... Онъ у меня нонѣ ночуитъ...

Хозяйка и Алексѣй Иванычъ сояли въ это время другъ передъ другомъ съ рюмками въ рукахъ.

— Пей! какъ бы приказывалъ учитель. Я ничего не говорю, — онъ сдѣлалъ при этомъ полуоборотъ къ Илюшѣ, за которымъ скрывалась востроносенькая дѣвица, съ блѣднымъ лицемъ, безъ платка на головѣ и въ ваточной кацавейкѣ. Такъ и ты пей—и не толкуй! Понимаешь?

— Ды, Ликсѣй Иванычъ! заговорила съ плачемъ хозяйка. Ды ужъ, кажется, я ему... Кажется, что ни въ чемъ...

— П-пей!.. Илюня! Пропусти-ка Грушу-то къ намъ. Иди,—погрѣйся ступай.

Груша, какъ бы простреленная глазами всей компаніи, шатаясь и опустивши голову, подошла къ хозяйкѣ, которая съ громкимъ плачемъ принялась цѣловать ее и приговаривать что-то такое о горькихъ участяхъ, о погибшихъ головушкахъ...

— Ну-те-кось! подскочилъ къ Грушѣ хозяинъ съ своимъ подносомъ. Ну-те-ко! Плакать-то подождите. Еще наплачетесь.

— Наплакаться всегда можно! согласнымъ хоромъ вторили гости.

Происходило что-то странное въ этомъ, недавно еще такъ дико бушевавшемъ обществѣ. На столько деликатно, на сколько можно было, всѣ эти люди старались не смотрѣть въ опущенные глаза Груши, и только одна хозяйка крѣпко прижала ее лице къ своей груди — и плакала. Тихій, всепрощающій ангелъ, очевидно, распростерся надъ этими двумя головами. Было тихое, тихое молчаніе, сквозь которое изрѣдка пробивался чей нибудь шопотъ, не только что не нарушавшій этого молчанія, а какъ бы еще болѣе увеличивавшій его...

Учитель, между тѣмъ, увидалъ меня и подошелъ ко мнѣ.

— Ты тоже здѣсь? спрашивалъ онъ меня.

— Какъ видишь? Ты гдѣ пропадалъ?

— Какъ гдѣ пропадалъ? Будто незнаешь? съ унылымъ сарказмомъ спрашивалъ онъ. Хотѣлъ было въ пріятномъ мѣстѣ, *не трое, а хоть бы одни сѣни* выстроить...

— Ну и выстроилъ?

— Выстроилъ... Ты что думаешь обо всей этой исторіи?

— Да ничего не думаю. Вѣдь ты помирился... Опять, не буду же я тебѣ въ пятисотый разъ, да къ тому же и здѣсь, развивать мои теоріи относительно свободной воли и т. д. и т. д.

— Дуракъ ты, мой милый — почествовалъ меня учитель.

— Это я и безъ тебя знаю.

Намъ съ нимъ не о чемъ было больше растолковывать. Онъ мнѣ, и я ему давно уже были уяснены до конца концовъ.

— Ну-те-ка-сь! перебилъ нашу бесѣду хозяинъ. Будетъ раздобары-то раздобарывать.

— Аххъ, Мироша! заговорилъ учитель, выпивши рюмку. Гдѣ бы это гитару намъ теперь раздобыть? А?

— Гитару? Господи! Да, въ одинъ секунтъ... Дядя Микитъ! Бѣжи на верхъ къ приказному. Въ гости отъ меня проси. Скажи, чтобы, молъ, безпремѣнно съ гитарой.

Скоро пришла гитара вмѣстѣ съ приказнымъ, одѣтымъ въ истертый халатъ. Вручивши гитару учителю и выпивши сразу по третьей, приказный и прачка Петруха принялись другъ друга учить политикѣ и щеголять горделивыми позами.

Скоро мастерскія, а главное, близкія всѣмъ гостямъ, рулады учителя оковали вниманіе общества. Онъ, то подъ непостижимо-бойкій и умный переборъ *барыни*, громкимъ, какъ бы командующимъ голосомъ, вызывалъ

плясать красный фартукъ съ молодымъ мастеровымъ; то вмѣстѣ съ красный фартукомъ, или, лучше сказать, со звонкимъ дискантомъ краснаго фартука, соединялъ горловой теноръ дяди Микиты.

Старушка, Марья Петровна, оказавшаяся старовѣркой, вспомнила съ учителемъ свою далекую молодость, спѣвши съ нимъ и съ его гитарой: «Я птичкой быть желаю» и «Незабудочка цвѣточикъ».

Съ раскраснѣвшимися маленькими щечками, старушка лезла къ учителю цѣловаться и тономъ трагической актрисы кричала ему:

— Прости, прости! Слышь ты, голубь, прости! Понимаешь?

— До слова понимаю, Марья Петровна!... экстатическимъ крикомъ отзывался учитель, не переставая импровизировать на гитарѣ. До слова понимаю, другъ ты мой великій...

— Ну, а коль понимаешь,—кричала старуха,—чего же не дѣлаешь? Сынъ! Сыночекъ мой! Милый! Чего же не сдѣлаешь? Сынокъ мой! Сдѣлай! Я тебѣ за это сейчасъ ручки поцѣлую,—въ ножки тебѣ, сынокъ, поклонюсь. Сдѣлай! Видишь—стыдится...

Старуха упала въ ноги учителю, и, дѣйствительно, принялась цѣловать его руки.

— Спасибо тебѣ, старый человѣкъ! тоже плача обнималъ ее учитель. Надоумила ты меня,—будь же ты благословенна изъ всѣхъ тѣхъ женъ, какихъ только я знаю...

Бойкой такой, маленькой, пружинкой вскочила вдругъ

съ пола старушка, Марья Петровна, бросилась къ Грушѣ и къ хозяйкѣ, которыя все еще продолжали сидѣть обнявшись, схватила ихъ своими костлявыми рученками, подтащила къ учителю,—и тогда всѣ эти четыре головы обнялись крѣпко и горько заплакали...

Тишина стояла въ комнатѣ поражающая. Приказный съ прачкой-Петрухой, продолжая свой споръ, кинули было нѣсколько словъ; но ихъ сейчасъ же остановили дружные, хотя и тихіе голоса.

— Тише вы, черти!

Оба спорщика, въ ладъ всей комнатѣ, замолчали— и только одинъ несмысль-наслѣдникъ, на самой срединѣ горницы, заливался радостнымъ дѣтскимъ смѣхомъ и безуспѣшно старался подняться на невыносливыя ножки.

Что до меня, я, лежа на сундукѣ, съ разымающими слезами, завидовалъ и этимъ взрослымъ людямъ, такъ искренно простившимъ другъ друга, и этому ребенку, такъ искренно радовавшемуся,—завидовалъ и, въ тоже время, желалъ имъ всякаго счастія...

— Раститеся, множитеся и наполняйте землю,—невольно шевелилось на моихъ губахъ; а сердце такъ и подталкивало меня сбросить съ себя тулупъ, подбѣжать къ плакавшей группѣ, обняться съ ней вмѣстѣ и плакать; но я чувствовалъ, что въ головѣ моей сидѣлъ кто-то, съ гордымъ, одутло-насмѣшливымъ лицомъ, и говорилъ мнѣ:

— Ты куда? Зачѣмъ тебѣ къ нимъ? Ты ни любить

такъ неумѣешь какъ они, ни прощать... Лежи,—тебѣ и плакать-то стыдно!..

Я еще крѣпче завернулъ въ тулупъ голову, потому что, дѣйствительно, стыдился моихъ слезъ, которыя совсѣмъ было задушили меня...

— Ну, ежели такъ, такъ Господь съ вами, счастливые люди! пробормоталъ я—и уснулъ въ какой-то отчаянной тоскѣ по комъ-то и по чемъ-то...

Всю ночь снилось мнѣ *обѣщанное царство благодати*, тихое царство, безъ слезъ и скорбей, разрушающихъ жизнь. Я былъ бы совершенно счастливъ, еслибы мой проклятый мозгъ не имѣлъ обыкновенія, даже и во снѣ, выпрядать какія-то, отвратительно шероховатыя нити, отъ щупанья которыхъ все существо мое нервно вздрагивало, и, противъ воли, озлобляясь, говорило:

— Но, вѣдь, я сплю... Вотъ и тулупъ, которымъ я накрытъ,—*слѣдовательно*, все это я вижу во снѣ..

Это *слѣдовательно* губитъ и сны и дѣйствительность...

Сѣрое утро било въ окна, когда я, почему-то, необыкновенно-испуганно, выглянулъ однимъ глазомъ изъ подъ тулупа, покрывавшаго меня. За стѣной шипѣла пила.

Удары тяжелаго молота обо что-то желѣзное невыносимо больно терзали мой слухъ, топилась маленькая желѣзная печь, наполнявшая комнату удушливымъ жаромъ. Красные уголья, которые виднѣлись въ ней,

явственно изображали до нельзя насмѣшливыя надъ кѣмъ-то улыбки...

Освоиваясь постепенно съ предметами, обстанавливавшими меня, я увидалъ, наконецъ, наслѣдника, который, какъ и вчера, ползалъ по грязному полу, силясь приподняться на тонкія ножки, весело посмѣиваясь и агукая большую, черную кошку, пріютившуюся съ своимъ задумчивымъ мурлыканьемъ около печки.

— Да потише ты,—слышался тихій, упрашивающій шопотъ Мирона Петрова,—потише. Ну, что хорошаго? Вотъ, Иванъ Петровичъ проснется, — въ кои то вѣки забрелъ, ни хр-рашо!..

— Да! Мало шаромыгъ-то по улицамъ шляется,— запальчиво отвѣчала Матренушка. Ты ихъ всѣхъ собери-поди. Все веселѣй будетъ... Тебѣ съ женой-то, ровно бы съ бѣсомъ, противно сидѣть... Такъ ты собери ихъ побольше, да и цѣлуйся съ ними.

— Ни храшо!... усовѣщевалъ Миронъ Петровичъ.

— Да чего хорошаго? больше и больше впадала во вкусъ злая жена. Я тебѣ не запрещаю. Я прямо говорю: поди и цѣлуйся. А мнѣ сокращать себя не изъ за чего... Довольно, кажется, отъ меня всего получено: и деньги мои, и забота моя...

— Ахъ, Царь мой Небесный! сокрушенно прошепталъ хозяинъ!

Наслѣдникъ, я видѣлъ, подползъ въ это время къ хозяину и забормоталъ ему на своемъ таинственномъ языкѣ что-то невыразимо-ласковое и смѣшливое.

— Да нну тебя! Отвяжись, Христа ради! Дядющ-

ка-Микитъ! закричалъ Миронъ за стѣну. Подь-ко! Ну-ко-ся!..

— Такъ, такъ! заговорила жена съ злою улыбкою. Эфто я давно знала. Еще можетъ третьеводни знала...

— Ну, знай! огрызнулся Миронъ Петровъ, отсчитывая дядѣ Микитѣ деньги и снабжая его зеленымъ полуштофомъ.

Съ какою-то конфузливой, но старавшейся быть бойкою юркостью, подскочилъ ко мнѣ Миронъ Петровъ и шутливо заговорилъ:

— Вставайте-ка, Иванъ Петровичъ! Бабы насъ пивкомъ угостятъ, пирожка испекутъ...

— Да, какъ же! шептала Матренушка. Теперь всего для васъ припасли...

Марья Петровна, дуя въ чайное блюдечко, сдержанно хихикала при этихъ словахъ хозяйки.

Дядя Микитъ, живымъ манеромъ, оборудовавшій полуштофъ, теперь съ неменьшимъ хозяйскаго конфузомъ, мялся въ дверяхъ, потому что хозяйка, непримѣтно ни для кого, кромѣ меня, однимъ глазомъ выглядывавшаго изъ подъ тулупа, злобно погрозила ему маленькимъ кулачишкомъ.

— Што мнешься-то, ровно бѣсъ передъ заутреней? закричалъ на него хозяинъ, очевидно, понимавшій въ чемъ тутъ штука. Иди! Кого ты долженъ слушаться здѣсь: меня, аль кого другаго?

— Ну да, какъ же! Извѣстно тебя.. шепчетъ Матренушка. Дядя Микитъ послушно звякнулъ полуштофомъ объ столъ.

— Ну-ко съ Микитушка, спроворь тамъ что нибудь, по малости, на закуску, приказывалъ хозяинъ, суетливо откупоривая посудину.

— Ну да вѣдь каже? хихикаютъ Матренушка и Марья Петровна. Тамъ ефтой закуски въ волю...

Дядя Микитъ, пошаривши въ кухнѣ нѣкоторое непродолжительное время, возвратился оттуда съ твердымъ убѣжденіемъ, что закуски тамъ не только нѣтъ въ настоящее время, но даже, какъ будто, никогда не бывало и никогда не будетъ.

Хихиканье чаепійцъ раздалося еще громче; а Миронъ Петровъ, недослушавъ его конца, накинулъ на себя тулупъ и стремглавъ побѣжалъ въ неизвѣстное мѣсто, изъ котораго скоро вернулся съ двухфунтовою колбасою въ рукахъ, радостный и торжествующій.

— Иванъ Петровичъ! Ну-те-ко-сь! Теперича это ничево... На похмѣлье-то... подчивалъ онъ меня, огорошивши передъ этимъ самъ большой стаканъ водки.

— Вотъ такъ-то! привѣтствовало эту выпиванцію, вмѣсто вчерашней прачкиной трубы, злое шептанье Матренушки. Я такъ и знала.

И знай,—отвѣтилъ хозяинъ. Иванъ Петровичъ! Ну-те-ко-сь! Поднимайтесь. На нихъ глядѣть-то, вѣрно, не чего...

Я поднялся и выпилъ.

— Ну-ка чайку намъ — приказалъ кому-то уже съ сурьезомъ Миронъ Петровъ; но кто то, сидѣвшій около по змѣиному шипѣвшаго самовара, тоже съ сурьезомъ отвѣтилъ ему шепотомъ:

— Руки-то, поди, не отсохли еще? Самъ нальешь... Еще вѣдь не натрескался.

— Ну-ну,—пробасилъ хозяинъ, — разговаривай по субботамъ!

Послѣ этого, какъ говорятъ историки, достопамятнаго изрѣченія, предъ нами очутился вчерашній фатальный подносъ съ двумя стаканами чая.

— Такъ-то лучше! пробормоталъ Миронъ Петровъ, съ какою-то хитрой улыбкой, свое хозяйское слово. У меня вѣдь такъ, такъ; а нѣтъ, такъ вѣдь... знаешь какъ?

— Знаю, злод-дѣй! завопила Матренушка. Муч-читель, з-знаю!

— Нну и молчи, — выходитъ дѣло... Значитъ, теперича и помалкивай. Это я тебѣ, какъ передъ Господомъ, говорю; потому, за-прасно нелайся. Я тебя не трогалъ.

Прачка Петруха выбѣжалъ къ намъ въ это время, необыкновенно испуганный, и закричалъ:

— Иванъ Петровичъ! Поднимись къ намъ, сударь, ради Христа. У меня тамъ какъ есть Пугачъ поднялся... Бунтъ — одно слово!... И што это у нихъ только за политика такая?..

— Ну-ко-сь, Петруша! Ну-ка!

— Да ужъ мнѣ не до эфтого!... почти плакалъ прачка. Меня всево. можетъ, сестры, какъ собаки какія бѣшенныя, изгрызли.

— О! Ну ихъ къ Богу въ рай, — толковалъ хозяинъ. Нука, Пѣтушокъ! Кушако-сь!

Мы поднялись на верхъ на прачкину квартиру, и тамъ сразу осадилъ насъ частый бабій гомонъ, словно бы торговала и кипѣла тамъ какая нибудь десятитысячная уѣздная ярмарка, съ своими многочисленными горланящими кабаками, кричащими паяцами, ревущими коровами, гулко громыхающими телѣгами и т. д. и т. д.

— Варваръ! Варваръ! неистовымъ голосомъ взывала вчерашняя востроносая дѣвица. Вѣдь ты жисть мою загубилъ! Что же ты молчишь-то, Иродъ? Аспидъ! Ты что же молчишь-то?

Намъ еще не видать было говорящаго лица, но тѣмъ не менѣе, слишкомъ замѣтно было, что слова эти вмѣстѣ съ кулаками такъ и стремились къ лицу того субъекта, къ которому были обращены.

Прежде всего, на верху насъ встрѣтила сестра Петруши, высокая, грудастая прачка, съ носорожьимъ лицомъ и коровьимъ голосомъ, по ремеслу которой мой политичный компаньонъ и назывался, по общему голосу всей дѣвственной улицы, прачкой-Петрухой.

— Гони! Сичасъ ты у меня ихъ въ три жилы гони! Слышь? въ буквальномъ смыслѣ заревѣла она на брата.

— Ни хр-рошо! Добрыхъ людей постыдись! отвѣчалъ братъ; но сестрица была вовсе не такого сорта, который могъ бы, въ нѣкоторомъ смыслѣ, полинять отъ взоровъ добрыхъ людей.

— Извольте, сударь — Иванъ Петровичъ, — обратилась она ко мнѣ, — вашего товарища совсѣмъ и съ

паскудницей его взять отъ насъ куда вамъ угодно. Довольно даже мы отъ нихъ натерпѣлись...

— Напотѣлась ты отъ ихъ чаевъ съ вареньями, а не натерпѣлась — вдругъ воскликнулъ Петруха, съ блистательной вальяжностью закидывая въ штанишки ручонки и запрокидывая голову къ грязному потолку.

— Ах-хъ т-ты паршивый! удивилась сестра этой оппозиціи, никакъ не подозрѣвая, по случаю ранняго времени, что Петруша успѣлъ уже садануть у Мирона Петрова стакашекъ, вызывавшій обыкновенно съ его стороны подобные протесты. Да ты что же это выдумалъ, паскуда ты эдакая? А?

— Молчать! загремѣлъ прачка. Мер-рзавецъ! Молчать! Гдѣ ты такой палитикѣ научился? А!

— Погоди, паршивецъ! какъ сбѣсившаяся кошка, металась изъ стороны въ сторону сестрица, наиприлежнѣйшимъ манеромъ отыскивая что нибудь по своей могучей рукѣ, чѣмъ бы можно было, какъ можно изящнѣе, ошарашить по головѣ дорогаго братца. Погоди! Погоди! Я тебѣ вотъ покажу палитику!..

— Мол-лч-ча-ать, тварь необузданная! азарничалъ Петруша, вельможно притопывая дырявыми сапожонками. Тв-а-арръ! Не смѣть выгонять учителя, — потому что я здѣсь хозяинъ. Прач-чка т-ты под-длая! Ты кто? Ты прачка; а я, по крайности, образованный человѣкъ... Ма-ал-лчать!..

— Погоди, па-аг-гади! шептала сестрица. Я вотъ тебѣ покажу, какой ты такой есть хозяинъ...

Но я, недождавшись этихъ показовъ, благополучно проюркнулъ въ комнату, занятую учителемъ.

Здѣсь на первомъ планѣ, опершись локтями объ столъ, сидѣлъ самъ учитель,—передъ нимъ, чахоточно задыхаясь, стояла, сжатыми кулаками, востроносая дѣвица и орала:

— А, подлецъ! Заступатьтся за себя привелъ? Заступаться? Хыр-рошо! Не трогъ заступаются...

Говоря это, дѣвица смѣялась какимъ-то глупо-мошенническимъ смѣхомъ.

Я не ждалъ отъ нея такой прыти.

— Послушайте, Груша! Что же это вы дѣлаете? заговорилъ, было, я...

— Ударь! Ударь! перебила она мою рѣчь. Нѣтъ, нынѣ вашего брата за это... знаешь куда? Къ козѣ на пчельникъ... ха, ха, ха!..

Учитель какъ то особенно-тяжело приподнялъ со стола голову, взглянулъ на меня, уныло и апатически улыбаясь, и, будто сквозь сонъ, проговорилъ:

— Видишь? Пойдемъ!..

Мы пошли—и цѣлый адъ закипѣлъ въ домѣ, гладко-выструганныя стѣны котораго вчера еще такъ славно блестѣли на морозномъ полуночномъ фонѣ, смягчая его угрюмую, сѣрую безжизненность своей ярко зеленою крышей и пугливо, но отрадно мелькавшими изъ оконъ огоньками.

Схвативши подъ руку совсѣмъ ошалѣлаго учителя, я торопливо побѣжалъ по дѣвственной улицѣ. На ней, во вчерашнемъ сугробѣ, въ томъ самомъ, въ кото-

ромъ такъ благодушно прошлою ночью играли Миронъ Петровичъ съ будочникомъ Илюшей, теперь раздавались какіе то непередаваемые крики, подымались и опускались толстыя палки, показывались — то дюжій кулакъ дяди Микиты, то избитое лицо Мирона Петрова, то сѣденькая головенка прачки-Петрухи, то вдругъ краснѣлся, взвиваемый вѣтромъ, красный фартукъ, то грозный лобъ съ черною прядью волосъ, нетерпѣливо отбрасываемой въ сторону сильной рукою...

Батюшки! Кр-раулъ! Кр-раулъ!... разносило по улицѣ двадцать голосовъ. Неистово скача около бѣсновавшейся группы и гремя звонкими цѣпями, вторили этимъ голосамъ громадныя собаки, собранныя кутерьмой въ одну кучу изовсѣхъ домовъ.

— Что теперь станешь съ ними дѣлать? въ тяжеломъ раздумьи спрашивали другъ у друга оба будочника, стоя надъ кучей. Брать бы, по настоящему, надо, да жаль—люди то хорошіе больно...

Квартальный поручикъ, объѣзжая свой участокъ, закричалъ было стражамъ роковое «взять»; но стражи, подбѣжавши къ нему, съ почтительными улыбками, донесли ему:

— Никакъ невозмож-жно, ваше благородіе! Больно люди-то милые! Все здѣшніе обыватели...

— О ч-чор-ртъ!... пробормоталъ поручикъ и махнулъ рукою. Лихая пара бойко подхватила его щегольскія санки — и только и видно было, какъ засеребрился.

«Морозной пылью
Его бобровый воротникъ.»

Весь этотъ день мы крутились съ учителемъ по разнымъ развлекающимъ заведеніямъ. Мрачно уставя глаза въ стаканъ, онъ часто спрашивалъ меня:

— Такъ ты говоришь,—все это вздоръ! А?

Я молчалъ.

— Ну скажи же что нибудь? Ты думаешь: я пьянъ! Нѣтъ? Я вѣдь все помню. Ты сказалъ именно: неотразимый вздоръ... Такъ вѣдь, а?

— Ну и сказалъ! Отвяжись.

— Во что же я вѣрилъ? Боже мой! Во что же я вѣрилъ? Вѣдь это именно такое слово тутъ должно стоять: неотразимый вздоръ... Чортъ знаетъ, какъ это я не догадался прежде? Во что я вѣрилъ? Ну-ка, налей!..

Я наливалъ—онъ пилъ и скрежеталъ зубами, обращая тѣмъ на себя общее вниманіе кабацкаго человѣчества; а между тѣмъ на дворѣ стояла тихая, первозимняя ночь. Съ неба, граціозно волновавшимися пушинками, летѣлъ мягкій снѣгъ; а мѣсяцъ, словно красавица изъ подъ вуали, такъ привѣтливо всматривался въ далекую отъ него землю...

Всю душу измучила мнѣ сложенная мною въ эту ночь какая-то, рѣшительно новая, нигдѣ не слышанная и нечитанная мною молитва, съ которою я обращался къ небу этого вечера. Зажигала она сердце мое несказаннымъ жаромъ любви къ природѣ и людямъ; но, тѣмъ не менѣе, когда я мысленно произносилъ ее, это прекрасное, всегда утѣшающее меня небо, принимало въ моихъ глазахъ какой-то холодный, исполнен-

ный неумолимой, но прекрасно-величавой мудрости, образъ, который, будто бы, отвернувшись отъ меня, на отрѣзъ говорилъ мнѣ:

— О чемъ ты просишь? Молчи—и иди!..

И я шелъ... я шелъ; но съ каждымъ шагомъ становилось бремя мое тяжелѣе и тяжелѣе—и всю человѣческую, такъ долго и страстно горѣвшую и страдавшую кровь мою, охватило непреодолимое желаніе—спать, спать и спать...